

Том 19, № 1, 2026 год

Экономика. Налоги. Право

Vol. 19, No. 1, 2026

Ekonomika. Nalogi. Pravo

[Economics, taxes & law]

Экономика. Налоги. Право

Научно-практический журнал

Том 19, № 1, 2026

Издается с 2007 года

Периодичность: 6 раз в год

ISSN 1999-849X (Print)

ISSN 2619-1474 (Online)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России»: 81303**Свидетельство о регистрации:**

ПИ № ФС77-67075 от 15 сентября 2016 г.

Учредитель и издатель:

Финансовый университет
при Правительстве Российской
Федерации, 125167, Российская
Федерация, Москва, Ленинградский
проспект, 49
8(499) 553-10-71
vashadrin@fa.ru
etl.fa.ru

«Экономика. Налоги. Право» –
рецензируемый научно-практический
журнал, на страницах которого
публикуются оригинальные научные
статьи, обзоры, аналитические
материалы по актуальным вопросам
права, налогов и налогообложения,
мировой, региональной и отраслевой
экономики, государственного
и муниципального управления,
финансовой и инвестиционной
политики, менеджмента.

Журнал «Экономика. Налоги. Право»
индексируется в базах данных: Ebsco,
RePec, eLibrary.ru, Russian Index
of Science Citation

Специальности ВАК:

- 5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки
- 5.2.3. Региональная и отраслевая
экономика (экономические науки)
- 5.2.4. Финансы (экономические науки)
- 5.2.5. Мировая экономика
(экономические науки)
- 5.2.6. Менеджмент (экономические
науки)
- 5.2.7. Государственное и муниципальное
управление (экономические науки)

Главный редактор: Гончаренко Л.И.**Выпускающий редактор:** Шадрин В.А.**Переводчик:** Пунтус Н.А.**Корректор:** Колобова Н.В.**Верстальщик:** Ветров С.М.

Подписано в печать: 24.02.2026

Дата выхода в свет: 24.03.2026

Заказ № 26-958

Отпечатано в ООО «Коми
Республиканская типография»,
г. Сыктывкар, ул. Савина, д. 81

© Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГОНЧАРЕНКО Л.И., доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры налогов и налогового администрирования, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, Заслуженный
работник высшей школы РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АБРАМОВА М.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского
дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, Москва, Российская Федерация

АДВОКАТОВА А.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры налогов и налогового
администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация

БЕРНС У., доктор права, профессор школы имени Томаса Джефферсона, Сан-Диего, США

ВИНИЦКИЙ Д.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового
права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

ВИШНЕВСКИЙ В. П., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
отдела финансово-экономических исследований ГБУ «Институт экономических исследований»,
Член Координационного совета ЮАНО РАН, Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская
Федерация

ГОЛОВНЕНКОВ П.В., доктор права, главный научный сотрудник Потсдамского университета,
Потсдам, Германия

ЕВЛАХОВА Ю.С., доктор экономических наук, доцент кафедры финансового мониторинга
и финансовых рынков РГЭУ (РИНХ), тьютор магистерской программы «Финансовый мониторинг
и финансовые рынки», Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ИВАНОВА Н.Г., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская
Федерация

ИВАНОВ Ю.Б., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе
Научно-исследовательского центра индустриальных проблем развития НАН Украины, Харьков, Украина

КИРЕЕВА Е.Ф., доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный
экономический университет, Минск, Республика Беларусь

КРАСЮКОВА Н.Л., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Государственное
и муниципальное управление», Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, Москва, Российская Федерация

КУНИЦЫНА Н.Н., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов
и кредита, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

ЛАПИНА М.А., доктор юридических наук, профессор кафедры международного и публичного
права, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская
Федерация

МАЙБУРОВ И.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового
и налогового менеджмента Уральского федерального университета, главный научный сотрудник
кафедры «Финансы и кредит» Дальневосточного федерального университета, Екатеринбург,
Владивосток, Российская Федерация

МЕЛЬНИЧУК М.В., доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ПАНСКОВ В.Г., доктор экономических наук, профессор кафедры налогов и налогового
администрирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация

ПИНСКАЯ М.Р., доктор экономических наук, руководитель Центра налоговой политики Научно-
исследовательского финансового института Минфина России, Москва, Российская Федерация

ПОГОРЛЕЦКИЙ А.И., доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

ПОНОМАРЕНКО Е.В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой
политической экономики, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

ПОПОВА А.В., доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры
международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, Москва, Российская Федерация

РОЩУПКИНА В.В., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Налоговая политика
и таможенное дело», Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

РУЧКИНА Г.Ф., доктор юридических наук, декан юридического факультета, профессор
кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

СОЛЯНИКОВА С.П., кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ХЕЛЛЬМАНН У., доктор права, заведующий кафедрой уголовного права и экономических
преступлений Потсдамского университета, Потсдам, Германия

ЧЕРНИК Д.Г., доктор экономических наук, профессор, президент Палаты налоговых консультантов,
Российская Федерация

EDITOR-IN-CHIEF

GONCHARENKO L.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Scientific Head of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

EDITORIAL STAFF

ABRAMOVA M.A., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ADVOKATOVA A.S., Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

BYRNES W., Dr. Sci. (Law), Professor of the Thomas Jefferson School, San Diego, USA

VINNITSKY D.V., Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law, The Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation

VISHNEVSKY V.P., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher of the Department of Financial and Economic Research at the Institute of Economic Research, Member of the Coordination Council of the South-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation

GOLOVNEKOV P.V., Dr. Sci. (Law), Senior Research Fellow of the University of Potsdam, Germany

EVLAKHOVA YU.S., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Financial Monitoring and Financial Markets Chair, Tutor of the Master's programme "Financial monitoring and financial markets", Rostov State University of Economics, Rostov, Russian Federation

IVANOVA N.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, professor of the Department of Finance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

IVANOV YU.B., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director for Research, R&D Center for industrial development, National Academy of Science of Ukraine, Kharkiv, Ukraine

KIREEVA E.F., Doctor of Economics, Professor, Belarusian State University of Economics, Minsk, Republic of Belarus

KRASUYKOVA N.L., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

KUNITSYNA N.N., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Credit Department, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

LAPINA M.A., Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

MAYBUROV I.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Tax Management Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Senior Researcher of the Finance & Credit Chair, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

MELNICHUK M.V., Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Pedagogy), Head of the Department of English and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

PANSKOV V.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

PINSKAYA M.R., Dr. Sci. (Econ.), Head of the Center for Tax Policy of the Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

POGORLETSKIY A.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, the Department World Economy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

PONOMARENKO E.V., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Political Economics Department, Russian University of Peoples' Friendship, Russian Federation

POPOVA A.V., Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ROSCHUPKINA V.V., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Tax Policy & Customs Department, the North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

RUCHKINA G.F., Dr. Sci. (Law), Dean of the Faculty of Law, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

SOLYANNIKOVA S.P., Cand. (Econ.), Associate Professor, Vice-rector for scientific work, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

HELLMANN U., Dr. Sci. (Law), Head of the Criminal Law & Economic Crime Chair, University of Potsdam, Germany

CHERNIK D.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, President of the Chamber of Tax Consultants, Moscow, Russian Federation

Economics, Taxes & Law

Scientific and Practical Journal

Volume 19, No. 1, 2026

Published Since 2007

Publication Frequency: 6 times a year

ISSN 1999-849X (Print)

ISSN 2619-1474 (Online)

Founder and Publisher: Financial

University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation

8(499) 553-10-71

vashadrin@fa.ru

etl.fa.ru

Aims and Scope: Economics, Taxes

& Law is a peer reviewed academic

journal that publishes original research,

reviews, and analytics on law, taxes,

global and regional economics,

public administration, financial policy,

and management.

The journal Finance:

Economics, Taxes & Law is indexed

in the following databases: Ebsco, RePEc,

eLibrary.ru, Russian Index of Science

Citation

Editor-in-chief: Goncharenko L.I.

Senior editor: Shadrin V.A.

Translator: Puntus N.A.

Proofreader: Kolobova N.V.

Design and layout: Vetrov S.M.

Passed for printing: 24.02.2026

Issue Date: 24.03.2026

Order № 26-958

Printed in Komi Republican Printing House LLC, Syktyvkar, Savina St. 81

© Financial University under the Government of the Russian Federation

ТЕМА НОМЕРА

М.А. Абрамова, В.Ю. Диденко, С.Е. Дубова, Е.И. Дюдинова, Е.С. Зеленева, О.В. Луняков

Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2026–2028 гг.: мнение экспертов Финансового университета. 6

Е.Н. Алифанова, К.В. Криничанский, Т.В. Маняхин, С.А. Переход, Б.Б. Рубцов, П.Ю. Соловьев

Об основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2026–2028 гг.: мнение экспертов Финансового университета. 26

М.Л. Васюнина, С.Е. Демидова, Ю.Г. Тюрина

Бюджетная политика России: современные приоритеты и инструменты 40

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Н.С. Шмиголь

Финансовое обеспечение национальных проектов технологического лидерства в программно-проектном управлении расходами федерального бюджета 55

О.В. Лосева

Экономика цифровых интеллектуальных активов компании: сущность, виды, оценка стоимости и способы коммерциализации. 69

А.С. Юхно

Управление децентрализованными автономными организациями в условиях цифровизации 79

К.В. Харченко

Перспективы экосистемного развития промышленных кластеров 89

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

И.Ю. Арлашкин, И.А. Соколов

Контролировать или стимулировать? Новые подходы к оценке качества управления региональными финансами 100

И.Ю. Новоселова, А.Л. Новоселов

Программные проекты экономического развития региона: оценка их приоритетности и моделирование последовательности их реализации 114

Н.П. Молчанова

Региональная экономическая политика: актуальные вопросы формирования и реализации. 125

М.Л. Дорофеев

Парадокс снижения абсолютной бедности при росте доходного неравенства в российских регионах: оценка эффективности финансово-инвестиционных моделей социального обеспечения 136

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Л.И. Гончаренко, А.С. Адвокатова

Основные направления налоговой политики на 2026–2028 гг.: новые тренды и меры реализации национальных целей 154

А.М. Солежзода

Интеграция цифровых технологий в систему налогового контроля в контексте обеспечения согласованности с принципами налоговой политики 170

TOPIC OF THE ISSUE*M.A. Abramova, V. Yu. Didenko, S.E. Dubova, E.I. Dyudikova, E.S. Zeleneva, O.V. Lunyakov***On Guidelines for the Single State Monetary Policy for 2026–2028: The Financial University Experts' Opinion 6***E.N. Alifanova, K.V. Krinichanskiy, T.V. Manyakhin, S.A. Perekhod, B.B. Rubtsov, P. Yu. Soloviev***On Guidelines for the Financial Market Growth of the Russian Federation for 2026–2028:****The Financial University Experts' Opinion 26***M.L. Vasyunina, S.E. Demidova, Yu.G. Tyurina***Russia's Budget Policy: Present Priorities and Implements 40****ECONOMICS AND MANAGAMENT***N.S. Shmigol***Financial Aid for National Tech Leadership Projects via Program-Project Management of Federal Budget Outlays . . . 55***O.V. Loseva***The Economics of a Company's Digital Intellectual Assets: Essence, Types, Valuation****and Commercialization Methods. 69***A.S. Yukhno***Management of Decentralized Autonomous Organizations in the Digitalization Setting 79***K.V. Kharchenko***Prospects for the Ecosystem Development of Industrial Clusters 89****REGIONAL ECONOMY***I. Yu. Arlashkin, I.A. Sokolov***Control or Incentive? New Ways of Evaluating Regional Financial Management Quality 100***I. Yu. Novoselova, A.L. Novoselov***Program Drafts for Regional Economic Development: Assessing Their Priority and Modeling the Sequence****of Their Implementation 114***N.P. Molchanova***Regional Economic Policy: Actual Issues of Establishment and Implementation. 125***M.L. Dorofeev***The Paradox of Decreasing Absolute Poverty Despite Growing Income Inequality in Russian Regions:****An Evaluation of the Efficiency of Financial-Investment Models for Social Security. 136****TAXES AND TAXATION***L.I. Goncharenko, A.S. Advokatova***Tax Policy' 2026–2028: New Trends and Measures for National Goals Accomplishment. 154***A.M. Solehzoda***Digital Tech Integration into the Tax Control System While Maintaining Consistency****with the Tax Policy Principles 170**

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-6-25

УДК 330.34(045)

JEL E5, E6, G21

Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2026–2028 гг.: мнение экспертов Финансового университета

М.А. Абрамова, В.Ю. Диденко, С.Е. Дубова, Е.И. Дюдикова, Е.С. Зеленева, О.В. Луняков

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — цели, меры и инструменты, макроэкономические последствия единой государственной денежно-кредитной политики (ДКП) в России в 2026–2028 гг., подходы Банка России к проведению денежно-кредитной политики, оценке текущего состояния экономики и прогнозам ее развития в среднесрочной перспективе. **Цель** работы — на основе экспертизы и анализа «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов»* выявить особенности и проблемы формирования и реализации денежно-кредитной политики в среднесрочной перспективе, ее вклада в экономическое развитие России, структурную перестройку экономики, активизацию внутренних факторов роста. Особое внимание уделено проблемам современных принципов денежно-кредитной политики, ее транспарентности и эффективности, особенностям современного трансмиссионного механизма ДКП, коммуникационной политике Банка России. В **результате** исследования установлено, что денежно-кредитная политика в среднесрочной перспективе будет носить контрциклический характер и не иметь в четком и прямом целеполагании решения важнейшей народнохозяйственной задачи обеспечения сбалансированного и устойчивого экономического роста. Сделан **вывод** о том, что документ заслуживает положительной оценки с учетом замечаний и рекомендаций, сформулированных экспертами Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика; трансмиссионный механизм; сценарии развития; таргетирование инфляции; антиинфляционная политика; макропруденциальная политика; коммуникационная политика; монетарная сфера

Для цитирования: Абрамова М.А., Диденко В.Ю., Дубова С.Е., Дюдикова Е.И., Зеленева Е.С., Луняков О.В. Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2026–2028 гг.: мнение экспертов Финансового университета. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(1):6-25. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-6-25

ORIGINAL PAPER

On Guidelines for the Single State Monetary Policy for 2026–2028: The Financial University Experts' Opinion

M.A. Abramova, V. Yu. Didenko, S.E. Dubova, E.I. Dyudikova, E.S. Zeleneva, O.V. Lunyakov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This study's **subject** is to examine the goals, measures, and tools, along with macroeconomic effects of Russia's monetary policy (MP) from 2026 to 2028, the Central Bank's methods, and economic forecasts. The paper **aims** to analyze and examine the «Guidelines for the Single State Monetary Policy for 2026 and the Period 2027–2028» document. Also, the objective is to examine the characteristics and issues of MP in the medium-term, its impact on Russia's economic progress, economic structural changes, and the boosting of domestic growth drivers. The authors are also looking at the issues of contemporary MP principles, their openness and effectiveness, characteristics of the modern MP transmission mechanism, and the Bank of Russia's communication strategy. As a **result**, the research showed that medium-term MP would be

* URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/180751/on_2026\(2027–2028\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/180751/on_2026(2027–2028).pdf)

© Абрамова М.А., Диденко В.Ю., Дубова С.Е., Дюдикова Е.И., Зеленева Е.С., Луняков О.В., 2026

countercyclical, and wouldn't directly address the key economic goal of balanced, sustainable national growth. It was concluded that the document had deserved a positive evaluation, considering the comments and recommendations of experts from the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Keywords: monetary policy; transmission mechanism; development scenarios; inflation targeting; anti-inflation policy; macroprudential policy; communication policy; monetary sphere

For citation: Abramova M.A., Didenko V.Yu., Dubova S.E., Dyudikova E.I., Zeleneva E.S., Lunyakov O.V. On Guidelines for the single state monetary policy for 2026–2028: The Financial University experts' opinion. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):6-25. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-6-25

ВВЕДЕНИЕ

Скорректированные и одобренные Советом директоров Банка России 24.10.2025 г. «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов» (далее — Документ) с точки зрения структуры и содержания традиционно базируются на *обоснованной оценке* регулятора текущего состояния российской экономики и прогнозов её развития в среднесрочной перспективе, условий реализации денежно-кредитной политики в конце 2024 г. и в 2025 г., сценариев макроэкономического развития и особенностей денежно-кредитной политики и ее операционной процедуры в 2025 г. и 2026–2028 гг.

Эксперты Финансового университета, положительно оценивая публикацию нового варианта «Основных направлений...» (значительно отличающегося от проекта, одобренного Советом директоров Банка России 29 августа 2025 г.), отмечают, что в представленном Документе оперативно уточнены статистические макроэкономические показатели за период с 23 августа по 18 сентября 2025 г., условия реализации денежно-кредитной политики в конце 2024 г. и в 2025 г. с учетом решения Совета директоров Банка России об уровне ключевой ставки, принятого 12 сентября 2025 г., опубликован календарь решений по ключевой ставке в 2026 г.

Публикация скорректированного Документа не только повышает уровень информационной открытости Банка России, но и позволяет понять, на каких теоретических основах формируется денежно-кредитная политика (в специальных разделах рассказывается о применяемом регулятором модельном аппарате, обосновываются сценарии макроэкономического развития в среднесрочной перспективе с использованием концепции долгосрочного равновесия в экономике и отклонений от него основных макроэкономических параметров, причин и последствий разры-

вов выпусков и т.д.), что существенно повышает эффективность коммуникации как очень важного инструмента современной денежно-кредитной политики и способствует тем самым формированию так необходимого доверия к Банку России и принимаемым им решениям.

КОММУНИКАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА БАНКА РОССИИ И ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ДКП

Эксперты Финуниверситета высоко оценивают коммуникационную политику Банка России в отношении формирования и эффектов реализации современной ДКП. Для нас важно, что ЦБ проводит в вузах и ссузах большое количество мероприятий для студентов и преподавателей, делится практическим опытом реализации денежно-кредитной политики. Положительной оценки заслуживает организация круглых столов с профессорско-преподавательским составом для обмена опытом между регулятором и академическим сообществом. Информационной открытости Банка России способствуют и совместные семинары с бизнесом, активный диалог с гражданами в соцсетях и Телеграм-канале, публикации, в том числе в официальных аккаунтах, резюме обсуждения ключевой ставки, проекта «Финансовая культура», адаптированных для широкой аудитории с объяснением логики и причин принятия решения по ключевой ставке, что соответствует лучшим мировым практикам «многослойной» коммуникации. Это повышает общую прозрачность денежно-кредитной политики, что доказывают расчеты как Банка России (приложение 6 Документа), так и экспертов Финуниверситета (рис. 1).

Использование методов продвинутой социологии для выстраивания эффективного диалога с обществом и повышение доступности материалов, несомненно, помогает объяснять широкой аудитории информацию, изначально предназ-

Рис. 1 / Fig.1. Динамика индекса прозрачности денежно-кредитной политики Банка России, рассчитанная по методике экспертов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации [1] / Dynamics of the Bank of Russia's monetary policy transparency index calculated using the methodology of experts from the Financial University under the Government of the Russian Federation [1]

Источник / Source: разработано экспертами Финуниверситета / compiled by experts from the Financial University.

наченную для профессионального сообщества, что способствует «заякориванию» инфляционных ожиданий общества. В целях дальнейшего повышения прозрачности денежно-кредитной политики ЦБ эксперты Финансового университета, опираясь на разработанную ими методику оценки прозрачности ДКП, предлагают Банку России сделать следующие шаги в этом направлении:

- конкретизировать целевой ориентир по инфляции, установив её диапазон либо коридор отклонений от таргета (например, $4\% \pm 1,5$ п.п.);
- публиковать протоколы голосования в Совете директоров Банка России по вопросу принятия решения об уровне ключевой ставки;
- повысить охват аудитории Банка России в социальных сетях и каналах мессенджеров.

ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ ДКП

Возрастающая информационная открытость Банка России позволяет положительно оценить сохраняющуюся *преэмптентность цели и принципов* единой государственной денежно-кредитной политики на 2026–2028 гг. Подчеркивая, что достижение цели ДКП «вблизи 4% постоянно» и обеспечение устойчиво низкой инфляции создает необходимые условия для развития эко-

номики, в том числе для сбалансированного и устойчивого экономического роста, способствует ее структурной трансформации, Банк России тем не менее отмечает, что сама по себе денежно-кредитная политика в силу ее специфики и используемого ею инструментария не может обеспечить устойчивое повышение экономического потенциала.

Вместе с тем эксперты Финуниверситета констатируют снижение эффективности денежно-кредитной политики в части достижения целевого уровня инфляции в последние годы (*табл. 1*).

Анализ Документа, несомненно, позволяет осмыслить денежно-кредитную политику в контексте достижения поставленной цели не просто как набор технических мер, а как *сложный процесс взаимодействия между институциональными решениями регулятора и поведенческими реакциями экономических субъектов*. Методологический подход Банка России демонстрирует стремление к более избирательной и контекстуально ориентированной политике, что выражается в признании разнородности поведенческих реакций различных экономических субъектов: углубленный региональный анализ инфляции (раздел 2 врезка 6 Документа) и расширенный набор её индикаторов (приложение 2 Документа) отражают понимание

Таблица 1 / Table 1

**Оценка эффективности денежно-кредитной политики Банка России в 2020–2025 гг. /
Assessing the effectiveness of the Bank of Russia's monetary policy in 2020–2025**

Год	Индекс эффективности ДКП, %	Качественная характеристика эффективности ДКП
2020	39	Высокая
2021	–193	Неэффективная
2022	–427	Неэффективная
2023	–128	Неэффективная
2024	–268	Неэффективная
2025 (прогноз)	–68	Низкая

Источник / Source: составлено экспертами Финуниверситета на основе [2] / compiled by Financial University experts using [2].

того, что общие показатели могут скрывать существенные структурные различия [3]. Изложение системы управления ликвидностью (раздел 4 Документа) и моделирование трансфертной кривой (врезка 12 Документа) направлены на усиление прозрачности и предсказуемости действий регулятора, что формирует более устойчивую среду для принятия решений экономическими агентами. Методологически важным является выделение фундаментальных инфляционных тенденций и ее временных искажений в виде фактора льготного кредитования (врезка 11 Документа), шоков предложения (приложение 4 Документа), что позволяет Банку России проводить целенаправленную политику, не реагируя на временные явления.

Однако результативность этого методологического подхода «упирается» в субъективную реальность — сферу массовых ожиданий. Укоренившиеся инфляционные ожидания населения (приложение 5 Документа), остающиеся на высоком уровне, становятся ключевым препятствием, создавая парадокс: даже объективные улучшения не приводят к быстрой нормализации, поскольку экономическое поведение определяется не только текущими данными, но и глубинными, часто инерционными убеждениями. Это вынуждает регулятора поддерживать жесткую политику, которая, в свою очередь, сама становится фактором, влияющим на поведение, сдерживая экономическую активность. Отсюда следует, что политика Банка России, включающая сигналы о длительном сохранении жестких условий и подчеркнутую по-

степенность любых послаблений, превращается в мощный инструмент управления инфляционными ожиданиями. Регулятор пытается сместить восприятие будущего, стремясь прервать инфляционную инерцию.

Экспертами Финуниверситета поддерживается позиция Банка России о том, что возможный переход к смягчению денежно-кредитной политики должен осуществляться постепенно, с паузами, чтобы не спровоцировать рост инфляционных ожиданий. Банк России явно указывает, что дальнейшее снижение инфляции невозможно без снижения инфляционных ожиданий населения и бизнеса.

В настоящий момент поведение домохозяйств наглядно иллюстрирует двойственность. С одной стороны, рациональная реакция на высокие ставки выражается в росте сбережений, что оказывает сдерживающее давление на уровень цен. С другой стороны, устойчивый характер завышенных инфляционных ожиданий создает постоянный риск внезапного всплеска потребительской активности, который может подорвать достигнутые результаты. Кроме того, изменения инфляционных ожиданий преимущественно следуют за текущей инфляцией, что свидетельствует об их «незакоренности». Это подтверждает недостаточную результативность проводимой денежно-кредитной политики в части управления инфляционными ожиданиями как значимого монетарного фактора инфляции в России.

Для разрешения этого противоречия между объективной экономической динамикой и субъек-

ективными инфляционными ожиданиями домохозяйств эксперты Финуниверситета предлагают при формировании и реализации денежно-кредитной политики учитывать интересы экономических агентов на основе разработанной методики оценки финансового поведения домохозяйств, которая влияет на субъективные инфляционные ожидания [4]. Учет неоднородности предпочтений домохозяйств является ключевым для того, чтобы фактическое поведение населения в большей степени соответствовало модельным предпосылкам о рациональных ожиданиях, что необходимо для успешного таргетирования инфляции.

В связи с заявленной целью ДКП «вблизи 4% постоянно» и возможного снижения количественной цели по инфляции за пределами трехлетнего прогнозного периода (не ранее 2029 г.) следует положительно оценить *информативность материала, касающегося как самих показателей инфляции, их количественного значения, так и факторов инфляции в России.*

Банк России продолжает уделять большое внимание фактору *дифференциации инфляции по регионам*. В период с 2020 по 2025 г. усиление экономических шоков привело к росту региональной неоднородности инфляции: стандартное отклонение темпов прироста потребительских цен увеличилось по сравнению со стабильным периодом 2016–2019 гг. Пик неоднородности пришелся на 2022 г., особенно в категории непродовольственных товаров. В последующий период, по мере ослабления влияния шоков и ужесточения денежно-кредитной политики, разброс инфляции между регионами постепенно сокращался. Данный фактор отражает результативность жесткой ДКП в 2024–2025 гг. в части управления региональной неоднородностью инфляции в России.

Несмотря на общую проработанность данного раздела Документа, отметим некоторые уязвимые места. Проведенный экспертами Финансового университета контент-анализ текста Документа однозначно свидетельствует о систематическом смещении *акцента в сторону проинфляционных рисков*. Данный перекося «проявляется» на нескольких уровнях:

- в документе неоднократно используются прямые декларации о смещении баланса рисков в сторону инфляции;

- проинфляционные риски подвергаются развернутому и структурированному анализу с выделением следующих основных групп: устойчиво высокий совокупный спрос (основная причина инфляционного давления, обусловленная опережающим ростом спроса относительно предложения); высокие инфляционные ожидания (ключевой фактор инерционности инфляции); напряженность на рынке труда (высокие темпы роста номинальной заработной платы в условиях исторически низкого уровня безработицы); внешние проинфляционные факторы (риск ухудшения условий внешней торговли и связанного с этим ослабления курса национальной валюты) и др.;

- репрезентация дефляционных рисков, которые упоминаются фрагментарно, без детальной проработки, и сводятся преимущественно к «более значительному замедлению роста кредитования и внутреннего спроса под влиянием жестких денежно-кредитных условий» и гипотетическому «улучшению внешних условий».

Детальный анализ угроз ускорения инфляции контрастирует с обобщенным и минималистичным описанием рисков замедления ценового роста. При этом последствия ужесточения денежно-кредитной политики рассматриваются скорее в контексте их адекватности инфляционному фону, нежели как самостоятельный мощный источник дефляционного давления. Текущий анализ фокусируется на «уместности» ужесточения, но не оценивает системные последствия для экономической активности.

Финансовый университет рекомендует разработать модель, которая бы дополняла качественные оценки количественными показателями, определяющими воздействие текущей ключевой ставки и «автономного ужесточения» на потенциальный рост ВВП и динамику совокупного спроса на горизонте до одного года, что позволит дать взвешенную оценку риска «переохлаждения» экономики. Предлагаем также ввести в структуру Документа постоянный подраздел «Потенциальные дефляционные факторы», сопоставимый по детализации с разделом о проинфляционных рисках, в котором бы систематически отражались данные динамики кредитного импульса, доходов и расходов домохозяйств, индикаторы деловой активности в чувствительных к ставкам секторах. Применение количественной оценки дефляционного потенциала мер денежно-кредитной поли-

тики и формализация раздела о дефляционных рисках позволит повысить сбалансированность и всесторонность оценки макроэкономических рисков.

Для оценки инфляционных ожиданий экономических агентов регулятор использует не только данные опроса населения, но и прогнозы инфляции профессиональных аналитиков, а также оценку вмененной инфляции, заложенной в цены ОФЗ-ИН. При этом последнему индикатору Банк России уделил повышенное внимание в связи с тем, что данный показатель оценивает инфляционные ожидания участниками финансового рынка за последние три месяца. Учитываются и прогнозы профессиональных аналитиков, которые в течение последнего года преимущественно пересматривались в сторону повышения. Однако наблюдаемое повышение ожидаемой инфляции профессиональными аналитиками, в том числе экспертами Финансового университета, связано со снижением темпов достижения целевого уровня инфляции и отражают возможность достижения таргетируемого уровня инфляции в 4%, но на более длительном временном горизонте.

Для учета значимого, но плохо измеряемого влияния непредсказуемых изменений в регулировании Финансовый университет предлагает разработать и систематически обнародовать специальный индикатор — композитный индекс, состоящий из двух основных компонентов — объективного «Индекс регуляторной активности» (количественный, измеряющий формальную интенсивность изменений в законодательстве) и субъективного «Индекс восприятия рисков» (качественный, оценивающий экономическими субъектами непредсказуемость и негативный потенциал регуляторной среды), что позволит учитывать напряженность регуляторного фона в качестве наблюдаемого макропараметра.

Отметим, что демография и отток человеческого капитала не учитываются в кратко- и среднесрочном анализе рисков. По мнению экспертов Финансового университета в рамках среднесрочного прогноза, необходимо регулярно оценивать влияние демографических тенденций и миграционных потоков на потенциальный темп роста экономики, снижение которого является фундаментальным дефляционным фактором, так как создает устойчивый разрыв между растущим предложением и замедляющимся спросом.

Реализация данных предложений позволит Банку России перейти от асимметричной оценки рисков, сфокусированной на инфляции, к более сбалансированному и устойчивому аналитическому подходу, что минимизирует риск ошибки политики, связанной с запоздалой реакцией на разворот тренда в сторону дефляции или стагфляции, и повысит доверие к проводимой денежно-кредитной политике как к всесторонне проработанной.

Заметим, что в Документе позиция Банка России по поводу *возможного снижения целевого уровня инфляции* носит гипотетический и расплывчатый характер. Отсутствуют четкие количественные ориентиры и макроэкономические условия для принятия такого решения, что снижает предсказуемость долгосрочной политики. Представляется целесообразным разработать и опубликовать набор критериев и условий для возможного снижения целевого уровня инфляции, что повысит предсказуемость и доверие к долгосрочной стратегии. Примерные критерии разработаны экспертами Финансового университета и представлены в табл. 2.

Для превращения целевого уровня инфляции из источника неопределенности в инструмент управления ожиданиями, по мнению экспертов Финансового университета, необходимы следующие меры:

- разработка и публикация «Рамочных принципов», которые бы формализовали процедуру и условия для рассмотрения вопроса об изменении целевого уровня инфляции. Это не означает, что цель будет меняться часто, но создаст прозрачные и долгосрочные «правила игры». Участники рынка будут знать, что цель может быть изменена лишь при выполнении четких, объективных условий, а не волевым решением в ответ на конъюнктурные трудности. Такой шаг соответствовал бы лучшим мировым практикам инфляционного таргетирования и свидетельствовал бы о зрелости регулятора и его приверженности долгосрочной стабильности, а не сиюминутным политическим давлениям, поскольку доверие в данном контексте — ключевой ресурс для снижения инфляционных ожиданий;

- ядром «Рамочных принципов» должны стать четкие количественные и качественные критерии-триггеры (объективные, измеримые и труднодостижимые в краткосрочной перспективе, чтобы подтверждать устойчивое изменение экономической парадигмы).

Таблица 2 / Table 2

**Критерии снижения целевого уровня инфляции в России /
Criteria for reducing the target inflation rate in Russia**

Критерий	Проблемы выполнения критерия
Долгосрочное снижение фактической инфляции до уровня «вблизи 4%» и ниже	Инфляция в России вызвана преимущественно немонетарными факторами, а монетарный регулятор не может воздействовать на шоки предложения напрямую, ввиду чего затруднено устойчивое удержание инфляции вблизи таргета
Полное «заякоривание» инфляционных ожиданий на уровне 4% и ниже	Проводимая Банком России жесткая денежно-кредитная политика препятствует снижению инфляционных ожиданий населения и бизнеса
Обеспечение устойчивого экономического роста	Влияние внешних шоков на инфляцию в России во многом связано со структурным дисбалансом спроса и предложения на внутреннем товарном рынке. Ввиду этого необходима долгая и комплексная работа Банка России и Правительства РФ по созданию условий для наращивания внутреннего производства за счет внедрения отечественных инноваций и эффективной трансформации сбережений в инвестиции
Стабильность национальной валюты	Повышение конкурентоспособности российского рубля на мировом валютном рынке является важной задачей государства, решение которой повысит стабильность национальной валюты. Однако для ее выполнения важно комплексное обеспечение экономического роста и финансовой стабильности в России
Сбалансированность бюджетной политики	Исполнение федерального бюджета с дефицитом затрудняет процесс инфляционного таргетирования. Важно снижать зависимость бюджета от нефтегазовых доходов посредством структурной перестройки российской экономики
Финансовая стабильность и устойчивость финансовой системы	Финансовая система демонстрирует общую высокую устойчивость к внутренним и внешним шокам благодаря макропруденциальной политике Банка России. При этом жесткая денежно-кредитная политика способствует накоплению просроченной задолженности, что снижает стабильность финансовых организаций

Источник / Source: разработано экспертами Финуниверситета / developed by experts at the Financial University.

В дополнение к вышеназванным критериям эксперты Финуниверситета предлагают следующие:

- *критерий структурных изменений и потенциального роста экономики.* Вопрос о снижении целевого уровня инфляции может быть рассмотрен, если оценки потенциального роста экономики России, подтвержденные данными за последовательные 4–6 кварталов, устойчиво превысят уровень 3% в год. Если экономика сможет демонстрировать более высокий потенциал роста без инфляционного давления, то это будет свидетельствовать о глубоких структурных изменениях, а более низкая цель инфляции будет соответствовать новой, более динамичной экономике;

- *критерий дедолларизации и доверия к национальной валюте.* Доля сбережений населения в иностранной валюте в общем объеме сбережений должна устойчиво находиться ниже порога 15% в течение не менее двух лет [5], а доля расчетов в иностранной валюте в экспортно-импортных операциях должна показать устойчивую тенденцию к снижению. Высокая долларизация — признак недоверия к рублю, а успешное таргетирование более низкой инфляции требует, чтобы национальная валюта была надежным средством сбережений, что напрямую связано с доверием к политике Банка России;

- *критерий устойчивости инфляционных ожиданий.* Инфляционные ожидания всех основных групп (население на горизонте 1 года, бизнес на

горизонте 1–3 лет, профессиональные аналитики на горизонте 3–5 лет) должны устойчиво находиться в целевом коридоре $4\% \pm 1$ процентный пункт в течение не менее четырех последовательных кварталов. Пока ожидания не «заякорены» на целевом уровне, любое изменение цели будет воспринято как «капитуляция» перед высокой инфляцией, а не как переход к новому качеству политики;

- *критерий фискальной дисциплины.* В стране должно действовать и соблюдаться долгосрочное правило, эффективно изолирующее бюджетные расходы от конъюнктурных доходов и обеспечивающее устойчивость государственного долга. Монетарная политика не может быть успешной в отрыве от бюджетной. Без сдерживания бюджетных расходов давление спроса будет постоянно сбивать инфляцию с траектории — этот критерий заставляет фискальные власти быть партнерами в достижении общей цели.

«Рамочные принципы» следует регулярно упоминать в основных коммуникационных каналах Банка России, используя, например, такой нарратив: «Совет директоров подтвердил приверженность достижению цели по инфляции в 4%. Хотя выполнение критериев для рассмотрения ее изменения в настоящее время не наблюдается, Банк России продолжает мониторинг макроэкономических условий в соответствии с опубликованными Рамочными принципами». Таким образом, рынок будет понимать, что существуют четкие и прозрачные правила, укрепит доверие к долгосрочной стратегии и «закрепит» инфляционные ожидания.

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ И ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ДКП

Оценивая условия реализации и основные меры денежно-кредитной политики в конце 2024 г. и в 2025 г., заметим, что если в конце 2024 г. инфляционное давление оставалось высоким как следствие опережающего роста потребительского спроса над внутренним предложением товаров и услуг, рекордно низкого уровня безработицы, роста инфляционных ожиданий населения и бизнеса, то жесткая денежно-кредитная политика 2025 г. сократила разрыв спроса и предложения в экономике, обеспечила охлаждение на рынке кредитования, рост сбережений, что привело к снижению инфляционного давления

на экономику. Оценив устойчивость данных изменений, Банк России принял решение о снижении ключевой ставки в июне 2025 г., что еще раз показывает гибкость использования основного инструмента ДКП в зависимости от складывающейся макроэкономической ситуации.

Вместе с тем в Документе отмечается замедление темпов роста *инвестиционной активности* во II квартале 2025 г. — 2,9 п. (против 3,4 п. в I квартале 2025 г.). Регулятор указывает на то, что рост инвестиций в I квартале 2025 г. обеспечивался в большей степени за счет использования собственных средств компаний и госпроектов с льготным финансированием, а бизнес был сфокусирован на завершении текущих проектов. С одной стороны, замедление темпов роста инвестиционной активности за счет возможного сокращения льготного финансирования снижает интенсивность бюджетного канала денежной эмиссии, что сдерживает «зашумление» трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики. С другой стороны, дальнейшее снижение темпов роста инвестиционной активности может препятствовать наращиванию предложения на товарном рынке, сдерживая экономический рост и способствуя росту инфляции спроса. Ввиду этого эксперты Финуниверситета считают необходимым уделять больше внимания вопросу факторов и темпов роста инвестиций в России.

Положительной оценки заслуживает анализ вклада *изменений на рынке труда* в развитие инфляционного процесса. Нельзя не согласиться с мнением регулятора о том, что адаптация рынка труда к замедлению спроса будет проявляться не через рост безработицы, а через более умеренный рост зарплат в сочетании с повышением производительности труда. Это поможет не только снизить инфляционное давление, но и сохранить условия для экономического роста [6].

Раздел 3 Документа отражает реалистичный анализ *текущей экономической ситуации в России и денежно-кредитной политики в условиях высокой неопределенности*. Оценка потенциального роста ВВП отражает долгосрочные структурные ограничения экономики, что исключает завышенные ожидания. Использование системы четырех сценариев — главное достоинство подхода, позволяющего заранее проработать меры денежно-кредитной политики для реагирования на различные шоки; повысить гибкость и обо-

снованность управленческих решений; дать участникам рынка и правительству понимание возможных исходов и реакции Банка России на них, четко идентифицируя основные про- и дезинфляционные факторы для каждого сценария. Материал логично структурирован — от общих принципов и итогов к детальному разбору предпосылок и прогнозных траекторий, что облегчает восприятие сложной информации. Признание отклонения фактического развития событий в 2024–2025 гг. от базового прогноза в сторону проинфляционного сценария укрепляет доверие к институту, демонстрирующему готовность адаптироваться к новым данным. Содержание раздела отражает текущие вызовы российской экономики: ограничения со стороны предложения, высокие и инерционные инфляционные ожидания, стимулирующую бюджетную политику как ключевой драйвер спроса, высокую неопределенность внешней конъюнктуры, структурную трансформацию экономики.

СЦЕНАРИИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

При разработке представленного в Документе базового сценария макроэкономического развития в 2026 г. и 2027–2028 гг., а также трёх аналогичных по названиям и логике *альтернативных сценариев*, рассмотренных годом ранее, регулятор придерживался принципа баланса спроса и предложения на товарном рынке, от соотношения которых они и зависят. Следует отметить глубокое обоснование Банком России сценариев «Проинфляционный» и «Рисковый», несмотря на тот факт, что по набору позитивных и негативных факторов они не отличаются от сценариев, представленных в Документе. Между тем август — сентябрь 2025 г. был богат на события политического характера, способных в перспективе позитивно отразиться на экономической конъюнктуре и выйти за рамки сценария, обозначенного регулятором как «Дезинфляционный».

В этой связи экспертам Финансового университета представляется целесообразным сместить акценты с *внутренних шоков* (в сценарии «Дезинфляционный» — существенное расширение предложения за счет роста инвестиций и совокупной факторной производительности, а в сценарии «Проинфляционный» — рост внутреннего спроса,

более высокая доля расходов бюджета на льготные программы, протекционистские меры, более высокий вес адаптивных инфляционных ожиданий) *на внешние*. Мы считаем, что с учетом итогов встречи Президентов России и США по вопросам двустороннего сотрудничества, несмотря на существенное противодействие Евросоюза развитию повестки по урегулированию конфликта на Украине, а также итогов саммита ШОС в Тяньцзине (КНР), в том числе связанных с развитием газовой отрасли, намечается перспектива изменения экономических и технологических связей России с США и Китаем, а значит, может возникнуть вероятность существенного влияния именно внешних факторов, которые не нашли должного отражения в альтернативных сценариях.

О необходимости усиления дезинфляционного сценария говорит и тот факт, что в 2025 г. отклонение от базового сценария происходило в сторону другого — «Проинфляционного (выше спрос)», о чем регулятор упоминает при анализе денежно-кредитной политики. Здесь же отмечается, что ситуация развивалась не полностью в соответствии с обозначенными в нем предпосылками и трендами. Внешние условия складывались несколько хуже, чем предполагалось в базовом сценарии, прежде всего в части мировых цен на нефть и объемов российского экспорта, однако были далеки от сценария «Рисковый (Глобальный кризис)».

Современная экономическая ситуация требует учета влияния как экономических, так и неэкономических факторов на формирование и развитие финансовых систем [7; 8]. Текущая политическая ситуация, по мнению ученых Финансового университета, будет способствовать снижению давления внешнеторговых противоречий между крупнейшими экономиками и даже на фоне сохраняющихся санкционных ограничений позволяет заложить в сценарий «Дезинфляционный» более значимые ориентиры на внешние шоки, а значит, и возможность уточнить параметры среднего уровня ключевой ставки, который обозначен в Документе на уровне 10,5–11,5% годовых в 2026 г. Так, если проинфляционные риски со стороны внешнего сектора уменьшатся, то Банк России для достижения цели по инфляции не будет нуждаться в столь жесткой денежно-кредитной политике, и диапазон можно пересмотреть в сторону снижения (например, до 9,0–10,0% или даже ниже),

поскольку необходимость компенсации внешних шоков уменьшится.

Финансовый университет рекомендует создать официальный, количественно определенный *Сценарий управления ожиданиями*, который активируется при появлении признаков снижения глобальной торговой напряженности. Не являясь заменой базовому прогнозу, он будет существовать параллельно как «запасной план» при улучшении условий. Для активации данного *Сценария* потребуется устойчивое изменение определенных Банком России ключевых внешних индикаторов, к которым могут относиться, например, *индекс глобальной экономической неопределенности* (снижение ниже определенного порога в течение двух кварталов подряд), *динамика цен на нефть* (устойчивое нахождение выше определенного уровня не вследствие спекулятивных факторов, а на фоне роста прогнозов по мировому спросу), *индикаторы либерализации торговли* (подписание новых многосторонних или двусторонних торговых соглашений между крупнейшими экономиками).

Предлагается также ввести в ежеквартальные отчеты специальный раздел «Мониторинг условий для активации *Сценария управления ожиданиями*» с обязательной оценкой текущих значений пороговых индикаторов. Эксперты Финансового университета считают, что внедрение формализованного сценария будет способствовать сдвигу в восприятии рынков, поскольку с концентрации на рисках акцент сместится на баланс между рисками и потенциальными преимуществами от улучшения ситуации. Достижение установленных порогов послужит для финансового рынка сигналом к учету в ценах вероятности смягчения денежно-кредитной политики, что обеспечит плавное снижение долгосрочных ставок, без резких шагов со стороны ЦБ. Такой подход также страхует регулятора от обвинений в субъективизме или политической ангажированности, поскольку решение о смягчении политики будет обусловлено выполнением объективных, заранее объявленных критериев.

Эксперты Финансового университета считают целесообразным перейти от *качественных утверждений* («риски смещены в сторону проинфляции») к *количественной вероятностной* оценке различных сценариев. Для этого предлагается разработать и регулярно обновлять модель, которая на основе машинного анализа большого

массива данных (новостные потоки, данные по торговым потокам, финансовые индикаторы) определяет вероятность реализации того или иного сценария, в т.ч. *Сценария управления ожиданиями*. Рекомендуется также регулярная публикация основных отчетов с диаграммой распределения вероятностей.

В результате — решения по ставке получают мощное количественное обоснование (например, снижение ставки можно объяснить не интуицией, а значимым увеличением вероятности позитивного сценария), при этом вышеназванная модель позволит оперативно корректировать курс при появлении новых данных, не дожидаясь очередного квартального прогноза.

Вместе с тем, необходимо отметить недостатки данной детализации и непрозрачность некоторых аспектов данного раздела Документа:

- анализ носит агрегированный макроуровневый характер (не совсем понятно, в каких секторах сконцентрирован рост в различных сценариях, что важно для оценки качества роста и устойчивости). Эксперты Финансового университета, подчеркивая важность понимания отраслевой структуры роста для оценки рисков, предлагают дополнить сценарии анализом ключевых отраслей и регионов (например, в виде отдельного аналитического приложения, где для каждого макроэкономического сценария будет представлен и отраслевой, и региональный разрез), что повысит точность оценки инфляционного давления и потенциала роста;
- не раскрыта методика оценки потенциального роста ВВП (неточная оценка потенциального роста может привести к катастрофическим последствиям: если Банк России занизит оценку потенциала, он будет держать ставки излишне высокими, сдерживая экономический рост без необходимости, если завысит — допустит перегрев экономики и всплеск инфляции). Отсутствие прозрачной методики расчета подрывает доверие к выводам регулятора, так как эксперты и участники рынка не могут проверить обоснованность расчетов, что снижает предсказуемость действий Банка России и эффективность передачи сигналов. Рекомендуется опубликовать развернутое методическое приложение с описанием подхода к оценке потенциального ВВП;
- параметры бюджетного правила принимаются как данность, отсутствует сценарий его

изменения по экономическим и политическим причинам. Документ строится на предположении, что действующее бюджетное правило не будет меняться. Однако бюджетно-налоговая политика — это область не только экономических, но и политических решений, которые могут быть пересмотрены. Бюджетное правило напрямую влияет на курс рубля, инфляцию и экономический рост, а его смягчение создает проинфляционный эффект, который придется компенсировать ужесточением денежно-кредитной политики. Игнорирование этого риска заведомо делает сценарии нереалистичными. Эксперты Финансового университета считают, что аналитический документ должен учитывать не только базовый сценарий, но и ключевые риски. Возможность изменения бюджетного правила признается одним из главных рисков для среднесрочного прогноза Банка России.

Финансовый университет отмечает необходимость размещения на сайте Банка России *интерактивной панели*, где пользователи могли бы самостоятельно визуализировать и сравнивать траектории ключевых показателей по всем сценариям на одном графике (с возможностью скачивания исходных данных в машиночитаемом формате), что значительно повысит доступность и улучшит восприятие информации, позволит лучше понять логику принятия решений регулятором, облегчит проведение самостоятельного анализа и, как следствие, повысит предсказуемость экономической среды.

ТРАНСМИССИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ДКП

В отношении *трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики* (далее — ТМ ДКП) Банк России выделяет три группы факторов, которые либо влияют на денежно-кредитную трансмиссию, либо обуславливают ее трансформацию.

К *первой группе факторов* Банк России относит долгосрочные тенденции, наблюдавшиеся в российской экономике последние годы и сохраняющие значимость в будущем: рост внутреннего финансового рынка благодаря улучшению механизмов защиты розничных инвесторов, упрощение для инвесторов доступа к фондовому рынку, расширение круга частных инвесторов и устойчивый рост вложений населения в ценные бумаги;

демографические тенденции (рост продолжительности жизни, формирование долгосрочных сбережений граждан). Эксперты Финансового университета считают, что тенденции, выделяемые Банком России в разрезе данной группы факторов, благоприятствуют повышению эффективности каналов ТМ ДКП.

Вместе с тем наиболее существенным недостатком представляется концентрация на сугубо экономических каналах трансмиссионного механизма при систематическом игнорировании дефляционных факторов *неэкономической природы*, обладающих потенциалом для смены экономической динамики в сторону дефляции или стагфляции. Так, «автономное ужесточение денежно-кредитных условий» в конце 2024 г., вызванное нормализацией банковского регулирования, является прямым примером дефляционного шока неценового характера. Его систематическое воздействие на кредитную активность и деловую уверенность может быть недооценено. Непредсказуемые изменения регуляторных требований повышают неопределенность и вынуждают бизнес сворачивать инвестиционные программы [9].

Среди факторов первой группы не нашли своего должного отражения процессы цифровизации российского финансового рынка. Несмотря на то, что в Документе отмечается тот факт, что Банк России содействует цифровизации финансового рынка и развитию платежной инфраструктуры, при описании факторов трансформации ТМ ДКП эти процессы и их влияние не раскрыты. Эксперты Финансового университета, занимающиеся данной проблемой [10], считают необходимым более детально показать влияние современных технологий на каналы ТМ ДКП, отметить сильные и слабые стороны цифровой трансформации банковского сектора в контексте результативности денежно-кредитной политики.

Процессы цифровизации также следует отметить и на схеме ТМ ДКП (приложение 1), выделив их как немонетарный фактор и обозначив направления их воздействия на её основные звенья. Пример учета фактора цифровизации в схеме процентного канала ТМ ДКП [11] представлен на *рис. 2*.

Вместе с тем среди факторов первой группы отсутствует описание со стороны Банка России потенциального влияния от внедрения цифрового рубля как на действенность каналов денежно-

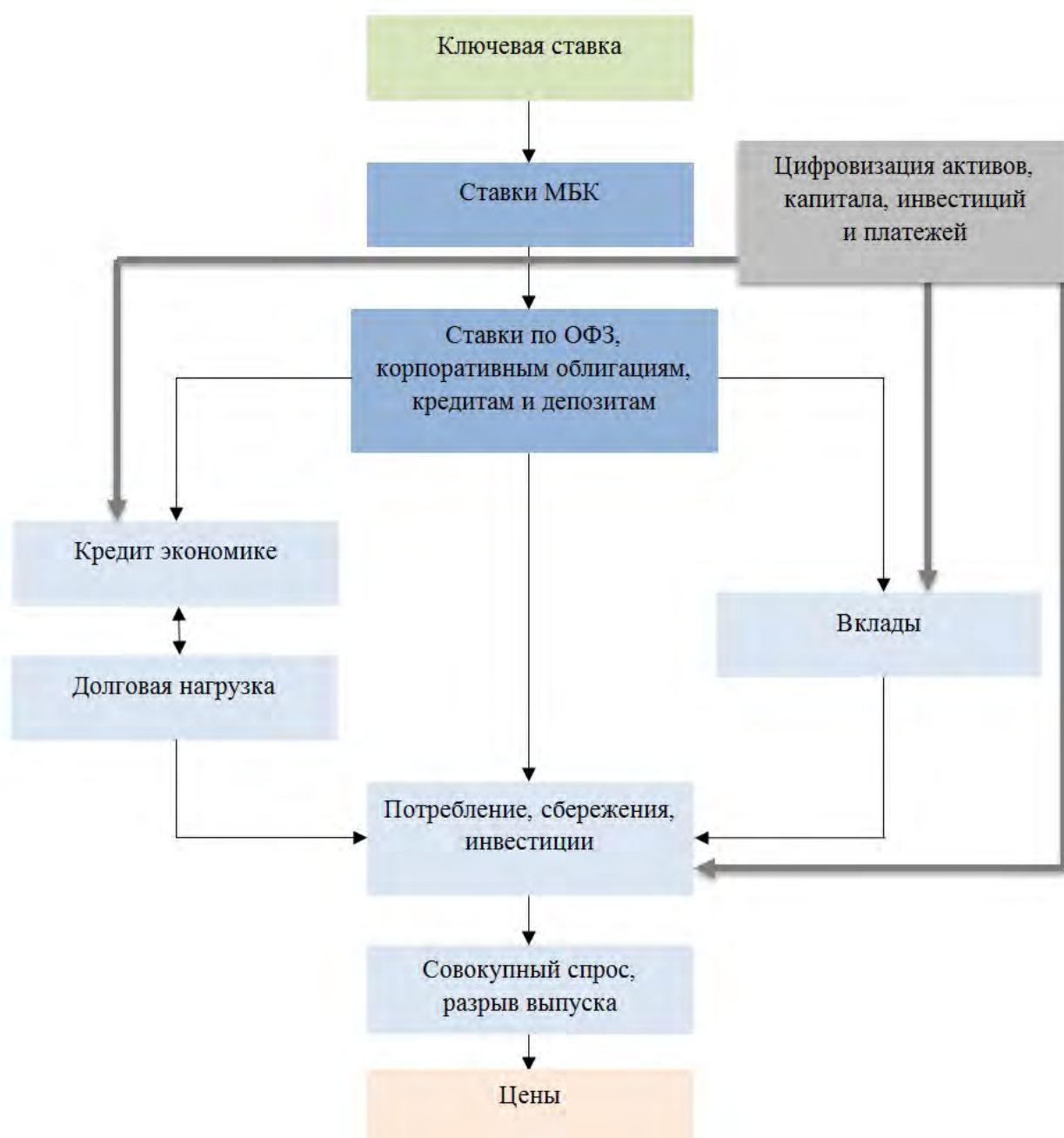

Рис. 2 / Fig. 2. Схема влияния фактора цифровизации финансового рынка на процентный канал ТМ ДКП Банка России / The scheme of financial market digitalization influence on the interest rate channel of the transmission mechanism of the monetary policy of the Bank of Russia

Источник / Source: разработано экспертами Финуниверситета / developed by experts of the Financial University.

кредитной трансмиссии, так и в контексте рисков финансовой устойчивости банков, волатильности рынков, нарушений трансмиссионного механизма и оттока ликвидности из банков. В Документе отмечается, что ЦБ не ожидает масштабного оттока средств с банковских вкладов и из других

финансовых инструментов в результате введения цифрового рубля. Тем не менее по мере расширения практики его использования Банк России при определении лимитов по своим операциям будет учитывать спрос экономических агентов на цифровые рубли и компенсировать потребность

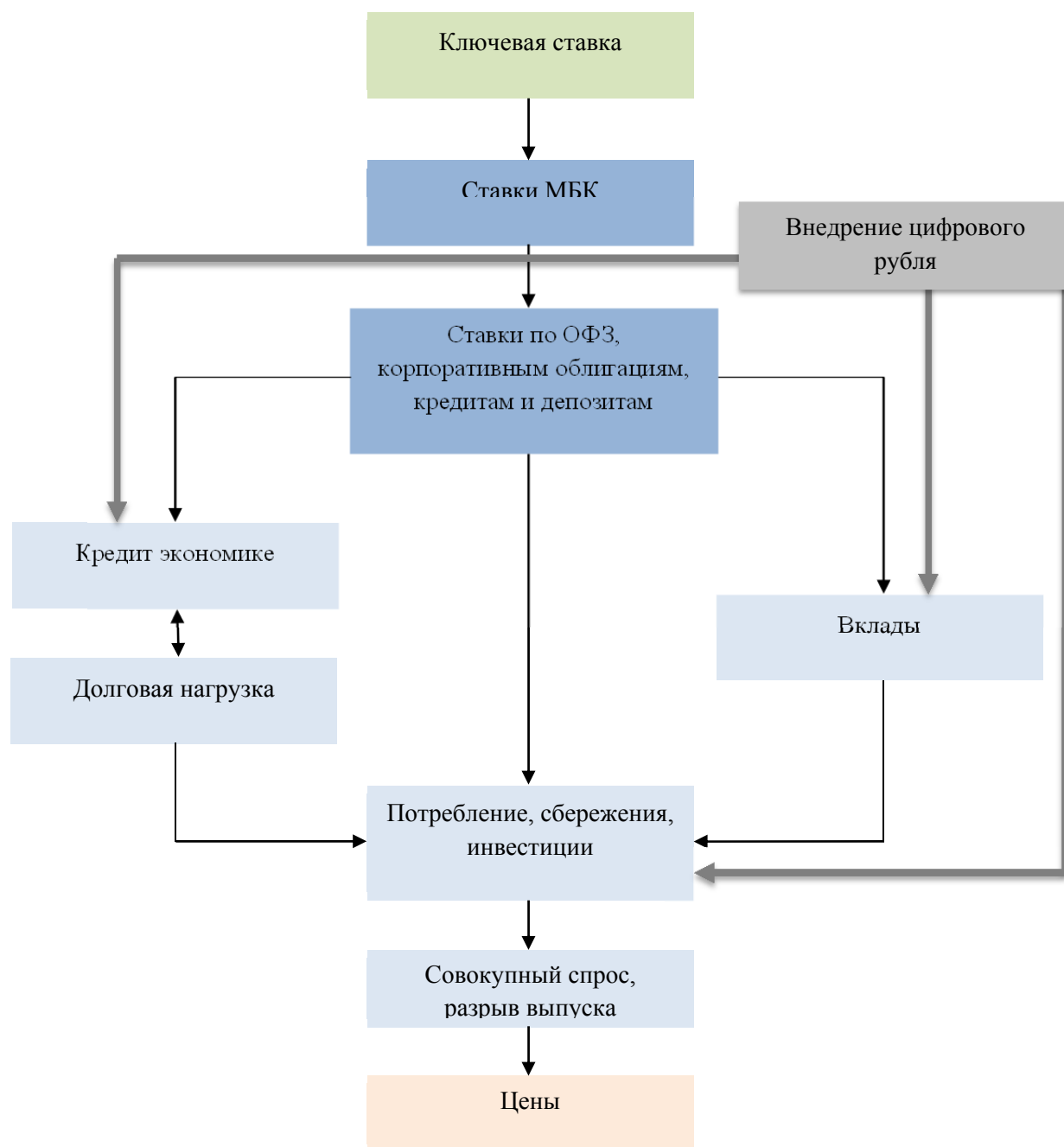

Рис. 3 / Fig. 3. Схема влияния фактора внедрения цифрового рубля на действенность процентного канала ТМ ДКП Банка России / The scheme of the digital ruble adoption on the interest rate channel of the transmission mechanism of the monetary policy of the Bank of Russia

Источник / Source: разработано экспертами Финуниверситета / developed by experts of the Financial University.

банков в выпадающих средствах, чтобы ставки денежного рынка не уходили далеко от ключевой.

Эксперты Финансового университета рекомендуют включить в перечень факторов денежно-кредитной трансмиссии внедрение цифрового рубля и описать его потенциальное

влияние, по крайней мере, на цепочку причинно-следственных связей «процентный канал — объем кредитования» в 2026, 2027 и 2028 гг. (рис. 3).

Кроме этого, эксперты Финансового университета предлагают Банку России использовать в своих докладах, включая рассматриваемый До-

кумент, законодательно обоснованную и экономически выверенную формулировку в отношении цифрового рубля, поскольку он не является дополнительной формой денег (по отношению к наличным и безналичным). В соответствии со ст. 140 «Деньги (валюта)» Гражданского кодекса Российской Федерации: «Платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями», где цифровые рубли относятся к безналичным денежным средствам и являются объектом гражданских прав (ст. 128 «Объекты гражданских прав» ГК РФ. С экономической точки зрения цифровые рубли являются разновидностью современных денег, но при этом не относятся к новой или дополнительной форме. Их учет и обращение связаны с применением новых технологий (распределенных реестров) и альтернативных моделей обращения (розничных, оптовых, гибридных) [12]. Однако цифровой код, который рассматривается Банком России в качестве носителя цифрового рубля, в отличие от цифровой записи еще не определяет его новую форму, а скорее является организационно-технической характеристикой безналичных денежных средств и безналичных расчетов.

Вторую группу факторов, которые оказывают влияние на текущую эффективность ТМ ДКП, Банк России по сути связал с ростом геополитической напряженности, с шоками от введенных санкций, которые проецируются на валютный канал, импорт и экспорт [13]. Поддерживая позицию Банка России по данной группе факторов, эксперты Финансового университета вместе с тем считают, что в Документе следовало бы особо подчеркнуть проявленную российской экономикой способность адаптироваться к введенным санкциям, сложившейся геополитической напряженности благодаря ее открытости, принятым своевременным антикризисным мероприятиям со стороны Правительства Российской Федерации и Банка России. Санкционное давление в Документе трактуется исключительно как «ограничитель предложения», однако дефляционный потенциал санкций остается нераскрытым (в частности, ограничения на экспорт могут привести к формированию избытка товарной массы на внутреннем рынке, создавая нисходящее давление на цены, или затруднения с импортом оборудования и технологий подрывают производительность и инвестиционный потен-

циал, что в среднесрочной перспективе оказывает охлаждающее воздействие на экономический рост и совокупный спрос).

Экспертами Финансового университета проведена количественная оценка влияния на российский денежно-кредитный рынок новостей о санкциях, полученных из официальных российских и зарубежных источников. В качестве индикатора выбрана ставка денежно-кредитного рынка RUONIA, построены индексы санкций и проведена оценка направления влияния новостных индексов на целевую переменную (ставку RUONIA,) с использованием модели GARCH. Результаты исследования подтвердили научную гипотезу о влиянии информации о санкциях на процентные ставки денежного рынка [14].

К третьей группе факторов ТМ ДКП Банк России обоснованно относит меры государственной экономической политики. Большинство из них связаны с необходимостью защиты российской экономики в условиях растущего санкционного давления, но не сводятся только к ней. Например, программы льготного кредитования на разных временных горизонтах их реализации имели как положительные (смягчение внешних шоков), так и отрицательные эффекты (сильный рост цен на недвижимость). В отношении ТМ ДКП эти программы рассматриваются Банком России как «за шумляющие» функционирование каналов трансмиссионного механизма, прежде всего процентного канала. Однако стоит отметить, что такая констатация фактов не снимает ответственности с регулятора за достижение ценовой стабильности.

При описании ТМ ДКП среди внешних факторов, оказывающих влияние на эффективность денежно-кредитной трансмиссии, Банк России выделил бюджетные расходы и налоги, которые проецируются на объемы кредитования (льготные кредитные программы), а также на совокупный агрегатный спрос и на предложение товаров. В Документе показано, как бюджетная и налоговая политики оказывают воздействие на ценовую стабильность. И с этим нельзя не согласиться [15;16]. Вместе с тем эксперты Финансового университета считают, что сведение эффектов фискальной политики лишь к конечным агрегатным переменным денежно-кредитной трансмиссии, за исключением государственных программ субсидирования кредитных ставок, не является полным [17]. Как отмечает сам Банк России, если

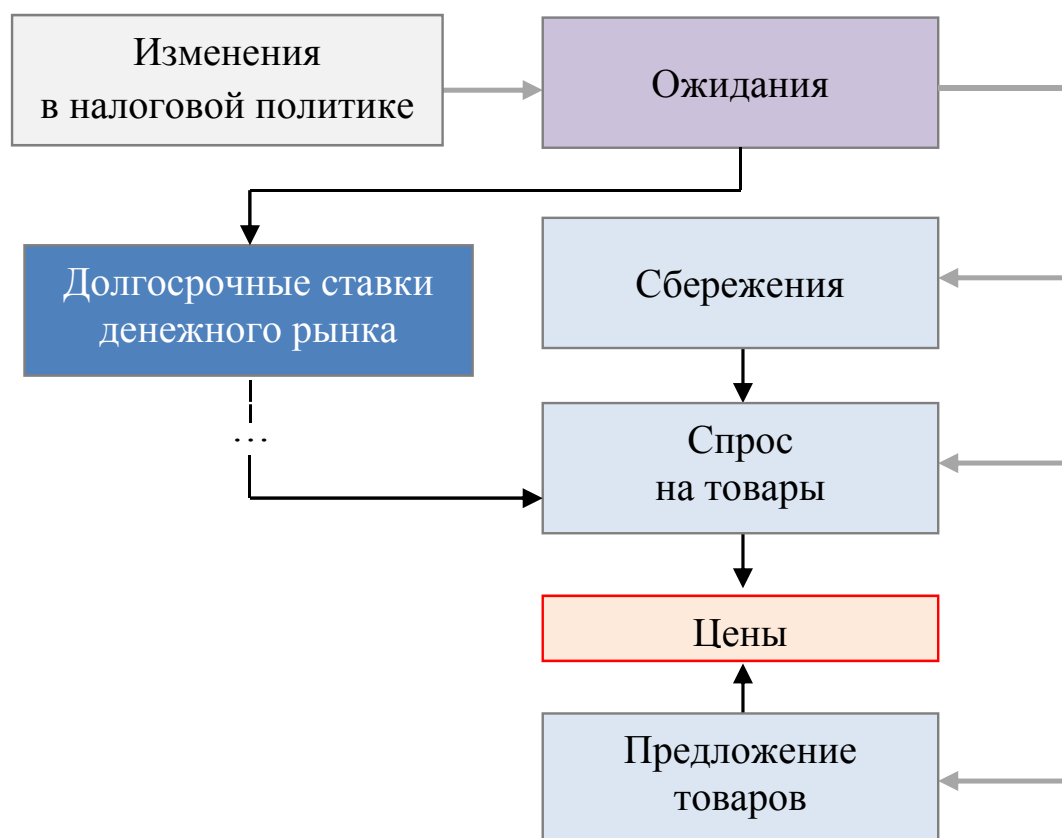

Рис. 4 / Fig 4. Схема влияния изменений в налоговом законодательстве на канал ожиданий и макроэкономические параметры ТМ ДКП Банка России / The scheme of the impact of changes in tax legislation on the expectations channel and macroeconomic parameters of the transmission mechanism of the monetary policy of the Bank of Russia

Источник / Source: разработано экспертами Финуниверситета / developed by experts of the Financial University.

инфляционные ожидания реагируют, например, на изменение косвенных налогов, то для ограничения рисков отклонения инфляции от цели могут потребоваться меры денежно-кредитной политики. Причем повышение прямых налогов может иметь как проинфляционный, так и дезинфляционный эффект. В связи с этим Финансовый университет предлагает Банку России рассмотреть в Документе влияние предполагаемых изменений в налоговом законодательстве Российской Федерации (рост НДС с 20 до 22%, изменения ставок в утилизационном сборе и т.п.) на канал инфляционных ожиданий ТМ ДКП (рис. 4).

Представляется необходимым проанализировать и учесть влияние на ТМ ДКП растущих операционных рисков в сфере расчетов и платежей (трудности со снятием наличных денег, необоснованные массовые блокировки операций и переводов, а также иные технические и административ-

ные барьеры, ведущие к росту транзакционных издержек и «сбоев» в безналичном денежном обращении), а также угроз, связанных с утечкой биометрических данных (ЕБС, биоэквайринг) — подобные явления могут искусственно искажать денежную массу и в перспективе оказать дестабилизирующее влияние на эффективность ДКП.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДКП С ДРУГИМИ НАПРАВЛЕНИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов» Банк России демонстрирует глубокое понимание того, что эффективность ДКП с точки зрения достижения поставленной цели напрямую зависит от ее *согласованности с другими направлениями государст-*

венной экономической политики: подчеркивается необходимость предсказуемой и ответственной бюджетной политики (согласованные действия помогают избежать противоречивых сигналов для экономики); отмечается положительная синергия денежно-кредитной политики с действующим бюджетным правилом; четко разграничиваются цели денежно-кредитной и макропруденциальной политик; констатируется, что денежно-кредитная политика не может повысить потенциальный рост экономики в долгосрочной перспективе (рост обеспечивается не монетарными методами, а структурными реформами и мерами правительства). Банк России справедливо идентифицирует управление инфляционными ожиданиями как краеугольный камень эффективности своей политики.

В этой связи эксперты Финуниверситета, отмечая важность согласованности ДКП с другими направлениями государственной экономической политики [18], положительно оценивают появление в разделе 1 «Цели, принципы и инструменты денежно-кредитной политики» врезки 4 «Взаимодействие денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики», в которой Банк России не просто осветил роль указанных макроэкономических политик в создании необходимых условий для реализации ключевых общественных приоритетов развития, но и описал реакцию бюджетной и денежно-кредитной политики на шоки последних нескольких десятилетий, начиная с 2000 г. Эта информация имеет существенное значение, особенно в периоды проведения жесткой денежно-кредитной политики, объясняя причины видимой раскоординированности указанных политик необходимостью ребалансировки: на фоне роста вклада бюджетной политики в структуре совокупного спроса именно ДКП приходится выполнять роль стабилизатора, сдерживая масштаб перегрева, что создает условия для постепенного возвращения экономики к траектории сбалансированного роста и снижения инфляции до целевого показателя. Вместе с тем многократное указание на зависимость траектории денежно-кредитной политики от бюджетной создает впечатление подчиненной роли регулятора, который вынужден компенсировать стимулирующий эффект государственных расходов, не сопровождая это достаточно жесткими публичными призывами к координации.

ОПЕРАЦИОННАЯ ПРОЦЕДУРА ДКП

В отношении *операционной процедуры денежно-кредитной политики* отметим, что однозначное определение удержания ставки RUONIA вблизи ключевой ставки в качестве главного ориентира является сильной стороной подхода Банка России. Практика применения доказывает, что это понятный, измеримый и работающий ориентир для рынка, который снижает неопределенность и обеспечивает эффективную трансмиссию сигналов денежно-кредитной политики. Регулятор демонстрирует высокую гибкость, учитывая в своей операционной работе взаимосвязь с бюджетной политикой, банковским регулированием и поведенческими факторами. Прогноз перехода к структурному дефициту ликвидности признается крайне важным и проактивным шагом — это позволяет рынку подготовиться к изменениям и усиливает предсказуемость действий регулятора. Таким образом, операционная процедура денежно-кредитной политики подтверждает свою силу в способности адаптироваться к сложным и изменчивым условиям, вызванными как внешними, так и внутренними шоками.

ВЫВОДЫ

Эксперты Финансового университета, несмотря на высказанные замечания, положительно оценивают «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов», полагая, что приведенные в экспертном заключении рекомендации сделают более эффективной современную денежно-кредитную политику с точки зрения достижения ее цели и повышения доверия к Банку России.

При положительной оценке Документа и коммуникаций Банка России с академическим сообществом эксперты Финуниверситета отмечают недостаточное внимание к научным разработкам по вопросам формирования и реализации ДКП. Хотя регулятор указывает на важность выстраивания эффективной связи между теорией и практикой, в Документе раскрываются только направления передачи практического опыта вузам, но неясно, каким образом Банк России получает и использует академические разработки, имеющие теоретическую и практическую значимость для проведения денежно-кредитной политики.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации в 2025 г. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation in 2025. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Зеленева Е.С. Оценка прозрачности современной денежно-кредитной политики. *Банковские услуги*. 2021;(6):17-25.
Zeleneva E. S. Assessment of the transparency of modern monetary policy. *Bankovskie uslugi = Banking services*. 2021;(6):17-25. (In Russ.).
2. Господарчук Г.Г., Зеленева Е.С. Оценка эффективности денежно-кредитной политики центральных банков. *Финансы: теория и практика*. 2021;25(1):6-21.
Gospodarchuk G. G., Zeleneva E. S. Assessing the effectiveness of monetary policy of central banks. *Finance: Theory and Practice*. 2021;25(1):6-21. (In Russ.).
3. Ершов М.В. Глобальные тенденции в мировой экономике и новые возможности для России. *Вопросы экономики*. 2024;12:5-28. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-12-5-28
Ershov M. V. Global trends in the world economy and new opportunities for Russia. *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*. 2024;12:5-28. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2024-12-5-28
4. Диденко В.Ю. Учет поведенческой иррациональности финансовых решений в моделях финансового поведения населения при формировании денежно-кредитной политики. *AlterEconomics*. 2023;20(1):271-290. DOI: 10.31063.2023.20-1.13
Didenko V. Yu. Irrational decision making in behavioral finance models of the financial behavior and the success of the national monetary policy. *AlterEconomics*. 2023;20(1):271-290. (In Russ.). DOI: 10.31063.2023.20-1.13
5. Ярашева А.В., Макап С.В. Структура потребительских расходов как показатель благополучия населения. *Народонаселение*. 2025;28(2):210-220. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-210-220
Yarasheva A. V., Makar S. V. The structure of consumer spending as an indicator of the well-being of the population. *Narodonaselenie = Population*. 2025;28(2):210-220. (In Russ.). DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-210-220
6. Хмыз О.В. Дуальность современной монетарной политики развитых стран. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(1):41-52. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-1-41-52
Khmyz O. V. The duality of modern monetary policy in developed countries. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(1):41-52. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-1-41-52
7. Fiapshev A., Travkina E., Belova M. Influence of non-economic factors on the formation and development of the design of financial systems. *Emerging science journal*. 2024;8(5):1812-1825.
8. Morozko N., Didenko B. Determinants of the savings market in Russia. *Banks and Bank Systems*. 2018;13(1):196-208.
9. Ершов М.В. О новых аспектах в денежно-кредитной сфере Российской Федерации. *Финансы: теория и практика*. 2017;10(3):13-21.
Ershov M. V. On new aspects in the monetary sphere of the Russian Federation. *Finance: Theory and Practice*. 2017;10(3):13-21. (In Russ.).
10. Совершенствование защиты прав потребителей в условиях цифровизации финансовых услуг. Монография. Криворучко С.В., ред. Москва: Кнорус; 2025. 144с.
Improving consumer protection in the context of digitalization of financial services. Monograph.; Krivoruchko S. V., ed. M.: Knorus; 2025:144 p. (In Russ.).
11. Станик Н.А., Крайнюков Н.И. Действие трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики в российской практике. *Экономика. Налоги. Право*. 2020;13(1):20-33. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-1-20-33

- Stanik N.A., Kraynyukov N.I. Monetary policy transmission mechanism action in Russian practice. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(1):20-33. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X 2020-13-1-20-33
12. Абрамова М.А., Куницына Н.Н., Дюдикова Е.И. Перспективы внедрения цифрового рубля в денежный оборот России: атрибуты и принципы формирования доверенной цифровой среды. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(4):6-16. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-6-16
Abramova M.A., Kunitsyna N.N., Dyudikova E.I. Prospects for the incorporation of the digital ruble into Russia's monetary turnover: Attributes and principles for developing a trusted digital environment. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(4):6-16. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-6-16
13. Панова Г.С., Ларионова И.В., Шуба Н.А. Дилемма обеспечения финансовой стабильности и стимулирования роста российской экономики. *Международные процессы*. 2024;22(2):95-119. DOI: 10.46272/IT.2024.22.2.77.5
Panova G.S., Larionova I.V., Shuba N.A. The dilemma of ensuring financial stability and stimulating growth of the Russian economy. *Mezhdunarodny'e processy = International processes*. 2024;22(2):95-119. (In Russ.). DOI: 10.46272/IT.2024.22.2.77.5
14. Мешкова Е.И. Влияние санкционных индексов на поведение денежно-кредитного рынка в России. *Банковские услуги*. 2025;6:2-10. DOI: 10.36992/2075-1915-2025-6-2
Meshkova E.I. The impact of sanction indices on the behavior of the monetary market in Russia. *Bankovskie uslugi = Banking Services*. 2025;6:2-10. (In Russ.). DOI: 10.36992/2075-1915-2025-6-2
15. Парасоцкая Н.Н., Яковлев Н.Д. Основы координации денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политик для обеспечения роста российской экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(1):23-33. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-23-33
Parasotskaya N.N., Yakovlev N.D. Fundamentals of coordination of monetary and fiscal policies to ensure the growth of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):23-33. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-23-33
16. Гончаренко М.А., Хацько А.Д. Налоговые инструменты влияния на развитие рынка финансовых услуг. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;5(17):115-128.
Goncharenko M.A., Khatsko A.D. Instruments of influence on the development of the financial services market. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;5(17):115-128. (In Russ.).
17. Гончаренко Л.И., Гончаренко М.А. Налоговое стимулирование инноваций как инструмент обеспечения технологического суверенитета России. *Инновации и инвестиции*. 2025;10:336-340.
Goncharenko L.I., Goncharenko M.A. Tax incentives for innovation as a tool for ensuring Russia's technological sovereignty. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*. 2025;10:336-340. (In Russ.).
18. Абрамова, М.А., Дубова, С.Е., Зеленева, Е.С., Захарова, О.В., Пищик, В.Я. Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов: мнение экспертов Финансового университета. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(1):6-17.
Abramova M.A., Dubova S.E., Zeleneva E.S., Zakharova O.V., Pishchik V. Ya. On the main directions of the unified state monetary policy for 2025 and the period 2026 and 2027: Opinion of experts of the Financial University. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(1):6-17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Марина Александровна Абрамова — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, ведущий научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Marina A. Abramova — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Leader Research Associate, Institute of Financial Research of the Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-9338-8478>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

MAbramova@fa.ru

Валентина Юрьевна Диденко — доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Valentina Yu. Didenko — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4116-826X>

vydidenko@fa.ru

Светлана Евгеньевна Дубова — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, ведущий научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Svetlana E. Dubova — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Leading Research Associate of the Institute of Financial Research of the Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-7033-1206>

sedubova@fa.ru

Екатерина Ивановна Дюдикова — доктор экономических наук, доцент кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Ekaterina I. Dyudikova — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Research Associate of the Institute of Financial Research of the Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-8126-6529>

ekidyudikova@fa.ru

Елена Сергеевна Зеленева — кандидат экономических наук, доцент кафедры банковского дела и монетарного регулирования, научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elena S. Zeleneva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Banking and Monetary Regulation, Research Associate of the Institute of Financial Research, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-0892-6070>

ESZeleneva@fa.ru

Олег Владимирович Луняков — доктор экономических наук, профессор кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета, научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Oleg V. Lunyakov — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of the Department of Banking and Monetary Regulation of the Faculty of Finance, Research Associate of the Institute of Financial Research of the Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-9179-1180>

OVLunyakov@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

М. А. Абрамова — научное обоснование и анализ принципов сформированной единой государственной денежно-кредитной политики, общее редактирование статьи.

В. Ю. Диденко — научный анализ поведенческих реакций экономических субъектов на институциональные решения регулятора, участие в подготовке разделов, посвященных взаимодействию ДКП с другими направлениями экономической политики.

С. Е. Дубова — научный анализ сценариев макроэкономического развития и денежно-кредитной политики в 2025 г. и аспектов взаимодействия денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политик.

Е. И. Дюдикова — научный анализ сценариев макроэкономического развития, оценка проинфляционных и дезинфляционных рисков, участие в разработке предложений по повышению качества и сбалансированности ДКП Банка России.

Е. С. Зеленева — научный анализ прозрачности ДКП и коммуникационной политики Банка России, оценка инфляционных ожиданий и обоснование предложений по повышению прозрачности ДКП.

О. В. Луняков — научный анализ цифровизации финансового рынка и её влияния на трансмиссионный механизм ДКП, исследование влияния мер государственной политики, включая налоговые и структурные изменения, на денежно-кредитную трансмиссию.

Authors Contribution Statement:

M. A. Abramova — scientific substantiation and analysis of the principles of the established unified state MP, general editing of the article.

V. Yu. Didenko — scientific analysis of the behavioral responses of economic entities to the regulator's institutional decisions, participation in preparing of sections devoted to the interaction of MP with other areas of economic policy.

S. E. Dubova — scientific analysis of macroeconomic development scenarios and MP in 2025 and aspects of the interaction between monetary and fiscal policies.

E. I. Dudikova — scientific analysis of macroeconomic development scenarios, assessment of pro- and disinflationary risks, participation in the development of proposals for boosting the quality and balance of the Bank of Russia's MP.

E. S. Zeleneva — scientific analysis of the transparency of MP and the Bank of Russia's communication policy, inflation expectations evaluation, and substantiation of proposals to increase the MP's transparency.

O. V. Lunyakov — scientific analysis of the financial market digitalization and its effect on the MP transmission mechanism, studying the effect of policy measures, including tax and structural shifts.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.11.2025; принята к публикации 22.12.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 24.11.2025; accepted for publication 22.12.2025

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-26-39
УДК 336.64(045)
JEL G1, G2, G3

Об основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2026–2028 гг.: мнение экспертов Финансового университета

Е.Н. Алифанова, К.В. Криничанский, Т.В. Маняхин, С.А. Переход, Б.Б. Рубцов, П.Ю. Соловьев
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — задачи и инструменты развития финансового рынка России в ближайшие годы с учетом текущего состояния экономики, прогнозов ее развития в среднесрочной перспективе и сохраняющихся экономических санкций. **Цель** работы — на основе экспертизы и анализа «Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов», одобренных Советом директоров Банка России 6 ноября 2025 г., выявить особенности и проблемы формирования и реализации политики развития всех сегментов финансового рынка в среднесрочной перспективе для обеспечения устойчивого экономического развития страны, активизации внутренних факторов роста. Особое внимание уделено вопросам направления финансовых инвестиций в инновационные отрасли, совершенствованию корпоративных отношений, в том числе внесению изменений в Кодекс корпоративного управления, увеличению роли долевого финансирования, развитию рынка цифровых финансовых активов, производных финансовых инструментов в целях хеджирования кредитного и процентного риска. Сделан **вывод**: «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов» заслуживают положительной оценки с учетом замечаний и рекомендаций, сформулированных экспертами Финансового университета.

Ключевые слова: финансовый рынок; рынок капитала; доленое финансирование; долговое финансирование; цифровые финансовые активы; производные финансовые инструменты; форекс-дилеры

Для цитирования: Алифанова Е.Н., Криничанский К.В., Маняхин Т.В., Переход С.А., Рубцов Б.Б., Соловьев П.Ю. Об основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2026–2028 гг.: мнение экспертов Финансового университета. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(1):26-39. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-26-39

ORIGINAL PAPER

On Guidelines for the Financial Market Growth of the Russian Federation for 2026–2028: The Financial University Experts' Opinion

E.N. Alifanova, K.V. Krinichanskiy, T.V. Manyakhin, S.A. Perekhod, B.B. Rubtsov, P.Yu. Soloviev
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This study's **subject** has to examine the objectives and tools for growing the Russian financial market in the coming years, considering the current economic situation, development forecasts for the medium term, and the impact of economic sanctions. The study **aims** to examine and analyze the “Guidelines for the Financial Market of the Russian Federation for 2026 and the Period 2027–2028” document approved by the Board of Directors of the Bank of Russia on November 6, 2025. This intends to pinpoint the characteristics and difficulties in creating and executing development policies across the financial market in the mid-term. This is done to ensure the nation's lasting economic growth and to stimulate internal growth drivers. The authors emphasize channeling financial investment into novel sectors, boosting company connections, revising the Corporate Governance Code, expanding equity financing, and growing the digital financial asset market and derivatives to mitigate credit and interest rate risks. The authors **concluded** that “Guidelines for the Financial

© Алифанова Е.Н., Криничанский К.В., Маняхин Т.В., Переход С.А., Рубцов Б.Б., Соловьев П.Ю., 2026

Market of the Russian Federation for 2026 and the Period 2027–2028” had deserved a positive evaluation, considering the comments and recommendations of experts from the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Keywords: financial market; capital market; equity financing; debt financing; digital financial assets; derivative financial instruments; forex dealers

For citation: Alifanova E.N., Krinichanskiy K.V., Manyakhin T.V., Perekhod S.A., Rubtsov B.B., Soloviev P. Yu. On Guidelines for the financial market growth of the Russian Federation for 2026–2028: The Financial University experts’ opinion. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):26–39. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-26-39

ВВЕДЕНИЕ

В «Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов», одобренных Советом директоров Банка России 6 ноября 2025 г. (далее — ОНРФР, Документ)¹, изложена среднесрочная (разработанная совместно с Правительством РФ) стратегия Банка России по реформированию и развитию российского финансового рынка в условиях внешнего давления (санкций и т. д.), структурной трансформации, цифровизации, обеспечения устойчивости и финансовой стабильности. Повышение эффективности рынков капитала и долга, развитие платежной инфраструктуры, защита прав потребителей и инвесторов, корпоративное управление, цифровая инфраструктура, внешнеэкономические и международные финансовые отношения — вот только часть основных направлений стратегии, требующих новых подходов к их реформированию и развитию.

ОНРФР раскрывает цели, принципы, механизмы финансовой политики, дает развернутое представление о направлениях развития российского финансового рынка, а также излагает позицию Банка России в отношении рисков на этом пути.

Отличительной чертой документов, разрабатываемых и утверждаемых Банком России, является объективность, фундаментальность, точность в характеристиках главных общемировых и внутрироссийских процессов, затрагивающих как отдельные секторы, так и весь российский финансовый рынок. Это закономерным образом предопределило солидарность экспертов Финансового университета с большинством оценок и предлагаемых решений, содержащихся в «Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027

и 2028 годов». Учитывая важность данного Документа, закладывающего основы финансовой политики Банка России на среднесрочную перспективу, затрагивающей значительную часть российского общества и нацеленной на решение обширного круга злободневных проблем в нынешних сложных условиях, считаем необходимым представить свои соображения и рекомендации по его отдельным разделам.

ЦЕЛИ, ПРИНЦИПЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИКИ ПО РАЗВИТИЮ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Рассматривая основные цели и принципы политики по развитию российского финансового рынка (раздел 1), Банк России устанавливает:

- роль Центрального банка и Правительства в создании макроэкономических, институциональных, правовых и нормативных условий для поддержки трансформации экономики, используя финансовые рынки как каналы долгосрочных инвестиций (с. 5);
- важность доверия, открытости, прозрачности, правовой защиты, прав собственности, предсказуемости, конкурентной среды, низких административных барьеров, единого налогового режима и т. д. (с. 5–7);
- ключевые принципы: использование преимущественно рыночных подходов; приоритет интересов потребителей финансовых услуг (граждан и бизнеса) и экономики в целом; открытость экономики; сохранение конкурентной среды; вмешательство государства только в случаях, когда рынок не справляется; баланс между государственной поддержкой/влиянием и рыночными силами (с. 4–7);
- ключевые механизмы политики, которые включают макроэкономическую стабильность, таргетирование инфляции, стабильное и пред-

¹ URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/181362/onrfr_2026_2028.pdf

сказуемое регулирование, осторожные ограничения на потоки/движение капитала (некоторые сохраняются, некоторые снимаются с течением времени), бюджетную дисциплину, включая «бюджетные правила», привязывающие расходы к базовым доходам от нефти и газа и т.д. (с. 9–11).

В первом разделе излагаются три среднесрочные цели:

1. «Развитие современного финансового рынка для удовлетворения потребностей российской экономики в инвестициях для структурной трансформации и эффективных платежных механизмах».

2. «Укрепление доверия потребителя и инвестора к финансовому рынку через усиление его защищенности, повышение финансовой грамотности и расширение доступности финансовых услуг для граждан и бизнеса, удовлетворение их потребностей в финансовых услугах».

3. «Обеспечение финансовой стабильности — бесперебойного функционирования финансового рынка, в том числе в условиях стресса, без негативных последствий для будущего устойчивого роста экономики» (с. 13–14).

По мнению экспертов Финансового университета, сформулированные в разделе 1 цели и комментарии к ним отражают:

1. *Многоаспектность*, поскольку они охватывают такие, критически важные с позиции мегарегулятора аспекты, как долгосрочные инвестиции, институциональную/правовую базу, защиту потребителей, доверие, стабильность, цифровизацию, устойчивое развитие, инфраструктуру.

2. *Акцентирование на доверии* и качестве правовых институтов и прозрачности.

3. *Ориентацию на рынок*, но с реалистичными оговорками, исходящими из признания рыночных ограничений, особенно в условиях санкций и т.д., и целесообразности участия государства в отдельных случаях (реализация стратегических или высокорисковых/низкодоходных трансформационных проектов). Принцип, согласно которому государство не должно подменять собой рынки, а должно вмешиваться только в случае необходимости, подробно изложен на с. 5–6.

4. *Взаимосвязь* макроэкономической стабильности, стабильности регулирования, бюджетной дисциплины и таргетирования инфляции.

5. *Признание множественных политических рынков и компромиссов* (сохранение некоторых ограничений на движение капитала; осторожность,

связанная с вытеснением частного сектора государственными заимствованиями; баланс между скоростью цифровизации и рисками).

Вместе с тем считаем, что не все изложенные в «Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов» положения бесспорны:

1. Хотя в Документе настоятельно говорится о правовой защите, прозрачности, защите прав собственности и т.д., на практике могут наблюдаться серьезные пробелы в реализации — в отношении независимости судебной системы, защиты миноритарных инвесторов в политически значимых компаниях и т.д. Если институты (суды, надзор, регулирование) не являются полностью независимыми, то эти принципы рискуют оказаться скорее риторическими, чем реальными [1].

2. Документ заявляет о необходимости достижения доверия иностранных инвесторов, однако в текущих условиях жестких антироссийских санкций существует риск несоответствия между заявленной открытостью и реальным контролем за движением капитала или непредсказуемыми внешними ограничениями (например, со стороны иностранных правительств), что на самом деле подрывает доверие.

3. Отметим ограниченность обсуждения небанковских финансовых посредников: хотя в Документе упоминается расширение финансовых инструментов, цифровых услуг и т.д., однако не хватает ясности в отношении регулирования и системного риска, исходящего от небанковских организаций (в том числе финтех-компаний), которые играют все более существенную роль на рынках капитала, как это обсуждается, в частности, в работах зарубежных специалистов [2;3].

4. Недостаточно отражены механизмы подотчетности: заявлено множество целей, но уделено мало внимания тому, какие учреждения возьмут на себя те или иные обязанности, какими ресурсами они могут располагать. Не всегда четко определены границы ответственности (например, между Банком России, Правительством, судебной системой). Для снижения неопределенности распределения ролей и ресурсов уместно формализовать матрицу ответственности по ключевым задачам ОНРФ с указанием ответственных ведомств, соисполнителей и сроков, а также ввести правило регулярной публичной отчетности. Квартальные

отчёты о ходе реализации с обсуждением результатов на открытой площадке позволят своевременно концентрировать бюджетные и регуляторные усилия на «узких местах».

5. Признавая, что ключевую роль в развитии финансового рынка играют прежде всего его профессиональные участники, Банк России придает большое значение деятельности их объединений и саморегулируемых организаций [4]. Представляется целесообразной публичная дискуссия относительно сложившейся архитектуры системы саморегулирования и соотношения регулирования и саморегулирования на российском рынке в среднесрочной перспективе.

Из фокуса внимания выпала проблема защиты прав собственности и развитие института частной собственности. Вместе с тем в Документе неоднократно упоминаются обстоятельства, при которых возникают трудности с реализацией прав собственности в полном объеме (владение, пользование и распоряжение принадлежащих собственникам активами), а также проблемы, связанные с отсутствием достаточных механизмов защиты прав собственности и необходимостью их решения. Было бы целесообразно выделить в самостоятельную задачу защиту прав собственности и развитие института собственности, которая значительно шире защиты прав потребителей финансовых услуг.

В качестве одной из предпосылок, положенных в основу ОНРФР, определено сохранение и усиление роли государства только в тех сферах, где рынок не может справиться самостоятельно или при решении стратегических для экономики РФ задач (с. 4). Участники финансового рынка крайне чувствительны в отношении вмешательства государства в функционирование рыночных институтов, что отражается на искажении механизма ценообразования на торгуемые на рынке активы и поведении инвесторов, особенно розничных. Не оспаривая необходимость государственного регулирования, полагаем целесообразным конкретизировать наиболее приоритетные области государственного вмешательства, имея в виду первоочередной задачей сохранение и рост объемов внутренних инвестиций. Предложенное определение слишком широкое, что допускает расходование ресурсов государства на поддержку неэффективных участников рынка.

В качестве ключевого фактора развития рынка отмечается доверие (с. 5), а также информационная

прозрачность. Этот тезис проходит красной нитью по всем разделам ОНРФР. Вместе с тем до настоящего времени не восстановлен в полном объеме порядок раскрытия и предоставления информации многими значимыми участниками рынка, включая инфраструктурные институты, что не способствует формированию доверия как среди розничных инвесторов, так и в профессиональной среде.

Отдельного внимания заслуживает задача повышения доверия инвесторов к рынку капитала. Целесообразно акцентировать внимание прежде всего на рынок первичного размещения IPO и SPO как источник долевого капитала, механизмы и принципы аллокации предлагаемых инструментов, каналы взаимодействия с инвесторами, простоту и доступность раскрываемой информации для розничных инвесторов, роль которых, вероятнее всего, будет возрастать. Дополнительно требуется утвердить «паспорт» открытых показателей развития финансового рынка (KPI) с набором промежуточных метрик (доля free float по секторам, глубина биржевой книги и спреда, доля пассивных стратегий, объёмы и стоимость IPO/SPO, посттрейд-ликвидность облигаций и др.) и организовать их квартальную публикацию в формате открытых данных с машиночитаемым API и реестром методик.

ИТОГИ РАЗВИТИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ, ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА

В разделе 2 Документа подчёркивается, что, несмотря на то что внешнее давление было серьезным, стабильность в целом сохранилась и регуляторные послабления были отменены. В частности, отмечается: внутренние сбережения высоки (их рост продолжается); существует неудовлетворенный спрос на долгосрочное финансирование; цифровая инфраструктура может обеспечить долгосрочные преимущества в развитии [5]; ESG является растущей областью (даже с учетом ограничений). Указывается также на наличие узких мест, затрагивающих институциональные и инфраструктурные аспекты, доступ к иностранным технологиям, риски, связанные с международным взаимодействием. Большое внимание сосредоточено на финансовой грамотности и культуре инвесторов.

Вместе с тем отметим и спорные положения данного раздела.

1. *Ограниченное количество эмпирических данных и измеримых исходных показателей*: в обзоре прошлых достижений некоторые утверждения носят общий характер («сохранение стабильности», «увеличение внутреннего финансирования»), но количественные показатели, ориентиры, сравнения и области, где результаты оказались неудовлетворительными, можно было бы перечислить более точно. Без убедительных исходных показателей будущий мониторинг затруднен, тем более принимая во внимание контекст сложности связей между финансовым развитием и верхне-уровневыми макроэкономическими параметрами [6]. В развитие данного замечания можно утвердить «паспорт исходных данных и методик мониторинга» к приложению 1 ОНРФР с перечнем источников, версиями методик, частотой обновления, степенью детализации и ответственными владельцами показателей, а также предусмотреть открытый API для выгрузки статистики и кода расчёта индикаторов.

2. *Остается неясным вопрос об участии иностранного капитала*: в Документе говорится, что иностранные инвестиции желательны, но иностранных инвесторов могут отпугнуть санкции, правовая неопределенность и репутационный риск. Предложения по снижению риска экспроприации, улучшению правовой защиты, прозрачности и т.д. требуют четкой конкретики и точной адресности.

3. Что касается *развития корпоративных отношений и корпоративного управления*, в Документе (с. 52) справедливо затрагивается необходимость решения проблемы обеспечения предсказуемости дивидендных выплат. Вместе с тем предложенных мер — установленного требования к случаям обязательного утверждения и раскрытия дивидендной политики, к ее содержанию, а также к объяснению акционерам причин отклонения от утвержденной политики — вряд ли будет достаточно в масштабах поставленной цели.

Предлагается конкретизировать меры, которые будут способствовать стабильному фактическому наполнению рынка дивидендными выплатами, что потребует детальной проработки с учетом большой роли государства в крупных российских эмитентах и множества факторов, влияющих на принимаемые акционерами решения, в том числе в области фискальной политики. Международная практика свидетельствует об отсутствии универ-

сального рецепта: в большинстве стран применяются разные подходы с учетом особенностей экономики, рынка и текущего контекста².

В Основных направлениях отмечен низкий уровень free-float российского рынка (с. 32), но не сказано о мерах, которые стимулировали бы эмитента увеличивать долю акций в свободном обращении. Этот вопрос пересекается и с задачами по защите прав собственности, и совершенствования корпоративного управления, и повышения капитализации рынка. Мы полагаем, что Кодекс корпоративного управления, утверждённый ЦБ РФ³, требует актуализации и серьезной переработки, включая переосмысление основных постулатов корпоративного управления, сформированных в условиях, кардинально отличающихся от тех, в которых с 2014 г. развивается и будет развиваться в дальнейшем российская экономика. В логике повышения предсказуемости и доверия акционеров Кодекс может быть дополнен программой создания акционерной стоимости, предусматривающей KPI для участников рынка: минимальный free float, стандарты IR/ESG-раскрытий, политику дивидендов и механизмы ответственности за невыполнение критериев.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Раздел 3 охватывает практически все ключевые области: рынки капитала, инфраструктуру, защиту прав потребителей, ESG, цифровизацию, платежные системы, регулирование и т.д., что соответствует передовой практике (многопрофильное регулирование), реализуемой в том числе развитыми рынками.

1. В представленном Документе справедливо обозначена высокая актуальность проблематики повышения роли в российской экономике рынка долевого финансирования, а также связанные с ней вопросы текущего преимущественного положения сегмента банковского кредитования относительно рынка долевого финансирования

² OECD/World Bank (2024), Dividend payments by state-owned enterprises: Policies and practices. OECD Business and Finance Policy Papers, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/bf84ff64-en.

³ Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06–52/2463 «О Кодексе корпоративного управления». URL: <https://www.consultant.ru/document/cons-doc-LAW-162007/>

(в части налоговых льгот для инвесторов, поддержки заемщиков и других аспектов).

В этой связи в Документе обозначен, в том числе, ряд задач, направленных на развитие ответственного рынка долевого финансирования, что отвечает поставленной Президентом России перед Правительством России и Банком России задаче о принятии мер по обеспечению достижения к 2030 г. капитализации российского фондового рынка уровня в 66% от ВВП⁴.

Основной упор в принимаемых мерах должен быть сделан на повышении инвестиционной привлекательности рынка акций, недостаточность которой является основной преградой смещения акцентов в использовании сбережений населения с сегмента «Fixed Income» на рынок долевого инструментов: цены на акции многих эмитентов, в том числе крупнейших на российском рынке, находятся на уровнях 5–10-летней давности, а доходность вложений в основной индекс рынка акций за 5 лет с учетом реинвестирования дивидендов более чем в два раза уступила вложениям в фонды денежного рынка. Представляется обоснованным дополнить меры «Программой создания акционерной стоимости» для публичных эмитентов: минимальные ориентиры по free float, поддержание и исполнение прозрачной дивидендной политики/программ обратных выкупов, стандарты IR-раскрытий и нефинансовой отчетности (ESG), а также механизмы «выхода» из индексов/листинга при систематическом невыполнении критериев. Связка корпоративных практик с публичными KPI улучшит оценку риска инвесторами и расширит доленое финансирование; при этом логично учесть обновляемые подходы к корпоративному управлению, отраженные в ОНРФР.

2. В Документе сделан акцент на защите инвесторов/потребителей и инклюзивности, уточняется, что рынки должны обслуживать домохозяйства и бизнес, а не только крупные корпорации. Включение вопросов финансовой грамотности, защиты от недобросовестных практик поведения, обеспечения инклюзивности является преимуществом.

3. Раскрывается роль цифровой инфраструктуры, инноваций и экосистем, показано, что финтех, цифровые каналы, искусственный интеллект, циф-

ровой рубль и экосистемные модели будут играть все более важную роль в развитии финансового рынка.

4. Отмечается важность учета климатических рисков и целей устойчивого развития для того, чтобы привести отечественный рынок в соответствие с мировыми тенденциями и ожиданиями инвесторов. Обсуждается необходимость интеграции этих факторов в систему регулирования рисков, механизм раскрытия информации, практику отбора и применения инструментов, и т.д.

5. Должное внимание уделяется инфраструктуре и постторговым системам, что важно для обеспечения эффективности расчетов, снижения транзакционных издержек, повышения ликвидности.

Вместе с тем нельзя не указать на дискуссионность отдельных положений *раздела 3*:

1. В Документе справедливо отмечена необходимость совмещения интересов государства с интересами инвесторов и бизнеса, стимулируя фондирование приоритетных для страны отраслей (с. 41). При этом публичные размещения должны быть не только интересны бизнесу (с учетом ликвидности на рынке и состояния инвестиционного цикла компании с учетом уровня процентных ставок), но и привлекательны для инвесторов. За последние же 3 года (с конца 2022 г. по октябрь 2025 г.) из 24 состоявшихся на российском организованном рынке IPO большинство размещений оказались для инвесторов либо убыточными, либо уступили безрисковой ставке^{5,6}. С точки зрения эмитентов мотивация к проведению IPO снижена под воздействием высоких ставок, с одной стороны, снижающих объем ликвидности на рынке в пользу сегмента «Fixed Income», с другой — влияющих на инвестиционный цикл компаний.

Все это требует принятия мер «тонкой настройки», увязывающих интересы участников рынка в текущем контексте. Предлагается рассмотреть к реализации в том числе следующие меры:

1) «точечные» налоговые стимулы:

– налоговые льготы для компаний, проводящих IPO или SPO по типу «cash in». Из общего объема средств, привлеченных на IPO в России в 2022–2025 гг., около 50%, исходя из проспектов эмиссии, не были напрямую предназначены для развития бизнеса. Кроме того, представляется

⁴ Сайт Президента России. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759>

⁵ URL: <https://naufor.ru/tree.asp?n=30593>

⁶ URL: <https://smart-lab.ru/blog/1219140.php>

целесообразным внести изменения в требования к проспектам эмиссии, чтобы из них явно следовало, какой именно объем средств и на какие цели предполагается привлечь с соответствующим обоснованием. В настоящее время информация в проспекте эмиссии по данному вопросу является предельно общей, зачастую не позволяющей инвестору адекватно оценить цели IPO, разобраться в налоговых льготах для стимулирования инновационного развития [7]);

- увязка для МСП уплаты НДС с выходом на IPO (возможно распределение повышения налога во времени);

- увязка налоговых льгот для домохозяйств с критичностью эмитентов акций для обеспечения суверенитета и развития экономики, для чего целесообразно создать соответствующую таксономию с учетом действующих перечней, предназначенных для различных целей [8];

2) гарантии для частных инвесторов при участии в IPO:

- гарантии выкупа назначенным государственным агентом акций по цене размещения на IPO с оплатой хеджа эмитентом и (или) выкупа акций у определенных категорий долгосрочных инвесторов, например инвестировавших в размещения эмитентов из критичных для государства отраслей, при снижении цены на 20–30% от размещения (возможно предусмотреть вариант выкупа самим эмитентом по цене размещения): для эмитента это будет бесплатным заимствованием, для инвесторов — защита от фейковых размещений;

- гарантия выкупа банками у частных инвесторов по определенной цене акций закредитованных заемщиков, если привлеченные на размещения средства направляются на погашение кредита.

3) создание фонда, управляемого структурой наподобие ВЭБ.РФ, который поддерживал бы IPO, удовлетворяющие определенному государством перечню критериев, вкладывая как минимум 30% от заявленного объема. Например, как минимум 50% средств фонда были бы зарезервированы для стабилизации и поддержания вторичного рынка. Такая мера обеспечила бы позитивную динамику цен, что добавило бы уверенности на рынке IPO частным инвесторам, а компаниям позволило бы рефинансировать кредиты и перезапустить инвестиционный цикл.

2. В разделе, посвященном развитию рынка капитала, ключевое внимание уделено рынку долевого ценных бумаг. Это новация 2025 г., связанная со слабыми результатами в развитии долевого финансирования и необходимостью финансирования молодых инновационных предприятий, для которых особенно важна стадия IPO. Кроме того, рынок облигаций в России демонстрирует хорошую динамику. Однако, с нашей точки зрения, если и можно ожидать увеличения финансирования компаний, то, прежде всего, за счет облигационных займов⁷. При этом, несмотря на существенные темпы роста количественных показателей рынка долговых ценных бумаг (облигаций), на этой площадке накопилось немало проблем, требующих внимания регулятора:

- С учетом того, что выход на рынок долговых ценных бумаг часто является этапом «тестирования» процессов привлечения капитала через инфраструктуру организованного финансового рынка, стимулирование облигационных размещений компаний в сегменте МСП сохраняет свою актуальность. Одним из его направлений является развитие (фактически — запуск) механизма государственных гарантий по выпускам облигаций эмитентов в сегменте МСП (например, со стороны Корпорации МСП), для чего необходима выработка четких и прозрачных правил предоставления таких гарантий и четко действующего прозрачного механизма их одобрения.

- Поскольку в Документе не приводится анализ динамики дефолтов на российском долговом рынке и прогноз ситуации на следующие три года, не поднимается и вопрос о развитии инструментария ограничения рисков инвесторов, в первую очередь, частных инвесторов, занимающих существенную долю на рынке корпоративных облигаций. В этой связи было бы целесообразно использовать следующий инструментарий:

- инструменты хеджирования кредитного риска (кредитные ПФИ), которые абсолютно не развиты на российском рынке, но могли бы сформировать новый сегмент бизнеса для профессиональных участников российского финансового рынка и точно регулировать риски для инвесторов в долговые ценные бумаги. Развивать рынок данных

⁷ Развитие российского рынка ценных бумаг в контексте национальной финансовой безопасности. Монография. Алифанова Е. Н., Рубцов Б. Б., ред. Москва. КНОРУС; 2026: 272 с.

инструментов было бы целесообразно совместно с клиринговой инфраструктурой организованного финансового рынка — с учетом принятых инициатив G20 и опыта преодоления кризиса на рынке CDS в мире [9];

- фонд страхования инвестиций частных инвесторов в долговые ценные бумаги, формируемый за счет отчислений эмитентов, привлекающих средства физических лиц, — по аналогии с механизмом ACB.

3. Несмотря на приложение 1. «Индикаторы мониторинга развития финансового рынка» (с. 106), Документ не содержит конкретных, измеримых целевых показателей для некоторых ключевых событий (например, соблюдение требований корпоративного управления, ликвидность определенных рынков, уровень иностранных инвестиций и т.д.). Без точных же количественных показателей сложно оценить прогресс или определить зоны ответственности исполнителей.

4. Упоминание нового формата «семейные сбережения» (с. 45) требует детальной проработки и раскрытия всех деталей формирования и учета активов в его рамках. В ОНРФР же нет достаточной информации для оценки перспектив данного формата, его востребованности, эффективности, каналах продаж.

5. В направлении совершенствования процедур и механизмов раскрытия информации, повышения информационной прозрачности эмитентов и выпускаемых ими инструментов весьма дискуссионной представляется идея создания инвестиционного рейтинга (с. 53). Ключевым элементом предлагаемого рейтинга определена справедливая стоимость акции, что является основной задачей аналитических подразделений. В практике финансового рынка нет единого подхода к определению справедливой стоимости и её признанию в качестве конкретного числового выражения всеми участниками рынка. Диапазон оценок справедливой стоимости для акций одного и того же эмитента достаточно широк. Включение в качестве составных компонентов в расчет индекса показателей, связанных с будущей деятельностью компании, не способствует повышению точности оценки. Вызывает опасение релевантность значений предлагаемого индекса и целесообразность его использования инвесторами при принятии решения о вложении средств.

Отдельного внимания требует раскрытие информации по относительно новым инструментам российского финансового рынка — структурным облигациям, цифровым финансовым активам и утилитарным цифровым правам, ориентированным в большой степени на частных инвесторов, но обладающих при этом гораздо менее прозрачными условиями и/или четким режимом раскрытия существенных фактов.

6. В разделе «Развитие инфраструктуры» не уделено должное внимание проблематике фрагментации рынка услуг ключевых инфраструктурных организаций. В частности, двойственный статус единственного центрального депозитария — НКО АО НРД, являющегося естественной монополией в сегменте услуг центрального депозитария на основании закона, с одной стороны, и являющегося частью группы ПАО «Московская биржа» (далее — Мосбиржа), ограниченной условиями акционерного соглашения, с другой стороны, может быть фактором, сдерживающим конкуренцию и ограничивающим доступность финансовых сервисов для организаций, оказывающих конкурирующие услуги. Несамостоятельность/подчиненность соответствующим организаторам торгов и, как следствие, фрагментарность услуг центральных контрагентов, обслуживающих рынки соответствующих организаторов торгов и не оказывающих услуги иным организаторам торгов, также существенно сдерживает развитие новых рынков и появление новых сервисов на финансовом рынке. Данный раздел целесообразно дополнить информацией о мерах, направленных на совершенствование клиринговой деятельности и повышение её доступности для инвесторов. В настоящее время в России четыре организации, имеющие статус центрального контрагента, наращивают масштабы торговли на биржевых площадках. Вопрос о возможности оказания ими клиринговых услуг участникам торгов на этих площадках представляется своевременным.

7. Предложение о выделении отдельного класса облигаций «национальных проектов» (с. 59) вызывает определенные вопросы. Высокая капиталоемкость инфраструктурных проектов, для целей финансирования которых предлагается выпускать облигации, не предполагает высокой доходности и быстрой окупаемости инвестиций. В совокупности действие этих факторов снижает конкурентоспособность финансового инструмента

по сравнению с другими, доступными инвесторам. Отсутствие спроса не позволит поддерживать ликвидность бумаг, а в итоге их востребованность. Целесообразность выделения подобных долговых инструментов в отдельный класс без предоставления их держателям определенных преференций вызывает много вопросов. Что касается возможности расширения состава уже имеющихся преференций, то в условиях дефицита финансовых ресурсов, который формируется на горизонте не менее трех лет, они очень ограничены.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ПРОИЗВОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Среди ключевых проблем современного рынка производных финансовых инструментов, требующих внимания, необходимо отметить:

1. Отсутствие конкуренции на организованном рынке производных финансовых инструментов с момента объединения бирж ММВБ и РТС и создания группы ПАО «Московская биржа». Кроме её срочного рынка производные инструменты официально обращаются на бирже СПБ МТСБ, рыночные показатели которой, однако, не являются существенными. При этом фокус срочного рынка Мосбиржи полностью смещен на развитие фьючерсов и опционов для розничного сегмента клиентской базы, что предопределяет перекося в части введенных в обращение инструментов:

- В обращении преимущественно находятся расчетные инструменты, в том числе там, где зарубежная и российская практика показывает целесообразность поставочных инструментов, например, фьючерсов на корзины государственных облигаций, которые были заменены на срочном рынке Мосбиржи расчетными фьючерсами на индекс облигаций, ориентированными на частных инвесторов, что привело к полной потере ликвидности в сегменте фьючерсов на долгосрочные процентные ставки. Кроме прочего расчетные фьючерсы имеют более ограниченные возможности для срочного арбитража и формирования стартовой ликвидности, так как их исполнение производится по усредненной цене базового актива.

- В обращении находится большое число фьючерсных контрактов на иностранные активы и индикаторы, так называемых «зеркальных контрактов». Запуск подобных инструментов делается Мосбиржей в угоду частным инвесто-

рам и маркет-мейкерам, использующим торговые алгоритмы и торгующим параллельно на её срочном рынке и зарубежных площадках. Запуск подобных инструментов прост для организатора торгов: начальную ликвидность формируют маркет-мейкеры, транслируя котировки с зарубежных площадок и там же перекрывая открываемые позиции; а сами запускаемые инструменты с маркетинговой позиции более интересны для частных инвесторов. Однако развитие таких инструментов противоречит целям и задачам развития финансового рынка и экономики России, поскольку препятствует формированию российских рыночных индикаторов (в первую очередь, на товарные активы) и не создает инструментария управления рисками в российской экономике. Кроме того, зависимость от индикаторов внешних рынков создает дополнительные риски в рамках самой финансовой инфраструктуры: достаточно вспомнить апрель 2020 г., когда цены на базовый актив по фьючерсам на американскую нефть WTI на американской бирже NYMEX достигли отрицательных значений, что привело к обвалу срочного рынка на Мосбирже и принудительному закрытию позиций многих профессиональных участников и розничных инвесторов, сумма убытков которых, по различным оценкам, составила до 1,0 млрд руб.⁸

- В силу розничной направленности срочного рынка ПАО «Московская биржа», абсолютно неразвитыми являются сегменты биржевого рынка процентных и товарных активов (без учета «зеркальных» фьючерсов). При этом даже гораздо более развитые сегменты рынка валютных и фондовых фьючерсов и опционов на Мосбирже, по оценкам профессиональных участников, отражают лишь настроения розничной массы, а не картину рынка в целом.

2. Проблемы внебиржевого рынка производных финансовых инструментов, связанные с недостаточной базой его регулирования, большей частью были решены в предшествующие годы, что создало основу для его роста. Тем не менее остается как минимум одна область, требующая внимания — справедливое ценообразование производных финансовых инструментов. Прошедшие в последние годы судебные слушания по ряду дел с внебиржевыми производными финансовыми

⁸ URL: <https://www.rbc.ru/finances/05/06/2020/5eda15e29a79471b964de2d2>

инструментами подтвердили важность раскрытия ценовой информации и рисков, а также необходимость формирования следующих инструментов для определения справедливой стоимости производных финансовых инструментов, доступных для всех участников рынка:

- Полноценное выполнение функции раскрытия агрегированной информации о внебиржевом рынке производных финансовых инструментов существующими репозиториями. В настоящее время такая информация либо не раскрывается, либо обнародуется формально, в неудобном для анализа формате, с ограниченным количеством данных. Единственный участник, который полностью раскрывает полезную для рынка информацию, — Банк России в ежегодном отчете о внебиржевом рынке производных финансовых инструментов, но подобная информация требуется ежемесячно, ежеквартально, т.е. регулярно и систематически, в том числе в машинообрабатываемом формате.

- Формирование на основе данных о внебиржевых сделках с производными финансовыми инструментами производных от параметров сделок метрик (подразумеваемые процентные ставки и волатильность, ценовые уровни и т.п.) и свободное раскрытие указанных данных для участников рынка, что частично помогло бы закрыть возникшие разрывы в раскрытии ценовых и иных факторов, определяющих справедливую стоимость производных финансовых инструментов, ввиду закрытия доступа к зарубежным терминалам, таким как Bloomberg, Refinitiv, из-за введенных антироссийских санкций.

- Создание на рынке производных финансовых инструментов института ценовых центров, предусмотренных документами Банка России, или расчетных (от слова calculation) агентов. Такой институт в лице ценового центра НРД заработал в России на рынке облигаций. Предпринимались также попытки (к сожалению — безуспешные) реализовать аналогичный проект для рынка производных финансовых инструментов на базе НКЦ. Актуальность проблематики подтверждается периодическими опросами о необходимости подобного института, проводимыми в последние годы различными российскими ассоциациями участников финансовых рынков, в том числе и Ассоциацией корпоративных казначейств. В функции подобного института должны быть включены разработка и утверждение методики расчета справедливой стоимости для различных типов произ-

водных финансовых инструментов, теоретической стоимости для инструментов — бенчмарков, а также справедливой стоимости производных финансовых инструментов и их портфелей по запросу участников сделок. Функционирование такого института помогло бы не только привнести большую прозрачность на российский внебиржевой рынок производных финансовых инструментов, но и ограничить потери его участников, возникающие в результате непонимания и сложности ценообразования таких инструментов.

3. Отсутствие понятия хеджирования в законодательстве и регулировании (кроме налогообложения и бухгалтерского учета в финансовых организациях). Нормативное определение понятия хеджирования, а также понятия и способов расчетного подтверждения эффективности хеджирования может стать эффективным инструментом стимулирования развития рынков производных финансовых инструментов, финансовых рынков и экономики в целом. Введение фактора хеджирования в регулирование может позволить смягчить требования к резервированию капитала кредитных организаций под сделки с контрагентами с устойчивым денежным потоком, увеличить вовлеченность в рынок некредитных финансовых организаций посредством учета хеджирования в кредитных моделях, расширить операции хеджирования нефинансовых организаций и т.д.

4. Ограниченный состав участников российского рынка производных финансовых инструментов также сдерживает рост данного рынка, несмотря на созданные предпосылки к его развитию⁹. В результате введения антироссийских санкций зарубежные участники рынка производных финансовых инструментов, занимавшие долю до 50% внебиржевого рынка в России и формировавшие существенную ликвидность по большинству классов инструментов, остановили свои операции либо полностью ушли из страны. В первую очередь такая локализация рынка внебиржевых производных финансовых инструментов создает проблему хеджирования трансграничных рисков как в валютном, так и в товарном сегменте, что наглядно иллюстрирует статистика из ежегодного отчета Банка России по внебиржевому

⁹ Эволюция рынка производных финансовых инструментов и развитие механизмов управления финансовыми рисками. Монография. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Безсмертная Е.Р., Гусева И.А., ред. Москва: Прометей; 2024. 288 с.

рынку производных финансовых инструментов. Решение проблемы должно строиться в направлении стимулирования развития сделок с участниками рынков из дружественных юрисдикций, в том числе создания инфраструктурных сервисов и иных стимулирующих мер, выработке которых должно быть уделено внимание Банка России и Правительства РФ. Целесообразно сместить фокус в сторону поставочных контрактов по ключевым товарам и перезапустить работу независимых ценовых центров для формирования отечественных бенчмарков, минимизируя зависимость от внешних индикаторов. Это повысит качество хеджирования реального сектора и устойчивость к внешним шокам.

5. Вызывает также сожаление тот факт, что за периметром ОНРФР остались вопросы, связанные с функционированием сегмента рынка форекс для розничных инвесторов и меры, направленные на защиту его участников от мошеннических действий некоторых участников (нелицензированных форекс-брокеров), находящихся за пределами правового поля. Текущая позиция Банка России направлена на ужесточение мер регулирования данного рынка. В то же время анализ международной практики и регулирования, а также рекомендаций IOSCO¹⁰ говорит, что избыточное ужесточение регулирования ведет к перетоку клиентского спроса в зарубежные юрисдикции, где частный инвестор остается вне правового поля, в котором могут быть защищены его интересы. Таким образом, прямолинейная реализация благой цели в виде защиты интересов инвесторов ведет к прямо противоположному результату. В этой связи рекомендуется выстроить диалог с профессиональным сообществом и оптимизировать ключевые требования к форекс-дилерам в России, допустив увеличение размера предельного плеча как для открытия, так и для закрытия позиций, допустив участие в сделках с форекс-дилерами не только физических, но и юридических лиц, расширив перечень возможных базовых активов, включив в него в том числе цифровые валюты, и уделив большее внимание вопросу контроля манипулирования форекс-дилерами ценами и иными существенными параметрами сделок на рынке форекс вместо ужесточения базовых ограничений данного рынка.

¹⁰ Report on the IOSCO Survey on Retail OTC Leveraged Products Final Report The Board of the International Organization of Securities Commissions. 2016; 14. URL: <https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/ioscopd550.pdf>

РИСКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Важно отметить, что авторы Документа стремятся к реалистичной оценке рисков:

1. Предлагается сбалансированный подход к внешним и внутренним рискам: обсуждаются как санкционные (внешние) риски, так и внутренние (институциональные, поведенческие, включая доверие, финансовую грамотность, корпоративное управление).

2. В ходе анализа климатических рисков признается, что «зелёный» переход к устойчивому развитию несет с собой риск перехода, регулятивный риск, возможные не востребуемые активы.

3. Авторами отмечаются компромиссы в отношении рисков: например, продолжающиеся ограничения на движение капитала могут способствовать стабильности, но влекут за собой издержки для бизнеса, внешней торговли, доверия и т.д.

4. Документ связывает риски с необходимым смягчением их последствий: многие элементы риска соответствуют задачам *раздела 3*, что, по видимому, и определяет направления политики.

Более серьезное внимание было бы целесообразно уделить оценке геополитических рисков и их последствий. Эскалация санкций, финансовая изоляция, потенциальные иностранные судебные решения и т.д. могли бы рассматриваться с позиции наихудшего сценария (более кардинального нарушения цепочек поставок, полного отключения от определенных мировых финансовых систем и т.п.).

В Документе прямо не упоминается моральный риск или конфликт интересов в государственных компаниях или в компаниях с госучастием. Вместе с тем такие риски присутствуют, и частные субъекты нередко ожидают прямой поддержки или смягчения регулирования в пользу компаний, связанных с государством.

ВЫВОДЫ

Эксперты Финансового университета, положительно оценивая «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов» и подчеркивая фундаментальность, всесторонность, сбалансированность Документа, вместе с тем полагают, что он может быть дополнен и в отдельных частях конкретизирован с учетом отмечен-

ных выше замечаний и предложений. В первую очередь рекомендации касаются вопросов первичного рынка акций, совершенствования корпоративных отношений, увеличения роли долевого финансирования, развития рынка цифровых финансовых активов, производных финансовых инструментов в целях хеджирования кредитного и процентного риска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Berkman H., Cole R.A., Fu L.J. Political connections and minority-shareholder protection. *Journal of Financial and Quantitative Analysis*. 2010;45(6):1391-1417.
2. Von Horn R. Systemic risk in the fintech-banking system: Assessing instabilities and vulnerabilities in Central Europe. *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 2025;104:102071. DOI:10.1016/j.qref.2025.102071
3. Adrian T., Ashcraft A.B. Shadow banking Regulation. Federal Reserve Bank of New York Staff Reports No. 559, April 2012. URL: https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/staff_reports/sr559.pdf
4. Криничанский К.В., Анненская Н.Е. Финансовые рынки и институты. Монография. Москва: РУСАЙНС; 2020: 360 с.
Krinichansky K.V., Annenskaya N.E. Financial markets and institutions. Monograph. Moscow: RUSAINS; 2020:360 p. (In Russ.).
5. Криничанский К.В., Зеленева Е.С. Финтех-сектор в контексте финансового развития и проблем его измерения. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(5):121-132. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-5-121-132
Krinichansky K.V., Zeleneva E.S. Fintech Sector in the Context of Financial Development and Problems of its Measurement. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(5):121-132. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-5-121-132
6. Криничанский К.В. Взаимосвязь финансового развития и экономического роста: проблема нелинейности. *Финансы и кредит*. 2022;28(6):1712-1733. DOI: 10.24891/fc.28.6.1212
Krinichansky K.V. The Relationship between financial development and economic growth: The issue of nonlinearity. *Finansy i Kredit = Finance and Credit*. 2022;28(6):1712-1733. (In Russ.). DOI: 10.24891/fc.28.6.1212
7. Гончаренко Л.И., Гончаренко М.А. Налоговое стимулирование инноваций как инструмент обеспечения технологического суверенитета России. *Инновации и инвестиции*. 2025; 10: 336-340.
Goncharenko L.I., Goncharenko M.A. Tax incentives for innovation as a tool for ensuring Russia's technological sovereignty. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*. 2025;10:336-340. (In Russ.).
8. Гончаренко М.А., Хацько А.Д. Налоговые инструменты влияния на развитие рынка финансовых услуг. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;5(17):115-128.
Goncharenko M.A., Khatsko A.D. Tax instruments of influence on the development of the financial services market. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2024;5(17):115-128. (In Russ.).
9. Криничанский К.В., Рубцов Б.Б. Регулирование финансового сектора в повестке реформ экономической политики. *Финансы: теория и практика*. 2022;26(5):6-21. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-26-5-6-21
Krinichansky K.V., Rubtsov B.B. Financial sector regulation on the agenda of economic policy reforms. *Finance: Theory and Practice*. 2022;26(5):6-21. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-5-6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Елена Николаевна Алифанова — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансовых рынков и финансового инжиниринга финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Elena N. Alifanova — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Department of Financial Markets and Financial Engineering, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-6908-7808>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

enalifanova@fa.ru

Константин Владимирович Криничанский — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансовых рынков и финансового инжиниринга финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Konstantin V. Krinichanskiy — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof., Department of Financial Markets and Financial Engineering, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-1225-7263>

kkrin@fa.ru

Тимофей Викторович Маняхин — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансовых рынков и финансового инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; сертифицированный риск-менеджер, Международная ассоциация профессиональных риск-менеджеров, Москва, Российская Федерация

Timofey V. Manyakhin — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Financial Markets and Financial Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Certified Risk Manager, International Association of Professional Risk Managers, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0005-7315-286X>

tvmanyakhin@fa.ru

Сергей Александрович Переход — заведующий лабораторией «Фининвест» кафедры финансовых рынков и финансового инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Sergey A. Perekhod — Head of the Fininvest Laboratory, Department of Financial Markets and Financial Engineering, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4606-1226>

saperekhod@fa.ru

Борис Борисович Рубцов — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансовых рынков и финансового инжиниринга финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник сектора теории финансовых рынков, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова, Москва, Российская Федерация

Boris B. Rubtsov — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Financial Markets and Financial Engineering of the Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Leader Research Associate, Financial Market Theory Sector, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-8945-605X>

brubtsov@fa.ru

Павел Юрьевич Соловьев — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансовых рынков и финансового инжиниринга финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Pavel Yu. Soloviev — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Financial Markets and Financial Engineering of the Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

psoloviev@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Е. Н. Алифанова — научное обоснование и анализ принципов сформированной политики развития финансовых рынков, общее редактирование статьи.

К.В. Криничанский — научный анализ взаимосвязи развития экономики и финансового рынка.

Т.В. Маняхин — научный анализ влияния динамики рынка акций России на экономическую мотивацию частных инвесторов и эмитентов; обоснование мер по развитию рынка, увязывающих интересы всех его участников.

С.А. Переход — анализ развития российского рынка капиталов, рынка производных финансовых инструментов.

Б.Б. Рубцов — рекомендации по развитию рынка форекс, рынка долговых инструментов, общее редактирование статьи.

П.Ю. Соловьев — обоснование необходимых мер по развитию биржевого и внебиржевого рынка производных финансовых инструментов.

Authors Contribution Statement:

E.N. Alifanova — scientific substantiation and analysis of the principles of the formed policy for financial markets growth, general editing of the paper.

K.V. Krinichanskiy — scientific analysis of the interrelation between economic development and financial market.

T.V. Manyakhin — scientific analysis of the Russian stock market dynamics effect on the economic motivation of private investors and issuers; a justification for market development measures that align the interests of all its participants.

S.A. Perekhod — analysis of the Russian capital and derivatives market.

B.B. Rubtsov — recommendations for the forex market development, general editing of the paper.

P. Yu. Soloviev — justification of necessary measures for the development of the exchange and over-the-counter market of derivative financial instruments.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 24.11.2025; accepted for publication 23.12.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-40-54

УДК 336.1(045)

JEL: H19, H60

Бюджетная политика России: современные приоритеты и инструменты

М.Л. Васюнина, С.Е. Демидова, Ю.Г. Тюрина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В условиях макроэкономической неопределенности, технологических сдвигов и геополитического давления актуализируются задачи трансформации национальной экономики. В контексте стратегического целеполагания и необходимости достижения национальных целей развития Российской Федерации дилемма между возрастающей потребностью в бюджетном стимулировании новых точек роста и требованиями сохранения фискальной устойчивости решается посредством комплекса системных подходов и специальных мер, реализуемых в рамках бюджетной политики. **Цель** работы – выявление и оценка ключевых направлений современной бюджетной политики России в контексте актуальности обеспечения социальной стабильности, стимулирования технологического лидерства и содействия пространственному развитию. В качестве **методологической** базы автор использовал системный и институциональный анализ, применялись также **методы** сравнения, экспертных оценок, анализа статистических данных, что позволило выявить ключевые структурные и динамические изменения в бюджетной политике в части бюджетного финансирования и оценить ожидаемые эффекты реализации мер бюджетной политики на средне-долгосрочную перспективу. В **результате** исследования сделаны следующие **выводы**: социально ориентированная бюджетная политика направлена на укрепление экономических основ и обеспечение справедливого распределения благ среди разных социальных групп путем воздействия на постепенное повышение уровня жизни населения, уменьшение неравенства и улучшение основных показателей здоровья и образования; результативность бюджетной политики РФ в сфере обеспечения технологического суверенитета определяется качеством институциональной среды и эффективностью инструментов стимулирования кооперационного взаимодействия экономических субъектов в рамках реализации технологических проектов; бюджетная политика в области регионального развития ориентирована на укрепление бюджетной устойчивости регионов, постепенное снижение дифференциации бюджетного положения субъектов Российской Федерации, интеграцию воссоединившихся регионов в бюджетное пространство России и обеспечение их бюджетной сбалансированности, содействие инфраструктурному развитию территорий.

Ключевые слова: бюджетная политика; государственные программы; национальные проекты; поддержка семьи; сохранение населения; технологическое лидерство; пространственное развитие; межбюджетные отношения

Для цитирования: Васюнина М.Л., Демидова С.Е., Тюрина Ю.Г. Бюджетная политика России: современные приоритеты и инструменты. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(1):40-54. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-40-54

ORIGINAL PAPER

Russia's Budget Policy: Present Priorities and Implements

M.L. Vasyunina, S.E. Demidova, Yu.G. Tyurina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The transformation of the national economy faces mounting pressure because of macroeconomic instability, technological advancements, and geopolitical tensions. Russia's national growth strategy grapples with the challenge of balancing increased budget incentives for new growth points with the necessity of fiscal sustainability. This is achieved through systemic strategies and targeted fiscal policies. This study **aims** to pinpoint and assess significant aspects of current Russian budget policy. Its focus is on how this policy contributes to social stability, encourages technological advancement, and supports regional growth. The author employed systemic and institutional analysis, comparative **methods**, expert assessments, and statistical data analysis as their **methodological** framework. This enabled the author to

© Васюнина М.Л., Демидова С.Е., Тюрина Ю.Г., 2026

pinpoint significant structural and dynamic shifts in budget policy related to funding and to gauge the expected effects of budget policy actions in the medium to long term. As the **result** the study **concluded** that a budget policy focused on social well-being reinforces economic stability and promotes fair benefit distribution across various societal segments. This is achieved through a steady enhancement of living standards, a decrease in inequality, and improvements in crucial health and education metrics.

Keywords: budget policy; state programs; national projects; family support; population retention; technological leadership; spatial development; interbudgetary relations

For citation: Vasyunina M.L., Demidova S.E., Tyurina Yu.G. Russia's budget policy: Present priorities and implements. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):40-54. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-40-54

ВВЕДЕНИЕ

В условиях продолжающейся макроэкономической неопределенности, смены технологического уклада и возросших геополитических рисков бюджетная политика России должна быть напрямую увязана с фундаментальными приоритетами долгосрочного развития [1;2], сформулированными в национальных целях и задающими три ключевых вектора трансформации. Первый вектор — *социальная ориентированность (человекоцентричность)* — сосредоточен на сохранении и развитии человеческого капитала, благополучии семьи и каждого гражданина. Второй — *технологическое лидерство* — направлен на прорыв в критически важных отраслях и обеспечение технологического суверенитета. Третий — *устойчивое пространственное развитие* — нацелен на создание комфортной среды для жизни, преодоление регионального неравенства и динамичный рост экономики в целом.

Стратегический правовой контур определен указами Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹, от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года»², системой документов стратегического планирования, перечнями инициатив и принятых государственных решений в сфере социально-экономического, технологического и пространственного развития, основными направлениями бюджетной политики.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/?ysclid=mknpt28qs9846126303

СТРУКТУРНАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ РАСХОДОВ

Среднесрочные бюджетные приоритеты на 2026–2028 гг. отражают структурную переориентацию расходов бюджета в соответствии с национальными целями [3]. Анализ динамики и структуры расходов в разрезе национальных проектов позволяет сделать несколько наблюдений (табл. 1). Во-первых, значительную долю в общем объеме финансирования сохраняют социально ориентированные проекты, в которых выделены «Семья», «Молодежь и дети», «Продолжительная и активная жизнь», что отражает продолжение политики инвестиций в благополучие и развитие человека как основу долгосрочного роста. Во-вторых, наиболее высокие темпы прироста демонстрируют проекты, связанные с инфраструктурой и технологическим лидерством (ежегодно более 5%), что указывает на стремление интегрировать социальные задачи с модернизацией экономического базиса страны. Данный баланс социальных и производственно-технологических расходов формирует бюджетную политику [4;5], в рамках которой можно выделить три ключевых взаимосвязанных направления: социально ориентированную политику, политику обеспечения технологического суверенитета и политику регионального развития.

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА

В рамках социальной повестки бюджетная политика России направлена на обеспечение социальной справедливости и поддержку уязвимых групп общества, что предполагает распределение бюджетных ресурсов в пользу социальных программ и мероприятий, способствующих улучшению качества жизни граждан.

Социально ориентированная бюджетная политика характеризуется комплексом приоритетов, ключевыми из которых являются:

Таблица 1 / Table 1

**Расходы федерального бюджета на реализацию национальных проектов в процентах к общему
объему расходов федерального бюджета / Federal budget expenditures for the implementation
of national projects, as a percentage of the total federal budget expenditures**

Национальный проект / National project	2025	2026	2027	2028
«Семья»	6,75	7,35	6,05	6,04
«Молодежь и дети»	1,13	1,24	1,27	1,34
«Продолжительная и активная жизнь»	0,87	0,63	0,62	0,70
«Кадры»	0,06	0,04	0,04	0,04
«Инфраструктура для жизни»	2,99	3,10	3,59	4,07
«Средства производства и автоматизации»	0,03	0,08	0,08	0,09
«Новые материалы и химия»	0,02	0,03	0,04	0,04
«Промышленное обеспечение транспортной мобильности»	0,25	0,28	0,31	0,32
«Новые технологии для сбережения здоровья»	0,01	0,01	0,01	0,01
«Технологическое обеспечение продовольственной безопасности»	0,03	0,04	0,05	0,05
«Беспилотные авиационные системы»	0,09	0,06	0,06	0,07
«Развитие космической деятельности»	0,00	0,65	0,73	0,67
«Новые атомные и энергетические технологии»	0,07	0,09	0,09	0,11
«Технологическое обеспечение биоэкономики»	0,00	0,01	0,01	0,01
«Эффективная транспортная система»	0,34	0,42	0,48	0,33
«Экологическое благополучие»	0,14	0,21	0,27	0,41
«Туризм и гостеприимство»	0,11	0,14	0,17	0,17
«Международная кооперация и экспорт»	0,22	0,14	0,12	0,31
«Эффективная и конкурентная экономика»	0,48	0,42	0,30	0,24
«Экономика данных и цифровая трансформация государства»	0,35	0,42	0,40	0,40

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Федерального закона от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов», Федерального закона от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и плановый период 2027 и 2028 годов» / compiled by the authors on the basis of data from Federal Law No. 419-FZ dated 11/30/2024 "On the Federal Budget for 2025 and the Planning Period of 2026 and 2027", Federal Law No. 426-FZ dated 11/28/2025 "On the Federal Budget for 2026 and the Planning Period of 2027 and 2028".

• *обеспечение развития социальной инфраструктуры и создание условий для продолжительной активной жизни*, что нашло отражение в планируемых бюджетных ассигнованиях в части: адресного строительства детских садов в отдельных населенных пунктах с выявленной потребностью в инфраструктуре; модернизации и оснащения учреждений культуры, создания модельных муниципальных библиотек;

формирования условий для показа национальных кинофильмов, творческих проектов, направленных на сохранение и популяризацию традиционных ценностей, военно-исторических патриотических мероприятий; модернизации первичного звена здравоохранения, в том числе в направлении выявления сердечно-сосудистых, онкологических заболеваний; развития федеральных медицинских организаций,

включая сети национальных исследовательских центров, подготовку и переподготовку медицинских кадров; другие социально значимые меры.

Важно отметить значимость стратегического пересмотра необходимости финансирования строительства и оснащения образовательных и спортивных организаций, обновления инфраструктуры образовательных организаций высшего образования, осуществляющих подготовку педагогических кадров, повышения квалификации педагогических работников; создания сети современных кампусов; повышения квалификации и (или) профессиональной переподготовки, в том числе на базе высокотехнологичных компаний для профессорско-преподавательского состава и управленческих команд передовых инженерных школ, а также образовательных организаций высшего образования, реализующих образовательные программы инженерного профиля и другие.

Указанное направление бюджетной политики [6] связано с достижением параметров национальных целей развития в части увеличения ожидаемой продолжительности жизни³; снижения суммарной продолжительности временной нетрудоспособности граждан в трудоспособном возрасте на основе формирования здорового образа жизни, создания условий для своевременной профилактики заболеваний и привлечения к систематическим занятиям спортом; обеспечения граждан жильем⁴;

- *выполнение социальных обязательств, включая обеспечение повышения заработной платы, пенсий и пособий, иных выплат с целью сохранения покупательной способности [7;8].* В числе приоритетных мер: индексация публичных нормативных обязательств в 2026 г. на 6,8%, в 2027 г. — на 4,0% и в 2028 г. — на 4,0%; повышение оплаты труда и денежного довольствия на прогнозный уровень инфляции ежегодно 4,0%; повышение оплаты труда отдельных категорий работников федеральных государственных учреждений (здравоохранения, социального обеспечения населения, образования, культуры и науки) в 2026 г. на 7,6%, в 2027 г. — на 8,0% и в 2028 г. — на 7,3%; индексация стипендиального фонда для обучающихся федеральных образовательных учреждений еже-

годно на 4,0%. Серьёзным стимулом для улучшения материального положения наименее обеспеченных категорий граждан станет повышение минимального размера оплаты труда⁵;

- *расширение мер поддержки семьи, материнства и детства, старшего поколения [9],* цель реализации которых — достижение целевых показателей повышения суммарного коэффициента рождаемости⁶; увеличения численности граждан пожилого возраста и инвалидов, получающих услуги долговременного ухода; снижения уровня бедности⁷; повышения доступности жилья на первичном рынке. Среди значимых мер реализации бюджетной политики в части содействия укреплению семьи и повышению рождаемости: введение семейных налоговых льгот по налогу на доходы физических лиц для семей с низким уровнем дохода, имеющих двух и более детей⁸; обеспечение ежегодной семейной выплаты семьям с детьми и ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка; увеличение материнского капитала (что сопряжено с динамикой бюджетных ассигнований на более 1,5 трлн руб. в течение трех лет) и предоставление семьям с детьми возможности получения остатков средств материнского капитала без определения цели их использования; бюджетное финансирование программы поддержки семейного ипотечного кредитования для молодых семей. Ресурсное обеспечение указанных мер предусмотрено в рамках «детского» бюджета, утверждаемого в объеме более 10 трлн руб. на три предстоящие года.

Поддержка старшего поколения связана с финансовым обеспечением программ, направленных на создание безопасных и комфортных условий предоставления социальных услуг в сфере социального обслуживания и системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами;

- *комплексная поддержка участников специальной военной операции и членов их семей.* В рамках данного направления значимы вопросы финансового обеспечения: ежемесячных денежных выплат участникам

⁵ Повышение минимального размера оплаты труда ориентировано на достижение его величины не менее чем 35 тыс. руб. в месяц.

⁶ В частности, предусмотрено повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 г. и до 1,8 к 2036 г.

⁷ Определено снижение уровня бедности ниже 7% к 2030 г. и ниже 5% к 2036 г.

⁸ В частности, данный инструмент применяется в отношении семей, доход которых менее 1,5 прожиточного минимума в регионе, и ориентирован в среднем на более 7 млн семей с детьми.

³ В частности, предусмотрено увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 г. и до 81 года к 2036 г.

⁴ Определено обеспечение граждан жильем общей площадью не менее 33 кв. метров на человека к 2030 г. и не менее 38 кв. метров к 2036 г.

Таблица 2 / Table 2

Расходы федерального бюджета на реализацию государственных программ социальной направленности / Federal budget expenditures on the implementation of state social programs

Государственные программы Российской Федерации / State programs of the Russian Federation	2025	2026	2027	2028
Направление «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» / Population conservation, human health and well-being				
Ассигнования по государственным программам направления к объему ассигнований федерального бюджета, %	21,43	20,31	20,16	19,62
из них				
Государственная программа «Развитие здравоохранения» к объему ассигнований федерального бюджета к объему ассигнований федерального бюджета, %	6,28	5,68	5,77	5,83
Государственная программа «Социальная поддержка граждан» к объему ассигнований федерального бюджета, %	14,17	13,60	13,34	12,79
Государственная программа «Доступная среда» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,46	0,52	0,54	0,51
Направление «Возможности для самореализации и развития талантов» / Opportunities for self-realization and talent development				
Ассигнования по государственным программам направления к объему ассигнований федерального бюджета, %	3,44	3,79	4,06	4,09
из них				
Государственная программа «Развитие образования» к объему ассигнований федерального бюджета, %	2,40	2,50	2,66	2,74
Государственная программа «Развитие культуры» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,84	1,05	1,10	1,05
Государственная программа «Развитие туризма» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,18	0,23	0,28	0,28
Направление «Комфортная и безопасная среда для жизни» / Comfortable and safe living environment				
Ассигнования по государственным программам направления к объему ассигнований федерального бюджета, %	20,44	20,84	19,70	20,20
из них				
Государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» к объему ассигнований федерального бюджета, %	6,29	6,45	4,28	4,14
Государственная программа «Развитие транспортной системы» к объему ассигнований федерального бюджета, %	6,05	6,23	7,08	7,91
Государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» к объему ассигнований федерального бюджета, %	4,35	4,39	4,46	4,25

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Федерального закона от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов», Федерального закона от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и плановый период 2027 и 2028 годов» / compiled by the authors on the basis of data from Federal Law No. 419-FZ dated 11/30/2024 "On the Federal Budget for 2025 and the Planning Period of 2026 and 2027", Federal Law No. 426-FZ dated 11/28/2025 "On the Federal Budget for 2026 and the Planning Period of 2027 and 2028".

СВО; единовременных выплат при заключении контракта, награждении, увольнении, а также семьям погибших; повышенных пенсий по инвалидности и потере кормильца; списания задолженности по ипотечным кредитам для семей погибших военнослужащих. Дополнительные бюджетные ассигнования предусмотрены на бесплатное медицинское обслуживание и реабилитацию, гарантии семьям в части содержания детей военнослужащих в образовательных учреждениях. Основной тренд — гарантии финансового обеспечения масштабной и многоканальной системы социального контракта с участниками СВО и их семьями, ориентированной на достижение показателей национальных целей развития в части повышения уровня удовлетворенности участников специальной военной операции условиями для медицинской реабилитации, переобучения и трудоустройства.

Объем финансового обеспечения социально ориентированных расходов федерального бюджета в разрезе государственных программ представлен в табл. 2.

Таким образом, бюджетная политика Российской Федерации продолжает курс на постепенное повышение уровня жизни населения, уменьшение неравенства и улучшение основных показателей здоровья и образования. В рамках бюджетной стратегии намечены конкретные шаги по укреплению экономических основ и обеспечению справедливого распределения благ среди разных социальных групп.

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА И ДОСТИЖЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Целью бюджетной политики России в области технологического суверенитета является создание условий для перераспределения ресурсов в высокотехнологичный сектор экономики и стимулирование качественной структурной трансформации экономики [10], обеспечивающей переход к технологическому лидерству через создание полных циклов производства конкурентоспособной продукции [11]. В контексте обозначенной цели бюджетная политика ориентирована на переход от общей поддержки бизнеса к отраслевой и проектной адресности с фокусом на преодоление критической импортозависимости в отраслях промышленности и секторе информационных технологий [12]; перераспределение ресурсов в пользу наукоемкого сектора; формирование устойчивого рыночного спроса на отечественные технологические решения.

Масштаб финансового обеспечения технологического развития в разрезе государственных программ показывает приоритетность направлений, связанных с развитием науки, технологий и промышленности (табл. 3).

Наибольший объем бюджетных ассигнований приходится на программы «Научно-технологическое развитие» и «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»; за период с 2025 г. отмечается увеличение доли в общем объеме расходов федерального бюджета с 5,53% до 7,72%, что повышает ресурсную основу для достижения целей технологического суверенитета.

Текущая бюджетная политика в части обеспечения технологического суверенитета предусматривает ряд направлений, среди которых выделим 5 основных:

1. Переход от горизонтальной поддержки спроса к адресному выбору и фокусировке бюджетных средств на создании конечного продукта в стратегических секторах. Цель — концентрация бюджетных ресурсов на создании конечного технологического продукта в прорывных секторах, таких как космическая деятельность, новые атомные технологии (управляемый термоядерный синтез), а также формирование полного цикла производства беспилотных авиационных систем. Реализация данного направления ориентирована на увеличение доли отечественных высокотехнологичных товаров в структуре потребления, рост малых технологических компаний, наращивание объемов производства обрабатывающей промышленности⁹.

2. Создание непрерывной цепочки бюджетной поддержки и мер по стимулированию наращивания доли частных инвестиций в исследования и разработки, что напрямую отвечает задаче увеличения внутренних затрат на НИОКР до 2% ВВП к 2030 г., в том числе за счет удвоения инвестиций со стороны частного бизнеса.

Конкретные инструменты дифференцированы по стадиям инновационного цикла:

• **стадия НИОКР и создания прототипов:** прямое субсидирование (до 70% затрат), грантовая поддержка малых предприятий и стартапов, вклю-

⁹ В частности, к 2030 г. предусмотрено увеличение доли отечественных высокотехнологичных товаров в потреблении в 1,5 раза; увеличение выручки малых технологических компаний в 7 раз; повышение индекса производства обрабатывающей промышленности не менее чем на 40%.

Таблица 3 / Table 3

Расходы федерального бюджета на реализацию государственных программ технологического развития / Federal budget expenditures for the implementation of state technological development programs

Государственные программы Российской Федерации / State programs of the Russian Federation	2025	2026	2027	2028
Направление «Достойный эффективный труд и успешное предпринимательство» / Decent effective work and successful entrepreneurship				
Ассигнования по государственным программам направления к объему ассигнований федерального бюджета, %	1,55	1,31	1,26	1,26
из них				
Государственная программа «Развитие и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,98	0,71	0,67	0,69
Государственная программа «Развитие рыбохозяйственного комплекса» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,05	0,05	0,04	0,02
Государственная программа «Воспроизводство и использование природных ресурсов» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,14	0,16	0,16	0,17
Государственная программа «Развитие лесного хозяйства» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,15	0,18	0,18	0,19
Государственная программа «Национальная система пространственных данных» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,23	0,20	0,21	0,20
Направление «Развитие науки, промышленности и технологий» / Development of science, industry and technology				
Ассигнования по государственным программам направления к объему ассигнований федерального бюджета, %	6,63	7,99	8,60	8,82
из них				
Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» к объему ассигнований федерального бюджета, %	3,42	3,69	3,74	3,62
Государственная программа «Развитие атомного энергопромышленного комплекса» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,20	0,22	0,23	0,17
Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» к объему ассигнований федерального бюджета, %	2,11	3,09	3,66	4,10
Государственная программа «Развитие авиационной системы» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,09	0,08	0,08	0,15
Государственная программа «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,05	0,06	0,10	0,05
Государственная программа «Космическая деятельность России» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,75	0,86	0,79	0,73

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Федерального закона от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов», Федерального закона от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и плановый период 2027 и 2028 годов» / compiled by the authors on the basis of data from Federal Law No. 419-FZ dated 11/30/2024 "On the Federal Budget for 2025 and the Planning Period of 2026 and 2027", Federal Law No. 426-FZ dated 11/28/2025 "On the Federal Budget for 2026 and the Planning Period of 2027 and 2028".

чая поддержку в рамках инновационного центра «Сколково»;

- **стадия инвестиций и масштабирования:** применение механизмов долгосрочного инвестиционного налогового вычета, увеличенного срока инвестиционного налогового кредита, а также льготных ставок по налогу на прибыль (включая освобождение операций в сфере НИР с повышающим коэффициентом 2 с 2026 г.) и страховым взносам для IT-сектора и радиоэлектронной промышленности;

- **стадия выхода на рынок:** возмещение части затрат производителям (например, в химической промышленности или по редким металлам), льготное экспортное кредитование, компенсация логистических издержек, а также финансирование целевого инжиниринга для интеграции малых компаний в цепочки крупных корпораций.

3. Достижение целевого уровня внутренних затрат на исследования и разработки (с учетом выше реализуемых мер) обеспечивает вклад в решение задачи бюджетной политики, связанной с привлечением внебюджетных источников, будет обеспечено ростом частных инвестиций и устойчивым партнерством между государством и бизнесом в научно-технической сфере¹⁰.

4. Формирование национального технологического фундамента через развитие критических отраслей средств производства и инфраструктуры. Цель — минимизация зависимости от импорта станков, промышленной электроники, специальных материалов и компонентов. Бюджетные ассигнования направлены на: создание и развитие объектов инфраструктуры (центры класса «мегасайенс», центры компетенций в станкостроении, центры развития промышленной робототехники); поддержку производства промышленной робототехники, литейного и станкоинструментального оборудования, развитие производств композиционных материалов, редких и редкоземельных металлов, критической биотехнологической продукции; финансирование сквозных НИОКР, обеспечивающих переход от фундаментальных исследований к серийному выпуску продукции. Меры поддержки включают субсидии на НИОКР, льготное кредитование (в том числе через докапитализированный Фонд развития промышленности), поддержку лизинга оборудования, а также

освобождение от ввозных пошлин на отсутствующее в России технологическое оборудование. Это направление является основой для достижения показателей увеличения уровня валовой добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности не менее чем на 40% к 2030 г. и вхождения Российской Федерации в число 25 ведущих стран мира по показателю плотности роботизации.

5. Совершенствование бюджетных процедур и управленческих механизмов для повышения эффективности освоения средств и результативности технологических проектов. Ключевая проблема — низкий и неравномерный уровень освоения ассигнований по технологическим национальным проектам. Цель — повысить качество проектов и институциональную готовность отраслей. Инструменты носят управленческий характер: регулярный мониторинг расходов; акцент на финансирование «мягкой» инфраструктуры (научно-методическое сопровождение, инжиниринговые центры, целевая подготовка кадров); внедрение гибких механизмов бюджетирования для оперативного перераспределения ресурсов.

Результатом концентрации бюджетных ресурсов в направлении обеспечения технологического суверенитета должно стать качественное изменение модели финансирования инноваций и достижение контрольных показателей: увеличение выручки малых технологических компаний не менее чем в семь раз к 2030; достижение целевого уровня внутренних затрат на исследования и разработки в размере 2% ВВП, обеспеченное именно двукратным ростом частных инвестиций и устойчивым партнерством между государством и бизнесом в научной сфере; тактическим, но не менее важным критерием станет повышение уровня освоения бюджетных средств по национальным проектам технологического лидерства. Это станет основой для достижения национальных показателей: роста валовой добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности на 40%, так как развитие собственного машиностроения и материалов повышает эффективность и глубину переработки во всех отраслях, а также вхождение России в число 25 ведущих стран мира по плотности роботизации, что напрямую зависит от развития отечественного рынка промышленной автоматизации.

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА В ЦЕЛЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Современная бюджетная политика России в области регионального развития нацелена на обеспе-

¹⁰ Это напрямую отвечает задаче увеличения внутренних затрат на НИОКР до 2% ВВП к 2030 г., в том числе за счет удвоения инвестиций со стороны частного бизнеса.

чение бюджетной устойчивости и стимулирование экономического развития регионов как условия преодоления пространственных диспропорций и активного включения субъектов в реализацию национальных целей и предусматривает следующий комплекс мер:

- укрепление бюджетной устойчивости и обеспечение выравнивания бюджетного положения субъектов Российской Федерации;
- содействие инфраструктурному развитию регионов как фактору повышения экономического потенциала и качества жизни населения;
- интеграция воссоединившихся регионов в бюджетное пространство России и обеспечение их бюджетной сбалансированности.

Снижение межрегиональных диспропорций развития — одно из основных направлений, сопряженное с необходимостью сокращения разрыва бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации¹¹. Ускоренный экономический рост отдельных регионов, обусловленный высокой концентрацией промышленного производства и активностью инвестиционных процессов, усилил межрегиональную дифференциацию [13; 14]. В 2023 г. более 50% ВВП было сконцентрировано в 9 субъектах Российской Федерации, включая города федерального значения Москву и Санкт-Петербург¹²; что касается механизма выравнивания, то он охватывает до 75% субъектов РФ. По итогам 2024 г. межрегиональный разрыв бюджетной обеспеченности (до выравнивания) между наиболее и наименее экономически благополучными регионами, обусловленной различиями в налоговом потенциале и структуре расходных обязательств, достиг 12-кратного уровня.

Ключевое положение в механизме текущего сокращения межрегиональной дифференциации

¹¹ В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» предусмотрено сокращение указанного разрыва к 2036 году не более чем до двух раз (с учетом целевых МБТ из федерального бюджета). Соответствующие целевые параметры определены Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., а также государственной программой Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами».

¹² В частности, в 2022 г. на долю Москвы приходилось 20,3% ВВП РФ, Санкт-Петербурга — 7,9%. В состав указанных регионов входят также Московская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Красноярский край, Республика Татарстан и др.

и укрепления бюджетной устойчивости регионов сохраняется за дотациями на выравнивание бюджетной обеспеченности; их доля в структуре межбюджетных трансфертов (далее — МБТ) общего характера, предоставляемых из федерального бюджета, превышает 70% и на трехлетнюю перспективу существенно не меняется. Итоги предыдущих периодов свидетельствуют о постепенном повышении эффекта выравнивания: расширяется состав регионов, не являющихся получателями дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности; постепенно увеличивается количество субъектов, чей уровень бюджетной обеспеченности после выравнивания превышает среднероссийское значение¹³; сокращается количество высокодотационных регионов¹⁴; уровень разрыва между десятью наиболее и наименее обеспеченными регионами с учетом целевых трансфертов сократился до 2,1 раза, опережая целевые значения документов стратегического планирования (в 2025 г.)¹⁵. Успешность бюджетной политики в части сокращения межрегионального разрыва по уровню бюджетной обеспеченности подтверждается также результатами отдельных исследований [15].

Ресурсное обеспечение бюджетного выравнивания регионов предусматривается в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами», зани-

¹³ В 2020 г. в состав регионов, чей уровень бюджетной обеспеченности после выравнивания превышал среднероссийское значение, входили 13 субъектов Российской Федерации, в 2022 г. — 22, в 2025 г. — 26.

¹⁴ В 2020–2022 гг. было 6 высокодотационных регионов, у которых объем дотаций превышал 40% собственных доходов консолидированных бюджетов, в 2025 г. — 4 региона (8 регионов с учетом воссоединившихся субъектов Российской Федерации).

¹⁵ Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., а также государственной программе Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами» разрыв в уровнях бюджетной обеспеченности между 10 наиболее и 10 наименее обеспеченными субъектами Российской Федерации с учетом целевых МБТ не должен превышать 2,2 раза к 2030 г. и 2 раз к 2036 г. Снижение к 2036 г. не более чем до двух раз разрыва в уровнях бюджетной обеспеченности между указанными субъектами Российской Федерации является целевым показателем достижения национальной цели развития «Устойчивая и динамичная экономика», обозначенной Президентом Российской Федерации.

Таблица 4 / Table 4

МБТ в рамках государственной программы «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами» / Intergovernmental transfers of the program “Development of Federal relations and creation of conditions for effective and responsible management of regional and municipal finances”

Показатель / Indicator	2025	2026	2027	2028
МБТ по государственной программе к объему ассигнований по государственной программе, %	98,6	98,7	98,6	98,6
МБТ по государственной программе к объему МБТ из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, %	37,1	37,0	34,9	32,7
Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации к объему МБТ по государственной программе, %	85,9	84,7	85,5	85,1

Источник / Source: составлено авторами на основе Федерального закона от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов», Федерального закона от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и плановый период 2027 и 2028 годов» / compiled by the authors on the basis of data from Federal Law No. 419-FZ dated 11/30/2024 “On the Federal Budget for 2025 and the Planning Period of 2026 and 2027”, Federal Law No. 426-FZ dated 11/28/2025 “On the Federal Budget for 2026 and the Planning Period of 2027 and 2028”.

мающей приоритетное положение в программной структуре расходов федерального бюджета по соответствующему направлению (за 2022–2025 гг. — более 70% расходов на реализацию государственных программ по направлению «Сбалансированное региональное развитие»). Указанная госпрограмма сохраняет позиции основного «носителя» МБТ: на её долю приходится в среднем 35–37% общего объема МБТ субъектам Российской Федерации из федерального бюджета (табл. 4).

За двадцатилетний период применения данного инструмента подходы к расчету и распределению дотаций систематически корректировались в целях повышения справедливого выравнивающего эффекта. Новый бюджетный цикл характеризуется как очередной этап уточнения порядка и методики распределения дотаций, предусматривающий доработку алгоритма оценки налогового потенциала, а также расчета стоимости расходных обязательств.

Современный этап бюджетной политики в части фискального стимулирования инфраструктурного развития регионов характеризуется модернизацией отдельных бюджетных инструментов, введенных в практику в предыдущие годы и имеющих позитивные результаты применения. Прежде всего это бюджетные кредиты инфраструктурного назначения, а также реструктуризация задолженности по бюджетным кредитам, предусматривающая направление высвобождаемых средств на инвестиционные проекты [16]. Сегодня бюджетные кредиты (в част-

ности, инфраструктурные бюджетные кредиты, казначейские инвестиционные кредиты, специальные казначейские кредиты), а также механизм списания части задолженности (направляемой на поддержку инвестиций, включая компенсацию недополученных доходов по инвестиционным налоговым вычетом) занимают положение значимых инструментов государственной поддержки региональных инвестиций. В целях совершенствования бюджетного кредитования в рамках нового бюджетного цикла и повышения результативности реализации инфраструктурных (инвестиционных) проектов следует добиваться исключения методических и технических пробелов, снижающих эффективность применения этого инструмента. Для этого будут активно применяться мониторинг использования бюджетных средств, высвобождаемых в рамках реструктуризации задолженности по бюджетным кредитам; повышаться ответственность за несоблюдение условий бюджетного кредитования и недостижение результатов инфраструктурных проектов; оптимизироваться алгоритм списания задолженности по бюджетным кредитам¹⁶.

¹⁶ Паспорт государственной программы Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами»; Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 г. и на плановый период 2027 и 2028 гг.

Таблица 5 / Table 5

**Расходы федерального бюджета на реализацию программ регионального развития /
Federal budget expenditures on the implementation of state social programs**

Программы / Indicators	2025	2026	2027	2028
Государственные программы Российской Федерации в сфере регионального развития / State programs of the Russian Federation in the field of regional development				
Ассигнования по государственным программам направления «Сбалансированное региональное развитие» к объему ассигнований федерального бюджета, %	4,33	4,29	4,10	3,82
из них				
Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,13	0,14	0,12	0,11
Государственная программа «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,03	0,04	0,03	0,01
Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,03	0,02	0,01	0,01
Государственная программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,26	0,21	0,23	0,21
Государственная программа «Социально-экономическое развитие Калининградской области» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,07	0,05	0,06	0,06
Государственная программа «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,75	0,67	0,71	0,65
Индивидуальные программы социально-экономического развития регионов / Individual programs of socio-economic development of regions				
Ассигнования на реализацию мероприятий индивидуальных программ социально-экономического развития регионов к объему ассигнований федерального бюджета, %	0,02	0,02	0,02	0,02
Программа комплексного восстановления и развития пострадавших территорий / The program of comprehensive rehabilitation and development of the affected territories				
Ассигнования на реализацию мероприятий программы комплексного восстановления и развития пострадавших территорий к объему ассигнований федерального бюджета, %	X	0,01	0,004	X
МБТ на реализацию мероприятий программы комплексного восстановления и развития пострадавших территорий к объему ассигнований по государственной программе «Развитие здравоохранения», %	X	1,63	0,92	X
МБТ на реализацию мероприятий программы комплексного восстановления и развития пострадавших территорий к объему ассигнований по государственной программе «Охрана окружающей среды», %	X	0,03	0,07	X
МБТ на реализацию мероприятий программы комплексного восстановления и развития пострадавших территорий к объему ассигнований по государственной программе «Развитие физической культуры и спорта», %	X	1,60	0,35	X

Источник / Source: составлено авторами на основе Федерального закона от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов», Федерального закона от 28.11.2025 № 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и плановый период 2027 и 2028 годов» / compiled by the authors on the basis of data from Federal Law No. 419-FZ dated 11/30/2024 "On the Federal Budget for 2025 and the Planning Period of 2026 and 2027", Federal Law No. 426-FZ dated 11/28/2025 "On the Federal Budget for 2026 and the Planning Period of 2027 and 2028".

В деле стимулирования социально-экономического развития регионов повышается значение дополнительной поддержки в рамках специальных программ (табл. 5), которая распространяется сегодня на 56% субъектов Российской Федерации и предусматривается, во-первых, отдельными комплексными государственными программами развития приоритетных регионов; во-вторых, индивидуальными программами социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, реализация которых продлена до 2030 г.¹⁷; в-третьих, долгосрочными планами комплексного развития городов Дальнего Востока и Арктической зоны; в-четвертых, программой комплексного восстановления и развития пострадавших территорий Белгородской, Брянской и Курской областей; в-пятых, планами (программами) развития отдельных территорий по решениям Правительства Российской Федерации. При этом приоритетное положение сохраняется за профильными государственными программами развития приоритетных регионов, ассигнования на реализацию которых составляют до 1/3 расходов по данному направлению, а МБТ превышают 60–70% бюджетного финансирования.

Усложняющаяся архитектура государственного финансового содействия регионам в части выравнивания их социально-экономического положения выдвигает дополнительные требования к организации бюджетного финансирования (в том числе в части согласованности МБТ региону в рамках различных институтов; расширения региональной повестки в составе мер программно-проектного регулирования; совершенствования контрольных процедур за выполнением региональными органами государственной власти обязательств, принимаемых в ходе межбюджетного перераспределения средств).

В качестве актуальных мер бюджетной политики по данному направлению определены следующие:

- внедрение сквозного мониторинга за результативностью МБТ в контексте достижения целевых показателей государственных программ и национальных проектов;

- усиление контроля за реализацией соглашений о мерах по социально-экономическому развитию и оздоровлению государственных финансов регионов;

- закрепление обязательств по использованию бюджетных средств в рамках профильных государственных программ на мероприятия по развитию городов Дальневосточного федерального округа и Арктической зоны¹⁸.

Таким образом, бюджетная политика России в области регионального развития сосредоточена на повышении результативности действующих бюджетных инструментов, а также обеспечении операционной эффективности использования бюджетных средств в целях усиления финансовой устойчивости регионов [17] и активизации регионального участия в реализации национальных целей развития.

ВЫВОДЫ

Современная бюджетная политика России охватывает сложную систему фискальных мер и инструментов, отвечающих глобальным вызовам и позволяющим обеспечить стабильное поступательное развитие по ключевым направлениям.

Бюджетная политика в сфере обеспечения технологического суверенитета формируется как комплекс решений, сочетающих стратегическую концентрацию ресурсов на прорывных направлениях, создание сквозных фискальных стимулов для частных инвестиций и формирование национального технологического фундамента. Ее результативность в достижении целевых показателей напрямую зависит от качества институциональной среды и эффективности управленческих механизмов, включая повышение уровня освоения бюджетных ассигнований. Данный вектор бюджетной политики — ключевое условие для структурной трансформации экономики и перехода к новой модели роста, основанной на технологическом лидерстве и создании полных производственных циклов.

Меры социально ориентированной бюджетной политики демонстрируют приверженность государства обеспечению высокого уровня социальной за-

¹⁷ В рамках первого пятилетнего этапа реализации индивидуальных программ социально-экономического развития получателями дополнительного бюджетного финансирования явились: Республики Алтай, Адыгея, Калмыкия, Карелия, Марий Эл, Тыва, Чувашская Республика, Курганская и Псковская области, Алтайский край. На период 2025–2030 гг. утверждены индивидуальные программы социально-экономического развития Республик Чувашия, Адыгея, Марий Эл, Алтай, Тыва, Хакасия, Калмыкия, а также Курганской и Псковской областей, Алтайского края.

¹⁸ Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 г. и на плановый период 2027 и 2028 гг. предусмотрено обеспечение направления не менее 5% расходов профильных государственных программ Российской Федерации на реализацию планов развития городов Дальневосточного федерального округа и Арктической зоны Российской Федерации.

щищенности семей, созданию комфортных условий для воспитания детей и направлены на формирование устойчивого фундамента благополучия семей и стимулирование демографического роста. Повышение качества жизни является интегральным результатом общих мер социальной поддержки, улучшения системы здравоохранения и социальной сферы, качества среды жизни, а также отдельных направлений поддержки рождаемости и многодетных семей, защиты материнства и детства, участников СВО. Модернизация инфраструктуры создает новые условия для развития, улучшения качества жизни населения, поскольку реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной

и социально ответственной личности стало одним из приоритетов бюджетной политики.

Бюджетная политика в области регионального развития создает благоприятные условия для преодоления межрегиональных различий в уровне жизни населения, обеспечения пространственной связанности и роста экономического потенциала субъектов Российской Федерации. Трансформация межбюджетных отношений, отвечающая современным принципам бюджетного федерализма, способствует укреплению территориальной и экономической целостности государства, эффективной интеграции воссоединившихся регионов в экономическое и социальное пространство России.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Силуанов А.Г. Роль бюджетной политики в обеспечении финансового и технологического суверенитета страны. *Экономическая политика*. 2024;19(5):6-29. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-5-6-29
2. Федотова М.А., Погодина Т.В., Карпова С.В. Оценка тенденций и перспектив развития экономики России в условиях санкционного давления. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(1):6-19. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-6-19
3. Гончаренко Л.И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):144-154. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-18-3-144-154
4. Косов М.Е., Воронкова Е.К., Чалова А.Ю. Финансовые взаимосвязи сценарных индикаторов бюджетного прогнозирования с показателями федерального бюджета России. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(5):6-17. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-5-6-17
5. Соколов И.А., Казакова Ю.Е. Федеральный бюджет 2025 г.: риски несбалансированности и меры их нейтрализации. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):20-31. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-20-31
6. Силуанов А.Г., Тюрина Ю.Г. Методологические подходы к формированию системы управления налоговыми расходами. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):6-16. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-6-16
7. Дорофеев М.Л. Финансовые методы и инструменты обеспечения роста рождаемости и благополучия населения России: проблемы и решения. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):43-51. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-43-51
8. Дорофеев М.Л. Социально-экономическое неравенство и экономический рост: оценка гипотезы Кузнецца методом XGBoost. *Вопросы экономики*. 2025;(8):121-146. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-8-121-146
9. Тюрина Ю.Г. Обзор лучших мировых практик реализации налоговой политики государства в постковидный период. *Вестник экономической безопасности*. 2024;(2):221-226. DOI: 10.24412/2414-3995-2024-2-221-226
10. Селезнев П.С., Бокова Э.И. Технологический суверенитет: проблемы интерпретации и операционализации понятия. *Финансы, деньги, инвестиции*. 2023;(4):22-30. DOI: 10.36992/2222-0917-2023-4-22

11. Махотаева М.Ю., Николаев М.А., Демидова С.Е. Финансовые и экономические факторы обеспечения технологического суверенитета. *Финансы*. 2025;(4):50-58.
12. Ложечко А.С. Фискальное регулирование обеспечения технологического суверенитета. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2025;(5):352-360. DOI: 10.17513/vaael.4170
13. Гончаренко Л.И. Налоговые преференции в пространственном развитии страны: терминологический аспект исследования. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(4):108-121. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-108-121
14. Строев П.В., Пивоварова О.В., Шеожев Х.В., Дудник А.И. Регионы с низкой финансовой устойчивостью: анализ и активизация развития. *Финансовый журнал*. 2023;15(1):26-44. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-1-26-44
15. Тимушев Е.Н. Федеральная политика выравнивания доходов региональных бюджетов: направления совершенствования. *Вопросы экономики*. 2025.12: 134-153. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-12-134-153
16. Васюнина М.Л. Бюджетные кредиты как инструмент обеспечения устойчивости региональных бюджетов для успешной реализации национальных проектов. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(6):18-27. DOI:10.26794/1999-849x-2023-16-6-18-27
17. Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Иванов П.А. Проблемы обеспечения сбалансированного социально-экономического развития регионов в условиях санкций. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(2):166-180. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-2-166-180

REFERENCES

1. Siluanov A.G. The role of fiscal policy in ensuring financial and technological sovereignty of the country. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*. 2024;19(5):6-29. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994-5124-2024-5-6-29
2. Fedotova M.A., Pogodina T.V., Karpova S.V. Assessment of trends and prospects for the development of the Russian economy in the context of sanctions pressure. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(1):6-19. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-6-19
3. Goncharenko L.I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of national development projects in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):144-154. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-18-3-144-154
4. Kosov M.E., Voronkova E.K., Chalova A. Yu. Financial interrelations of scenario indicators of budget forecasting with indicators of the federal budget of Russia. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(5):6-17. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-5-6-17
5. Sokolov I.A., Kazakova Yu.E. The 2025 Federal Budget: Risks of imbalance and measures to neutralize them. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):20-31. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-20-31
6. Siluanov A.G., Tyurina Yu.G. Methodological approaches to the formation of a tax expense management system. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):6-16. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-6-16
7. Dorofeev M.L. Financial methods and tools to ensure the growth of the birth rate and well-being of the Russian population: Problems and solutions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):43-51. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-43-51
8. Dorofeev M.L. Socio-economic inequality and economic growth: Assessing the Kuznets hypothesis using gradient boosting. *Voprosy Ekonomiki (Issues of Economics)*. 2025;(8):121-146. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2025-8-121-146
9. Tyurina Yu.G. An overview of the world's best practices in the implementation of state tax policy in the post-COVID period. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*. 2024;(2):221-226. (In Russ.). DOI: 10.24412/2414-3995-2024-2-221-226
10. Seleznev P.S., Bokova E.I. Technological sovereignty: Problems of interpretation and operationalization of the concept. *Finansy, den'gi, investitsii = Finance, Money, Investment*. 2023;(4):22-30. (In Russ.). DOI:10.36992/2222-0917-2023-4-22
11. Makhotaeva M.Yu., Nikolaev M.A., Demidova S.E. Financial and economic factors for ensuring technological sovereignty. *Finansy = Finance*. 2025;(4):50-58. (In Russ.).

12. Lozhechko A.S. Fiscal regulation of technological sovereignty provision. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2025;(5):352-360. (In Russ.). DOI: 10.17513/vaael.4170
13. Goncharenko L.I. Tax preferences in the spatial development of the country: Terminological aspect of the study. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(4):108-121. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-108-121
14. Stroeve P.V., Pivovarova O.V., Sheozhev Kh.V., Dudnik A.I. Regions with low financial sustainability: Analysis and enhancement of development. *Financial Journal*. 15(1):26-44 (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2023-1-26-44
15. Timushev E.N. Federal policy of equalizing regional budget revenues: Areas for improvement. *Voprosy Ekonomiki (Issues of Economics)*. 2025;(12):134-153. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-20-31
16. Vasyunina M.L. Budget credits as a tool to ensure the sustainability of regional budgets for the successful implementation of national projects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(6):18-27. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2023-16-6-18-27
17. Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Ivanov P.A. Problems of Ensuring Balanced Socio-Economic Development of Regions Under Sanctions. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(2):166-180. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-2-166-180

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Маргарита Леонидовна Васюнина — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных финансов финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Margarita L. Vasyunina — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Head of the Department of Public Finance, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3737-3607>

mvasyunina@fa.ru

Светлана Евгеньевна Демидова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общественных финансов финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Svetlana E. Demidova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Public Finance, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-2169-4190>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

demidovapsk@gmail.com

Юлия Габдрашитовна Тюрина — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры общественных финансов финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Yuliya G. Tyurina — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Public Finance, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-5279-4901>

u_turina@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 23.01.2026; принята к публикации 09.02.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 23.01.2026; accepted for publication 09.02.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-55-68
УДК 336.14(045)
JEL H41, H54, H64, H68

Финансовое обеспечение национальных проектов технологического лидерства в программно-проектном управлении расходами федерального бюджета

Н.С. Шмиголь

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – финансовое обеспечение национальных проектов технологического лидерства в контексте принципов инновационного развития экономики, целевых ориентиров фискальной политики и с учетом применяемых инструментов достижения устойчивости федерального бюджета. **Цель** работы – изучение проблем реализации национальных проектов за счет бюджетных средств и использования проектно-программных инструментов их финансового обеспечения. **Актуальность** исследования обусловлена изменением подходов к сбалансированности и устойчивости федерального бюджета в новом бюджетном цикле 2026–2028 гг. в условиях замедления темпов экономического роста, отхода от практики использования бюджетного импульса для стимулирования экономики, возврата к первичному структурному балансу и пополнению финансовых резервов в виде ликвидной части Фонда национального благосостояния. Установлено, что вместе со снижением вклада государственного сектора в динамику ВВП такая фискальная политика может повлечь риск снижения уровня финансового обеспечения национальных проектов техлидерства за счет средств федерального бюджета. Сделан **вывод**: успех реализации структурной перестройки экономики и целей фискальной политики в сфере ее инновационного развития возможен только при условии продолжения финансирования не ниже плановых объемов ключевых федеральных проектов, встроенных в национальные проекты техлидерства и соответствующие государственные программы Российской Федерации. **Научная новизна и значимость** заключаются в уточнении целей фискальной политики с учетом принципов инновационного развития экономики, подходов к планированию волатильных доходов федерального бюджета, развитию программно-проектного управления расходами федерального бюджета в ходе реализации нацпроектов технологического лидерства. На основании полученных в процессе исследования **результатов** автором разработаны и предложены рекомендации, связанные с внедрением целевых индикаторов оценки фискального стимулирования инновационного развития в государственные программы РФ в сфере техлидерства и применением сценарного подхода к планированию бюджетных ассигнований на реализацию таких программ.

Ключевые слова: программно-целевое управление; программное бюджетирование; приоритизация расходов; национальные проекты; инновационное развитие; технологическое лидерство; государственная программа; расходы бюджета; фискальная политика; федеральный бюджет

Для цитирования: Шмиголь Н.С. Финансовое обеспечение национальных проектов технологического лидерства в программно-проектном управлении расходами федерального бюджета. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(1):55-68. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-55-68

ORIGINAL PAPER

Financial Aid for National Tech Leadership Projects via Program-Project Management of Federal Budget Outlays

N.S. Shmigol

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The **subject** of the research is to explore funding for national tech leadership, looking at innovative economic growth, fiscal goals, and federal budget sustainability tools. This paper **aims** to explore the difficulties of using budget money and project-

© Шмиголь Н.С., 2026

based financial tools for national projects. The **relevance** of the work stems from shifting approaches to balancing and sustaining the federal budget in the new 2026–2028 budget cycle amid slowing economic growth, a move away from relying on budgetary stimulus to stimulate the economy, a return to primary structural balance, and the replenishment of financial reserves as the liquid portion of the National Welfare Fund. The author found that the fiscal policy might lessen the federal budget's financial support for national tech leadership projects and decrease the public sector's GDP contribution. It's **concluded** that economic restructuring and fiscal policy goals can succeed with sustained funding of key federal projects within national tech initiatives and Russian state programs. The **scientific novelty and significance** are in the clear definition of fiscal policy objectives, considering innovative economic growth, methods for planning fluctuating federal budget income, and creating program-based federal budget expenditure management during national technology leadership projects. Based on the **results** obtained during the study, the author developed and proposed recommendations related to introducing target indicators for assessing fiscal incentives for innovative development in state tech leadership programs of the Russian Federation and the application of a scenario-based approach to planning budget allocations for implementing such programs. **Keywords:** program-target management; program budgeting; outlays prioritization; national projects; innovative development; technological leadership; state program; budget expenditures; fiscal policy; federal budget

For citation: Shmigol N.S. Financial aid for national tech leadership projects via program-project management of federal budget outlays. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):55-68. (In Russ). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-55-68

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбора приоритетов финансового обеспечения проектов технологического развития в рамках фискальной политики обусловлена как сохраняющимся санкционным давлением, так и трансформацией фискальных условий реализации национальных проектов технологического лидерства на федеральном уровне, начиная с бюджетного цикла 2026–2028 гг. К таким изменениям следует отнести формирование доходов федерального бюджета преимущественно за счет ненефтегазовых доходов, отход от практики авансового финансирования национальных проектов, проведение бюджетной консолидации, обеспечение первичного структурного баланса федерального бюджета и заемное финансирование дефицита бюджета без привлечения финансовых резервов, накопленных в Фонде национального благосостояния.

В новом трехлетнем бюджетном цикле происходит перераспределение бюджетных ассигнований на федеральные проекты в составе национальных проектов технологического лидерства, сокращение расходов по отдельным федеральным проектам. В данных обстоятельствах важно обеспечить поддержку стабильного финансового обеспечения за счет бюджетных средств не ниже плановых объемов финансирования приоритетных федеральных проектов в составе национальных проектов технологического лидерства, реализация которых позволит достичь поставленной цели, стимулировать структурную перестройку и инновационное развитие российской экономики. В этой связи представляется актуальным проанализировать текущую практику финансирования национальных проектов техлидерства, выявить возможные риски со-

кращения финансирования за счет средств федерального бюджета и предложить меры, направленные на сохранение их стабильного финансового обеспечения в целях достижения национальной цели техлидерства, закрепленной в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

ЦЕЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ С УЧЕТОМ ПРИНЦИПОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

В рамках настоящего исследования понятие «инновационное развитие» рассматривается как стратегия трансформации (модернизации) экономики с учетом шестого, а в перспективе — седьмого технологических укладов, но при этом не ограничиваясь развитием только высокотехнологичных отраслей, а подразумевая комплексное развитие на инновационной основе отраслей материального производства для достижения национальных целей развития, в том числе технологического лидерства.

Инновационное развитие, таким образом, рассматривается как обязательный элемент экономического развития, обеспечивающий необходимые темпы экономического роста. В данном подходе также учитываются и потребности в повышении качества человеческого капитала (за счет роста расходов на образование и здравоохранение) как главного ресурса технологического развития, климатическая повестка и вопросы низкоуглеродного развития, но они имеют сопровождающую роль при безусловной приоритетности сферы производства инноваций и их масштабного распространения.

Полагаем, что основными принципами инновационного развития страны в рамках выбранного подхода к его содержанию должны стать:

- *системность*, поскольку инновационное развитие является результатом инновационной деятельности как сложной динамичной системы, объединяющей фундаментальную и прикладную науку, институциональных участников, обеспечивающих производство и распространение/внедрение инноваций, органы государственного управления, уполномоченные формировать и реализовывать стратегию инновационного развития страны;

- *комплексность*, предусматривающая охват всех отраслей экономики, в которых созданные инновации, их практическое применение способны обеспечить технологический суверенитет страны и технологическое лидерство, достижение долгосрочных национальных целей. Для этого важно понимать, в каких отраслях и сферах деятельности накоплен достаточный научный, научно-технический, производственный потенциал, результатом которого будет новый/усовершенствованный продукт или технологический процесс;

- *синхронность*, означающая, что к производству инновации технически готовы все отрасли, участвующие в ее создании и реализации, в стране сформированы рабочие кадры необходимой квалификации, а на рынке присутствует достаточное количество потребителей (компании и/или население), нуждающихся в данной инновации, определяющих ее ценность и востребованность;

- *интенсивность (восприимчивость)*, предполагающая скорость распространения произведенных в стране инноваций в рамках отдельной отрасли, территории, экономики страны и/или в мировой экономике. Если инновация не востребована в стране производителя в силу отсутствия достаточной технологической базы ее реализации, она может «уйти» в другую страну. Реализация данного принципа в национальной экономике зависит не только от развитости институтов и институциональных условий для инновационной деятельности, но также от технологического предпринимательства и уровня инновационной культуры домохозяйств и бизнеса, что неоднократно подчеркивалось в трудах А.А. Аузана [1], А.А. Широ-ва [2], М.А. Федотовой, Т.В. Погодиной, С.В. Карповой [3;4], М.Л. Дорофеева [5];

- *целесообразность*, соответствующая иннова-ционной деятельности, направлениям иннова-

ционного развития, стратегическим национальным целям и целям устойчивого развития, включающая в качестве важной характеристики экологичность инноваций и инновационной деятельности.

В связи с тем, что новая суверенная модель экономики России в текущих условиях строится как ответ на постоянное санкционное давление и разрыв связей со многими зарубежными компаниями, которые ранее поставляли технологии, высокотехнологичное оборудование, функционировали на российском внутреннем рынке товаров и услуг, основными направлениями её перестройки становятся:

- переориентация на технологии более глубокой переработки сырья;
- перенос производств в страны ЕАЭС и Центральной Азии, параллельный импорт;
- расширение государственных инвестиций в транспортную и логистическую инфраструктуру;
- усиление фокуса на развитие российского научно-технологического комплекса, в том числе в рамках реализации национальной цели технологического лидерства;
- инвестиции в замену/восстановление цепочек поставок, которые были утрачены в результате санкций, перенаправление товарно-транспортных потоков;
- перестройка финансовой системы с акцентом на приоритизацию бюджетных расходов и достаточность инвестиционных ресурсов.

С учетом обозначенных принципов фискальная политика инновационного развития должна соответствовать идее опережающей модернизации и учитывать происходящий переход российской экономики от модели догоняющего импортозамещения, основанной на достижении структурных сдвигов в экономике за счет экспорта промышленных производств и технологий с активной ролью иностранных инвестиций к модели смешанного неоиндустриального импортозамещения, основными отличительными чертами и особенностями которой, по мнению М.А. Гасанова, Э.А. Гасанова, В.С. Жиронкина [6], О.И. Гулаковой, Т.С. Новиковой [7], И.Э. Фролова и ряда других ученых ИМП РАН¹, были следующие:

¹ Россия 2035: к новому качеству национальной экономики. Научный доклад ИМП РАН. Под ред. члена-корреспондента РАН А.А. Широ-ва. Москва: Артик Принт; 2024. 264 с. DOI: 10.47711/sr1-2024. URL: <https://ecfor.ru/publication/rossiya-2035-k-novomu-kachestvu-ekonomiki/?ysclid=mjkdydfyvk673471195> (дата обращения: 10.12.2025).

- переход от концепции государственной политики, основанной на краткосрочных программах замены импортируемых товаров, включая технологии и оборудование, к долгосрочным программам реализации научно-технологического суверенитета;
- механизмы, стимулирующие разработку отечественных системообразующих технологий, которые позволят стране «встроиться в новую технологическую волну принципиально новых решений»²;
- одновременное стимулирование государством развития производств для внутреннего и внешнего рынков с соответствующим разделением товарных групп.

Помимо учета концептуальной модели импортозамещения, фискальная политика инновационного развития должна принимать во внимание новый этап научно-технологической гонки с 2017 г. по настоящее время, а также сдвиги в мировой политике с 2022 г., которые происходят в условиях накопленных межгосударственных конфликтов, деглобализации, обусловившей смещение акцента с глобального управления на государственную власть, повышая тем самым ее роль в решении задач технологического лидерства. При этом фактор деглобализации ориентирует на фискальную политику, стимулирующую создание внутри страны глобальных цепочек производств целиком, в определенной степени допуская кооперационные связи с дружественными и политически нейтральными странами.

Определение целевых ориентиров, постановка стратегических задач фискальной политики инновационного развития должны учитывать современный этап развития цифровой экономики, в которой технологическим ядром является ИКТ, цифровые активы занимают определенную долю в капитале и поведение людей в виртуальной среде используется как Big Data, в том числе для роботизации производств.

Таким образом, фискальная политика инновационного развития (подходы к построению которой должны учитывать переход на смешанную модель неоиндустриального импортозамещения, фактор деглобализации в глобальном управлении и сов-

ременный этап развития цифровой экономики) должна формироваться одновременно по двум направлениям:

- обеспечение реализации государственной политики импортозамещения и технологического суверенитета, стимулируя разработку высокотехнологичной продукции в отраслях промышленности — локомотивах российской экономики, где уже накоплен инновационный потенциал (в российской экономике это авиационная промышленность, судостроение, станкостроение, производство дизелей, турбин, отрасль электроники и др.);
- создание условий и механизма долгосрочного стабильного финансирования производства отечественными организациями технологий и товаров будущего, в их числе ИИ, квантовые вычисления, биотехнологии, новые материалы. Такое устойчивое, стабильное финансовое обеспечение должно осуществляться, в том числе, за счет расходов бюджетов и применения различного вида бюджетных субсидий, грантов, других основных инструментов финансового обеспечения национальных проектов технологического лидерства.

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

В бюджетном цикле 2026–2028 гг. финансовое обеспечение национальных проектов в сфере технологического лидерства и связанных с их реализацией государственных программ Российской Федерации происходит в условиях восстановления первичного структурного баланса федерального бюджета, который обеспечивается за счет возврата к жесткому бюджетному правилу в части нефтегазовых доходов, планируемого роста ненефтегазовых доходов в результате налоговой реформы, подробно охарактеризованной в исследованиях Л. И. Гончаренко [8;9] (с 2025 г. повышение ставок налога на прибыль, НДС, расширение числа плательщиков НДС, изменения в НДС, изменения в НДС; с 2026 г. повышение основной ставки НДС, снижение порога его уплаты по УСН и патентной системы налогообложения, отмена льгот МСП по уплате страховых взносов), роста налоговой нагрузки на соответствующие группы налогоплательщиков (прибыльные компании, включая экспортеров основных сырьевых товаров, домохозяйства, МСП), снижения фискального импульса и вклада государственного сектора в экономику, сокращения расходов.

² Фролов И. Э. Асимметрия научно-технологических суверенитетов: от преодоления «технологической сегрегации» к опережающему целеполаганию научно-технологического развития. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2024/07/preodolenie-tehnologicheskoy-segregatsii-nauchno-tehnologicheskij-suverenitet.pdf?ysclid=mezhlldbrp360468593> (дата обращения: 10.12.2025).

Поскольку большинство национальных проектов технологического лидерства реализуются исключительно за счет средств федерального бюджета³, от его устойчивого состояния во многом зависит стабильность их финансового обеспечения и достижения целевых показателей технологического развития. Вместе с тем риски недофинансирования национальных проектов технологического лидерства обозначились уже в 2025 г. в ходе исполнения расходной части федерального бюджета, что было связано с: недополучением нефтегазовых доходов (–21%) из-за снижения объема экспорта и цен на сырьевые товары, снижением ненефтегазовых доходов федерального бюджета по сравнению с их плановой величиной вследствие замедления роста экономики и сокращением корпоративной прибыли и недопоступлением доходов, увязанных с финансированием национальных проектов. Таким «увязанным» доходом является утилизационный сбор, снижение поступлений которого предварительно оценено в 44%, или 800 млрд руб. Отметим дискуссионность привязки отдельных видов доходов к расходам на реализацию национальных проектов технологического лидерства, поскольку в целом это противоречит установленному в статье 35 Бюджетного кодекса РФ принципу общего (совокупного) покрытия расходов бюджета.

В результате в 5 из 7 национальных проектов технологического лидерства (далее — НП), реализовавшихся в 2025 г., выявлено отрицательное отклонение финансирования по сравнению с плановым объемом, установленным в федеральном законе от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов» (далее Федеральный закон № 419-ФЗ) (рис. 1).

Анализ кассового исполнения расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов технологического лидерства за 11 месяцев 2025 г. также показывает риск недофинансирования некоторых из них по итогам года. Согласно официальным данным Минфина России на 1 декабря 2025 г. исполнение расходов федерального бюджета по НП «Средства производства и автоматизация» составило 62,9% от плановых бюджетных назначений, НП «Новые материалы и химия» — 66,7%, НП «Про-

мышленное обеспечение транспортной мобильности» — 85,6%, НП «Новые технологии сбережения здоровья» — 82,4%, НП «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» — 66,8%, НП «Беспилотные авиационные системы» — 70,8%, НП «Новые атомные и энергетические технологии» — 67,6%⁴.

Анализ исполнения расходов федерального бюджета за 11 месяцев 2025 г. в разрезе федеральных проектов (далее — ФП), входящих в состав соответствующего нацпроекта техлидерства, позволяет отметить существенное отставание в финансировании ряда из них, что свидетельствует о пересмотре объектов финансовой поддержки в рамках государственной политики технологического развития и бюджетной консолидации расходов по определенным федеральным проектам. Так, например, в составе НП «Средства производства и автоматизация» ФП «Развитие промышленной робототехники и автоматизации производства» исполнен на 36,4%, ФП «Развитие производства литейного и термического оборудования» на 7,9%. В составе НП «Новые материалы и химия» ФП «Развитие производства композитных материалов (композитов) и изделий из них» исполнен на 37,8%. В рамках НП «Новые технологии сбережения здоровья» ФП «Развитие производства наиболее востребованных лекарственных препаратов и медицинских изделий» исполнен на 5,3%. Немногим выше половины от плановых бюджетных назначений исполнены расходы по ФП «Перспективные технологии для беспилотных авиационных систем» (62,1%) в составе НП «Беспилотные авиационные системы».

В состав практически каждого национального проекта техлидерства включен федеральный проект, направленный на развитие кадрового потенциала в соответствующей сфере и подготовку необходимых специалистов. Однако финансовое обеспечение таких федеральных проектов в 2025 г. также свидетельствует об их недофинансировании: исполнение расходов по ФП «Наука и кадры для производства средств производства и автоматизации» составило 68,4%, ФП «Кадры в агропромышленном комплексе» — 56,4%, ФП «Кадры для беспилотных

³ Только два национальных проекта (НП «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» и НП «Беспилотные авиационные системы») софинансируются за счет средств федерального бюджета и средств бюджетов субъектов Российской Федерации.

⁴ Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40116-ispolnenie_raskhodov_federalnogo_byudzheta_na_realizatsiyu_natsionalnykh_proektov (дата обращения: 10.12.2025).

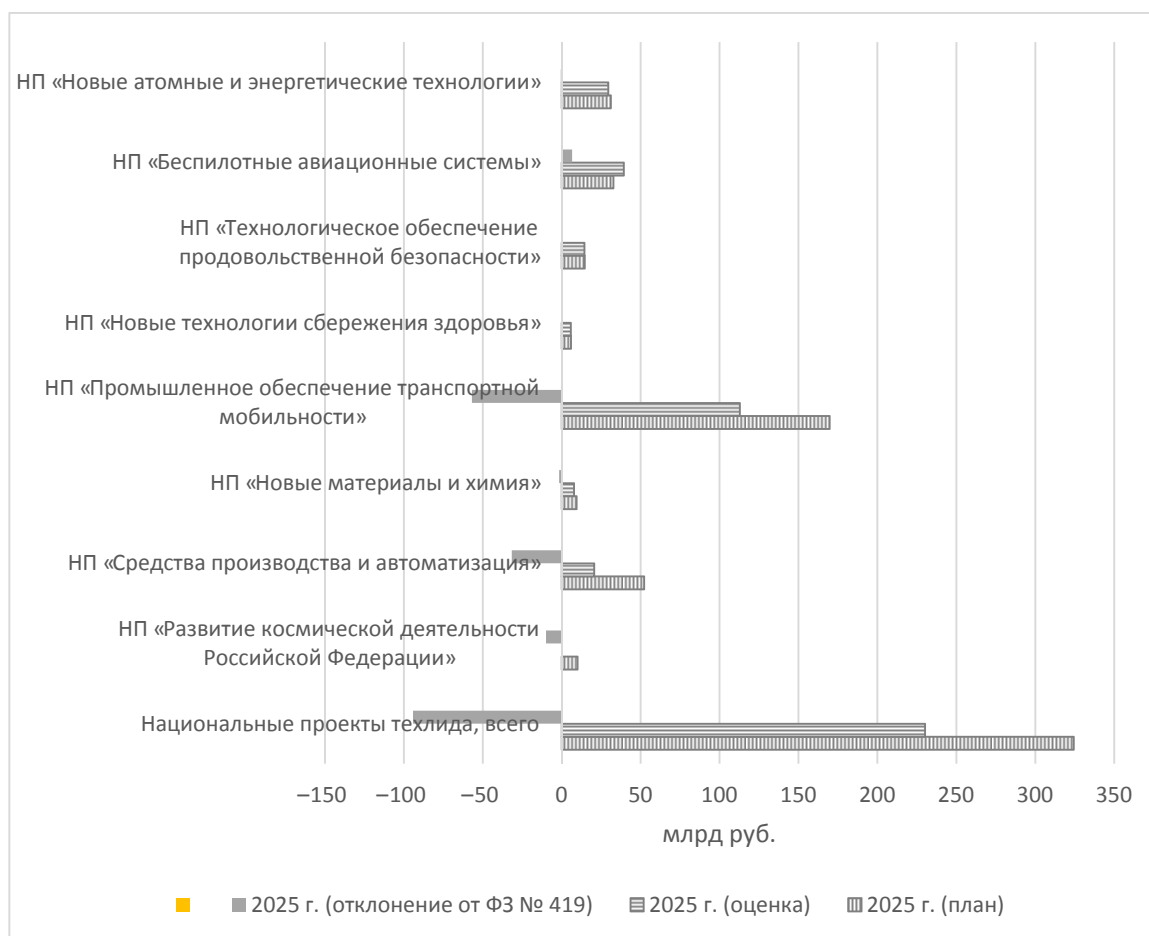

Рис. 1 / Fig. 1. Анализ финансирования национальных проектов технологического лидерства в 2025 г. / Analysis of funding of national technological leadership projects in 2025

Источник / Source: составлено по данным / compiled according to source: URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40116-ispolnenie-raskhodov-federalnogo-byudzheta-na-realizatsiyu-natsionalnykh-proektov (дата обращения: 10.12.2025).

авиационных систем» — 55,3%⁵. Вместе с тем по ФП «Опережающая подготовка и переподготовка квалифицированных кадров по направлению новых материалов и химии» исполнение расходов составило 100% от плановых бюджетных назначений.

Анализ динамики расходов федерального бюджета на национальные проекты, направленные на достижение технологического лидерства в 2026–2028 гг., показывает, что на эту цель предусмотрены расходы по 9 национальным проектам, в 2026 г. добавились нацпроекты «Развитие космической деятельности Российской Федерации» (далее — «Космос») и «Технологическое обеспечение

биоэкономики» (далее — «Биоэкономика»). При этом основной прирост расходов на финансирование нацпроектов технологического лидерства, оцененный в 1,9 трлн руб. за трехлетний бюджетный цикл 2026–2028 гг., приходится на нацпроект «Космос» (составляет 50% общего объема финансирования нацпроектов технологического лидерства), а также на нацпроект «Биоэкономика» (рис. 2).

По остальным нацпроектам техлидерства запланировано сокращение расходов федерального бюджета, в том числе и относительно объемов, установленных в Федеральном законе от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов» (далее — 419-ФЗ) (рис. 3).

В соответствии с данными рис. 3 в 2026–2028 гг. наибольшее снижение финансового обеспечения нацпроектов техлидерства по сравнению с прогнозными значениями ФЗ № 419 произошло по НП

⁵ Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40116-ispolnenie-raskhodov-federalnogo-byudzheta-na-realizatsiyu-natsionalnykh-proektov (дата обращения: 10.12.2025).

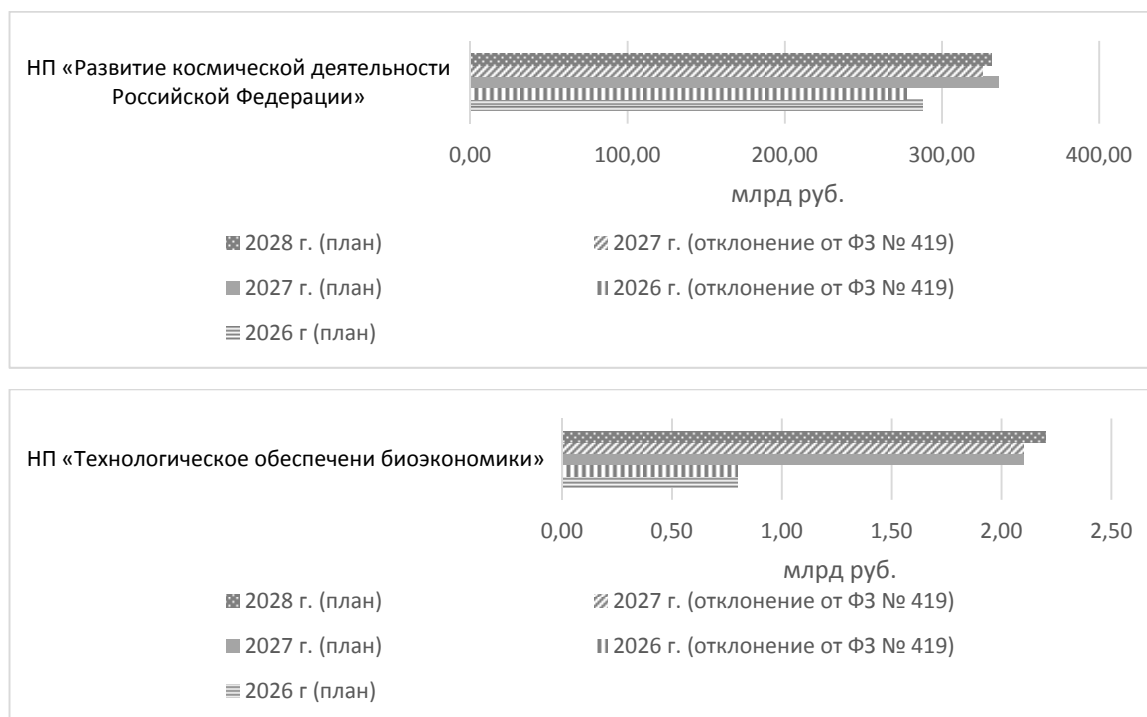

Рис. 2 / Fig. 2. Плановые объемы финансирования новых национальных проектов «Космос» и «Биоэкономика» в 2026–2028 гг. / Planned volume of funding for new national projects “Cosmos” and “Bioeconomics” in 2026–2028

Источник / Source: составлено по данным / complied according to source URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/ (дата обращения: 10.12.2025); URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520057/ (дата обращения: 10.12.2025).

«Средства производства и автоматизация», НП «Промышленное обеспечение транспортной мобильности», НП «Беспилотные авиационные системы», НП «Новые атомные и энергетические технологии». Сопоставление объемов плановых расходов на указанные семь нацпроектов в течение трехлетнего бюджетного цикла позволяет выявить их поступательное ежегодное сокращение и, соответственно, сокращение вклада государственного финансового обеспечения в их реализацию.

Таким образом, в складывающихся условиях реализации национальных проектов стоит задача нахождения оптимального баланса между консолидацией расходов федерального бюджета и обеспечением исполнения плановых бюджетных ассигнований, в том числе инвестиций в федеральные проекты, связанные с достижением цели технологического лидерства. При этом именно устойчивость доходной части федерального бюджета является определяющим фактором поступательной, результативной реализации национальных проектов, хотя в работах российских ученых отмечаются и другие альтернативные источники фискального импульса. Так,

например, в работе С.В. Ануреева к ним отнесены профицит бюджета, сокращение государственного долга, процентных расходов и части вкладов [10].

Вместе с тем ситуация с исполнением федерального бюджета в 2025 г. показала, что если в 2022–2024 гг. дефицит бюджета был вызван плановым расширением расходной части или бюджетным импульсом, то в 2025 г. рост дефицита по сравнению с плановым параметром обусловлен недополучением, во-первых, нефтегазовых и нефтегазовых доходов федерального бюджета. Причем, если по таким видам нефтегазовых доходов, как налог на прибыль и НДФЛ, снижение незначительно (–4%), то по доходам от внешнеэкономической деятельности оно существенно (ввозные НИС –24%; ввозные пошлины –19%, ввозные акцизы –24%), весьма заметно снижение и по нефтегазовым доходам (–21%, в том числе базовым –6%).

Другой причиной роста дефицита федерального бюджета и секвестра бюджетных обязательств стали излишне оптимистичные параметры прогноза социально-экономического развития, на основании которых были рассчитаны доходы и расходы феде-

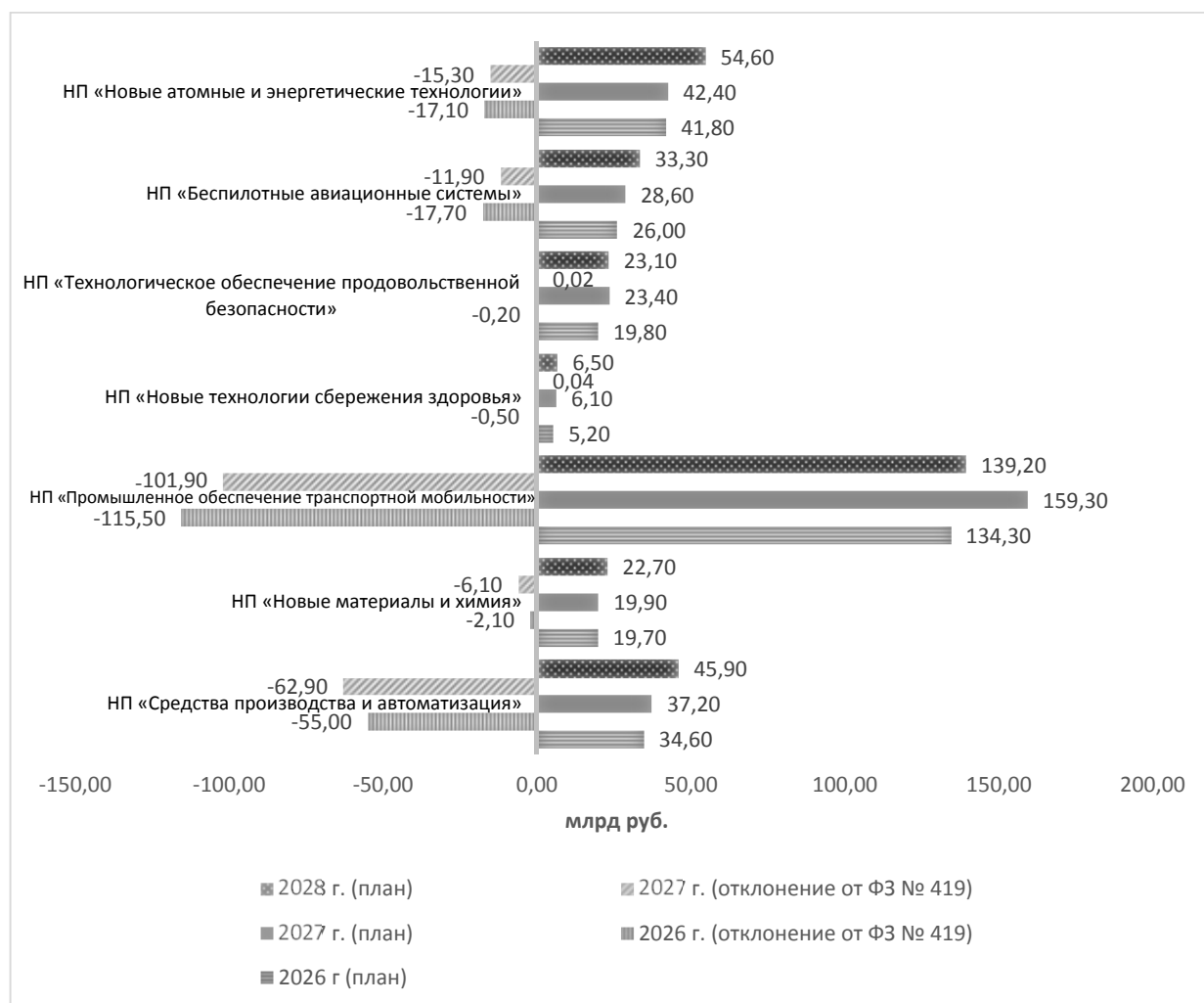

Рис. 3 / Fig. 3. Плановые объемы финансового обеспечения семи национальных проектов технологического лидерства в бюджетном цикле 2026–2028 гг. / Planned volume of financing for seven national projects of technical leadership in the budget cycle of 2026–2028

Источник / Source: составлено по данным / complied according to source URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/ (дата обращения: 10.12.2025); URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_520057/ (дата обращения: 10.12.2025).

рального бюджета. Так, например, фактическое отрицательное отклонение цены на российскую нефть по сравнению с ФЗ-419 составило –11,7 долл./барр., курса доллара США к рублю –11,4, экспорта товаров –32,1 млрд долл., темп роста ВВП –1,5%.

В качестве способа решения задачи стабильного финансового обеспечения национальных проектов техлидерства за счет средств федерального бюджета предлагается пересмотр подхода к планированию доходной части федерального бюджета. Вместо применения на стадии планирования его проекта базового сценария показателей социально-экономического развития, традиционно в последние годы используемого Минфином России ко всем бюд-

жетным параметрам, предлагается использование консервативного прогноза показателей социально-экономического развития для планирования волатильных и труднопрогнозируемых доходов, к которым относятся, в первую очередь, нефтегазовые и от внешнеэкономической деятельности, которые трудно прогнозировать в условиях нестабильности мировых рынков и серьезного санкционного давления.

Предлагаемый переход к применению на постоянной основе консервативного прогноза социально-экономического развития в части параметров цены на российскую нефть, курса доллара, объемов экспорта товаров в ходе бюджетного планирования волатильных доходов федерального бюджета позволит

обеспечить соответствие фактических поступлений данной группы доходов их плановым объемам, финансирование расходов федерального бюджета на приоритетные нацпроекты в объеме не ниже их плановой величины, а также условия для наращивания финансового резерва в виде ликвидной части Фонда национального благосостояния для устойчивости федерального бюджета в условиях санкций.

ИНДИКАТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И В ПРОГРАММНОМ УПРАВЛЕНИИ РАСХОДАМИ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

Рассматривая практику реализации национальных проектов технологического лидерства за счет средств федерального бюджета, отметим, что она осуществляется через финансирование соответствующих государственных программ РФ, в которые интегрированы федеральные проекты в составе национального проекта. Соответственно, в работе по финансовому обеспечению нацпроектов за счет средств федерального бюджета следует максимально использовать все преимущества программно-проектного управления расходами федерального бюджета, включая:

- соотнесение результатов с достижением стратегических целей в области технологического развития;
- обеспечение увязки целей, задач и мероприятий государственных программ с ресурсными показателями и индикаторами результативности, что обеспечивает понимание результатов, которые правительство и уполномоченные органы государственной власти стремятся достичь, и согласованность ресурсов, используемых для их достижения;
- повышение транспарентности и обоснованности принятия решений о распределении бюджетных ассигнований по государственным программам на очередной финансовый год и среднесрочную перспективу.

Вместе с тем отдельные вопросы в практике программно-проектного управления расходами федерального бюджета требуют решения. В настоящее время в формулировках целей и индикаторов результативности государственных программ РФ по технологическому лидерству практически отсутствуют индикаторы оценки фискального стимулиро-

вания инновационного развития за счет бюджетных средств. Так, например, НП «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» реализуется через две государственные программы РФ: «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» и Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. В каждой из них определены целевые показатели, характеризующие достижение национальных целей, но они не показывают бюджетный или налоговый эффект от их реализации.

В госпрограмме «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» по национальной цели техлидерства установлен следующий целевой показатель: «обеспечение к 2030 году вхождения Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок». В Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в соответствии с постановлением Правительства РФ от 04.04.2025 № 434 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» такими целевыми показателями определены: «достижение значения индекса производства пищевых продуктов (в сопоставимых ценах) в 2030 году в объеме 124,2 процента к уровню 2021 года; достижение уровня среднемесячной начисленной заработной платы работников сельского хозяйства (без субъектов малого предпринимательства) в 2030 году — 81 355 рублей; достижение значения индекса производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах) в 2030 году в объеме 122,6 процента к уровню 2021 года; достижение объема экспорта продукции агропромышленного комплекса (в номинальных ценах) в размере 55,2 млрд долл. США к концу 2030 года».

Данная ситуация, на что обратили внимание в своих работах С.В. Музалёв, Н.М. Абдикеев и Л.В. Оболенская [11], Г.С. Изотова, С.Г. Еремин и А.И. Галкин [12], обусловлена недостаточным вниманием к определению таких фискальных индикаторов в главных документах стратегического планирования в сфере технологического развития, а именно в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, Концепции технологического развития Российской Федерации до 2030 г., Едином плане по достижению национальных целей развития до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.

в рамках национальной цели «Технологическое лидерство» (далее — Единый план).

Представленные в Едином плане индикаторы в денежном выражении в основном отражают изменения отдельных финансовых показателей организаций в результате привлечения бюджетного и внебюджетного финансирования: рост внутренних затрат на научные исследования и разработки; рост валовой добавленной стоимости в отраслях обрабатывающей промышленности; динамику выручки малых технологических компаний, деятельность которых встроена в достижение цели технологического суверенитета. Из всех денежных показателей оценки достигнутого уровня технологической независимости, обеспеченности кадрами требуемой специализации, создания новых типов продукции в Едином плане можно выделить лишь один индикатор — «затраты на исследования и разработку за счет бюджетных средств/всех источников финансирования в текущих ценах, млрд руб.», который даёт возможность определить вклад бюджетного финансирования в обеспечение технологической независимости и формирование новых рынков по указанным направлениям (биоэкономика, средства производства и автоматизации, транспортная мобильность, новые материалы и химия, перспективные космические технологии и сервисы).

Анализ состава показателей эффективности мер и инструментов государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации, представленный в Стратегии научно-технологического развития РФ, выявил, что только один из них — «объем налоговых поступлений в бюджет от реализации продукции, произведенной с использованием отечественных наукоемких технологий, в млрд рублей» может рассматриваться как индикатор результата фискального стимулирования инновационного развития и соответствующей отдачи от предоставленных бюджетных средств.

Для комплексной оценки влияния фискальных инструментов инновационного развития, включая налоговые и бюджетные инструменты, представляется необходимым расширить состав показателей за счет следующих индикаторов оценки фискальной отдачи: объема поступлений налоговых и неналоговых доходов в федеральный бюджет; объема привлеченных частных инвестиций в результате применения мер фискального стимулирования за счет расходов бюджетов в виде разных форм субсидий, грантов, бюджетных инвестиций; динамики числа

реализованных проектов инновационного характера в результате применения налоговых льгот; динамики соотношения налоговых льгот и налоговых расходов бюджета к объему инвестиций. Предлагаемый для включения в документы стратегического планирования Российской Федерации в сфере инновационной деятельности состав дополнительных индикаторов оценки фискального стимулирования инновационного развития с их последующим интегрированием в индикаторы государственных программ РФ в сфере технологического развития представлен в *таблице*.

В настоящее время в составе количественных и качественных показателей утвержденных государственных программ Российской Федерации, в рамках которых реализуются национальные проекты технологического лидерства, подобные предлагаемым автором индикаторы оценки фискального стимулирования инноваций не предусмотрены. Более того, они пока не увязаны и с показателями Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации.

В целях получения комплексной, интегральной оценки данные количественные индикаторы предлагается также дополнить следующими качественными показателями: соответствием качества инновационной продукции отрасли международным стандартам качества; количеством созданных отраслевых объектов научно-исследовательской инфраструктуры для модернизации производства; сформированным кадровым потенциалом для инновационной сферы в результате выделения грантов, стипендий, иных форм поощрения образования молодежи за счет бюджетных и внебюджетных средств.

В целях снижения уязвимости расходов на госпрограммы РФ, обеспечивающие реализацию нацпроектов техлидерства, представляется необходимым обеспечить в рамках программно-проектного управления расходов увязку государственных программ не только с параметрами фискальных и бюджетных прогнозов, но и внедрить в практику бюджетного планирования вариантность планирования программных расходов федерального бюджета по приоритетным государственным программам на основе разных сценариев влияния макроэкономических и геополитических шоков на показатели социально-экономического развития, федерального бюджета и оценки вероятности реализации бюджетных рисков.

Таблица / Table

Дополнительные индикаторы оценки фискального стимулирования инновационного развития экономики / Additional indicators for assessing fiscal stimulation for innovative economic development

Индикатор	Назначение индикатора
Индикаторы мер налогового стимулирования	
Объем налоговых поступлений от инновационной деятельности, млрд руб.	Оценка динамики объема налоговых поступлений от инновационной деятельности по сравнению с базовым периодом (например, с 2025 г.)
Количество инновационных проектов, реализованных с использованием мер налогового стимулирования, ед.	Оценка динамики инновационных проектов, реализованных с использованием мер налогового стимулирования в соответствии с плановыми показателями или выше
Отношение суммы налоговых расходов в результате предоставленных налоговых льгот к объему инвестиций в инновационные продукты	Оценка результативности предоставленных налоговых льгот на развитие инноваций
Индикаторы фискальной отдачи в составе неналоговых доходов федерального бюджета	
Патентные пошлины, поступающие в федеральный бюджет, млрд руб.	Оценка динамики патентных пошлин как индикатора фискального стимулирования создания уникальной наукоемкой и высокотехнологичной продукции
Доля доходов от экспорта высокотехнологичной продукции в общей сумме доходов от экспорта, %	Оценка конкурентоспособности российских инновационных товаров, в том числе технологий, на мировом рынке
Объем доходов от экспорта продукции, произведенной с использованием российских наукоемких технологий, млрд руб.	Оценка конкурентоспособности российских наукоемких технологий, их востребованности на мировом рынке
Индикаторы финансового обеспечения инновационного развития в рамках программно-проектных расходов бюджета на инновации	
Уровень расходов бюджета на подготовку кадров в области естественных наук, математики, инженерии	Оценка достаточности расходов бюджета на подготовку кадровых ресурсов в требуемых для инновационного развития областях знаний
Количество инновационных проектов (объем инновационной продукции), реализованных (произведенный) в результате перераспределения бюджетных средств на инновации через институты развития (ВЭБ.РФ, Фонд развития промышленности)	Оценка динамики инновационных проектов, реализованных с использованием инструментов институтов развития (включая технологический кредит ВЭБ.РФ, субсидируемую промышленную ипотеку, применение инструментов Фонда развития промышленности)
Затраты на исследования и разработки за счет бюджетных средств, % ВВП	Оценка вклада государства в стимулирование инноваций за счет целевого выделения бюджетных средств
Объем государственных закупок инновационной продукции для государственных нужд, млрд руб.	Оценка стимулирования государством спроса на инновационную продукцию
Доля затрат на технологические инновации за счет бюджетных средств в объеме затрат на производство товаров, работ, услуг организаций промышленного производства/обрабатывающей промышленности, млрд руб.	Оценка вклада государства в стимулирование технологических инноваций за счет целевого выделения бюджетных средств
Макроэкономические индикаторы	
Сальдо экспорта-импорта технологий, млн долл. США / млрд руб.	Оценка уровня зависимости от трансфера технологий в экономику страны
Валовая добавленная стоимость инновационного сектора, % ВВП	Оценка доли стоимости, созданной за счет инноваций и научно-технических разработок

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Ранее, на основе исследования отечественного и зарубежного опыта программного управления расходами бюджета автором был подтвержден вывод о том, что взаимоувязка стратегического планирования, его вариантного характера с программно-целевым управлением расходами бюджета на стадии бюджетного планирования позволяет обеспечивать стабильность исполнения приоритетных программных расходов федерального бюджета, предложена форма обоснования бюджетной заявки на финансирование государственной программы [13].

Предлагаемый сценарный подход позволит также в ходе исполнения программной части федерального бюджета на основе вариантной оценки объема ресурсов, необходимых для их реализации и достижения стратегических целей Правительства РФ в соответствующих макроэкономических условиях, оперативно перераспределять бюджетные ассигнования на приоритетные федеральные проекты в составе национальных проектов без ущерба для достижения национальной цели техлидерства, поскольку предполагается, что все основные риски их финансового обеспечения будут учтены уже на стадии бюджетного планирования.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования показали: выбор приоритетов фискального, в том числе бюджетного стимулирования инновационного развития экономики основывается на приоритетах и принципах инновационного развития – системности, комплексности, синхронности, интенсивности, целесообразности. С учетом данных принципов, в условиях реализации модели смешанного неоиндустриального импортозамещения создан механизм долгосрочного стабильного финансирования производства отечественными организациями технологий и товаров будущего и сформулированы целевые ориентиры фискальной политики.

Предварительная оценка исполнения расходов федерального бюджета по расходам на национальные проекты технологического лидерства за 2025 г., а также макроэкономические и фискальные условия формирования федерального бюджета на 2026–2028 гг. свидетельствуют о необходимости создания стабильных условий финансового обеспечения ключевых национальных приоритетов в сфере технологического развития. Результаты исследования доказывают: решение данной задачи зависит от стабильности доходной части федерального

бюджета, которая взаимоувязана с реализацией актуального макроэкономического прогноза для волатильной части доходов — нефтегазовых и от внешнеэкономической деятельности. Повышению стабильности поступлений волатильных доходов будет способствовать предложенное автором изменение в процессе бюджетного планирования на постоянной основе консервативного прогноза социально-экономического развития в части параметров цены на российскую нефть, курса доллара, объемов экспорта товаров волатильных доходов федерального бюджета. Такой подход в конечном итоге позволит удержать необходимый уровень бюджетных ассигнований на приоритетные нацпроекты в объеме не ниже их плановой величины, а также создаст дополнительные условия для увеличения ликвидной части Фонда национального благосостояния.

Анализ документов стратегического планирования по вопросам инновационного развития экономики РФ позволил выявить большое количество индикаторов достижения целей инновационного развития в привязке к национальным целям, чего не скажешь о показателях оценки результативности фискального стимулирования инноваций: их число весьма ограничено. В целях восполнения данного пробела автором предложены следующие дополнительные индикаторы оценки:

1) **с позиции фискального эффекта от затраченных на инновации бюджетных средств** — *объем патентных пошлин, поступающих в федеральный бюджет; объем доходов от экспорта продукции, произведенной с использованием отечественных наукоемких технологий, в млрд руб.;*

2) **для оценки достаточности ресурсной базы для подготовки кадров и обеспечения инфраструктуры инновационного развития** — *внутренние затраты за счет бюджетных средств и внебюджетных источников на образование по соответствующим направлениям подготовки, в % ВВП; перераспределение бюджетных средств через институты развития, млрд руб.; доли организаций высшего образования во внутренних затратах на исследования и разработки, в %;*

3) **с точки зрения финансового обеспечения инновационного развития.**

Отмечено, что сохранению стабильности финансового обеспечения приоритетных федеральных проектов в составе национальных проектов техлидерства, операционной эффективности бюджетного

процесса на стадии исполнения бюджета, повышению степени ответственности за соответствие фактически достигнутых результатов запланированным индикаторам результативности будет способствовать внедрение сценарного подхода к планированию бюджетных ассигнований на госпрограммы РФ, в которые интегрированы соответствующие федеральные проекты технологического лидерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аузан А.А. Культурные коды экономики на макро- и микроуровнях. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2025;60(1):3-18. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-1
2. Широ́в А.А. Российская экономика: изменение факторов роста. *Проблемы прогнозирования*. 2025;6(213);8-20. DOI: 10.47711/0868-6351-213-8-20
3. Федотова М.А., Погодина Т.В., Карпова С.В. Оценка тенденций и перспектив развития экономики России в условиях санкционного давления. *Финансы: теория и практика*. 2025;(1):6-19. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-6-19
4. Карпова С.В., Погодина Т.В. Финансово-экономическое поведение потребителей и его влияние на достижение целей устойчивого развития в России. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(1):109-121. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-1-109-121
5. Дорофеев М.Л. Социально-экономическое неравенство и экономический рост: оценка гипотезы Кузнецца методом градиентного бустинга. *Вопросы экономики*. 2025;8:121-146. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-8-121-146
6. Гасанов М.А., Гасанов Э.А., Жиронкин В.С. Концептуальная модель импортозамещения в условиях внешних ограничений. *Экономика и управление инновациями*. 2024;1(28);4-15. DOI: 10.26730/2587-5574-2024-1-4-15
7. Гулакова О.И., Новикова Т.С. Оценка импортозамещения на основе анализа реализации инфраструктурных проектов. *Проблемы прогнозирования*. 2025;3(210);57-70. DOI: 10.47711/0868-6351-210-57-70
8. Гончаренко Л.И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):144-154. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-18-3-144-154
9. Гончаренко Л.И. Конструктив преференциальных налоговых режимов как детерминанта привлечения инвестиций в инновационное развитие России. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):156-166. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-156-166
10. Ануреев С.В. Импульс экономике за счет профицита бюджета, сокращения долга, процентных расходов и части вкладов. *Финансы и кредит*. 2025;31(5):4-23. DOI: 10.24891/wnmdbh
11. Музалёв С.В., Абдикеев Н.М., Оболенская Л.В. Совершенствование системы критериев оценки результативности промышленной политики России в условиях санкционного давления. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(4):6-18. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-4-6-18
12. Изотова Г.С., Еремин С.Г., Галкин А.И. Оптимизация процессов стратегического планирования в системе государственного и муниципального управления Российской Федерации. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(1):87-94. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-1-87-94
13. Шмиголь Н.С. Повышение эффективности программного бюджетирования с учетом лучших зарубежных практик. *Экономика. Налоги. Право*. 2017;10(5):114-125

REFERENCES

1. Auzan A.A. Cultural codes of the economy at macro and micro levels. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Jekonomika = Lomonosov Economics Journal*. 2025;60(1):3-18. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-1
2. Shirov A.A. Russian economy: Change in the growth factors. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2025;36(6):765-773. (In Russ.). DOI: 10.1134/S1075700725700492
3. Fedotova M.A., Pogodina T.V., Karpova S.V. Assessment of trends and prospects for the development of the Russian economy in the context of sanctions pressure. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(1):6-19. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-6-19

4. Karpova S.V., Pogodina T.V. Financial and economic behavior of consumers and its impact on the achievement of sustainable development goals in Russia. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(1):109-121. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-1-109-121
5. Dorofeev M.L. Socio-economic inequality and economic growth: Assessing the Kuznets hypothesis using gradient boosting. *Voprosy Ekonomiki (Issues of Economics)*. 2025;(8):121-146. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2025-8-121-146
6. Gasanov M.A., Gasanov E.A., Zhironkin V.S. Conceptual model of import substitution under external constraints. *Jekonomika i upravljenje innovacijami = Economics and Innovation Management*. 2024;1(28):4-15. (In Russ.). DOI: 10.26730/2587-5574-2024-1-4-15
7. Gulakova O.I., Novikova T.S. Import Substitution Assessment Based on Analysis Implementation of Infrastructure Projects. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2025;36(3):329-338. (In Russ.). DOI: 10.1134/S1075700725700054
8. Goncharenko L.I. The constructive nature of preferential tax regimes as a determinant of attracting investment in Russia's innovative development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):156-166. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-156-166
9. Goncharenko L.I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of national development projects in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):144-154. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-18-3-144-154
10. Anureev S.V. Impetus to the economy through budget surplus, debt reduction, interest expenses and part of deposits. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2025;31(5):4-23. (In Russ.). DOI: 10.24891/wnmdbbh
11. Muzalyov S.V., Abdikeev N.M., Obolenskaya L.V. Improving the system of criteria for evaluating the effectiveness of Russia's industrial policy under sanctions pressure. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(4):6-18. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-4-6-18
12. Izotova G.S., Eremin S.G., Galkin A.I. Optimization of strategic planning processes in the system of state and municipal administration of the Russian Federation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(1):87-94. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-1-87-94
13. Shmigol N.S. Increasing the effectiveness of program budgeting taking into account best foreign practices. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2017;10(5):114-125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Сергеевна Шмиголь — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры общественных финансов финансового факультета, ведущий научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Nataliya S. Shmigol — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Public Finance, Faculty of Finance, Leader Research Associate at the Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7093-3947>

nshmigol@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.11.2025; принята к публикации 29.12.2025.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 25.11.2025; accepted for publication 29.12.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-69-78
УДК 658.14(045)
JEL G12, O 34, L21

Экономика цифровых интеллектуальных активов компании: сущность, виды, оценка стоимости и способы коммерциализации

О.В. Лосева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена всё более усиливающейся потребностью российских инвесторов и предприятий в оперативной оценке стоимости, быстрой коммерциализации и эффективной монетизации цифровых интеллектуальных активов как объектов интеллектуальной собственности в цифровой форме и цифровых прав на их использование. **Предмет** исследования — цифровые интеллектуальные активы и цифровые права на их использование, подходы к их стоимостной оценке и коммерциализации. **Цель** работы — определение экономической природы цифровых интеллектуальных активов, выявление факторов, формирующих их стоимость, анализ подходов к оценке и способов их коммерческого использования. Использованы **методы** сравнительного анализа, классификации, стоимостной оценки, экономики инноваций, табличной и графической визуализации полученных результатов, инструменты стоимостного оценивания. В **результате** определены основные разновидности цифровых интеллектуальных активов и проанализированы направления их практического использования в производстве, науке, образовании, маркетинге. Сформирована классификация факторов, оказывающих влияние на их стоимость. Рассмотрены существующие подходы и методы стоимостной оценки, механизмы коммерциализации цифровых интеллектуальных активов. Сделан **вывод**: для принятия решения о коммерциализации цифровых интеллектуальных активов компании необходимо установить их рыночную либо инвестиционную стоимость с учетом выявленных факторов.

Ключевые слова: цифровые активы; цифровые интеллектуальные активы; цифровое право; утилитарное цифровое право; факторы стоимости; подходы к стоимостной оценке; коммерциализация; стоимость; лицензирование; токенизация прав

Для цитирования: Лосева О.В. Экономика цифровых интеллектуальных активов компании: сущность, виды, оценка стоимости и способы коммерциализации. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(1):69-78. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-69-78

ORIGINAL PAPER

The Economics of a Company's Digital Intellectual Assets: Essence, Types, Valuation and Commercialization Methods

O.V. Loseva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The **importance** of this study stems from the need for Russian investors and businesses to swiftly value, commercialize, and monetize digital intellectual assets. This research **focuses** on digital intellectual property, its usage rights, and how to assess and market it. The paper **aims** to define the economics of digital intellectual assets, find the factors that affect their worth, and analyze valuation approaches and commercial use methods. The study used **methods** of comparative analysis, classification, valuation, innovation economics, tabular and graphical visualization of the results, and valuation tools. Thus, the author **found key** digital intellectual assets and assessed their practical uses, then classified factors affecting their value. The paper analyzed current valuation methods and ways to commercialize digital intellectual property. The author's **conclusion** was that a company must determine market or investment value, considering the factors found, to commercialize digital intellectual assets.

© Лосева О.В., 2026

Keywords: digital assets; digital intellectual assets; digital law; utilitarian digital law; value factors; valuation methods; commercialization; cost; licensing; rights tokenization

For citation: Loseva O.V. The economics of a company's digital intellectual assets: Essence, types, valuation and commercialization methods. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):69-78. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-69-78

ВВЕДЕНИЕ

В условиях ускорения цифровой трансформации экономики особую значимость приобретают цифровые интеллектуальные активы (далее — ЦИА) — результаты интеллектуальной деятельности, существующие в цифровой форме, а также цифровые права на их использование, обеспечивающие владельцам экономическую выгоду и иные преимущества. Они становятся фактором роста производительности и конкурентоспособности бизнеса, являясь продуктом цифровых технологий, создают новые рынки и модели заработка, формируют основу развития креативной экономики, искусственного интеллекта, платформенной среды и «умных сделок».

На протяжении последних двух десятилетий наблюдается качественный переход от материальных активов к нематериальным, а затем — к цифровым формам имущественных и неимущественных прав. По оценкам международных исследовательских центров, более 90% рыночной капитализации крупнейших мировых корпораций сегодня приходится на нематериальные активы (далее — НМА), а значительную их долю составляют программное обеспечение, базы данных, цифровой контент, алгоритмы и другие цифровые объекты интеллектуальной собственности¹. Существенное увеличение доли нематериальных активов зарубежных и российских компаний произошло в период ковидных ограничений. В передовых странах массовый характер приобретает применение цифровых прав на результаты интеллектуальной деятельности (далее — РИД). Лидерами по токенизации прав на РИД являются США, Китай, Германия. В России средняя балансовая доля НМА в структуре активов по компаниям ~4% (встречаются оценки 2–5% для большинства отраслей, в отдельных секторах — до 20–30%²). Веро-

ятно, реальная доля НМА существенно выше, но она не отражается в учете, что может быть связано с жесткими критериями её признания, с низкой активностью российского рынка интеллектуальной собственности и сложностью коммерциализации РИД, а также с тем, что значительная часть интеллектуального капитала компаний «встроена» в сотрудников и организационные процессы и не капитализируется. Потенциал увеличения доли нематериальных активов в балансе российских компаний подтверждает растущая статистика объема инвестиций в НМА³. В частности, 68% российских промышленных компаний осуществляют инвестиции в эти активы на регулярной основе, при этом на НМА приходится 25% всех инвестиционных вложений, из которых 11% — на программное обеспечение и ИТ-технологии.

Таким образом, традиционные подходы к экономике нематериальных активов требуют пересмотра с учетом реалий и возможностей цифровизации. Во многих странах отсутствует единый подход к определению экономической природы цифровых интеллектуальных активов, их классификации и правового статуса. В научном сообществе также нет общепризнанной трактовки данной категории активов. Доктринальные дискуссии ведутся вокруг того, являются ли ЦИА разновидностью интеллектуальной собственности, имущественных прав или самостоятельной экономической категорией. Это препятствует инвестициям, снижает прозрачность и требует уточнения экономико-правовых концепций, включая вопросы владения, передачи прав и оценки стоимости.

Цель нашего исследования — дать комплексную экономическую характеристику цифровых интеллектуальных активов, включая их идентификацию, виды и сферы применения, факторы формирования и подходы к оценке стоимости и способы коммерциализации ЦИА.

¹ Официальный сайт компании Ocean Tomo. URL: <https://oceanotomo.com> (дата обращения: 01.12.2025).

² Величина нематериальных активов предприятий РФ. URL: https://www.vko-intellekt.ru/media-center/velichina-nematerialnyh-aktivov-predpriyatij-rossii/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 01.12.2025).

³ Банк России. Инвестиционная активность в промышленности в 2023 году: результаты опроса предприятий. URL: https://cbr.ru/content/document/file/158056/analytic_note_20240109_dip.pdf (дата обращения: 15.11.2025).

ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве информационной базы исследования, выполненного в рамках фундаментальной НИР Финансового университета по интеллектуализации промышленного производства, были использованы научные труды российских и зарубежных исследователей, посвященные цифровым активам, нормативно-правовые документы, регулирующие инвестиционную деятельность, сферу интеллектуальной собственности и цифровых прав, а также сведения из открытых источников и специализированных интернет-ресурсов.

В отечественной и зарубежной литературе [1;2] подчеркивается значимость нематериальных активов как важнейшего элемента инновационного развития компаний. Однако с появлением технологии распределенных реестров [3] на первое место вышли цифровые активы, правовые аспекты внедрения которых в бизнес-процессы достаточно подробно исследовались многими учеными [4–6]. Изначально возможности блокчейна рассматривались в контексте цифровизации финансового сектора, что было связано с появлением криптовалюты. В настоящее время рынок НМА, цифровой валюты и цифровых финансовых активов достаточно хорошо изучен и продолжает развиваться [7–9]. Во многом этому способствует развитие налогового регулирования [10–12]. В последнее время все больший интерес вызывают вопросы цифровизации имущественных прав, в том числе исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Первыми исследованиями в области цифровых интеллектуальных активов были работы, связанные с объектами цифрового искусства (Digital Art) и токенизация прав на такие объекты с использованием NFT [13–15]. Однако все больший интерес вызывают цифровые РИД, являющиеся объектами патентных и авторских прав как объекты инвестирования [16–19]. В этой связи требуются дополнительные исследования в области идентификации, оценки стоимости и коммерциализации ЦИА, а также цифровых прав на их использование.

При исследовании экономической сущности ЦИА, факторов, влияющих на их стоимость, подходов к оценке стоимости и способов коммерциализации ЦИА использовались методы сравнительно-

го анализа, классификации, стоимостной оценки, экономики инноваций, табличной и графической визуализации полученных результатов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ, ВИДЫ И ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ

Для определения экономической сущности цифровых интеллектуальных активов проведем сравнительный анализ данной категории с понятиями «цифровой актив» и «объект интеллектуальной собственности» (см. *таблицу*).

Цифровые активы — это наиболее широкая категория, включающая все, что существует в цифровой форме и имеет экономическую ценность, но не обязательно является результатом интеллектуальной деятельности. К ним относятся:

- криптовалюты и токены;
- цифровые учетные записи и права доступа;
- цифровые финансовые инструменты;
- базы данных и информационные массивы;
- цифровые документы;
- NFT как «объекты владения», а не сами произведения.

Интеллектуальная собственность трактуется ГК РФ и международным правом как юридическая категория, в рамках которой — и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, и приравненные к ним средства индивидуализации в соответствии со ст. 1225 ГК РФ независимо от формы носителя (может быть не только цифровой).

Что касается ЦИА, то они, являясь разновидностью цифровых активов, основанной на охраноспособных результатах интеллектуального труда (на них распространяются исключительные права интеллектуальной собственности), включают в себя две категории:

- цифровые произведения (тексты, музыка, дизайн, медиа); программы для ЭВМ; алгоритмы и модели искусственного интеллекта; обучающие датасеты; цифровые 3D-модели, патентные разработки, средства индивидуализации (домены, цифровые логотипы) и т.п. — цифровые ОИС⁴;
- цифровые права, в том числе УЦП⁵ на использование перечисленных в первой группе активов.

⁴ ОИС — объекты интеллектуальной собственности.

⁵ УЦП — утилитарные цифровые права.

Таблица / Table

Сравнительная характеристика смежных категорий / Comparative characteristics of related categories

Критерий / Criterion	Цифровые активы / Digital assets	Цифровые интеллектуальные активы / Digital intellectual assets	Объекты интеллектуальной собственности (РИД) / Objects of intellectual property (RIA)
Основа	Любая цифровая сущность	Результат интеллектуального труда в цифровой форме	Результат интеллектуальной деятельности (форма любая)
Наличие интеллектуальных прав	Не обязательно	Обязательно	Обязательно
Уровень правовой защиты	Низкий / вариативный	Средний / высокий	Жестко регулируемый
Форма существования	Только цифровая	Только цифровая	Любая: цифровая или физическая
Экономическая ценность	Может быть спекулятивной или утилитарной	Экономическая + создающая добавленную стоимость	Экономическая + создающая добавленную стоимость + юридически защищенная
Коммерциализация	Токенизация, передача доступа, смарт-контракты	Лицензирование, SaaS*, смарт-контракты, электронные сделки	Лицензирование, договор уступки, франшиза

Источник / Source: разработано автором / developed by the author.

Примечание / Note: *SaaS (Software as a Service) — модель предоставления программного обеспечения через интернет, при которой пользователи работают с приложениями без необходимости установки их на свои устройства / a model for providing software over the Internet, in which users work with applications without having to install them on their devices.

Таким образом, ЦИА находятся на пересечении цифровых активов и интеллектуальной собственности и обладают следующими свойствами:

- нематериальность;
- цифровая форма существования;
- уникальность или воспроизводимость по модели лицензирования;
- экономическая ценность;
- возможность передачи прав и монетизации в системе распределенного реестра (например, посредством токенизации прав на блокчейне) или на инвестиционной платформе (утилитарные цифровые права на РИД).

Цифровые интеллектуальные активы можно также классифицировать по происхождению:

1. Авторские ЦИА:

- цифровые произведения искусства;
- тексты, музыка, аудиовизуальный контент;
- программное обеспечение;
- игровые (виртуальные) объекты.

2. Инновационные ЦИА:

- алгоритмы, модели, интеллектуальные сервисы искусственного интеллекта,

- пространственные базы данных и обучающие выборки (Big Data);

- 3D-модели как промышленные образцы, цифровые двойники, интернет вещей и др. цифровые технологии;

- произведения науки в цифровой форме.

3. Технические и инженерные активы:

- объекты патентного права, оформленные в цифровом виде,
- конструкторско-технологическая документация в цифровой форме;
- топологии интегральных микросхем, спецификации, цифровые протоколы.

4. Коммерческие и маркетинговые активы:

- доменные имена;
- цифровые товарные знаки;
- цифровые логотипы и бренды;
- сетевой репутационный капитал (гудвилл).

5. Платформенные активы:

- токенизированные права на результаты интеллектуальной деятельности;
- утилитарные цифровые права, связанные с использованием РИД;

- NFT-токены;
- цифровые сертификаты.

Цифровые интеллектуальные активы могут применяться в:

1) *бизнесе и производстве*:

- автоматизация технологических процессов с применением программного обеспечения, цифровых двойников и технологий интернета вещей;

- оптимизация цепочек поставок на основе пространственных баз данных;

- повышение производительности за счет ИИ-моделей;

- управление клиентскими базами данных;

2) *науке и образовании*:

- базы данных научных публикаций;

- цифровые лаборатории;

- симуляции и модели;

- контент образовательных платформ;

3) *финансовом секторе*:

- токенизация прав на РИД;

- интеллектуальные финансовые сервисы;

4) *креативных индустриях*:

- цифровое искусство, киноиндустрия;

- музыкальные платформы;

- разработка игр;

- дизайн и архитектура;

5) *государственном управлении*:

- государственные базы данных;

- системы искусственного интеллекта для анализа и прогнозирования;

6) *P2P-экономике и платформенных решениях*:

- смарт-контракты на распоряжение правами на РИД;

- сервисы монетизации контента;

- NFT-платформы;

- маркетплейсы алгоритмов.

Перечень не является исчерпывающим и может расширяться по мере развития цифровых технологий и появления все новых видов ЦИА.

ФАКТОРЫ СТОИМОСТИ, ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ И СПОСОБЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ

Стоимость цифровых интеллектуальных активов зависит от совокупности экономических, правовых, технологических и рыночных факторов. Часть из них являются экстернальными, т.е. внешними по отношению к ЦИА, а часть

внутренними, интернальными, связанными со спецификой их коммерциализации. Для каждой категории цифровых интеллектуальных активов можно определить как универсальные факторы, присущие всем видам ЦИА, так и специфические, характерные только для отдельных их разновидностей: например, элементы, влияющие на формирование стоимости и рисковые параметры, способные изменять ценность ЦИА (рис. 1).

Выделенные факторы должны учитываться при определении стоимости ЦИА. Традиционные методы оценки интеллектуальной собственности не всегда применимы к цифровым объектам, особенно таким, как: алгоритмы ИИ, обучающие выборки, метаданные, токенизированные активы. Возрастает потребность в гибридных методиках, сочетающих экономический анализ, техническую экспертизу и данные цифровых платформ.

К традиционным методам относятся:

1. *Доходный подход* — основан на расчете будущих денежных потоков, генерируемых активом.

Используются модели:

- дисконтированных денежных потоков (DCF);
- чистой приведенной стоимости (NPV);
- метод гипотетических платежей по роялти;
- метод реальных опционов.

Применим для программного обеспечения, алгоритмов, базы данных.

2. *Затратный подход* — основывается на стоимости воспроизводства или замещения затрат, которые могут включать:

- стоимость разработки;
- стоимость приобретения данных;
- затраты на тестирование;
- расходы на правовую охрану.

Для ЦИА важно учитывать быстрое устаревание и расходы на краудсорсинг.

3. *Сравнительный (рыночный) подход* — предполагает анализ аналогичных сделок и чаще всего используется для оценки:

- лицензий (токенизированных прав на использование РИД);
- доменных имен и иных маркетинговых активов;
- NFT-токенов;
- 3D-моделей.

Сложность состоит в низкой активности и прозрачности рынка ЦИА.

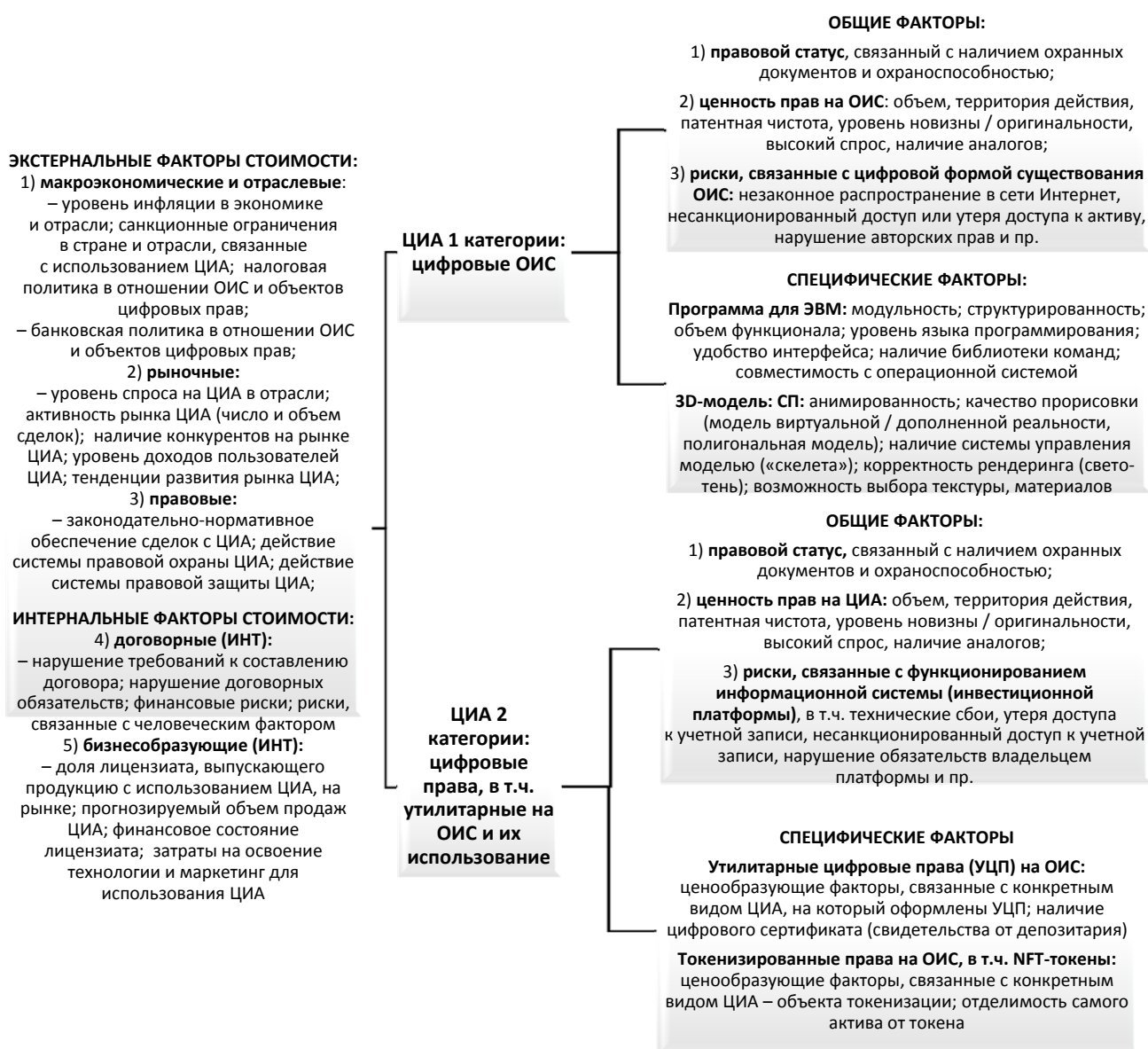

Рис. 1 / Fig. 1. Стоимостные факторы ЦИА / Cost factors of DIA

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Гибридные методы сочетают технологии анализа больших данных, машинного обучения и экономических моделей.

Примеры:

- оценка алгоритмов ИИ по метрикам точности и латентности;
- анализ рыночных данных NFT-платформ;
- анализ ликвидности токенов как цифровых прав на РИД, в том числе УЦП.

Экспертная оценка используется в случаях, когда отсутствуют рыночные аналоги или объект обладает уникальными атрибутами.

На рис. 2 представлены возможные виды стоимости, подходы и методы оценки в зависимости от поставленной цели.

Способы коммерциализации ЦИА реализуются в рамках второй или третьей цели стоимостной оценки, служат для извлечения экономической выгоды от распоряжения правами на РИД и зависят от природы актива. Традиционными способами коммерциализации являются лицензирование и уступка прав на ЦИА.

Лицензирование — основной и наиболее распространенный механизм коммерциализации, включающий следующие модели:

Рис. 2 / Fig. 2. Выбор подходов и методов оценки стоимости ЦИА /
The choice of approaches and methods for estimating the cost of DIA

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

- исключительные и неисключительные лицензии;
- подписочные модели;
- SaaS (Software-as-a-Service);
- royalty-based модели.

Уступка (продажа) исключительных прав на ЦИА может предполагать полную передачу прав на программное обеспечение, базу данных, цифровой контент или фрагментарную (долевою) коммерциализацию через токенизацию прав, в том числе разделение прав на владение и пользование посредством NFT-токенов.

Коммерциализация ЦИА зачастую осуществляется через платформенные модели:

- магазины приложений;
- маркетплейсы цифрового искусства;
- платформы алгоритмов ИИ, программ для ЭВМ.

При этом могут использоваться следующие модели коммерциализации:

- *freemium* — модель, предполагающая бесплатное предоставление пользователю базовой версии продукта (компьютерной игры, программного обеспечения, онлайн-сервиса), тогда как доступ к расширенным возможностям, дополнительным функциям или сопутствующим продуктам осуществляется на платной основе;
- *open-source* (открытое программное обеспечение) — программное обеспечение с открытым исходным кодом, но платными расширениями и сервисами, в том числе технической поддержкой как источника дохода.

К инновационным способам коммерциализации ЦИА относятся:

- лицензирование данных и датасетов (наборов собранных и упорядоченных данных) для ИИ-моделей;
- продажа моделей как услуги (ML-as-a-Service);
- смарт-контракты для автоматической монетизации прав на ЦИА.

При этом для нетрадиционных способов коммерциализации особенно остро стоят вопросы юридического оформления и защиты прав на ЦИА.

ВЫВОДЫ

Экономика цифровых интеллектуальных активов является ключевым направлением развития современной цифровой среды. ЦИА формируют новую систему ценностей, меняют структуру активов компаний, трансформируют подходы к оценке собственности и формированию стоимости. Их роль в экономике будет только возрастать по мере развития искусственного интеллекта, цифровых платформ, больших данных и технологий распределенных реестров.

Для эффективного развития рынка цифровых интеллектуальных активов необходимы:

- единые правовые подходы к идентификации;
- адаптированные модели оценки стоимости;
- стандартизация форматов распоряжения и защиты прав;
- прозрачные механизмы коммерциализации.

Цифровые интеллектуальные активы уже сегодня становятся важнейшим ресурсом развития общества, бизнеса и государства, формируя основу для перехода к экономике знаний и цифровой индустриализации.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации на 2026 год. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article is based on the results of research carried out at the expense of the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2026. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Turovets Y. Intangible assets and the efficiency of manufacturing firms in the age of digitalisation: the Russian case. *Engineering Management in Production and Services*. 2021;13(1):7-26. DOI: 10.2478/emj-2021-0001
2. Parr R.L, Smith G.V. Intellectual property: Valuation, exploitation and infringement damages. 4th ed. Hoboken (NJ): Wiley; 2005.
3. Harish A.R., Liu, X.L., Li M., Zhong R.Y., Huang, G.Q. Blockchain-enabled digital assets tokenization for cyber-physical traceability in E-commerce logistics financing. *Computers in Industry*. 2023;150:103956. DOI: 10.1016/j.compind.2023.103956
4. Александрова Н. С. Соотношение понятий «цифровые права», «цифровая валюта» и «цифровой финансовый актив». *Вестник Московского университета МВД России*. 2021;6:28-31. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-28-31
5. Акинфиева В.В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав. *Ex jure*. 2021;1:46-55.
6. Абрамова М.А., Криворучко С.В., Луняков О.В., Фиापшев А.Б. Теоретико-методологический взгляд на предпосылки возникновения и особенности функционирования децентрализованных финансов. *Финансы: теория и практика*. 2025;1(29):80-96. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-80-96
7. Allen F., Gu X., Jagtiani, J. Fintech, cryptocurrencies, and CBDC: Financial Structural transformation in China. *Journal of International Money and Finance*. 2022;124:102625. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2022.102625
8. Bas T., Malki I., Sivaprasad, S. Connectedness between central bank digital currency index, financial stability and digital assets. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2024;92:101981. DOI: 10.1016/j.intfin.2024.101981
9. Станкевич В. С., Власов А.В. Обзор цифровых активов. Тенденции развития цифровых финансовых активов в РФ и прогноз развития. *Russian Journal of Economics and Law*. 2024;18(2):422-452. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.2.422-452
10. Гончаренко Л.И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;3(18):144-154. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-18-3-144-154
11. Гончаренко Л.И., Гончаренко М.А. Конструктив преференциальных налоговых режимов как детерминанта привлечения инвестиций в инновационное развитие России. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;3(17):156-166. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-156-166
12. Гончаренко М.А, Хацько А.Д. Налоговые инструменты влияния на развитие рынка финансовых услуг. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;5(17):115-128.
13. Kang S., Oh H. The effect of name fluency on NFT artwork valuation. *Economics Letters*. 2025;255:112540. DOI: 10.1016/j.econlet.2025.112540
14. Whitaker A. Art and blockchain: A Primer, history, and taxonomy of blockchain use cases in the arts. *Artivate*. 2019;8(2):21-46.
15. Харитонов Ю. С. Правовое значение фиксации интеллектуального права с помощью технологии распределенных реестров. *Право и экономика*. 2018;1:15-21.
16. Бузова Н.В. Цифровые активы и интеллектуальная собственность. *Труды по интеллектуальной собственности*. 2022;43(4):61-70.

17. Воронов В.С., Давыдов В.Д. Цифровые интеллектуальные активы в парадигме инерционного инвестирования. *Вопросы инновационной экономики*. 2022;12(1):141-154. DOI: 10.18334/vines.12.1.114119
18. Лосева О.В., Косорукова И.В., Федотова М.А., Тазихина Т.В., Абдикеев Н.М. Оценка стоимости цифровых интеллектуальных активов: принципы, факторы, подходы и методы. *Финансы: теория и практика*. 2022;26(4):6-28. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-26-4-6-28
19. Лосева О.В., Федотова М.А., Абдикеев Н.М. Концептуальная модель оценки стоимости цифровых интеллектуальных активов. *Финансы: теория и практика*. 2023;4(27):118-130. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-118-130

REFERENCES

1. Turovets Y. Intangible assets and the efficiency of manufacturing firms in the age of digitalisation: The Russian case. *Engineering Management in Production and Services*. 2021;13(1):7-26. DOI: 10.2478/emj-2021-0001
2. Parr R.L, Smith G.V. Intellectual property: Valuation, exploitation and infringement damages. 4th ed. Hoboken (NJ): Wiley; 2005.
3. Harish A.R., Liu, X.L., Li M., Zhong R.Y., Huang, G.Q. Blockchain-enabled digital assets tokenization for cyber-physical traceability in E-commerce logistics financing. *Computers in Industry*. 2023;150:103956. DOI: 10.1016/j.compind.2023.103956
4. Alexandrova N.S. Relationship of the concepts “digital rights”, “digital currency” and “digital financial asset”. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;6:28-31. (In Russ.). DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-28-31
5. Akinfieva V.V. Digital financial assets as a new type of digital rights. *Ex jure*. 2021;1:46-55. (In Russ.).
6. Abramova M.A., Krivoruchko S.V., Lunyakov O.B., Fiapshev A.B. A theoretical and methodological view on the prerequisites for the emergence and functioning of decentralized finance. *Finance: Theory and Practice*. 2025;1(29):80-96. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-80-96
7. Allen F., Gu X., Jagtiani, J. Fintech, cryptocurrencies, and CBDC: Financial structural transformation in China. *Journal of International Money and Finance*. 2022;124:102625. DOI:10.1016/j.jimonfin.2022.102625
8. Bas T., Malki I., Sivaprasad, S. Connectedness between central bank digital currency index, financial stability and digital assets. *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2024;92:101981. DOI: 10.1016/j.intfin.2024.101981
9. Stankevich V.S., Vlasov A.V. Review of digital assets. Trends in the development of digital financial assets in the Russian Federation and forecast. *Russian Journal of Economics and Law*. 2024;18(2):422-452. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2024.2.422-452
10. Goncharenko L.I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of national development projects in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2025;3(18):144-154. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-18-3-144-154
11. Goncharenko L.I., Goncharenko M.A. Constructive preferential tax regimes as a determinant of attracting investments in the innovative development of Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2024;3(17):156-166. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-156-166
12. Goncharenko M.A., Khatsko A.D. Tax instruments of influence on the development of the financial services market. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2024;5(17):115-128. (In Russ.).
13. Kang S., Oh H. The effect of name fluency on NFT artwork valuation. *Economics Letters*. 2025;255:112540. DOI: 10.1016/j.econlet.2025.112540
14. Whitaker A. Art and Blockchain: A primer, history, and taxonomy of blockchain use cases in the arts. *Artivate*. 2019;8(2):21-46.
15. Kharitonova Yu.S. The legal significance of fixing intellectual property rights using distributed ledger technology. *Pravo i ekonomika = Law and economics*. 2018;1:15-21. (In Russ.).
16. Buzova N.V. Digital assets and intellectual property. *Trudy po intellektual'noj sobstvennosti = Works on Intellectual Property*. 2022;43(4):61-70. (In Russ.).

17. Voronov V.S., Davydov V.D. Digital intellectual assets in the paradigm of inertial investment. *Voprosy innovacionnoj ehkonomiki = Issues of innovative economics*. 2022;12(1):141-154. (In Russ.). DOI: 10.18334/vinec.12.1.114119
18. Loseva O.V., Kosorukova I.V., Fedotova M.A., Tazikhina T.V., Abdikeev N.M. Valuation of digital intellectual assets: Principles, factors, approaches and methods. *Finance: Theory and Practice*. 2022;26(4):6-28. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2021-26-4-6-28
19. Loseva O.V., Fedotova M.A., Abdikeev N.M. Conceptual model of valuation of digital intellectual assets. *Finance: Theory and Practice*. 2023;4(27):118-130. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-118-130

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ольга Владиславовна Лосева — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры корпоративных финансов и корпоративного управления факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Olga V. Loseva — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<http://orcid.org/0000-0002-5241-0728>
ovloseva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.11.2025; принята к публикации 22.12.2025.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was revised 24.11.2025; accepted for publication 22.12.2025.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-79-88
УДК 351;004.738(045)
JEL H11, L86, H83, O33

Управление децентрализованными автономными организациями в условиях цифровизации

А.С. Юхно

Президентская академия, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предметом данного исследования являются управленческие модели децентрализованных автономных организаций (ДАО) в контексте цифровой трансформации экономики. **Цель работы** – провести комплексный анализ концепции ДАО для выявления особенностей управления и разработки адаптивной модели, способствующей их интеграции в глобальную финансовую систему и государственное управление. Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**: анализ существующих подходов к управлению ДАО; выявление ключевых рисков и возможностей; моделирование гибридной организационной структуры; оценка роли стейблкоинов как стабилизирующего элемента. **Научная новизна** исследования заключается в разработке авторской адаптивной модели управления ДАО, сочетающей элементы централизации и децентрализации для повышения эффективности и легитимности. В ходе исследования применялись **методы** сравнительного и системного анализа, моделирования, а также анализа практических решений и нормативных документов. **Результаты** работы демонстрируют, что ДАО способны повысить прозрачность и эффективность экономических взаимодействий, выступая комплементарным инструментом к традиционным управленческим моделям. Ключевым **выводом** работы является необходимость формирования сбалансированной нормативно-правовой базы и совершенствования управленческих механизмов для широкомасштабного внедрения ДАО. **Результаты** исследования могут быть использованы государственными органами, разработчиками блокчейн-решений и специалистами в сфере государственного и корпоративного управления.

Ключевые слова: блокчейн; децентрализованные автономные организации (ДАО); смарт-контракты; токенизация; стейблкоин; сетевое управление; финансовая система; цифровая экономика; цифровая трансформация; цифровые активы

Для цитирования: Юхно А.С. Управление децентрализованными автономными организациями в условиях цифровизации. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(1):79-88. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-79-88

ORIGINAL PAPER

Management of Decentralized Autonomous Organizations in the Digitalization Setting

A.S. Yukhno

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The paper's **subject** is examining decentralized autonomous organizations (DAOs) governance models during the digital economic shift. This study **aims** to deeply analyze DAOs to find governance aspects, and to develop a model to help integrate them into global finance and public administration. To achieve this goal, the study addressed the following **tasks**: analyzing existing methods to DAO governance; identifying key risks and opportunities; modeling a hybrid organizational structure; and assessing the role of stablecoins as a stabilizing element. The study's **novelty** comes from the creation of a unique adaptive DAO governance model that combines elements of centralization and decentralization to enhance efficiency and legitimacy. The author used **methods** of comparative and systemic analysis, modeling, and real-world solutions and regulations. The **results** prove DAOs can complement traditional governance by making economic interactions more transparent and efficient. The study's main **takeaway** is that DAOs need a balanced regulatory framework and better governance. Government agencies, blockchain developers, and specialists in public and corporate governance can use the work **results**.

Keywords: blockchain; decentralized autonomous organizations (DAOs); smart contracts; tokenization; stablecoin; network-centric governance; financial system; digital economy; digital transformation; digital assets

For citation: Yukhno A.S. Management of decentralized autonomous organizations in the digitalization setting. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):79-88. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-79-88

© Юхно А.С., 2026

ВВЕДЕНИЕ

Цифровая трансформация экономики оказывает значительное влияние на взаимодействие различных групп заинтересованных сторон в обществе и государстве. С каждым годом укрепляется роль ИТ-сектора как ключевого драйвера данного процесса и растёт его вклад в народное хозяйство страны: в 2023 г. его доля в ВВП достигла 3,5%, что на 0,4 п.п. выше уровня 2022 г. Наблюдается устойчивая положительная динамика по основным показателям: удельный вес реализуемых профильными организациями товаров, работ и услуг увеличился на 4,4 п.п., численность работников сектора выросла на 0,1 п.п., а объем инвестиций в ИКТ повысился на 0,3 п.п.¹

Вместе с тем современные теоретические основы управления отстают от практики регулирования использования цифровых технологий и их воздействия на нашу жизнедеятельность. По мнению отдельных экспертов, в текущих условиях традиционные подходы к управлению не способны «оценить изменения во властных отношениях, происходящие в результате появления новых действующих лиц, таких как «генераторы больших данных, майнеры, поставщики серверов, ИИ-агенты, практик и отношений» [1].

Управленческие процессы становятся всё более сетевыми и децентрализованными, где взаимодействие между различными уровнями власти, населением и бизнесом происходит в рамках сложных систем, в которых каждый участник может вносить свой вклад в принятие решений.

Стремительное развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на стандарты управления и позиции заинтересованных сторон. Активное внедрение технологии блокчейн [2], обеспечивающей повышенную безопасность, прозрачность и автоматизацию процессов за счёт децентрализованного хранения данных, использования смарт-контрактов и криптографической защиты информации, все чаще приводит к ситуации, когда эффективное управление уже невозможно без соответствующего программного обеспечения [3].

Цель данного исследования — анализ особенностей концепции «децентрализованных автоном-

ных организаций» (далее — ДАО) и управления такими организациями. Результатом работы стала авторская модель управления ДАО, сочетающая научную новизну с необходимой адаптивностью к существующей практике, что позволяет ускорить процесс её внедрения в глобальную финансовую систему в условиях цифровой трансформации.

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ АВТОНОМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК НОВАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ

Новые форматы управления затрагивают широкий спектр задач операционного и стратегического уровней, таких как обеспечение безопасности, соблюдение прав собственности, защита персональных данных [4]. Активное развитие децентрализованных баз данных и созданных на их основе смарт-контрактов [5] способствует распространению децентрализованных автономных организаций, появившихся благодаря технологии блокчейн [6]. Внедряясь в различные сегменты рынка, ДАО не только трансформируют существующие управленческие подходы (табл. 1), но и предлагают новые — в противовес традиционным организациям, изменяя, в частности, отношения «принципал — агент» [7] и возлагая функцию управления на программное обеспечение. При этом степень децентрализации таких организаций различается. Ряд экспертов предлагает использовать смешанную модель управления, где наряду с материнской централизованной ДАО функционируют и её децентрализованные структуры, которые могут экспериментировать с моделями децентрализованного управления на уровне своих сообществ².

В настоящее время концепция ДАО находится на стадии поиска сбалансированных подходов к системам управления. Эксперты предлагают разделить ДАО на две большие группы, которые, по сути, представляют собой две различные организационные модели: совместные и алгоритмические ДАО, такие как, например, Bitcoin и Ethereum. Первая модель управляется на основе распределенного консенсуса с использованием смарт-контрактов для агрегирования голосов или предпочтений участников. В этом случае пользователи или другие

¹ Индикаторы цифровой экономики. Статистический сборник. 2025. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1026726402.pdf> (дата обращения: 05.09.2025).

² Sukin A. Forming a DAO in an Evolving Web2/Web3 World. 2022. URL: https://mirror.xyz/alexandrasukin.eth/cYhIwflCJkVkgYtdaaFqLtKFI_qbUVnv-5C8eaAH3ig (дата обращения: 05.09.2025).

Таблица 1 / Table 1

Области применения DAO/ Types of DAO applications

Область применения	Примеры
Децентрализованные протоколы (DeFi-протоколы)	Uniswap, Sushi, MakerDAO
Благотворительность	Big Green DAO, DreamDAO, PleasrDAO
Виртуальные миры	Decentraland, Sandbox, Voxels
Социальные клубы	Good Games Guild, Yield Guild Games
Создание экосистем	Aragon Network DAO, DAOStack, DAOHaus
Гранты	Aave Grants DAO, Seed Club, Gitcoin
Социальные вопросы	Friends with Benefits, Bored Ape Yacht Club
Инвестиции	MetaCartel, Orange DAO, BitDAO, Komorebi
Страхование	NexusMutual
Коллекционирование цифровых активов	APE DAO, PleasrDAO, Flamingo

Источник / Source: составлено автором по данным / compiled by the author based on URL: <https://blog.chainalysis.com/reports/web3-daos-2022/> *

Примечание / Note: *Theory and praxis of DAOs. 2019. URL: <https://www.binance.com/en/research/analysis/dao-theory> (дата обращения: 05.09.2025); Hennekes B. The 8 Most Important Types of DAOs You Need to Know. 2024. URL: <https://www.alchemy.com/blog/types-of-daos> (дата обращения: 05.09.2025); Weston G. Know the Different Types of DAOs. 2022. URL: <https://101blockchains.com/types-of-dao/> (дата обращения: 05.09.2025); Forklog. Культовый журнал о биткойне, технологии блокчейн и цифровой экономике. URL: <https://forklog.com/exclusive/dex-dao-i-tokenizirovannye-bitkoiny-kak-ne-zabluditsya-v-debryah-defi> (дата обращения: 05.09.2025).

держатели управляющих токенов смогут управлять организацией. Вторая же (её функциональность определяют лежащие в её основе смарт-контракты) стремится быть полностью алгоритмической по своей природе, полагаясь на программное обеспечение для структурирования и координации социальных взаимодействий [8].

Отдельные эксперты, в свою очередь, выделяют два компонента управления в DAO: внутренний и внешний. Для внутреннего управления характерны неиерархические режимы. Особенности же внешнего управления заключаются в том, что отдельные пользователи за счет контроля большего количества узлов и мощности серверов могут оказывать «ненадлежащее влияние на принятие решений» [1].

Выбранная модель управления определяет перечень участников, которые могут вносить предложения по развитию протокола, установлению порядка принятия решений, голосовать за то или другое из них. Сегодня сложилась такая практика, когда голосуют либо держатели токенов, либо ав-

торизованные участники, например, обладатели криптовалютных кошельков. Иногда участники DAO выбирают наиболее удобный и надежный для них способ голосования, например, 1 токен — 1 голос, 1 кошелек — 1 голос. Учитывая, что при голосовании могут возникать злоупотребления правами, сообщества членов DAO на регулярной основе разрабатывают механизмы повышения прозрачности голосования и снижения манипулирования правами, такие, например, как централизация голосования, идентификация пользователей, голосование вне сети, аудит токенов, поэтапный выпуск смарт-контрактов. Наиболее распространенные модели членства в DAO представлены на *рис. 1*.

В данном контексте важным с практической точки зрения стало принятое в июле 2017 г. решение Комиссии по биржам и ценным бумагам США (англ.: U.S. Securities and Exchange Commission) об использовании токенов «The DAO». Отчет Комиссии показал, что токены, предлагаемые и продаваемые «виртуальной» организацией «The DAO», были ценными бумагами и, следовательно, подчи-

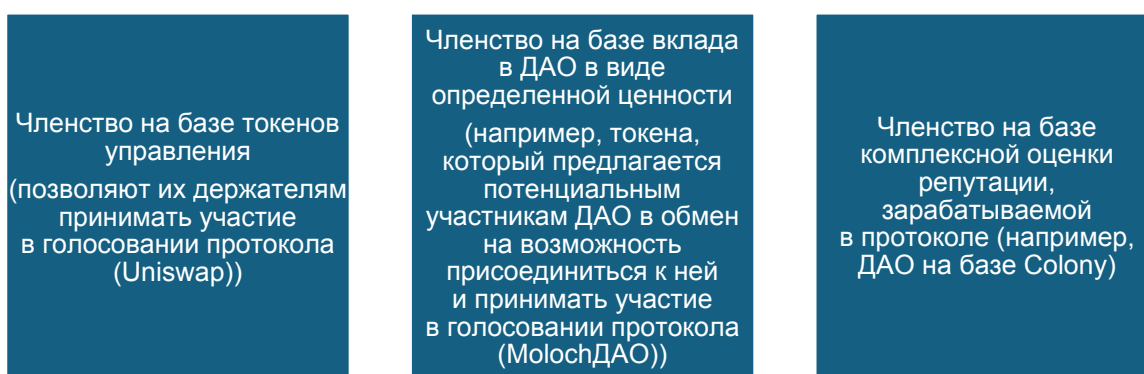

Рис. 1 / Fig. 1. Модели членства в ДАО / DAO membership models

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

нялись федеральному законодательству о ценных бумагах. Документ подтвердил, что эмитенты распределенных бухгалтерских книг или ценных бумаг, основанных на технологии блокчейн, должны регистрировать предложения и продажу таких ценных бумаг, за исключением специально прописанных в законе случаев. Цель регистрации состояла в том, чтобы гарантировать инвесторам продажу инвестиций, включающих в себя все надлежащие раскрытия и подлежащих регулируемому контролю со стороны инвесторов³. Надо отметить, что данный подход хотя и был нацелен на повышение прозрачности рынка в этой области, тем не менее поставил под сомнение основные преимущества новых технологий.

В настоящее время США формируют комплексную нормативную базу для системного регулирования криптоиндустрии (табл. 2). Текущие шаги по разграничению типов токенов в США могут устранить неопределённость в регулировании криптовалют, а классификация криптоактивов позволит сформировать сбалансированный подход к выбору и структуре государственных резервов на их базе.

В качестве основного принципа также предлагается применять правило «соблюдай или объясняй», основанное на принципе раскрытия субъектом причин неисполнения требований и используемых альтернативных механизмов соблюдения основных подходов, которое позволит разработчикам технологий на базе блокчейна продолжать «экспериментировать» в целях инновационного развития. В этом контексте отметим, что ключевые особен-

ности блокчейна, такие как прозрачность и неизменяемость, одновременно создают значительные управленческие, юридические и операционные риски для его внедрения в систему государственного управления, требуя заблаговременной разработки эффективных механизмов их контроля [9]. Для противодействия рискам концентрации власти в децентрализованных автономных организациях (ДАО), где управление основано на прямом голосовании без традиционных централизованных органов [10], предлагается использовать гибридную модель управления. Она предполагает заключение участниками формальных соглашений, воспроизводящих механизмы корпоративного управления, что создаёт правовой мост между инновационной децентрализацией блокчейна и регуляторными требованиями, обеспечивая подотчётность и распределение ответственности [11].

В настоящий момент точность и неизменность данных отражают не только технологические изменения, но и новый механизм доверия в экономической системе⁴. Использование аналитики больших данных для смарт-контрактов обеспечит ДАО уровень гибкости, сопоставимый с традиционными организациями, но потребует внедрения комплексной системы управления данными и формирования принципиально новой организационной архитектуры. [12].

Представляется, что все перечисленные проблемы не являются непреодолимыми и будут решаться в ближайшие годы, что, в свою очередь, потребует совершенно других подходов к регули-

³ Press Release. SEC Issues Investigative Report Concluding DAO Tokens, a Digital Asset, Were Securities. 2017. URL: <https://www.sec.gov/news/press-release/2017-131> (дата обращения: 05.09.2025)

⁴ Akgiray V. Blockchain Technology and Corporate Governance. Technology, Markets, Regulation and Corporate Governance. 2018. URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/CA/CG/RD\(2018\)1/REV1/En/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/CA/CG/RD(2018)1/REV1/En/pdf) (дата обращения: 05.09.2025).

Таблица 2 / Table 2

**Подходы к нормативно-правовому регулированию криптоиндустрии /
Approaches to the regulation of the crypto industry**

Правовое регулирование / название закона	Предмет регулирования	Основные последствия
Закон о руководстве и создании национальных инноваций для стейблкоинов США / Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act (GENIUS Act)	Регулирование стейблкоинов (эмиссия, резервирование, отчетность)	Легализация стейблкоинов как финансовых инструментов: – Требование 100% резервирования в долл. США или краткосрочных облигациях. – Ежемесячная отчетность. – Возможность осуществления корпоративной эмиссии цифровых валют
Законопроект о структуре криптовалютного рынка / Digital Asset Market Clarity Act (CLARITY Act)	Разграничение полномочий между Комиссией по ценным бумагам и биржам (ценные бумаги) и Комиссией по торговле товарными фьючерсами (товарные активы), классификация активов, лицензирование участников рынка	– Комиссия по ценным бумагам и биржам будет контролировать торговлю токенами, классифицированными как ценные бумаги. – Комиссия по торговле товарными фьючерсами будет регулировать торговлю криптовалютами, признанными цифровыми товарами (например, ETH/BTC). – Упрощение листинга для децентрализованных проектов. – Блокчейн признаётся децентрализованным и регулируется как цифровой товар, если ни один участник не контролирует более 20% валидаторов или кода, что исключает его классификацию как ценной бумаги
Законопроект о противодействии надзору за цифровой валютой / Anti-CBDC Surveillance State Act	Запрет ФРС на разработку и внедрение государственной цифровой валюты (CBDC) для граждан без прямого одобрения Конгресса США	– Отказ от государственной цифровой валюты. – Усиление роли частных стейблкоинов. – Ограничение инструментов кредитно-денежной политики ФРС в части цифровых валют

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

рованию новых цифровых технологий и вопросам создания и функционирования ДАО.

Очевидно, что архитектура построения и реализации управленческих процессов в ДАО нуждается в перестройке и адаптации традиционных средств и методов управления к особенностям блокчейн-транзакций. В настоящее время подходы к управлению системами, основанными на блокчейне, будут стимулировать поиск наиболее жизнеспособных моделей, которые в ближайшие годы смогут удовлетворять интересы всех заинтересованных сторон или, по крайней мере, их большинства в таких цифровых экосистемах.

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ В ДАО

В рамках поиска оптимальных подходов автором разработана модель структуры управления ДАО (рис. 2). Ее можно использовать в качестве основы для создания и развития конкретной организации, модифицируя и адаптируя под конкретные условия и потребности проекта.

Представляется важным закрепить в Уставе ДАО ее организационную структуру, функционал каждого органа управления ДАО (табл. 3), процедуры их создания и ликвидации, порядок голосования и принятия решений (простым, абсолютным или

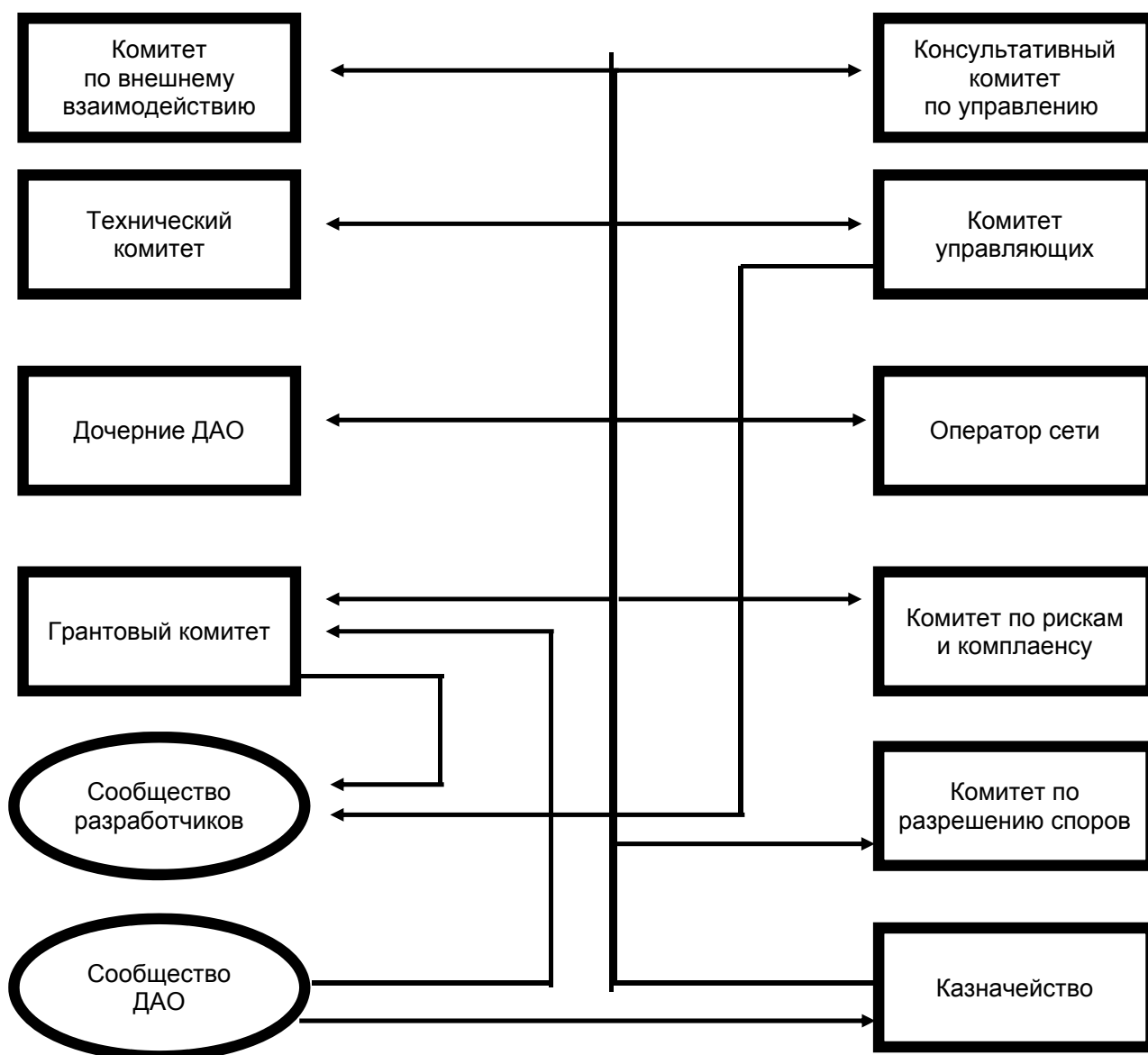

Рис. 2 / Fig.2. Структура управления ДАО/ DAO Governance structure

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

квалифицированным большинством голосов), а также разрешения споров. Отдельно отметим, что создание любого юридического лица для управления ДАО — это не столько контроль за работой и развитием сети, сколько гарантированная всем возможность участвовать в управлении ДАО в целях обеспечения прозрачности её деятельности и принимаемых решений.

В экспертном сообществе в последнее время периодически отмечается, что ДАО уже сейчас может полностью заменить функции многих организаций и их менеджеров. Несмотря на то, что далеко не все согласны с указанным тезисом, нельзя отрицать,

что ДАО является одной из приоритетных моделей управления будущего⁵.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДАО

Следует отметить, что ДАО являются одним из основных продуктов Web3 [13]. Основатели любой ДАО создают новую криптовалюту (токен управления), которая соответствует установленному количеству голосов в организациях и це-

⁵ Henry J. The future of corporate governance and the role of directors. 2018. URL: <https://www.jacobshenri.be/stories/2018/the-future-of-corporate-governance-and-the-role-of-directors> (дата обращения: 05.09.2025).

Таблица 3 / Table 3

Основные задачи органов управления ДАО / Kea functions of DAO's governing bodies

	Орган управления	Задачи
1.	Технический комитет	• Осуществление проверки и интеграции технологических предложений. • Проверка соответствия предложений сообщества техническим стандартам качества. • Проведение технологического аудита протокола сети
2.	Грантовый комитет	Финансирование проектов и инициатив в целях добавления ценностей сообществу сети
3.	Комитет по рискам и комплаенсу	• Создание системы риск-менеджмента. • Анализ поступающих предложений. • Рассмотрение вопросов комплаенса и устойчивого развития. • Может быть наделен правом вето на определенные решения для защиты децентрализации сети
4.	Казначейство	Управление казначейством в целях финансирования развития сети, в том числе затрат на поддержание и развитие протокола, органов сети, создание стимулов для участников сети, выдачу грантов и т.д.
5.	Комитет по разрешению споров	Рассмотрение споров участников сети в целях обеспечения ее развития и защиты от возникающих рисков
6.	Управляющий комитет	Общая координация и управление сетью, включая вопросы правил, регулирующих сообщество и деятельность протокола, взаимодействия с партнерскими организациями, Казначейством, установления оплаты в рамках сети и т.д.
7.	Консультативный комитет по управлению	Рассмотрение нетехнических вопросов развития сети в целях содействия выполнения своих задач Управляющим комитетом
8.	Комитет по внешнему взаимодействию/внешних связей	• Взаимодействие с другими протоколами и сетями. • Продвижение интересов сети в различных экосистемах
9.	Оператор сети	Предоставление сетевых и административных услуг, подотчетность Комитету управляющих
10.	Дочерние ДАО (SubDAO)	• Рассматривают отдельные задачи, которые удобнее решать в децентрализованном формате. • Экспериментируют с моделями децентрализованного управления на уровне своих сообществ. • Формируются (прекращают деятельность) по решению Комитета управляющих
11.	Сообщество участников инициатив и проектов (contributors)	• Реализация инициатив и проектов развития сети. • Предложения по грантам для реализации инициатив и проектов
12.	Сообщество ДАО	• Формулирует предложения в целях улучшения управления сетью. • Принимает участие в управлении сетью посредством голосования по предложениям и избрания членов других органов сети

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

не на вторичном рынке, где его можно купить и продать по желанию. Дальше эти токены распространяются среди пользователей и других заинтересованных сторон. Дж. М. Гарон рассматривает ДАО в качестве «одной из потенциальных моделей управления метавселенной или, по крайней мере, отдельными играми и виртуальными мирами, которые соединяются с метавселенной» [14].

На практике рассматривается возможность функционирования как централизованно управляемых виртуальных миров, так и децентрализованных виртуальных миров на базе блокчейна с использованием невзаимозаменяемых токенов NFT (например, Decentraland, Sandbox). Последние нацелены на развитие управления под контролем пользователей (сообщества). Так, Decentraland — платформа виртуальной реальности, созданная на Ethereum. Ее создатели позиционируют ее в качестве «первого полностью децентрализованного виртуального мира». Для принятия управленческих решений Decentraland использует модель ДАО, которая владеет наиболее важными смарт-контрактами и активами платформы (контрактом на землю, контрактом на недвижимость, носимыми устройствами, контент-серверами и торговой площадкой). Таким образом, владение и управление децентрализованы в сообществе через ДАО. Пользователи (сообщество) платформы определяют политику метавселенной и голосуют по ключевым вопросам её работы (особенности и сроки будущих аукционов по земле, обновление протоколов, размер рыночных сборов, выделение грантов на развитие проекта, др.)⁶.

Доклад Chainalysis о состоянии Web3 продемонстрировал, что в настоящий момент времени основные участники ДАО — это «продвинутые пользователи криптовалютных сервисов» (82,1% средств поступили от децентрализованных сервисов)⁷. В отчете платформы Messari отмечается, что наиболее распространённой криптовалютой являются стейблкоины USDT (62,51%) и USDC (24,18%), на долю которых приходится совокупно около 85%

рынка стейблкоинов, что подчеркивает их системную значимость в глобальных финансах⁸.

В этом контексте следует отметить, что в последние годы наблюдается создание единой глобальной финансовой инфраструктуры, которая соединяет традиционные финансовые системы с новыми цифровыми технологиями. Ключевым элементом этой инфраструктуры в настоящий момент времени являются стейблкоины, которые обеспечивают стабильность и надежность в цифровых транзакциях. Это объединение позволяет улучшить доступ к финансовым услугам и повысить эффективность операций, что, в свою очередь, может привести к более интегрированному и устойчивому финансовому рынку. Стейблкоины становятся важным элементом традиционной финансовой системы, о чем свидетельствует их использование в развивающихся странах для хранения долларов, трансграничных платежей и международной торговли. Более 50% транзакций со стейблкоинами в 2024 г. были не связаны с криптовалютными биржами, что подчеркивает их растущую популярность и применение в финансовых услугах⁹.

Интересно отметить, что анализ распределения токенов управления между десятью ведущими в текущий момент времени ДАО демонстрирует, что в нескольких крупных ДАО менее 1% всех держателей имеют 90% голосов. Таким образом, несмотря на то, что данный процесс нередко иллюстрируется как способ децентрализации власти, данные о токенах управления показывают, что владельцами ДАО является сильно сконцентрированное меньшинство¹⁰. Кроме того, как показывает анализ, из держателей всех имеющихся на данный момент времени токенов управления хотя бы один раз принимали участие в голосовании и делали предложение всего лишь 30% держателей криптокошельков¹¹.

⁸ Messari. Stablecoins. State of Stablecoins. URL: <https://messari.io/report/state-of-stablecoins> (дата обращения: 05.09.2025).

⁹ Kendrick G., Philpott N. Stablecoins: The first killer app. 2024. URL: <https://av.sc.com/corp-en/nr/content/docs/sc-stablecoins-the-first-killer-app.pdf> (дата обращения: 05.09.2025).

¹⁰ The Chainalysis State of Web3 Report. Your guide to how blockchains are changing the internet. URL: <https://go.chainalysis.com/2022-web3-report.html> (дата обращения: 05.09.2025).

¹¹ Organizations. URL: <https://deepdao.io/organizations> (дата обращения: 05.09.2025).

⁶ Shape the future of our virtual world. URL: <https://decentraland.org/dao/en/> (дата обращения: 05.09.2025).

⁷ The Chainalysis State of Web3 Report. Your guide to how blockchains are changing the internet. URL: <https://go.chainalysis.com/2022-web3-report.html> (дата обращения: 05.09.2025).

Разработанная автором адаптивная модель структуры управления ДАО, сочетающая элементы централизации и децентрализации, предусматривает новые подходы к управлению децентрализованными автономными организациями, предоставляя всем потенциальным участникам и заинтересованным сторонам более широкие возможности участия и функционирования в этом сегменте рынка.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, современные инструменты управления и организационные системы не всегда успевают за темпом цифровой трансформации. Использование в экономической жизни ДАО позволит совершенствовать управленческую практику посредством повышения прозрачности и предсказуемости совместной деятельности разнообразных субъектов и объектов

управления. Во-вторых, несмотря на огромный потенциал ДАО, в текущий момент они не могут полностью заменить традиционную управленческую модель¹². В-третьих, интеграция ДАО в экономическую систему страны представляет собой многоэтапный процесс, успешная реализация которого находится в прямой зависимости от темпов цифровизации институциональной среды, качества регуляторных решений в отношении практических аспектов функционирования подобных организационных структур, и, безусловно, потребует комплексной методологии целеполагания в системе государственного управления, учитывающей многофакторную природу современных социально-экономических процессов и необходимость выбора инструментов достижения стратегических приоритетов национального развития.

¹² Iansiti M., Lakhani K. R. Blockchain. The Truth About Blockchain. 2017. URL: <https://hbr.org/2017/01/the-truth-about-blockchain> (дата обращения: 05.09.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zwitter A. Decentralized network governance: Blockchain technology and the future of regulation. *Frontiers in Blockchain*. 2020;3. DOI: 10.3389/fbloc.2020.00012
2. Yuxhno A.S. Perspective of blockchain technology application in corporate governance: Recent tendencies. *Management Sciences*. 2021;11(2):57-72. DOI: 10.26794/2404-022X-2021-11-2-57-72
3. Hsieh Y.-Y., Vergne J.-P., Wang S. The internal and external governance of blockchain-based organizations: Evidence from cryptocurrencies. *Bitcoin and Beyond: Blockchains and Global Governance*. 2018:48-68. DOI: 10.4324/9781315211909-3
4. Brousseau E., Marzouki M., Méadel C. Governance, regulation and powers on the internet. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 446 p. DOI: 10.1017/CBO9781139004145
5. Юхно А.С. Перспективы и риски применения умных контрактов в корпоративном управлении. *Страховое право*. 2020;(1):40-43.
6. Юхно А.С. Повышение уровня прозрачности в корпоративном управлении в эпоху цифровизации: опыт децентрализованных автономных организаций. *Страховое дело*. 2019;(11):42-46.
7. Hacker Ph., Lianos I., Dimitropoulos G., Eich S., eds. Regulating blockchain: Techno-social and legal challenges. Oxford: Oxford University Press; 2019. 443 p.
8. Wright A.J. The rise of decentralized autonomous organizations: Opportunities and challenges. *Stanford Journal of Blockchain Law & Policy*. 2021:152-176.
9. Magnier V., Barban P. The potential impact of blockchains on corporate governance: A survey on shareholders' rights in the Digital era. *InterEULawEast journal for the international and european law economics and market integrations*. 2018. 37 p. DOI: 10.22598/iele.2018.5.2.7
10. Ferreira D., Li J., Nikolowa R. Corporate capture of blockchain governance. European Corporate Governance Institute (ECGI); *Finance Working*. 2019: 593. DOI: 10.2139/ssrn.3320437
11. Reyes C. (Un)Corporate crypto-governance. 2019;88:1875-1922.
12. Van Rijmenam M., Schweitzer J., Williams M.A. A distributed future: Where blockchain technology meets organisational design and decision-making. *Academy of management proceedings*; 2018. 45 p.
13. Юхно А.С. Обзор тенденций развития рынка метавселенной. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2022;(6):108-126. DOI: 10.52180/2073-6487-2022-6-108-126
14. Garon J.M. Legal Implications of a ubiquitous metaverse and a Web3 Future. 2022. DOI: 10.2139/ssrn.4002551

REFERENCES

1. Zwitter A. Decentralized network governance: Blockchain technology and the future of regulation. *Frontiers in Blockchain*. 2020;3. DOI: 10.3389/fbloc.2020.00012
2. Yukhno A.S. Perspective of blockchain technology application in corporate governance: Recent tendencies. *Management Sciences*. 2021;11(2):57-72. DOI: 10.26794/2404-022X-2021-11-2-57-72
3. Hsieh Y.-Y., Vergne J.-P., Wang S. The internal and external governance of blockchain-based organizations: Evidence from cryptocurrencies. *Bitcoin and Beyond: Blockchains and Global Governance*. 2018:48-68. DOI: 10.4324/9781315211909-3
4. Brousseau E., Marzouki M., Méadel C. Governance, regulation and powers on the internet. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 446 p. DOI: 10.1017/CBO9781139004145
5. Yukhno A.S. Prospects and risks of using smart contracts in corporate governance. *Strakhovoe pravo = Insurance law*. 2020;(1):40-43. (In Russ.).
6. Yukhno A.S. Enhancing transparency in corporate governance in the digital age: The experience of decentralized autonomous organizations. *Strakhovoe delo = Insurance*. 2019;(11):42-46. (In Russ.).
7. Hacker Ph., Lianos I., Dimitropoulos G., Eich S., eds. Regulating blockchain: Techno-social and legal challenges. Oxford: Oxford University Press; 2019. 443 p.
8. Wright A. J. The rise of decentralized autonomous organizations: Opportunities and challenges. *Stanford Journal of Blockchain Law & Policy*. 2021:152-176.
9. Magnier V., Barban P. The potential impact of blockchains on corporate governance: A survey on shareholders' rights in the Digital era. *InterEULawEast journal for the international and european law economics and market integrations*. 2018. 37 p. DOI: 10.22598/iele.2018.5.2.7
10. Ferreira D., Li J., Nikolowa R. Corporate capture of blockchain governance. European Corporate Governance Institute (ECGI); *Finance Working*. 2019: 593. DOI: 10.2139/ssrn.3320437
11. Reyes C. (Un)Corporate crypto-governance. 2019;88:1875-1922.
12. Van Rijmenam M., Schweitzer J., Williams M.A. A distributed future: Where blockchain technology meets organisational design and decision-making. *Academy of management proceedings*; 2018. 45 p.
13. Yukhno A.S. Overview of trends in the development of the metaverse market. *Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2022;(6):108-126. (In Russ.). DOI: 10.52180/2073-6487-2022-6-108-126
14. Garon J. M. Legal implications of a ubiquitous metaverse and a Web3 Future. 2022. DOI: 10.2139/ssrn.4002551

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Сергеевич Юхно — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, Институт государственной службы и управления РАНХиГС, Президентская академия, Москва, Российская Федерация

Alexander S. Yukhno — Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Head of the Department of Stateness, Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0003-2999-2982>

yukhno-as@ranepa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 27.08.2025; принята к публикации 08.12.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 27.08.2025; accepted for publication 08.12.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-89-99
УДК 338.5(045)
JEL E23

Перспективы экосистемного развития промышленных кластеров

К.В. Харченко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность работы обусловлена острой потребностью отечественной экономики в современных интеграционных структурах, объединяющих промышленные предприятия, научные организации и технологические компании в целях разработки и производства инновационной высокотехнологичной продукции. В настоящее время более предпочтительной формой такой интеграции является кластер, сохраняющий большую самостоятельность входящих в него предприятий и организаций, нежели холдинг. **Предмет** исследования — структура, свойства и ожидаемые результаты экосистемной организации промышленных кластеров. **Цель** — разработка модели промышленного кластера как экосистемы, создающей благоприятные условия для многоуровневого взаимодействия участников и реализации совместных проектов в области импортозамещения, инновационного развития регионов и достижения технологического суверенитета страны в целом. Были решены следующие четыре главные **задачи**: изучен процесс кластеризации в РФ и оценён уровень его развития; выявлены предпосылки формирования экосистемного подхода к кластерному развитию; смоделирована предполагаемая структура промышленного кластера как экосистемы; определены свойства экосистемной организации промышленных кластеров. В **результате** установлено: в России отсутствует единая номенклатура кластеров и их типология. Фактически доминируют промышленные кластерные структуры, в рамках которых заметен тренд на интеграцию науки, высшего образования и производства в инновационных целях. Автором разработана и предложена целевая модель промышленного кластера, обладающего научным, образовательным и производственным потенциалом, а также инновационной и информационно-технологической инфраструктурой. Показаны преимущества управления кластером специализированной организацией с государственным участием. Отмечено, что экосистемная организация кластера подразумевает его органичное встраивание в окружающую среду, распределение задач между участниками по инициативе снизу, непрерывную циркуляцию ресурсов, максимальную устойчивость и способность к саморазвитию, что должно обеспечивать целевую определенность и ценностную основу деятельности. **Научная новизна** работы состоит в том, что впервые предложена модель экосистемной организации промышленного кластера и показано, почему именно она обеспечивает средовой эффект от созданной промышленной, инновационной и информационно-технологической (платформенной) инфраструктуры в виде интенсификации взаимодействия на внутреннем и внешнем контурах кластера за счет повышения доверия между его участниками и партнерами. Сделан **вывод**: развитие промышленных кластеров как экосистем позволит входящим в него предприятиям выпускать высокотехнологическую, конкурентоспособную на мировом рынке продукцию, регионам их присутствия — ускорить инновационное развитие и реиндустриализацию, государству — обеспечить технологический суверенитет и повысить уровень национальной безопасности.

Ключевые слова: кластеры; кластерное развитие; промышленная политика; инновационная деятельность; инвестиции; экосистемный подход; цифровые экосистемы; научно-производственные кластеры; кластерная экономика; стратегическое управление регионом

Для цитирования: Харченко К.В. Перспективы экосистемного развития промышленных кластеров. *Экономика. Право*. 2026;19(1):89-99. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-89-99

ORIGINAL PAPER

Prospects for the Ecosystem Development of Industrial Clusters

K.V. Kharchenko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The paper's **significance** comes from the domestic economy's need for modern integration uniting industrial enterprises, scientific organizations and tech companies for developing and producing innovative high-tech products. A cluster is

© Харченко К.В., 2026

a better integration type, as it keeps member entities more independent than a holding company. The study's **subject** explores industrial clusters' ecosystem structure, characteristics, and anticipated outcomes. The **goal** is to develop a model of an industrial cluster as an ecosystem that creates favorable conditions for multi-level interaction of participants and implementing joint projects in import substitution, innovative development of regions and achieving tech sovereignty of the country. The author has achieved four key **objectives**: studied the clustering process in the Russian Federation and assessed the level of its development; identified the prerequisites for the formation of an ecosystem approach to cluster development; modeled the proposed structure of an industrial cluster as an ecosystem; determined the properties of the ecosystem organization of industrial clusters. **Consequently**, the study showed that Russia lacked a standardized cluster nomenclature and typology. Industrial clusters generally prevail, and there's a trend of integrating science, higher education, and production for innovation. The author designed and suggested a target model for an industrial cluster with potential in science, education, production, innovation, and IT. The research shows the advantages of managing the cluster through a specialized organization with state participation. The author highlights the cluster's ecosystem structure, implying environmental integration, decentralized task allocation, resource cycling, maximum sustainability, and self-development, which should support goal setting and value-driven actions. This work's **scientific innovation** is that it pioneers an ecosystem organization model for an industrial cluster. This clarifies how it guarantees that the environmental impact of the new tech infrastructure results from more interaction within the cluster between its participants and partners. The author **concluded** that the creation of industrial clusters as ecosystems will help their member companies create competitive high-tech products in their regions. This will lead to faster innovation and reindustrialization, while the state will protect technology and strengthen national security.

Keywords: clusters; cluster development; industrial policy; innovation; investments; ecosystem approach; digital ecosystems; research and production clusters; cluster economy; strategic regional management

For citation: Kharchenko K.V. Prospects for the ecosystem development of industrial clusters. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):89-99. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-89-99

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблематики экосистемного развития промышленных кластеров обусловлена, по крайней мере, тремя обстоятельствами. *Во-первых*, если говорить о микроэкономическом уровне, то многие предприятия в последние годы или едва справляются с экономическими проблемами, или не справляются вовсе. Довольно часто при этом события развиваются стихийно и происходит поглощение разрозненных промышленных субъектов холдингами, что означает значительную утрату их хозяйственной самостоятельности. Альтернативой является более мягкая кластерная интеграция, предполагающая добровольную передачу отдельных функций управляющей организации и/или иным субъектам исключительно на договорной основе, т.е. в рамках заключенных соглашений о взаимодействии.

Во-вторых, на макроэкономическом уровне сегодня перед Россией стоит задача обеспечения устойчивого развития по инновационному сценарию и достижения технологического суверенитета. Очевидно, что для её успешного решения потенциала отдельных предприятий недостаточно, требуется их объединение не только между собой, но также с научными, образовательными и инфраструктурными организациями в целях достижения глубокого технологического передела продукции и обеспечения полного инновационного цикла.

В-третьих, в настоящее время с учетом набирающего популярность экосистемного подхода перспективным представляется определение возможностей его практического использования в рамках формирования кластера-экосистемы.

Сопоставлению понятий промышленных кластеров и промышленных экосистем в последние годы посвящено немало научных публикаций. Так, различия и сходства между этими понятиями анализируются Н. Ю. Титовой и В. Е. Зиглиной [1], в работе которых подчёркиваются преимущества промышленной экосистемы по сравнению с кластером, например в части динамизма и большей маневренности организации бизнеса, достижения единой миссии участников, возможности продуцирования мультиотраслевых, а не только производственных инноваций. При этом не определён организационно-правовой статус промышленной экосистемы и не названы причины, мешающие кластеру представлять собой такую экосистему.

Представляется, что в настоящее время более корректными являются подходы, когда кластеры рассматриваются как значимый элемент инновационной экосистемы [2] либо как разновидность инновационно-промышленных экосистем [3]. В контексте данной концепции была определена и цель нашего исследования — разработать и предложить модель промышленного кластера как эко-

системы, создающей благоприятные условия для многоуровневого взаимодействия участников и реализации совместных проектов, связанных с инновационным развитием регионов и достижением технологического суверенитета страны.

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ В СФЕРЕ КЛАСТЕРОВ

Начиная с середины 2000-х гг. различные кластеры проектировались при разработке стратегий социально-экономического развития субъектов РФ, однако такие разработки, как правило, не находили практического внедрения по причине, с одной стороны, отсутствия федеральной нормативной базы, с другой — механизмов реализации стратегий.

В 2012 г. по поручению Президента РФ Д.А. Медведева, в рамках госпрограммы РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика»¹ были созданы 27 инновационных территориальных кластеров, господдержку которых курировало Минэкономразвития России. Между тем, с 2019 г. в ходе очередной корректировки программного документа предоставление субсидий на реализацию комплексных инвестиционных проектов по развитию инновационных территориальных кластеров было прекращено.

В 2014 г. в соответствии с Федеральным законом «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 № 488-ФЗ и постановлением Правительства РФ «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» от 31.07.2015 № 779 началось создание промышленных кластеров. Первоначально цель их создания была предельно общей и состояла в содействии развитию промышленности, однако уже с 2022 г. (на 30 октября 2025 г. в реестре Минпромторга России зарегистрировано 104 таких кластера)² они стали рассматриваться в качестве механизма реализации политики импортозамещения [4].

Что касается других функционирующих в стране кластеров, каждый из них индивидуален и имеет свою отраслевую и правовую специфику. Например,

Международный медицинский кластер — комплекс клиник, учебных и исследовательских центров на территории Инновационного центра «Сколково» — создан в рамках Федерального закона «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.06.2015 № 160-ФЗ. Московский инновационный кластер — цифровая платформа, обеспечивающая поддержку технологических проектов на всех этапах их реализации — образован в соответствии с Указом Президента РФ от 26.11.2018 № 672 «О создании на территории г. Москвы инновационного кластера».

Создание научно-промышленных кластеров двойного назначения — региональных консорциумов организаций ОПК, научно-образовательных организаций, средних и малых инновационных компаний, позволяющих оперативно переключаться между режимами диверсификации и мобилизации [5], инициировано Коллегией военно-промышленной комиссии Российской Федерации на основе методологии Института государственно-частного планирования. В настоящее время они действуют в Томской и Свердловской областях (комплексные автоматизированные системы, металлургия и металлообработка, транспортное машиностроение), а также в Москве (изготовление процессоров «Эльбрус»).

Отсутствие единого федерального закона, регламентирующего принципы организации и деятельности различных кластеров, а также общепринятого подхода к их номенклатуре и типологии активизировало процесс создания региональных разнопрофильных кластеров, таких как инновационный кластер «Светотехника и оптоволоконное приборостроение» в Республике Мордовия, территориальный инновационный кластер информационных технологий в Орловской области, Нижегородский индустриальный инновационный кластер в области автомобилестроения и нефтехимии, инновационно-промышленный кластер транспортного машиностроения «Метрополитены и железнодорожная техника» в Санкт-Петербурге, Камский инновационный территориально-производственный кластер.

Однако несмотря на различия в наименовании, практически все региональные кластеры находятся в перекрестье координат: промышленность — инновации — технологии. Территориальная близость предприятий одной отрасли и смежных организаций, функциональная зависимость друг от

¹ Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»: утверждена постановлением Правительством РФ от 15.04.2014 № 316.

² Реестр кластеров. URL: https://gisip.gov.ru/gisip/reg_clusters (дата обращения: 30.10.2025).

друга вкупе с их инновационным потенциалом, реализация которого, безусловно, нуждается в государственной поддержке, способствуют созданию таких уникальных научно-производственных кластеров, которые со временем могут стать основным ресурсом стратегического развития субъекта РФ и надёжным фундаментом региональной экономики.

Несмотря на то, что промышленные кластеры сегодня — это преобладающая узаконенная и распространённая форма кластерной кооперации, в регламентирующих их деятельность документах виден дрейф в направлении сотрудничества с наукой, образованием и обслуживающими отраслями, которое в 2025 г. получило новый импульс развития: Постановлением Правительства РФ № 779 в редакции от 08.05.2025 г. вводится понятие научной инфраструктуры промышленного кластера (сведения о ней теперь указываются в реестре кластеров) как совокупности производственной, образовательной, научно-исследовательской и иной инфраструктуры образовательных и научных организаций. И, хотя наличие в составе кластера организаций, относящихся к научной инфраструктуре, на данный момент не является обязательным условием предоставления им государственной поддержки, все же вектор в сторону интеграции науки и производства уже задан.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА К КЛАСТЕРНОМУ РАЗВИТИЮ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ

Термин «экосистема» заимствован из биологии (введен экологом Артуром Тенсли в 1935 г.), его исходный смысл — условно обособленная среда обитания живых организмов, жизнедеятельность и взаимодействие которых, а также влияние внешних факторов устроены (сложились) таким образом, что, в конечном счете, обеспечивается гармония, баланс и устойчивость.

С учетом данного определения экосистема должна обладать следующими свойствами:

1) представлять собой не просто совокупность взаимодействующих субъектов, а своеобразную среду, выступающую катализирующим фактором. Применительно к социальному миру эта среда не обязательно должна быть физическим пространством, а скорее ментальным, самовоспроизводящим общие ценности и нормы;

2) субъекты подчиняются законам среды, но при этом сохраняют самостоятельность: среда не превращается в подавляющий их монолитный конструкт;

3) отношения между субъектами строятся на принципах не конкуренции, а взаимоусиления через сотрудничество.

Несмотря на то, что термин «экосистема» является заимствованием из другой области знания, он довольно точно передает целевую модель экономических отношений, в которых значимыми факторами развития компаний являются доверие и репутация [6].

Вместе с тем сегодня мы наблюдаем иную картину: вместо интеграции экономических субъектов снизу они поглощаются вертикально интегрированными структурами; вместо постепенного роста бизнеса и расширения его присутствия на рынке по мере наработки профильных компетенций происходит молниеносный захват рыночных ниш представителями непрофильных отраслей. Речь, в частности, идет о цифровых экосистемах крупнейших бизнес-игроков, когда некий мегасубъект в ходе профильной деятельности (например, банк) нарабатывает значительные организационные ресурсы: клиентскую базу, филиальную сеть, логистическую систему, а затем заходит на непрофильные рынки, заимствуя при этом недостающие компетенции. В данном случае наблюдается жесткая конкурентная стратегия в части подавления самостоятельных бизнесов, которая вместе с тем имеет определенные преимущества для клиентов: возможность удовлетворения широкого круга потребностей в рамках единой системы идентификации и аутентификации.

В этой связи очень важно вернуться к истокам понятия и предложить экосистемную модель равноправного и взаимообогащающего взаимодействия экономических субъектов как альтернативу монополизации — как в виде полного поглощения компаний, так и вхождения их в холдинги с уступкой значимой доли в уставном капитале. Для государства поддержка данной экосистемной модели должна быть объективно более предпочтительной, поскольку, во-первых, крупные игроки способны строить экосистемы монополистического типа и без участия государства, а во-вторых, сохранение хозяйственной самостоятельности субъектов малого и среднего предпринимательства следует рассматривать как ценность, поскольку это является важным условием

активизации инновационной деятельности, которая, в свою очередь, обеспечивает вклад в решение задач импортозамещения и достижения технологического суверенитета.

В рамках научных дискуссий сегодня активно обсуждается конструкт «региональная инновационная экосистема» (РЭС), два определения и трактования которой (взяты из относительно недавних публикаций на данную тему), по нашему мнению, раскрывают её суть:

1) «самоорганизующийся, высокоадаптивный, территориально ограниченный в рамках природной, институциональной, социальной и политической среды сетевой комплекс свободно кооперирующихся, взаимодействующих и влияющих друг на друга элементов — организаций, процессов, проектов, сервисов» [7];

2) «среда сетевого взаимодействия, с помощью которой распространяются коллективно создаваемые инновации горизонтально связанных, но независимых участников. Важной особенностью экосистем является их способность к самоорганизации и саморазвитию» [8].

Как видим, в центре РЭС находятся взаимодействующие субъекты, в отношении которых в первом случае акцентирован сетевой, а во втором — средовой подход. Иными словами, в первом определении речь идет о сетевом взаимодействии в рамках разноаспектной среды, и тем самым, преимущественно отражается процесс (кооперации); во втором же говорится: поскольку экосистема — это уже сама по себе среда, на первый план выдвигается результат — коллективно создаваемые инновации.

Отметим, что в ходе анализа сущностных свойств региональных инновационных экосистем следует учитывать тренд на цифровизацию, под которой мы понимаем масштабный и необратимый процесс внедрения цифровых платформ (внешний, видимый сегмент) и технологий (внутреннее содержание) практически во все сферы жизнедеятельности человека. Результатом цифровизации является цифровая трансформация — изменение логики социального и человеко-технического взаимодействия, способов удовлетворения разнообразных потребностей с учетом возможностей цифровых сервисов.

Сегодняшние РЭС, являясь в большей мере абстрактными, нежели физическими пространствами и площадками (что ускоряет и упорядочивает инновационное взаимодействие между субъектами,

но принципиально не меняет его природы), представляют собой сложное сочетание трёх основных элементов:

1) *инновационной инфраструктуры* — совокупности институтов, целенаправленно созданных субъектом управления в целях поддержки инновационной деятельности (технопарков, бизнес-инкубаторов, центров прототипирования, фондов венчурных инвестиций, инжиниринговых центров и т.п.);

2) *виртуального пространства* — единой интегрированной платформы содействия инновационной деятельности (при наличии) и/или совокупности веб-сайтов институтов развития и инфраструктурных организаций, цифровых платформ в сфере поддержки МСП, инновационного производства, образования и науки, а также социальных сетей и мессенджеров, других инструментов неформального общения субъектов инновационной деятельности;

3) *инновационной среды* — ментального, социально-психологического явления, особой культуры инновационной деятельности, являющейся результатом функционирования институтов поддержки инноваций и межсубъектного взаимодействия по поводу их создания и распространения.

Региональная инновационная экосистема может и должна становиться предметом фундаментальных научных исследований, однако её основное практическое предназначение состоит в том, чтобы задавать вектор развития кластеров.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ СТРУКТУРА ПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА-ЭКОСИСТЕМЫ

Построение кластера по принципу экосистемы предполагает определенный баланс между относительной внутренней замкнутостью и открытостью по отношению к внешней среде. Поэтому экосистема кластера не ограничивается только его участниками и партнерами (организациями, сотрудничающими с кластером, но не входящими в его структуру), она прирастает также инвестиционными фондами, финансово-кредитными учреждениями и региональными институтами развития, предоставляющими различные виды поддержки. В орбиту влияния кластера-экосистемы может быть включена также социальная среда, поскольку организационная культура, безусловно, оказывает влияние на человека не только как

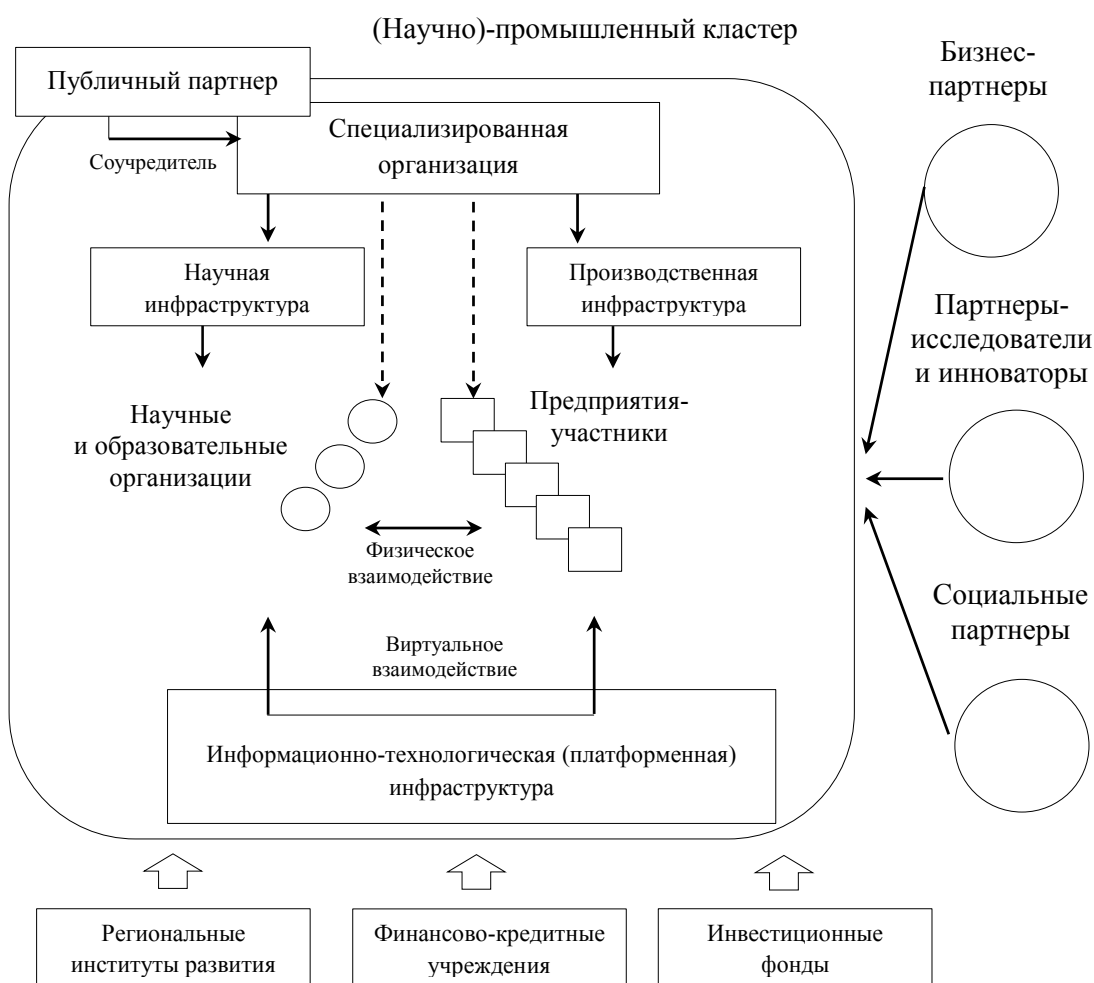

Рис. / Fig. Модель (научно)-промышленного кластера-экосистемы с участием публичного партнера / A model of a (scientific) and industrial cluster ecosystem with the participation of a public partner

Источник: составлено автором / Source: compiled by the author.

работника, но как члена общества, в первую очередь — местного сообщества. Что касается физической — природной и городской (сельской) — среды, то их отношения с кластером-экосистемой (при вхождении в него организаций, находящихся на данный момент в одном пространстве (признак «территориальной близости» по М. Портеру), как правило, бессистемны и осуществляются в режиме «от случая к случаю».

Предполагается, что модель (научно)-промышленного кластера/кластера-экосистемы (см. рисунок) будет включать в себя 6 основных, формирующих её структуру элементов:

1. Управляющую компанию (далее — УК), в число учредителей которой входит публично-правовой субъект: государственный орган, учреждение

либо организация с государственным участием. УК призвана способствовать трансформации выстроенной системы деятельности в органичную и гармоничную экосистему, выступая, среди прочего, как медиатор во взаимоотношениях кластера с внешней средой, а также его участников между собой.

2. Научно-исследовательские институты (НИИ) и научно-образовательные организации (университеты), в задачи которых входит проведение фундаментальных и прикладных исследований: от начальной стадии до полного инновационного цикла, а также обеспечение кластера высокотехнологичными кадрами.

3. Промышленные предприятия в соответствии со специализацией кластера, участие которых пред-

Таблица / Table

**Виды функциональной зависимости предприятий и организаций в рамках кластера /
Types of functional dependence of enterprises and organizations within the cluster**

№	Вид функциональной зависимости	Пояснение
1.	Участие предприятий в координационных структурах	Организация и обеспечение деятельности советов маркетологов, главных инженеров, кадровиков
2.	Внутренний аутсорсинг	Передача части функций управляющей организации либо соседним организациям, например, по обслуживанию оборудования, обеспечению сырьем и материалами, рекрутингу кадров, маркетингу, бухгалтерскому обслуживанию
3.	Внутренний аутстаффинг	Система кадровой логистики, предполагающая возможность использования заемного труда в условиях избытка заказов и сохранения ценных специалистов в кризисной для предприятия ситуации
4.	Реализация кластерных проектов	Раздельный учет доходов и расходов, связанных с реализацией кластерных проектов; как вариант — создание специальных проектных компаний в целях аккумуляции ресурсов

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

полагает относительно высокую степень сохранения их хозяйственной самостоятельности — по меньшей мере, по сравнению с холдингами как вертикально интегрированными структурами. Степень участия хозяйствующих субъектов в кластере определяется соответствующими договорными обязательствами.

4. *Производственную инфраструктуру* — центры коллективного пользования оборудованием, логистические организации, инжиниринговые центры и т.п.

5. *Инновационную инфраструктуру* — центры научно-технической информации, обработки данных, трансфера технологий, патентные бюро.

6. *Информационно-технологическую инфраструктуру* — организации, занимающиеся обслуживанием и администрированием цифровых платформ кластера, на которых осуществляется виртуальное взаимодействие между его участниками.

Функциональная зависимость предприятий и организаций в рамках кластера определяется участием их представителей в координационных советах; внутренним аутсорсингом и аутстаффингом, а также реализацией кластерных проектов (см. таблицу). Вместе с тем проектирование оптимальной структуры кластера еще не означает наличие гарантий его дальнейшего развития как экосистемы, но создает для этого значимые предпосылки.

СВОЙСТВА ЭКОСИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ

Можно ли рассматривать кластер-экосистему как высшую (целевую) стадию развития научно-промышленного кластера? Безусловно — да, поскольку он обладает следующими свойствами:

1. *Органичным встраиванием в окружающую среду.* Кластер создается в интересах региона и должен их реализовывать. Исключаются ситуации, когда входящие в кластер организации являются инородным телом, создающим нагрузку на природу и социальную инфраструктуру, но никак и ничем её не компенсирующим. Развитие кластера как экосистемы строится на ESG-принципах, предполагающих единство экологической, социальной и корпоративной ответственности.

2. *Присущими только ему особенностями распределения задач между участниками.* По причине отсутствия жесткой иерархии внутрикластерное взаимодействие вытекает из добровольно принятых субъектами обязательств, соответственно, задачи не ставятся сверху, а формулируются снизу, с учетом совместно определенных стратегических ориентиров, с одной стороны, и видения ситуации непосредственно на месте, с другой.

3. *Непрерывной циркуляцией ресурсов.* Возникающие у отдельных субъектов кластер-экосистемы потребности в сырье, материалах, информации,

кадрах и т.п. в течение сравнительно короткого промежутка времени удовлетворяются другими участниками на основе взаимного интереса либо стихийно сложившегося консенсуса: успех каждого — залог достижения кластером общего положительного результата деятельности.

4. *Максимальной устойчивостью состава кластера и постепенным его расширением за счет новых участников.* Комфортные условия внутрикластерного взаимодействия способствуют продолжительному сотрудничеству между организациями и более тесной их интеграции, а также росту интереса к кластеру со стороны внешнего контура.

5. *Обладанием способностью к саморазвитию,* что означает: государственная поддержка рассматривается не как условие существования кластера, без которой он распадется, а как стимул, обеспечивающий мультипликацию экономического эффекта.

Поскольку для обеспечения устойчивости кластера его участникам очень важно осознавать, что они взаимодействуют в рамках экосистемы, данный концепт рекомендуется сделать значимым элементом корпоративной культуры как на глубинном (ценности), так и на поверхностном (атрибутика) ее уровне.

Базовые функции кластера-экосистемы можно рассматривать с двух позиций: во-первых, как организм с распределенной структурой, обеспечивающий продуктивную научную и производственную деятельность его участников в условиях комфортного взаимодействия, а во-вторых, как помощника в организации бизнеса по экосистемному принципу.

ОЖИДАЕМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ ПО ЭКОСИСТЕМНОМУ ПРИНЦИПУ

Экосистемная организация промышленных кластеров призвана обеспечить не только гармонию и устойчивость, но и целевую определенность их деятельности. Цель функционирования кластера должна отражаться в программе его развития³.

³ Хотя в Требованиях к содержанию программы развития промышленного кластера, утвержденных приказом Минпромторга России от 15.08.2025 № 4018, речь идет о цели Программы, каноны стратегического планирования предусматривают формулирование цели деятельности именно объекта, развитию которого посвящена та или иная стратегия либо программа.

Поскольку кластер создан не для решения конкретной задачи, а рассчитан на долговременное взаимодействие участников и долгосрочный эффект, типовой (модельной) целью его деятельности может стать, как вариант, создание благоприятной среды, обеспечивающей непрерывный процесс генерирования и дальнейшего продвижения инноваций в рамках полного инновационного цикла. При этом инновации могут рассматриваться не столько как конечный продукт деятельности кластера, сколько как условие реализации человеческого потенциала, социально-экономического развития региона, достижения технологического суверенитета Российской Федерации.

В качестве инструментов стимулирования инноваций в рамках кластера могут рассматриваться проведение совместных НИОКР; создание собственных бизнес-инкубаторов, технопарков, центров промышленного дизайна; реализация технологического аудита компаний.

Неосязаемым продуктом совместной деятельности участников кластера-экосистемы являются общие ценности, которые могут быть систематизированы в корпоративной книге либо этическом кодексе. Предполагается, что региональный промышленный кластер, созданный под эгидой публичного партнера, будет:

1) гарантом экономической безопасности [9], предотвращая манипуляции с организационно-правовыми формами, незаконные слияния и поглощения, искусственные банкротства предприятий;

2) гарантом добросовестности работодателей — не просто законопослушных, не допускающих нарушений в социально-трудовой сфере, а стремящихся к справедливому вознаграждению, социальной защите и профессионально-личностному развитию работников;

3) гарантом благополучия социальной среды, поскольку у координатора кластера задача-минимум — не допускать массового высвобождения работников, ухудшения их материального положения, тогда как задача-максимум — в сотрудничестве с муниципальной администрацией содействовать строительству либо реконструкции объектов социальной инфраструктуры;

4) гарантом сохранения природной среды: при нахождении предприятий на территории, обладающей определенным природным потенциалом, включая, например, особо охраняемые

природные территории, охотничьи угодья, рекреационные ресурсы. Государственное присутствие в кластере создает условия для усиления контроля соблюдения экологических требований на производстве, а также для внедрения природоохранных технологий, широкого использования вторичного сырья.

Какие выгоды сулит предприятиям участие в кластере-экосистеме? Во-первых, возможность комбинирования своими и соседскими ресурсами [10]; во-вторых, взаимоусиление конкурентных преимуществ; в-третьих, сбалансированную загрузку производственных мощностей; в-четвёртых, совершенствование производственных процессов; в-пятых, увеличение рентабельности за счет перехода на высокие переделы цепочек добавленной стоимости, и наконец, повышение качества управления, сохранение и приумножение кадрового потенциала.

В региональном масштабе такие кластеры будут способствовать реиндустриализации (замещению устаревших производств высокотехнологичными), редевелопменту промышленных зон, развитию «умных территорий» [11], экологической устойчивости [12;13], а с точки зрения макроэкономических показателей, вложению более весомого вклада в совокупный ВВП РФ. Что касается страны в целом, то такие научно-производственные объединения, безусловно, внесут свой вклад в повышение индексов эффективности и результативности реализации мер поддержки промышленности, будут содействовать пространственному развитию [14], снижению зависимости от параллельного импорта [15], преодолению межрегиональных диспропорций и, в конечном счете, обеспечению национальной безопасности за счет достижения технологического суверенитета.

ВЫВОДЫ

В настоящее время промышленные кластеры получили новый импульс развития, с учетом ответственной им государством роли локомотивов реализации проектов, связанных с производством импортозамещающей промышленной продукции. Созданы правовые и организационные условия для оказания кластерам государственной поддержки, соответственно растет их численность. Очень важно, что в правовое поле после нескольких лет отсутствия вернулся тезис о необходимости разработки программы развития промыш-

ленного кластера — инструмента стратегического планирования, позволяющего увязывать целевые установки с технологиями их реализации. Вместе с тем остаются вопросы к номенклатуре и типологии кластеров, а также к правовым дефинициям в данной области.

Полагаем, что предметом внимания со стороны государства должен стать не любой промышленный кластер, а тот, который ориентирован на инновационную деятельность и основан на сотрудничестве производства с наукой и высшим образованием. В связи с этим предлагаем трансформировать промышленные кластеры в научно-промышленные и расширить контур их регулирования за пределы Минпромторга России — прежде всего за счет подключения Минэкономразвития России и Минобрнауки России.

Как показало исследование, на этапе создания новых и развития существующих промышленных кластеров перспективным представляется внедрять экосистемный подход. В данном случае экосистема будет выступать в роли преобразователя потенциала созданной инфраструктуры в органичную среду, продуцирующую инновации. Кластер как экосистема обладает свойствами органичности, устойчивости, взаимоусиления элементов и саморазвития. Добровольное объединение участников, разделяющих общие ценности, включая особую культуру технологического предпринимательства, а также научной и производственной деятельности является мощным инструментом развития производства, которое рассматривается как фактор обеспечения сбалансированного регионального развития и национальной безопасности. Предложенная модель кластера основывается на добровольном объединении промкомпаний, научных и образовательных организаций вокруг мощной и авторитетной управляющей компании с участием публичного партнера, призванной выступать катализатором взаимодействия участников, а также гарантом экономической безопасности и соблюдения ESG-принципов.

Главными преимуществами развития промышленных кластеров по экосистемному принципу выступают опора на общие позитивные ценности, соответствующие национальным интересам, а также обеспечение баланса между интересами науки (практическая польза от внедрения разработок), промпредприятий (взаимоусиление конкурентных преимуществ), региона и государства в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Титова Н.Ю., Зиглина В.Е. Различия и сходства понятий «промышленные кластеры» и «промышленные экосистемы». *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*. 2021;3:7-16.
2. Селиверстов Ю.И., Воронкова И.Р. Биофармацевтический кластер как элемент инновационной экосистемы Белгородской области. *Белгородский экономический вестник*. 2020;99(3):45-51.
3. Хабибуллин Р.И. Становление и развитие инновационно-промышленных экосистем: опыт Московского инновационного кластера. *Экономика и предпринимательство*. 2020;123(10):442-450.
4. Карпова С.В., Погодина Т.В. Импортозамещение в высокотехнологичном секторе как фактор устойчивого развития и модернизации транспортного комплекса России. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):48-57. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-48-57
5. Научно-промышленные кластеры двойного назначения как механизм укрепления технологического суверенитета Российской Федерации. Интервью с генеральным директором Института государственно-частного планирования Еленой Александровной Антипиной. *Управление наукой и наукометрия*. 2022;17(4):549-556.
6. Кравченко Л.А., Троян И.А., Реутова В.В. Доверие и репутация как факторы социально-экономического развития. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление*. 2024;76(2):41-51.
7. Попов Е.В., Симонова В.Л., Челак И.П. Типология моделей региональных инновационных экосистем. *Экономический анализ: теория и практика*. 2023;22(5):892-912.
8. Янченко Е.В. Региональная инновационная экосистема: оценка эффективности функционирования в условиях цифровизации. *Вопросы инновационной экономики*. 2023;13(2):881-900.
9. Харченко К.В. Совершенствование кластерного ландшафта региона как фактор обеспечения экономической безопасности. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(2):98-106. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-98-106
10. Еремин В.В. Использование мультипликатора инвестиций для снижения рисков формирования ресурсного потенциала региона. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(2):119-128. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-119-128
11. Еремин С.Г. Подходы к определению «умных территорий» как ориентиров стратегического развития муниципальных образований. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(4):81-88. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-4-81-88
12. Безсмертная Е.Р. Российские инициативы в области устойчивого развития агломераций и территорий: работа над ошибками ESG. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):60-68. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-60-68
13. Колодняя Г.В. Устойчивое развитие территорий: успешные практики малых российских городов. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(4):28-35. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-4-28-35
14. Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Трансформация экономического пространства: новые векторы комплексного развития территорий. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(4):6-15. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-4-6-15
15. Антропов В.В. Параллельный импорт в системе российской внешней торговли в 2025 году. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(1):53-62. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-1-53-62

REFERENCES

1. Titova N.Yu., Ziglina V.E. Differences and similarities of concepts of industrial clusters and industrial ecosystems. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Vestnik of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2021;3:7-16. (In Russ.).
2. Seliverstov Yu.I., Voronkova I.R. The biopharmaceutical cluster as an element of the innovative ecosystem of the belgorod region. *Belgorod Economic Bulletin = Belgorodskij ekonomicheskij vestnik*. 2020;99(3):45-51. (In Russ.).
3. Khabibullin R.I. Formation and development of innovative and industrial ecosystems: The experience of the Moscow innovative cluster. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2020;123(10):442-450. (In Russ.).

4. Karpova S.V., Pogodina T.V. Import substitution in the high-tech sector as a factor of sustainable development and modernization of Russia's transport complex. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):48-57. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X 2024-17-3-48-57
5. Dual-purpose scientific and industrial clusters as a mechanism for strengthening the technological sovereignty of the Russian Federation: An interview with a General Director of the Institute of Public-Private Planning Elena A. Antipina. *Upravlenie naukoy i naukometriya = Science Governance and Scientometry*. 2022;17(4):549-556. (In Russ.).
6. Kravchenko L.A., Troyan I.A., Reutova V.V. Trust and reputation as factors of socio-economic development. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie = Scientific Notes of the Crimean Federal Vernadsky University. Economics and management*. 2024;76(2):41-51. (In Russ.).
7. Popov E.V., Simonova V.L., Chelak I.P. A Typology of regional innovation ecosystem models. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika = Economic analysis: theory and practice*. 2023;22(5):892-912. (In Russ.).
8. Yanchenko E.V. Regional innovation ecosystem: assessment of the effectiveness of functioning in the conditions of digitalization. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics*. 2023;13(2):881-900. (In Russ.).
9. Kharchenko K.V. Improving the cluster landscape of the region as a factor of ensuring economic security. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):98-106. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-98-106
10. Eremin V.V. Using the investment multiplier to reduce the risks of developing the region's resource potential. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(2):119-128. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-2-119-128
11. Eremin S.G. Approaches to the Definition of "Smart Territories" as guidelines for the strategic development of municipalities. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(4):81-88. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X 2025-18-4-81-88
12. Bezsmertnaya E.R. Russian initiatives in the field of sustainable development of agglomerations and territories: Working on the mistakes of ESG. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):60-68. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-60-68
13. Kolodnyaya G.V. Sustainable development of territories: Successful practices of small Russian cities. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(4):28-35. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X 2025-18-4-28-35
14. Molchanov I.N., Molchanova N.P. Transformation of the economic space: New vectors of integrated development of territories. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(4):6-15. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X 2025-18-4-6-15
15. Antropov V.V. Parallel imports in the Russian foreign trade system in 2025. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(1):53-62. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X 2025-18-1-53-62

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Константин Владимирович Харченко — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Konstantin V. Kharchenko — Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Department of State and Municipal Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-3329-7755>
 KVKharchenko@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
 Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 27.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.
 Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
 The article was received 27.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.
 The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-100-113

УДК 336.142,336.148(045)

JEL: H70, H77

Контролировать или стимулировать? Новые подходы к оценке качества управления региональными финансами

И.Ю. Арлашкин, И.А. Соколов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Оценка качества управления региональными финансами проводится на федеральном уровне с 2010 г. Её целью является стимулирование регионов к повышению качества управления финансами. Авторами была поставлена **задача** провести анализ Порядка осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами (далее — Порядок) за 2010–2024 гг. **Цель** статьи — разработка рекомендаций по совершенствованию Порядка. В качестве основных **методов** исследования использовались сравнительно-правовой анализ и статистическая обработка данных. В **результате** исследования показано, что стимулирующий потенциал Порядка реализован не в полной мере. Прежде всего, для регионов-лидеров не предусмотрен механизм поощрения. Кроме того, сам Порядок наряду со стимулирующими индикаторами содержит показатели, в большей степени контролирующие соблюдение минимальных требований к качеству управления финансами. При этом большое число индикаторов (83 в актуальной версии, 148 за 2010–2024 гг.) приводит к тому, что вклад многих индикаторов в итоговую оценку оказывается несущественным. Наконец, изменения в Порядок часто вносятся в течение отчетного или следующего за ним года, что не позволяет регионам вовремя адаптироваться к появлению новых индикаторов или скорректированным способам их расчета. Сделан **вывод** о необходимости усиления стимулирующего эффекта Порядка за счет пересмотра состава индикаторов, а также создания должной мотивации у регионов либо путем выделения поощрительных трансфертов, либо путем использования результатов оценки качества при отборе субъектов РФ в целях получения конкурсных субсидий и иных межбюджетных трансфертов.

Ключевые слова: оценка качества; финансовый менеджмент; региональный бюджет; местный бюджет; долговая устойчивость; межбюджетные отношения; рейтинг субъектов РФ; финансовое состояние; мониторинг

Для цитирования: Арлашкин И.Ю., Соколов И.А. Контролировать или стимулировать? Новые подходы к оценке качества управления региональными финансами. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(1):100-113. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-100-113

ORIGINAL PAPER

Control or Incentive? New Ways of Evaluating Regional Financial Management Quality

I. Yu. Arlashkin, I.A. Sokolov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Since 2010, the federal government has been conducting regional financial management quality assessments. The purpose of the assessment is to encourage regions to improve their financial management quality. The authors set about analyzing the Procedure for Monitoring and Assessing the Quality of Regional Financial Management (the Procedure) for 2010–2024. The **paper aims** to develop recommendations for improving the Procedure. The authors primarily used **methods** of comparative legal analysis and statistical data processing. The **result** was the Procedure hadn't met its incentive goals. First of all, there was no incentive mechanism for leading regions. This Procedure, including its incentive indicators, features metrics primarily tracking adherence to minimum financial management quality standards. The large number of indicators (83 in the current version, 148 for 2010–2024) means that the contribution of many indicators to

the final assessment is insignificant. Changes to the Procedure often prevent regions from promptly adapting to new indicators or adjusted calculation methods, as they are made during the reporting year or the following one. The authors **determined** that the Procedure's incentive effect must be boosted by altering the indicators and creating suitable regional incentives. Via incentive transfers or by assessing quality results to select Russian Federation entities for subsidies and inter-budget transfers.

Keywords: quality assessment; financial management; regional budget; local budget; debt sustainability; interbudgetary relations; rating of constituent entities of the Russian Federation; financial condition; monitoring

For citation: Arlashkin I.Yu., Sokolov I.A. Control or incentive? New ways of evaluating regional financial management quality. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):100-113. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-100-113

ВВЕДЕНИЕ

Межбюджетная политика традиционно реализует несколько целей, включая выравнивание доходных возможностей территорий, поддержание бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости в регионах, стимулирование инфраструктурного развития. Для этого применяются различные инструменты — от предоставления межбюджетных трансфертов и бюджетных кредитов до установления количественных ограничений на параметры регионального долга и бюджетного дефицита (количественных бюджетных правил).

На протяжении последних лет межбюджетная политика федерального центра все больше склоняется к усилению целевого характера финансовой помощи: объем субсидий и иных межбюджетных трансфертов традиционно превышает объем дотаций, по итогам 2024 г. — более чем в 2 раза [1]. Кроме того, перенастраивается налоговая система РФ [2], что ужесточает требования к формированию региональных бюджетных доходов и, как следствие, региональной бюджетной сбалансированности. При этом усиливается федеральный контроль как за общими параметрами долговой и бюджетной политики регионов, так и за реализацией субъектами РФ перечня специальных мер. В частности, такой контроль осуществляется при предоставлении дотаций на выравнивание и при реструктуризации бюджетных кредитов — соответствующие обязательства предусмотрены соглашениями, заключаемыми регионами с Минфином России.

Если считать, что инструменты межбюджетной политики в той или иной мере оказывают как стимулирующее, так и контролирующее воздействие на поведение региональных властей, то в последние годы очевидно усиление контролирующего воздействия, причем первоочередным интересом для федеральных властей являются параметры субнационального долга.

Еще одним инструментом федеральной межбюджетной политики можно считать ежегодную (начиная с 2010 г.) оценку качества управления региональными финансами, проводимую Минфином России в целях «формирования стимулов к повышению качества управления региональными финансами в субъектах Российской Федерации»¹, среди которых наиболее мотивирующими являются:

- предоставление поощрительных трансфертов регионам-лидерам (таким образом создаются материальные стимулы для совершенствования региональной системы финансового менеджмента);
- выявление и последующее транслирование лучшей практики (таким образом создаются условия для совершенствования системы финансового менеджмента всех регионов);
- содействие «отстающим» регионам в наиболее проблемных сферах (таким образом производится целевая нефинансовая поддержка отдельных регионов).

В то же время выявление регионов, не выполняющих требования бюджетного законодательства, а также применение к ним дисциплинарных или ограничительных мер, скорее является примером не столько стимулирования, сколько контрольного воздействия на региональное поведение.

Оценка качества неоднократно становилась объектом исследования. Этой теме посвящено немало научных публикаций. Например, в работе Беленчука и Лаврова [3] рассматриваются исходные принципы и история формирования оценки качества в России, а в исследовании Шавалеевой [4] довольно подробно анализируются недостатки

¹ Оценка проводится в соответствии с приказом Министерства финансов Российской Федерации от 03.12.2010 № 552 «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами».

используемых индикаторов. Ряд работ посвящен разработке альтернативных методик оценки качества финансового менеджмента в регионах [5–8].

Следует отметить, что во всех указанных публикациях авторы предлагают значительно меньшее число показателей, чем предусмотрено действующим Порядком. При этом работ, целенаправленно посвященных анализу стимулирующих эффектов проводимой оценки качества управления региональным финансами, нам так и не удалось найти.

В этой связи важной целью нашего исследования является попытка определить, в какой мере Порядок оказывает стимулирующее воздействие на поведение регионов, учитывая, что на протяжении всего периода его действия он неоднократно уточнялся и корректировался, что приводило к изменению баланса между стимулирующей и контрольной функциями.

МИРОВОЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ

В зарубежной практике оценка качества в основном затрагивает финансовый менеджмент в органах власти, поэтому в научной литературе в большей степени отражен опыт оценки финансовым органом или правительством качества финансового управления в ведомствах того же уровня власти [9;10].

Еще одно направление оценивания — межстрановые сравнения, в том числе проводимые на основе международных рейтингов и методик [10;11]. Однако в работе Шавалеевой [12] отмечается, что адаптация подобных методик к региональному уровню практически невозможна.

В целом складывается впечатление, что за рубежом оценка качества управления региональными финансами как инструмент межбюджетного регулирования практически не используется. В некотором смысле можно считать, что подобная оценка реализуется через контроль соблюдения регионами установленных центральным правительством бюджетных правил (ограничений) на параметры дефицита и долга. В частности, подобные бюджетные правила можно встретить в Германии, Индии, Бразилии и ряде других стран [13–16].

Собственно внешняя оценка качества управления региональными финансами с 1997 по 2010 г. проводилась в США в рамках проекта GPP (Government Performance Project) в разрезе отдель-

ных территорий (штатов, округов и отдельных городов) [17]. Одним из пяти направлений оценки было управление финансами, включающее прогнозирование и исполнение бюджета, вопросы отчетности, управление долгом и инвестиции. В ходе экспертного опроса оценивалось соответствие следующим критериям управления финансами²:

- штат использует долгосрочную перспективу для принятия бюджетных решений;
- бюджетный процесс в штате прозрачен, прост в исполнении и инклюзивен;
- деятельность штата по управлению финансами поддерживает структурный баланс между текущими доходами и расходами;
- закупочная деятельность в штате осуществляется эффективно и подкрепляется эффективным внутренним контролем;
- штат систематически оценивает эффективность своих финансовых операций и управления.

В ежегодных отчетах давалась общая характеристика управления в разрезе пяти направлений по всем штатам и составлялся дайджест по каждому штату в отдельности. В данный краткий обзор в разрезе штатов входило обоснование оценки штата по каждому критерию в отчетном году, а также анализ динамики этой оценки по сравнению с предыдущими периодами.

Данная система выполняла исключительно информационно-аналитическую функцию, не преследуя своей целью обеспечение контролирующего или стимулирующего воздействия. При этом штаты США являются активными участниками финансового рынка, поэтому практически любая официальная система рейтингования способна создавать рыночный сигнал и тем самым влиять на возможности штата по кредитованию, т.е. косвенно стимулировать штат к повышению качества управления финансами.

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ФИНАНСАМИ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Порядок с момента его принятия включает следующие разделы:

² Governing Measuring Performance. The State Management Report Card for 2008. URL: https://www.pewtrusts.org/-/media/legacy/uploadedfiles/pcs_assets/2008/gradingthstates2008pdf.pdf/

- собственно *порядок оценки*, который регулирует последовательность расчетов и оценивания, а также формирование рейтинга регионов по итогам оценки;

- *Приложение 1*, которым установлены индикаторы, используемые в целях оценки качества, по 6 направлениям;

- *Приложение 2*, которым установлены показатели двух типов:

- 1) оценивающие соблюдение количественных ограничений, установленных Бюджетным кодексом РФ, в том числе на параметры дефицита и долга бюджета;

- 2) оценивающие соблюдение обязательств регионов, установленных заключенными с Минфином России соглашениями.

Последовательность оценки можно описать следующим образом:

- 1) для каждого индикатора в соответствии с регионом рассчитывается его значение. При этом в тех субъектах РФ, где значение индикатора более чем в 5 раз отклоняется от среднерегионального, именно этот показатель, умноженный (разделенный) на 5, принимается за основу;

- 2) каждый индикатор оценивается в зависимости от того, что является желаемой тенденцией: увеличение, уменьшение или соблюдение целевого значения. В первых двух случаях регион с худшим значением показателя получает 0 баллов, регион с лучшим значением — 1 балл, а прочие — в интервале между 0 и 1; в третьем случае — 0 или 1 в зависимости от достижения целевого значения;

- 3) по каждому направлению рассчитывается оценка качества с помощью сложения оценок индикаторов с приписанными им весами. Для направлений 4 и 7 также учитываются поднаправления и их вес;

- 4) далее рассчитывается комплексная оценка качества методом сложения оценок качества по направлениям с приписанными им весами;

- 5) комплексная оценка качества снижается на 5% за каждое несоблюдение любого индикатора *Приложения 2*, а также за невыполнение регионом условий соглашений по бюджетным кредитам или по дотациям на выравнивание;

- 6) на основании комплексной оценки качества регионам присваиваются первая (высокое качество), вторая (надлежащее качество) или третья (ненадлежащее качество) степени качества управления региональными финансами. Первая степень

присваивается, если оценка региона превышает среднее значение более чем на две трети стандартного отклонения от среднего арифметического комплексных оценок качества по всем регионам. Вторая — если значение комплексной оценки качества заключено в интервале двух третей стандартного отклонения от среднего значения. Третья степень — если оценка региона меньше среднего значения более чем на две трети стандартного отклонения.

При этом действуют дополнительные ограничения:

- первая степень не присваивается в случае, если не соблюдены индикаторы *Приложения 2* либо не выполнены условия соглашений по бюджетным кредитам или по дотациям на выравнивание;

- третья степень присваивается при нарушении бюджетных ограничений на уровень дефицита, долга или обслуживания долга, а также при несоблюдении условия соглашений по бюджетным кредитам два года подряд;

- верхний интервал второй степени качества не может быть установлен выше 85 баллов, а третьей — 65 баллов;

- 7) по результатам оценки формируется рейтинг регионов;

- 8) Минфин России направляет регионам информацию о результатах оценки и рекомендации по повышению качества управления региональными финансами, а также размещает их на своем сайте.

Хотя общие подходы к оценке на протяжении всего периода действия Порядка сохранялись, состав направлений и индикаторов, формулы расчета и веса индикаторов неоднократно менялись. Всего за период отчетных 2009–2024 гг. в *Приложении 1* Порядка было задействовано 148 уникальных индикаторов. Условно «стабильными» годами, когда оно не изменялось или корректировалось минимально, можно считать только 4 отчетных года — 2010, 2011, 2016 и 2023 гг. (*табл. 1*).

Наиболее существенные изменения в Порядке произошли в 2012, 2013, 2017, 2021 и 2024 гг. Так, если в период 2009–2011 гг. в нем было множество индикаторов, отслеживающих выполнение мероприятий, предусмотренных программами реформирования региональных и муниципальных финансов, то по их завершении соответствующие показатели были заменены новыми. В 2013 г. в Порядок были включены индикаторы, отсле-

Таблица 1 / Table 1

Число индикаторов Приложения 1 Порядка / Number of the Procedure's Appendix 1 indicators

Год	Всего	Новых	Исключенных	Измененных	Уточненных
2009	46	46	0	0	0
2010	46	0	0	0	0
2011	46	0	0	0	0
2012	46	10	10	6	3
2013	55	9	0	1	0
2014	54	6	7	5	0
2015	53	4	5	2	2
2016	53	0	0	1	0
2017	73	23	3	7	3
2018	76	3	0	9	1
2019	80	6	2	13	2
2020	85	5	0	14	1
2021	79	10	16	4	1
2022	80	4	3	9	4
2023	79	0	1	2	1
2024	83	22	18	7	5

Источник / Source: расчеты авторов / authors' calculations.

Примечание / Note: Указаны отчетные годы, по данным за которые проводилась оценка. Измененные индикаторы — показатели, в формулировки, методы расчета или оценки которых были внесены существенные изменения. Уточненные индикаторы — показатели, в формулировки или методы расчета которых были внесены редакционные изменения, не имеющие существенного влияния / The reporting years for which the assessment was conducted are indicated. Amended indicators are those whose wording, calculation methods, or assessments have been significantly altered. Clarified indicators are those whose wording or calculation methods have been subject to editorial changes that do not have a significant impact.

живающие исполнение майских указов в части оплаты труда. В 2017 г. существенно расширено направление 4, оценивающее взаимоотношения с муниципальными образованиями. В 2021 г. состав индикаторов этого направления вновь был существенно пересмотрен. В 2024 г. было исключено одно из направлений, а также существенно пересмотрены индикаторы, оценивающие качество бюджетного планирования и управления долгом.

Изменения в составе индикаторов влекли за собой и ежегодные изменения в весе каждого из них. По данным Минфина России значения индикаторов Приложения 1 Порядка были рассчитаны с учетом правил их корректировки и нормированы по шкале от 0 до 1. Оценка по каждому индикатору

скорректирована на значения приписанных ему индивидуального веса и веса его поднаправления (направления). Например, если индикатор U4.3.6³ имеет итоговый вес 0,075 в комплексной оценке качества, то регион может получить от 0 до 0,075 балла по данному индикатору. Но поскольку Порядок содержит большое число индикаторов, существенное влияние на комплексную оценку качества (с учетом установленных весов) имеют лишь некоторые, что и подтвердил проведенный авторами анализ главных компонент по 78 индикаторам Приложения 1 за 2023 отчетный год. Так,

³ Здесь и далее номера индикаторов приводятся в соответствии с Приложением 1 Порядка.

согласно критерию Кайзера, из 78 получившихся главных компонент значимыми являются те, собственные значения которых больше или равны 1. В данном случае — первые две главные компоненты. При расчете значений этих компонент только 19 индикаторов имеют весовой коэффициент, абсолютное значение которого превышает 0,1, что можно считать существенным вкладом в значение компоненты. То есть остальные 59 индикаторов из 78 на самом деле оказывают незначительное влияние на комплексную оценку качества, а значит, их стимулирующий потенциал ограничен. Это объясняется двумя факторами: весом индикатора, установленным в Порядке (чем он больше, тем сильнее его влияние на результирующую оценку), и межрегиональной вариацией значений (если большинство регионов имеет примерно одинаковые значения, влияние индикатора на оценку будет минимальным).

Установлено, что далеко не все индикаторы оказывают стимулирующий эффект на финансовое поведение регионов. Прежде всего, показатели *Приложения 2* изначально ориентированы на контроль соблюдения бюджетного законодательства и соглашений, заключенных регионами, поэтому они оказывают контролирующее воздействие. Что касается *Приложения 1*, то его индикаторы можно разделить на три группы: стимулирующие, контролируемые и нейтральные.

С помощью стимулирующих показателей оценивается степень позитивного превышения субъектами РФ средних значений. К индикаторам, оказывающим стимулирующее воздействие, относятся количественные (либо качественные, представляющие собой оценку соответствия количественного показателя некоторому пороговому значению), если:

- их значения позволяют однозначно судить о достижении стимулирующего эффекта. Например, годовая динамика применявшегося в 2018–2020 гг. индикатора U4.1.8 «Доля межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, предоставляемых в пределах суммы, необходимой для оплаты денежных обязательств получателей средств бюджета, в общем количестве межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение» постепенно улучшалась: среднее значение выросло с 0,558 в 2018 г. до 0,675 в 2020 г., при этом число регионов со значением индикатора более 0,75 увеличилось с 32 до 46. Другой пример — ин-

дикатор U3.5 «Уровень долговой нагрузки на региональный бюджет», годовая динамика которого не линейна из-за воздействия экономического цикла и иных внешних условий, однако при этом в его отношении регионам посылается однозначно трактуемый сигнал — чем ниже будет ваша долговая нагрузка, тем лучше;

- индикаторы сохраняют свою актуальность. С практической точки зрения это означает, что существует межрегиональная вариация значений: фактические значения индикатора не группируются у некоторого верхнего порогового значения, а значит, у большинства регионов сохраняется потенциал к его росту. Однако актуальность должна сохраняться и с содержательной точки зрения. Так, индикатор U4.3.11 «Доля муниципальных округов в общем количестве муниципальных округов и муниципальных районов» хотя и демонстрирует стабильно возрастающую динамику, однако в условиях перехода к одноуровневой системе организации местного самоуправления в рамках реализации Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» утрачивает практическую актуальность;

- выполнение индикатора не является обязательным, т.е. он не отслеживает соблюдение бюджетного законодательства или заключенных регионами соглашений, а также условно обязательных федеральных инициатив.

В свою очередь контролирующие индикаторы оценивают уровень соответствия регионов минимальным требованиям, которые предъявляются к управлению финансами, т.е. нормам бюджетного законодательства (в том числе количественным бюджетным правилам), условиям заключенных регионами соглашений (в том числе при предоставлении выравнивающих дотаций и бюджетных кредитов), федеральным инициативам, выполнение которых ожидается от всех регионов (в том числе по реализации майских указов и утверждению нормативных правовых актов в рамках реформы государственных и муниципальных учреждений и перехода на оказание услуг в электронном виде).

Контролирующим, например, является индикатор U1.2 «Утверждение бюджетов субъектов Российской Федерации с включением в состав доходов дотаций из федерального бюджета в размерах, не превышающих предусмотренных в федераль-

ном бюджете объемов», поскольку он оценивает то, что должно исполняться в соответствии с бюджетным законодательством. Контролирующими также являются все индикаторы поднаправления 7.1, отслеживающие выполнение майских указов Президента РФ в части заработной платы работников бюджетного сектора.

Часть индикаторов относится к нейтральным, например, действовавший в 2009–2023 гг. U6.3 «Ежемесячное размещение на официальных сайтах органов государственной власти субъектов Российской Федерации отчетов об исполнении бюджета субъекта Российской Федерации». Формально бюджетное законодательство требует не ежемесячного, а ежеквартального размещения, однако большинство субъектов РФ — 61 регион — выполняли данное требование начиная с 2009 г., хотя данный индикатор едва ли создает реальные стимулы к повышению открытости бюджетных данных.

Следует отметить, что индикаторы с течением времени могут менять характер воздействия. Так, U1.1 в 2009–2016 гг. оценивал долю бюджетных расходов, формируемых в виде целевых программ, в 2017–2019 гг. — государственных программ, а в 2020–2023 гг. — проектов. При этом в 2009–2014 гг. у него был стимулирующий характер, что подтверждается постепенным ростом среднего значения — с 0,267 в 2009 г. до 0,766 в 2014 г. В 2015 и 2016 гг. медианное значение индикатора превышало 0,9, что на практике означало, что большинство регионов перешли на программный формат бюджета с не менее чем 90%-й долей программных расходов. Поэтому в эти годы индикатор становится нейтральным, а в 2017–2019 гг. — контролирующим, поскольку бюджетным законодательством предписывалось формирование региональных бюджетов в разрезе госпрограмм, при этом его среднее значение превышало 0,9, т.е. для большинства регионов индикатор был не актуален. Однако начиная с 2020 г. этот показатель вновь оказывает стимулирующее воздействие, что подтверждается ростом его среднего значения — с 0,15 в 2020 г. до 0,21 в 2023 г. В то же время проекты, в отличие от государственных программ, являются инструментом решения отдельных проблем, т.е. не должны охватывать всю деятельность, финансируемую за счет регионального бюджета. В этой ситуации возникают закономерные вопросы: в чём

заключается стимулирующий потенциал индикатора? К какому его значению могут теоретически стремиться регионы и когда следует от него отказаться, поскольку задача по формированию бюджета в проектной форме решена? Необходимо отметить, что по итогам 2023 г. в Вологодской и Саратовской областях доля проектных расходов достигла 1 балла, а еще в нескольких — превысила 0,4. Свидетельствует ли сверхвысокое значение индикатора о высоком качестве бюджетного планирования? Трудно сказать, потому что за ним скрывается преимущественно «техническое» размещение бюджетных программ проектными расходами. Однако проекты в том смысле, в котором они применяются на федеральном уровне, вовсе не предназначены для процессной деятельности, которая, безусловно, не может составлять нулевую долю бюджетных расходов.

Результаты проведенной нами классификации индикаторов *Приложения 1* представлены в *табл. 2*, где зафиксировано: основную долю индикаторов до 2016 г. составляли контролирующие, что объясняется включением в Порядок как показателей, отражающих принятие нормативных правовых актов в рамках программ реформирования региональных и муниципальных финансов и выполнение майских указов, так и показателей, позднее перенесенных в *Приложение 2*.

В 2017 г. резко возросло общее количество показателей, в том числе имеющих стимулирующий характер. Более того, в 2022–2023 гг. сумма таких индикаторов превышала число контролирующих, при том, что большинство из них по своей сути были нейтральными. В целом усиление доли стимулирующих показателей за счет замены утративших актуальность новыми и отказа от ряда контролирующих является положительной тенденцией.

Анализируя содержание и алгоритм действующего Порядка, с помощью которого сегодня оценивается качество управления региональными финансами, а также особенности и практику применения входящих в его приложения индикаторов, можно отметить следующее:

- 1) баланс между стимулирующими и контролирующими индикаторами в *Приложении 1* Порядка постоянно меняется;
- 2) *Приложение 2* состоит исключительно из контролирующих индикаторов;
- 3) Порядок содержит избыточно большое число индикаторов, поскольку только пятая часть из них

Таблица 2 / Table 2

**Стимулирующее и контролирующее воздействие индикаторов /
Stimulating and controlling effects of indicators**

Год	Всего	Число индикаторов, ед.			Доля от общего числа, %		
		С	Н	К	С	Н	К
2009	46	9	17	20	19,6	37,0	43,5
2010	46	9	17	20	19,6	37,0	43,5
2011	46	9	17	20	19,6	37,0	43,5
2012	46	9	22	15	19,6	47,8	32,6
2013	55	9	22	24	16,4	40,0	43,6
2014	54	10	21	23	18,5	38,9	42,6
2015	53	9	21	23	17,0	39,6	43,4
2016	53	7	23	23	13,2	43,4	43,4
2017	73	18	28	27	24,7	38,4	37,0
2018	76	20	28	28	26,3	36,8	36,8
2019	80	24	29	27	30,0	36,3	33,8
2020	85	26	32	27	30,6	37,6	31,8
2021	79	23	33	23	29,1	41,8	29,1
2022	80	23	36	21	28,8	45,0	26,3
2023	79	24	34	21	30,4	43,0	26,6
2024	83	23	36	24	27,7	43,4	28,9

Источник / Source: расчеты авторов / authors' calculations.

Примечание / Note: К – контролирующие индикаторы; Н – нейтральные индикаторы; С – стимулирующие индикаторы / С – control indicators; N – neutral indicators; S – stimulating indicators.

в настоящее время оказывает существенное влияние на комплексную оценку качества;

4) изменения в Порядок вносятся избыточно часто, а порой непредсказуемо для регионов. На протяжении всего периода его действия включение новых индикаторов или внесение существенных изменений в способы их расчета и оценки, как правило, осуществлялись в течение отчетного финансового года (года оценки) либо постфактум — в начале следующего года перед непосредственным проведением самой оценки качества. Например, последние существенные изменения в Порядок были внесены в июле 2025 г. и фактически применялись к данным 2024 г.;

5) изменения в составе индикаторов в свою очередь влекут изменения веса того или иного

региона, что ухудшает возможности планирования и оптимального выбора тех показателей, на выполнении которых следует сосредоточиться для получения более высокой комплексной оценки качества.

Кроме того, заслуживает отдельного внимания ряд особенностей действующей системы оценки качества финансового менеджмента в субъектах Федерации:

1. Для регионов с первой степенью качества не предусматривается поощрения за достижение высоких результатов. При этом в России имеется успешный опыт реализации программ реформирования региональных и муниципальных финансов, в рамках которых регионам предоставлялись поощрительные межбюджетные трансферты за

выполнение соответствующих мероприятий и достижение целевых значений показателей [18].

2. С другой стороны, для регионов с третьей степенью качества не предусмотрено санкций за низкое качество управления финансами. При этом в Порядке не должно быть место положению о применении санкций за низкое качество управления финансами, они должны быть прописаны в других документах и нормативных актах. Поскольку вероятная причина присвоения третьей степени — несоблюдение условий заключенных с Министерством финансов Российской Федерации соглашений и нарушения бюджетного законодательства⁴, к регионам могут быть применены соответствующие меры ответственности в рамках действующей системы контроля исполнения соглашений и соблюдения законодательства вне сложившейся практики оценивания качества финансового менеджмента в субъектах Российской Федерации.

3. Порядок предусматривает направление регионам рекомендаций по повышению качества управления региональными финансами, однако они, как правило, носят общий характер и недостаточно конкретизированы. По итогам оценки качества регионам направляется сводная информация, в которой определяются лидеры и аутсайдеры в целом и по отдельным индикаторам, а также перечень рекомендаций, например, такого содержания: «проводить взвешенную долговую политику в части структуры долговых обязательств, а также обеспечения синхронизации сроков возврата с поступлениями доходных средств на погашение долговых обязательств». Отсутствует в сводке и анализ причин низких значений индикаторов. Вместе с тем представление действительно прикладных рекомендаций «проблемным» регионам, способных оказать на них стимулирующее воздействие, предполагает необходимость детального анализа состояния региональных финансов и системы управления ими, экспертизы региональных нормативных правовых актов и т.д., что может осуществляться только в рамках «глубокой оценки», изначально проводимой в отношении конкретного региона.

⁴ Следует отметить, что нарушение требований к величине дефицита бюджета или показателей долговой устойчивости также повлияет на значения отдельных индикаторов Приложения 1, что в свою очередь приведет к снижению комплексной оценки качества.

СТИМУЛИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОРЯДКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ

Результаты исследования показали: стимулирующий потенциал Порядка реализован не в полной мере, что побудило авторов разработать и предложить следующие новации, которые, по их мнению, должны усилить его стимулирующий эффект:

1) необходимо отделить мониторинг соблюдения бюджетного законодательства от действительно оценки качества управления финансами;

2) следует сократить число индикаторов, используемых в Порядке, оставив только стимулирующие;

3) целесообразно придерживаться принципа стабильности и предсказуемости состава и способов расчета и оценки индикаторов;

4) требуется разработка и внедрение механизма поощрения регионов-лидеров по результатам оценки качества.

Первое предложение предполагает, что задачей Порядка является исключительно оценка качества, а мониторинг соблюдения бюджетного законодательства должен реализовываться как отдельный инструмент межбюджетной политики. Результаты мониторинга уместно использовать в рамках оценки качества только как критерий допуска участия регионов: если регион совершил какое-либо нарушение бюджетного законодательства в отчетном году, т.е. не выполнил один или более индикаторов *Приложения 2*, то он не может участвовать в оценке качества.

Второе предложение касается состава индикаторов, при формировании которого следует придерживаться следующих принципов:

- *актуальности*: индикаторы должны оценивать результаты управления финансами по тем направлениям, которые являются либо новыми (в части использования современных инструментов управления финансами, например проектного финансирования, инициативного бюджетирования, особых территориальных режимов налогообложения [19]), либо требующими постоянного внимания со стороны федерального центра (например, в части обеспечения долговой устойчивости региональных бюджетов);

- *измеримости и интерпретируемости*: индикаторы должны быть количественно измеримы, а их значения должны позволять однозначно су-

Таблица 3 / Table 3

Перечень индикаторов / List of indicators

Направление	Индикаторы
Управление бюджетными доходами и расходами, улучшение качества бюджетных процедур	Прежний U1.1, U1.5, U1.5.1, измененный U1.8, U1.12, U2.7, U2.10, U5.12, прежний U6.1
Обеспечение бюджетной сбалансированности и долговой устойчивости	U3.1, измененный U3.5, измененный U3.7, U3.8, объединенные U3.10 и U5.13
Финансовые взаимоотношения с муниципальными образованиями	U4.1.6, U4.1.12, U4.3.2, прежний U4.3.6, U4.3.8

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: прежний — в редакции Порядка от 31.07.2024 / previous — as amended by the Procedure of July 31, 2024.

дить об изменении оценки управления региональными финансами;

- *амбициозности*: для большинства регионов должен существовать потенциал улучшения значений индикатора. Во-первых, не должна складываться ситуация, когда в большинстве регионов значения индикатора уже близки к максимально возможному. Во-вторых, индикатор не должен оценивать соблюдение минимальных требований к качеству управления финансами.

Руководствуясь изложенными выше принципами, предлагается оставить в Порядке 20 индикаторов из 83, в том числе объединив два из них в один и изменив формулировки еще двух, а также вернуть три индикатора в редакции Порядка от 31 июля 2024 г. При этом рекомендуется сгруппировать индикаторы по трем направлениям (табл. 3).

Индикатор U1.8 предлагается применять в следующей формулировке: «Доля внесенных изменений в закон о бюджете субъекта Российской Федерации, которыми перераспределяется менее 10% расходов бюджета субъекта Российской Федерации без учета расходов по обслуживанию государственного долга субъекта Российской Федерации, в общем числе внесенных изменений в закон о бюджете субъекта Российской Федерации». В таком виде индикатор позволит повысить оперативность исполнения бюджета и будет стимулировать регионы к тому, чтобы перераспределять объемы и структуру расходов преимущественно через внесение изменений в сводную бюджетную роспись. В рамках законодательного процесса должны вноситься только значительные изменения.

Индикатор U3.5 предлагается назвать «Средний за пятилетний период уровень долговой нагрузки на региональный бюджет» и рассчитывать его не за один год, а за пять последних лет на основе скользящей средней. Это позволит сгладить влияние циклических колебаний, а также учесть не только сам уровень долговой нагрузки, но и его динамику.

Тот же сглаживающий подход предлагается применить и к индикатору U3.7: «Среднее за пятилетний период отношение объема кратко- и среднесрочных долговых обязательств к общему объему государственного долга субъекта Российской Федерации (без учета облигаций с амортизацией долга)». Кроме того, предлагается добавить в расчет среднесрочные долговые обязательства (до 5 лет) и исключить из расчета облигации с амортизацией долга, которые, являясь формально долгосрочными, на практике могут действовать как краткосрочные с периодическим погашением тела долга.

U3.10 и U5.13 предлагается объединить в один индикатор под названием: «Отношение годового объема платежей по погашению и обслуживанию государственного долга субъекта Российской Федерации и расходов бюджета субъекта Российской Федерации на исполнение обязательств, возникающих при исполнении концессионного соглашения (в размере платы концедента, в том числе в случае его досрочного расторжения), обязательств перед юридическими лицами, являющимися стороной соглашений о государственно-частном партнерстве, а также по уплате лизин-

говых платежей по договору финансовой аренды (лизинга), к общему объему налоговых, неналоговых доходов субъекта Российской Федерации и дотаций, предоставляемых из федерального бюджета». Цель объединения — новый показатель должен отражать нагрузку на доходы бюджета, создаваемую долговыми и квазидолговыми обязательствами, т.е. фактически риски среднесрочной сбалансированности бюджета. Состав индикаторов может изменяться по мере утраты показателями актуальности и по мере появления новых практик в управлении общественными финансами, развитие которых должно поощряться.

Третье предложение нацелено на обеспечение устойчивости Порядка, предполагающее, что все внесённые в него изменения, связанные с составом индикаторов, способов их расчета и оценки должны приниматься до отчетного года. Исключения могут быть сделаны в тех случаях, когда изменения обусловлены новеллами бюджетного законодательства или носят технический (редакционный) характер.

Четвертое предложение предусматривает поощрение лучших регионов по итогам оценки качества. Здесь возможны три варианта:

1) *предоставление поощрительных трансфертов*, которые не должны выделяться одним и тем же регионам два года подряд, что позволит обеспечить ротацию победителей и сохранить стимулы для остальных;

2) *предоставление лучшим регионам дополнительных бюджетных полномочий*. Например, тем субъектам РФ, кто демонстрирует высокое качество управления региональными финансами, могут быть предоставлены права осуществлять внешние заимствования, устанавливать дифференцированные нормативы отчислений в местные бюджеты от любых налоговых и неналоговых доходов регионального бюджета, осуществлять заимствования по бюджетным кредитам на более выгодных условиях, чем прочие регионы, и др. Однако наиболее логичным шагом может стать освобождение регионов, получающих дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, от обязанности заключать соглашения, которыми предусматриваются меры по социально-экономическому развитию и оздоровлению государственных финансов субъектов Российской Федерации;

3) *предоставление лучшим регионам дополнительных преференций при участии в конкурсном*

отборе на предоставление отдельных субсидий и иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. Часть субсидий и иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета направляется на софинансирование проектов инновационного и инфраструктурного развития на конкурсной основе. В качестве одного из фактативных условий отбора либо может быть установлено минимальное пороговое значение комплексной оценки качества, которому должен соответствовать регион, либо дополнительные баллы могут присуждаться в зависимости от превышения данного порога. Эта мера предоставит лучшим по качеству финансового менеджмента дополнительные преференции при конкурсном отборе.

ВЫВОДЫ

На наш взгляд, стимулирующий потенциал оценки качества управления региональными финансами далеко не исчерпан. Приходится признать, что, во-первых, действующий Порядок содержит немало индикаторов, которые в принципе не способны оказать стимулирующего воздействия и в основном предназначены для контроля выполнения минимальных требований к качеству управления региональными финансами. Во-вторых, стимулирующее воздействие ослабляется вследствие частого изменения Порядка, в том числе включения новых индикаторов в течение оцениваемого (или следующего за отчетным) года. Наконец, Порядок не подкреплён действенными мотивационными механизмами, что также снижает возможности стимулирования регионов к повышению качества управления финансами.

Для устранения обозначенных выше ограничений и раскрытия стимулирующего потенциала Порядка предлагается оставить в нем только те индикаторы, которые соответствуют задаче стимулирования, обеспечить стабильность и предсказуемость состава и способов расчета индикаторов, а также предусмотреть систему мотивационных мер для регионов по итогам оценки качества. В случае, если возможности федерального бюджета по предоставлению поощрительных трансфертов ограничены, предлагается использовать комплексную оценку качества как один из критериев отбора регионов при предоставлении конкурсных субсидий и иных межбюджетных трансфертов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the government research assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российская экономика в 2024 году. Тенденции и перспективы (Вып. 46). М: Изд-во Ин-та Гайдара; 2025.
2. Гончаренко Л.И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):144-154. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-18-3-144-154
3. Беленчук А.А., Лавров А.М. Формирование национальной системы оценки качества управления общественными финансами. *Финансовый журнал*. 2016;2(30):7-27.
4. Шавалеева Ч.М. Оценка качества управления региональными финансами: проблемы методологии и направления совершенствования. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2025;18(3):153-167. DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.8
5. Атрохова А.Н. Этапы и принципы оценки качества управления региональными финансами. *Фундаментальные исследования*. 2025;4:8-13. DOI: 10.17513/fr.43806
6. Колесов Р.В., Сироткин С.А., Туманов Д.В. Механизм оценки качества управления региональными и муниципальными финансами в целях повышения его эффективности. *Теоретическая экономика*. 2019;9(57):58-67.
7. Куйкина С.Г., Ермакова Д.В. Методика оценки бюджетного процесса субъектов Российской Федерации. *Экономические отношения*. 2020;10(2):559-574. DOI: 10.18334/eo.10.2.100873
8. Баранова И.В. Формирование подходов к оценке качества управления общественными финансами. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2009;4(8):30-40.
9. Бычков С.С., Кокарев А.И., Лавров А.М. Развитие методологии и практики оценки качества финансового менеджмента главных администраторов средств федерального бюджета. *Финансовый журнал*. 2018;1:9-26. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-1-9-25
10. Азохова А.И. Обзор зарубежных методик оценки качества финансового менеджмента в общественном секторе. *Проблемы науки*. 2020;55(7):41-43.
11. Счастливцев С.В. Вопросы оценки качества управления общественными финансами в зарубежных странах. *Государственный аудит. Право. Экономика*. 2016;1:50-58.
12. Шавалеева Ч.М. Международная практика оценки качества управления общественными финансами и возможности ее применения в России. *Вестник экономики, права и социологии*. 2025;1:122-125. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-122-125
13. Кудрин А.Л., Дерюгин А.Н. Субнациональные бюджетные правила: зарубежный и российский опыт. *Экономическая политика*. 2018;13(1):8-35. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-1-01
14. Барбашова Н.Е. Корректировка региональных бюджетных правил как инструмент антикризисной политики. *Финансы*. 2023;3:6-12.
15. Vammalle C., Bambalaite I. Fiscal rules for subnational governments: The devil's in the details. *OECD Working Papers on Fiscal Federalism*. 2021;35. DOI: 10.1787/531da6f9-en
16. De Biase P., Dougherty S. The past and future of subnational fiscal rules: An analysis of fiscal rules over time. *OECD Working Papers on Fiscal Federalism*. 2022;41. DOI: 10.1787/d2798c9e-en

17. Егикян М.А., Магницкий Н.Д., Багратуни К.Ю. Теоретические подходы к понятию и оценке эффективности финансового менеджмента. *E-Scio*. 2017;6(9):77-84.
18. Данилова Я.А., Лавров А.М., Онищенко В.В., Покатович Е.В. Стимулирование субнациональных властей в проведении бюджетных реформ: российский опыт. *Финансовый журнал*. 2015;27(5):5-25.
19. Гончаренко Л.И. Налоговые преференции в пространственном развитии страны: терминологический аспект исследования. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(4):108-121. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-108-121

REFERENCES

1. Russian economy in 2024. Trends and outlooks (Issue 46). М.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2025. (In Russ.).
2. Goncharenko L. I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of national development projects in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):144-154. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-18-3-144-154
3. Belenchuk A. A., Lavrov A. M. Establishment of the National System of Quality Assessment in the Public Finance Management. *Finansovyy zhurnal = Financial Journal*. 2016;2(30):7-27. (In Russ.).
4. Shavaleyeva Ch. M. Assessing the quality of regional finance management: Methodological issues and areas of improvement. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025;18(3):153-167. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2025.3.99.8
5. Atrokhova A. N. Stages and principles of assessing the quality of regional financial management. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2025;4:8-13. (In Russ.). DOI: 10.17513/fr.43806
6. Kolesov R. V., Sirotkin S. A., Tumanov D. V. The Mechanism of assessing the quality of management of regional and municipal finances in order to increase its effectiveness. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical Economy*. 2019;9(57):58-67. (In Russ.).
7. Kuykina S. G., Ermakova D. V. Methodology for evaluating the budget process of the Russian Federation Subjects. *Ekonomicheskie otnosheniya = Journal of international economic affairs*. 2020;10(2):559-574. (In Russ.). DOI: 10.18334/eo.10.2.100873
8. Baranova I. V. Developing approaches to civil finance management quality assessment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Tomsk State University Journal of Economics*. 2009;4(8):30-40. (In Russ.).
9. Bychkov S. S., Kokarev A. I., Lavrov A. M. Development of methodology and practice of quality assessment in financial management of the chief administrators of the Federal Budget resources. *Finansovyy zhurnal = Financial Journal*. 2018;1:9-26. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2018-1-9-25
10. Azokhova A. I. Review of foreign methods for assessing the quality of financial management in the public sector. *Problemy nauki = Problems of Science*. 2020;7(55):41-43. (In Russ.).
11. Schastlivtsev S. V. Quality assessment of public finance management in foreign countries. *Gosudarstvennyi audit. Pravo. Ekonomika = State audit. Law. Economy*. 2016;1:50-58. (In Russ.).
12. Shavaleyeva Ch. M. International practice of assessing the quality of public finance management and the possibilities of its application in Russia. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2025;1:122-125. (In Russ.). DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-122-125
13. Kudrin A. L., Deryugin A. N. Subnational budget rules: Foreign and Russian experience. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*. 2018;13(1):8-35. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994-5124-2018-1-01
14. Barbashova N. E. Adjustment of regional fiscal rules as an instrument of anti-crisis policy. *Finansy = Finance*. 2023;3:6-12. (In Russ.).
15. Vammalle C., Bambalaite I. Fiscal Rules for subnational governments: The devil's in the details. *OECD Working Papers on Fiscal Federalism*. 2021;35. DOI: 10.1787/531da6f9-en
16. De Biase P., Dougherty S. The past and future of subnational fiscal rules: An Analysis of fiscal rules over time. *OECD Working Papers on Fiscal Federalism*. 2022;41. DOI: 10.1787/d2798c9e-en
17. Egikyan M. A., Magnitskiy N. D., Bagratuni K. Yu. Theoretical approaches to the concept and assessment of the effectiveness of financial management. *E-Scio*. 2017;6(9):77-84. (In Russ.).

18. Danilova Ya.A., Lavrov A.M., Onischenko V.V., Pokatovich E.V. Stimulation of the sub-national authorities in realization of the fiscal reforms: Russian experience. *Finansovyj zhurnal = Financial Journal*. 2015;5(27):5-25. (In Russ.).
19. Goncharenko L.I. Tax preferences in the spatial development of the country: The terminological aspect of the study. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(4):108-121. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-108-121

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Игорь Юрьевич Арлашкин — научный сотрудник лаборатории исследований бюджетной политики Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Igor Yu. Arlashkin — Research Associate, Laboratory of Budget Policy Research, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-4303-713X>

Илья Александрович Соколов — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией исследований бюджетной политики Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Илья А. Sokolov — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Laboratory for Budget Policy Research, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-0431-4993>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
sokolov-ia@ranepa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.12.2025; принята к публикации 29.12.2026.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received 01.12.2025; accepted for publication 29.12.2026
The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-114-124

УДК 338.242(045)

JEL O21

Программные проекты экономического развития региона: оценка их приоритетности и моделирование последовательности их реализации

И.Ю. Новоселова^а, А.Л. Новоселов^б^а Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;^б Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Экономическое развитие регионов, восстановление и совершенствование промышленных предприятий, транспортной доступности, инфраструктуры является важнейшей комплексной задачей, для решения которой используются программы экономического развития. Корректная оценка приоритетности программных проектов и рациональное формирование порядка их реализации позволяют обеспечить гармоничное экономическое развитие региона. **Цель** работы — создание интегрированного механизма оценки приоритетности проектов и моделирования расписания их выполнения с учетом приоритетности. **Научная новизна** исследования состоит в создании расчетного механизма, в котором интегрируются вербальная шкала для экспертных заключений, совмещенная с нечеткими оценками для определения приоритетов проектов программы регионального развития; критерий упущенной выгоды при задержке выполнения проектов для оценки полученного расписания; экономико-математическая модель и алгоритм, основанные на выборе проектов в соответствии с их приоритетом. В основе определения сроков реализации проектов — минимизация критерия суммарной упущенной выгоды. Среди основных **результатов** исследования — следующие авторские научно-практические разработки: модель преобразования вербальных мнений экспертов в количественные оценки приоритетности проектов; механизм применения полученных оценок приоритетности проектов при построении критерия упущенной выгоды для моделирования расписания выполнения проектов; пошаговые алгоритмы решения поставленных задач, позволяющие разработать необходимое программное обеспечение. Сделан **вывод** о том, что предложенная процедура является универсальной и ее можно рекомендовать для формирования программ развития экономики не только на уровне субъекта федерации, но также — района и муниципалитета.

Ключевые слова: регион; приоритетность; проекты; упущенная выгода; моделирование; расписание; критерий оптимальности; модель; оценка; планирование; целевая программа; экономическое развитие; отрасли экономики; механизм оценки

Для цитирования: Новоселова И.Ю., Новоселов А.Л. Программные проекты экономического развития региона: оценка их приоритетности и моделирование последовательности их реализации. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(1):114-124. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-114-124

ORIGINAL PAPER

Program Drafts for Regional Economic Development: Assessing Their Priority and Modeling the Sequence of Their Implementation

I. Yu. Novoselova^а, A. L. Novoselov^б^а Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;^б Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU), Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The most important complex tasks solved by economic development programs are the economic development of regions, the restoration and improvement of industrial enterprises, transport accessibility, and infrastructure. Accurate evaluation of program project priorities and logical arrangement of their execution promotes the region's economic harmony. The research **aims** to build an integrated mechanism for assessing the priority of projects and modeling their

© Новоселова И.Ю., Новоселов А.Л., 2026

implementation schedule considering the priority. The study's **scientific novelty** stems from its calculation mechanism that uses both expert opinions (verbal scale) and fuzzy estimates to decide regional development project priorities. Also, the authors offer a criterion of lost profits in case of delay in project implementation for assessing the resulting schedule; an economic and mathematical model; and an algorithm based on the selection of projects under their priority. The implementation schedule is based on minimizing total lost profits. The study's key **results** include the following original scientific and practical developments: a model for converting verbal expert opinions into quantitative assessments of project priority; the applying mechanism for the obtained draft priority assessments to construct a lost-profit criterion for project schedule modeling; step-by-step algorithms for solving the assigned problems, enabling the software development. The authors **concluded** that the proposed procedure is universal, and they recommend it for economic boosting program development at the federal subject level and at the district and municipal ones.

Keywords: region; priority; projects; lost profit; modeling; schedule; optimality criterion; model; assessment; planning; target program; economic development; economy sectors; assessment mechanism

For citation: Novoselova I.Yu., Novoselov A.L. Program drafts for regional economic development: Assessing their priority and modeling the sequence of their implementation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):114-124. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-114-124

ВВЕДЕНИЕ

Экономическое, социальное и экологическое развитие регионов России в последнее десятилетие приобретает все большую актуальность. Начиная с 70-х гг. прошлого столетия в нашей стране разрабатывались комплексные целевые программы развития областей и городов, направленные на повышение благосостояния населения, хозяйственное освоение территорий, развитие промышленных и сельскохозяйственных предприятий, авиационного, автомобильного и железнодорожного сообщения, улучшение экологической ситуации в регионах. На рубеже 2000-х гг. активно разрабатывались целевые комплексные программы для развития регионов и их экологической реабилитации.

В последние годы, например, активно реализуется линейка госпрограмм по развитию так называемых добывающих регионов, расположенных в арктической зоне нашей страны, где сосредоточены колоссальные природные богатства. На территории российской Арктики разведаны месторождения, содержащие 10% мировых доказанных запасов никеля, 19% металлов платиновой группы, 10% титана, золота, цинка и кобальта [1]. В арктических недрах находятся также около 65% всей российской нефти и природного газа. Например, только в Берёзовском и Белоярском районах ЯНАО ресурсная база оценивается в почти 166 млн т нефти и в более чем 270 млрд кубометров природного газа. С начала XXI в. в арктических регионах РФ разрабатываются новые месторождения полезных ископаемых, строится Северный широтный ход. Создаются новые морские порты на протяжении маршрута Северного морского пути, в том числе

глубоководный порт в Двинском заливе, морской терминал на мысе Наглейнын (Чукотка), глубоководный порт Индига (Ненецкий автономный округ), через который будет осуществляться транспортировка 5 млрд тонн легкой малосернистой нефти Ванкорского и Восточно-Таймырского кластеров, а также СПГ и угля, порт «Бухта Север» на западе полуострова Таймыр, порт на острове Южный архипелага Новая Земля для транспортировки добываемых полезных ископаемых Павловского свинцово-цинкового месторождения и др. В 2025 г. началась эксплуатация незамерзающего морского порта Лавна, позволяющего принимать крупнотоннажные морские суда мощностью погрузки до 18 млн т угля в год. Эти транспортные магистрали позволят осуществлять вывоз полезных ископаемых на отечественные перерабатывающие заводы и на экспорт, а в результате — удовлетворять растущие потребности экономики России в энергетических ресурсах и к 2050 г. довести объем добываемой в арктической зоне нефти до 30% от общей добычи по стране [2].

Не менее важны задачи восстановления и развития промышленных предприятий, дорожной сети, современной инфраструктуры, медицинских и образовательных учреждений в других регионах страны. Многие малые города и моногорода после 90-х гг. оказались в бедственном положении, поскольку предприятия, на которых работало большинство населения, были закрыты. Результатом является исчезновение налогооблагаемой базы, основу которой составляют доходы крупных предприятий и населения [3–5]. Признано, что 129 малых городов России могут исчезнуть. В числе таких городов — Торжок Тверской области,

Таблица 1 / Table 1

Шкала лексических ответов эксперта и перевод в численные оценки / Scale of expert's lexical responses and translation into numerical estimates

Номер ответа	Лексический ответ эксперта при анализе рассматриваемого варианта по сравнению с альтернативным	Границы нечеткой оценки лексического ответа		
		Левая	Промежуточное	Правая
1	Равная степень приоритетности	1	1	3
2	Промежуточная оценка между 1 и 3 ответами	1	2	4
3	Незначительная предпочтительность	1	3	5
4	Промежуточная оценка между 3 и 5 ответами	2	4	6
5	Умеренная предпочтительность	3	5	7
6	Промежуточная оценка между 5 и 7 ответами	4	6	8
7	Значительная предпочтительность	5	7	9
8	Промежуточная оценка между 7 и 9 ответами	6	8	9
9	Абсолютная предпочтительность	7	9	9

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Порхов Псковской области, Рошаль Московской области, Верхний Тагил Свердловской области и др. Проблема экономического и социального развития моногородов признана настолько серьезной [6;7], что Правительство Российской Федерации специальным распоряжением выделило 4 млрд руб. на реализацию инвестиционных проектов в моногородах и особых экономических зонах¹.

Планирование социально-экономического развития основывается на целевых комплексных программах, в основе которых находится иерархическое дерево целей, задач и проектов, методы построения и квантификации которого были разработаны в 70–80-х гг. в ЦЭМИ РАН и других академических и отраслевых научно-исследовательских институтах. В настоящее время на их основе разработан более совершенный экономикоматематический инструментальный, позволяющий подобрать наиболее целесообразные модели и методы для учета специфики разрабатываемой целевой комплексной программы и особенностей региона [8–10].

Методические рекомендации по разработке целевых комплексных программ разрабатываются

и обновляются на федеральном, региональном и отраслевом уровнях². Не стоит на месте процесс создания новых и развития действующих методов проведения экспертных оценок и их обработки, а также моделей и способов формирования очередности выполнения программных проектов [11]. Что касается цели нашего исследования, то оно состоит в создании интегрированного механизма оценки приоритетности проектов и моделирования расписания их выполнения с учетом приоритетности.

ОЦЕНКА ПРИОРИТЕТНОСТИ НАПРАВЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА И ПРОГРАММНЫХ ПРОЕКТОВ

Отметим, что на ранней стадии создания экспертных процедур преобладала так называемая балльная оценка и ранжирование по приоритету, что усложняло работу экспертов. В настоящее время оценка проводится в удобной для экспертов лексической форме, предусматривающей, в частности, учет возможной ошибки (неопределенности) в ходе экспертизы. Вербальные оценки затем преобразуются в числовые на основе равномер-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.07.2025 № 1926-п. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507180024>

² Методические рекомендации по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации. Приказ Минэкономразвития России от 17.08.2021 № 500. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402601751/>

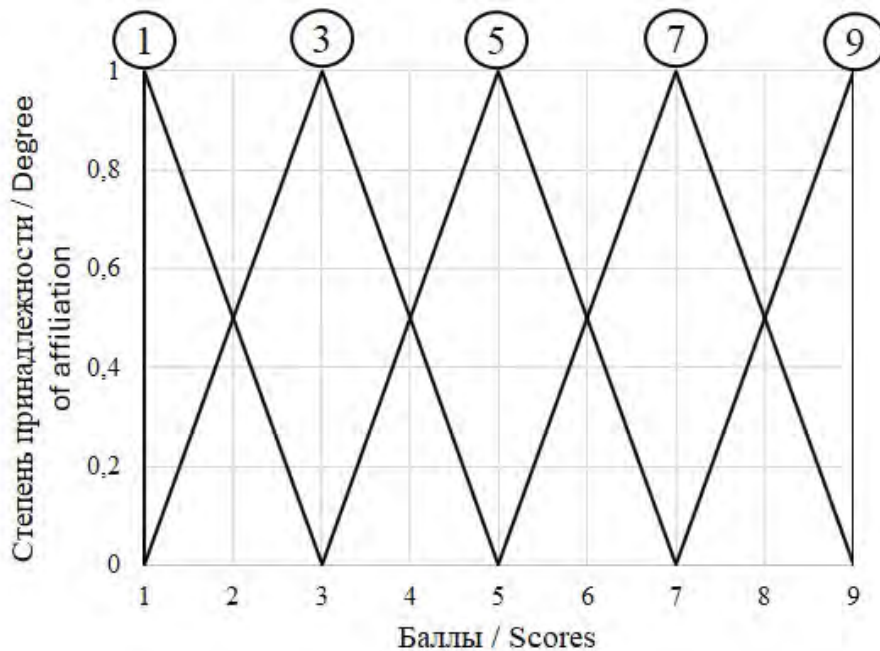

Рис. 1 / Fig. 1. Шкала нечетких чисел / The scale of fuzzy numbers

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: В кружках приведены номера ответов из табл. 1, соответствующие графическому представлению нечетких чисел / The circles show the answer numbers from Table 1 that correspond to the graphical representation of fuzzy numbers.

ных шкал — например, шкалы Т.Саати, и неравномерных — шкалы Харрингтона. Особенностью современных шкал является преобразование лексических ответов в численные интервальные оценки и нечеткие числа [12–14]. В разработанном авторами подходе оценки приоритетности направлений экономического развития региона используется шкала Т. Саати, в которой лексические ответы преобразуются в нечеткие треугольные числа.

В табл. 1 приведены основные варианты ответов экспертов (нечетные варианты), а между ними — промежуточные, которые эксперты могут использовать в случае неуверенности в однозначном выборе основного ответа. На рис. 1 приведены нечеткие треугольные числа, соответствующие основным ответам экспертов (нечетным номерам ответов).

Над каждым треугольным числом в кружке указан номер ответа эксперта (рис. 1), например, при ответе 5 (умеренная предпочтительность рассматриваемого варианта по сравнению с альтернативным) треугольное нечеткое число имеет левую границу равную трем, промежуточное значение — пяти, правую границу — равную семи.

При оценке экспертом используется метод парных сравнений с использованием нечетких

оценок [15;16]. При этом в симметричных клетках такой матрицы оценок ставятся обратные значения. Например, если при проведении сравнения рассматриваемый вариант j значительно предпочтительнее сравниваемого варианта k , то в клетке матрицы (j,k) ставится нечеткое число $\hat{a}_{jk} = (5; 7; 9)$. В симметричной клетке (k,j) матрицы указывается обратное значение

$$\hat{a}_{kj} = \left(\frac{1}{9}; \frac{1}{7}; \frac{1}{5} \right) = (0,111; 0,143; 0,200).$$

Использование нечетких оценок при обработке экспертной информации в настоящее время все больше распространяется на практике [17;18] и модифицируется под конкретные задачи [19–21]. Ниже приведена разработанная авторами модификация оценки приоритетности проектов развития отраслей экономики в регионе на основе обработки усредненных нечетких оценок вербальных ответов экспертов с использованием нечетких чисел.

Алгоритм оценки приоритетности проектов развития отраслей региона состоит из пяти шагов:

Шаг 1. Оценка важности развития отраслей экономики $j = 1, 2, \dots, m$ в регионе может быть представлена в следующем виде:

$$\alpha_j^{left} = \frac{\sum_{k=1}^m a_{jk}^{left}}{\sum_{j=1}^m \sum_{k=1}^m a_{jk}^{left}}, \alpha_j^{int} = \frac{\sum_{k=1}^m a_{jk}^{int}}{\sum_{j=1}^m \sum_{k=1}^m a_{jk}^{int}},$$

$$\alpha_j^{right} = \frac{\sum_{k=1}^m a_{jk}^{right}}{\sum_{j=1}^m \sum_{k=1}^m a_{jk}^{right}}, \quad (1)$$

где $j(k)$ – номер анализируемой (сравниваемой) отрасли экономики региона $j(k)=1,2,\dots,m$; $\hat{a}_{jk} = (a_{jk}^{left}; a_{jk}^{int}; a_{jk}^{right})$ – нечеткая оценка сопоставления j -й анализируемой отрасли с k -й сравниваемой отраслью;

$\alpha_j^{left} (\alpha_j^{int}, \alpha_j^{right})$ – левая (промежуточное значение, правая) границы оценки важности развития отраслей экономики $j=1,2,\dots,m$ в регионе.

Шаг 2. Оценка приоритетов развития программных проектов $i=1,2,\dots,n_j$ в рамках j -й отрасли экономики в регионе выглядит следующим образом:

$$\beta_{ji}^{left} = \frac{\sum_{s=1}^{n_j} b_{jis}^{left}}{\sum_{i=1}^{n_j} \sum_{s=1}^{n_j} b_{jis}^{left}}, \beta_{ji}^{int} = \frac{\sum_{s=1}^{n_j} b_{jis}^{int}}{\sum_{i=1}^{n_j} \sum_{s=1}^{n_j} b_{jis}^{int}},$$

$$\beta_{ji}^{right} = \frac{\sum_{s=1}^{n_j} b_{jis}^{right}}{\sum_{i=1}^{n_j} \sum_{s=1}^{n_j} b_{jis}^{right}}, \quad (2)$$

где $i(s)$ – номер анализируемого (сравниваемого) проекта развития j -й отрасли экономики региона $i(s)=1,2,\dots,n_j$; $b_{jis} = (b_{jis}^{left}; b_{jis}^{int}; b_{jis}^{right})$ – нечеткая оценка сопоставления i -го сравниваемого проекта с s -м сравниваемым проектом развития j -й отрасли экономики региона;

$\beta_{ji}^{left} (\beta_{ji}^{int}, \beta_{ji}^{right})$ – левая (промежуточное значение, правая) границы оценки приоритетов развития программных проектов $i=1,2,\dots,n_j$ в рамках j -й отрасли экономики в регионе.

Шаг 3. Оценка приоритетов программных проектов $i=1,2,\dots,n_j$ с учетом важности развития отраслей $j=1,2,\dots,m$ имеет следующий вид:

$$\gamma_{ji}^{left} = \alpha_j^{left} \beta_{ji}^{left}, \gamma_{ji}^{int} = \alpha_j^{int} \beta_{ji}^{int}, \gamma_{ji}^{right} = \alpha_j^{right} \beta_{ji}^{right}, \quad (3)$$

где $\gamma_{ji}^{left} (\gamma_{ji}^{int}, \gamma_{ji}^{right})$ – левая граница (промежуточное значение, правая граница) приоритета i -го программного проекта с учетом важности развития j -й отрасли.

Шаг 4. Переход от нечеткой оценки приоритетов программных проектов $i=1,2,\dots,n_j$ с учетом

важности развития отраслей $j=1,2,\dots,m$, представленной треугольным числом [22;23], к четкой количественной оценке (дефаззификации нечеткого треугольного числа) можно сформулировать в виде

$$\lambda_{ji} = 0,25(\gamma_{ji}^{left} + 2\gamma_{ji}^{int} + \gamma_{ji}^{right}), \quad (4)$$

где λ_{ji} – количественная оценка приоритета i -го программного проекта с учетом важности развития j -й отрасли, полученная на основе дефаззификации.

Шаг 5. Расчет нормированных приоритетов программных проектов $i=1,2,\dots,n$ по всей совокупности отраслей региона $n = \sum_{j=1}^m n_j$ осуществляется по формуле

$$\mu_i = \frac{\lambda_{ji}}{\sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^{n_j} \lambda_{ji}}, \quad i=1,2,\dots,n, \quad (5)$$

где μ_i – нормированный приоритет программных проектов $i=1,2,\dots,n$ по всей совокупности отраслей региона.

В результате по всем программным проектам развития экономики региона определены приоритеты, в сумме равные единице, т.е. $\sum_{i=1}^n \mu_i = 1$.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОГРАММНЫХ ПРОЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Установленные приоритеты программных проектов следует использовать как базу для определения очередности выполнения рассматриваемых проектов. В качестве исходных данных, наряду с приоритетами, необходимо иметь:

t_i – продолжительность выполнения i -го программного проекта развития региона;

z_i – затраты на выполнение i -го программного проекта;

F_τ – объем инвестиций по годам $\tau=1,2,\dots$ для выполнения рассматриваемых проектов $i=1,2,\dots,n$.

Искомые переменными являются время начала T_i^H и время окончания T_i^O выполнения проектов $i=1,2,\dots,n$.

Модель планирования очередности выполнения программных проектов целесообразно основывать на критерии упущенной выгоды от задержки вы-

полнения проектов с учетом их приоритета μ_i , $i = 1, 2, \dots, n$, которая определяется по формуле

$$LP = \sum_{i=1}^n \mu_i (T_i^o - t_i). \quad (6)$$

Такой критерий позволит учесть приоритетность проектов при определении сроков их выполнения и минимизировать время реализации программы в целом:

$$\sum_{i=1}^n \mu_i (T_i^o - t_i) \rightarrow \min. \quad (7)$$

Определение сроков выполнения программных проектов должно учитывать годовой объем выделенных инвестиций, т.е.

$$\sum_{i \in J_\tau} z_i \leq F_\tau, \quad \tau = 1, 2, \dots \quad (8)$$

Суммирование затрат на проекты каждый год проводится по проектам, входящим в множество $J_\tau = \{i : T_i^H \leq \tau \leq T_i^o\}$, т.е. выполняемых в рассматриваемый год.

Между временем начала и окончания имеет место жесткая связь, поскольку в плане реализации программных проектов не предусматривается «заморозка» их выполнения:

$$T_i^o = T_i^H + t_i, \quad i = 1, 2, \dots, n. \quad (9)$$

Расписание выполнения программных проектов на основе сформированной экономико-математической модели может быть получено с помощью ряда эвристических алгоритмов [24]: сдвига, последовательного назначения, фронтов работ и др. На практике наибольшее распространение получил пошаговый метод последовательного назначения:

Шаг 1. Выбор проекта с наибольшей величиной приоритетности среди тех, что еще не вошли в план реализации.

Шаг 2. Определение минимального года, начиная с которого для выполнения выбранного на шаге 1 проекта хватает инвестиций в соответствии с ограничением (8), заданным экономико-математической моделью.

Шаг 3. Время начала выполнения выбранного проекта приравнивается к минимальному году, определенному при шаге 2.

Шаг 4. Время завершения проекта определяется в соответствии с ограничением (9).

Шаг 5. Проверяются плановые сроки выполнения у всех проектов. Если они отсутствуют, то следует переход к шагу 1. В противном случае — расчеты завершены.

Приведенный алгоритм очень прост и позволяет решать задачи большой размерности. Найденное решение не является гарантированно оптимальным, однако его можно считать рациональным и пригодным при планировании. Особенностью использования экономико-математической модели (7–9) является возможность проведения многовариантных расчетов для исследования изменения основных критериев при варьировании годового объема инвестиций.

ПРИМЕР ОЦЕНКИ ПРОЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА И АНАЛИЗ РАСПИСАНИЙ ИХ ВЫПОЛНЕНИЯ

Рассмотрим регион, в котором предполагается развивать четыре отрасли — промышленность, транспорт, инфраструктуру и образование. В результате оценки экспертов была получена обратно симметричная матрица с нечеткими треугольными числами, соответствующими ответам по шкале из *табл. 1*.

На основе алгоритма обработки оценок экспертов, найдены суммы по строкам обратно симметричной матрицы (столбец 2 *табл. 2*) и в столбце 3 *табл. 3* рассчитана важность развития рассматриваемых отраслей в регионе по формуле (1).

В рамках каждой отрасли предусматривается различное число проектов (промышленность — 5, транспорт — 5, инфраструктура и образование — по три проекта). В соответствии с шагами 2–5 алгоритма обработки экспертных оценок в *табл. 4* определяются приоритеты проектов с учетом важности развития четырех отраслей.

Многовариантное моделирование проводилось на базе экономико-математической модели (7–9) с применением алгоритма последовательного назначения и изменения годового объема инвестирования в диапазоне 30–60 млн руб. с шагом 10 млн руб. На *рис. 2* приведен график Ганта плана выполнения проектов развития экономики региона при годовом объеме инвестиций на уровне 30 млн руб.

Большинство проектов выполняются не с первого года — например, проекты 10, 15 и 16 начинаются в шестой год. Программы в целом завершаются в десятом году. Упущенная выгода определяется по формуле (6). Например, из *рис. 2* видно, что проект 1

Таблица 2 / Table 2

Таблица сравнения направлений развития экономики региона /
Comparison table of the economic development directions of the region

Анализируемые отрасли экономики, <i>j</i>	Сравниваемые отрасли экономики, <i>k</i> / Compared sectors of the economy, <i>k</i>			
	Промышленность	Транспорт	Инфраструктура	Образование
Промышленность	(1,00; 1,00; 1,00)	(3,00; 5,00; 7,00)	(4,00; 6,00; 8,00)	(1,00; 3,00; 5,00)
Транспорт	(0,14; 0,20; 0,33)	(1,00; 1,00; 1,00)	(1,00; 3,00; 5,00)	(1,00; 2,00; 4,00)
Инфраструктура	(0,13; 0,17; 0,25)	(0,20; 0,33; 1,00)	(1,00; 1,00; 1,00)	(1,00; 1,00; 3,00)
Образование	(0,20; 0,33; 1,00)	(0,25; 0,50; 1,00)	(0,33; 1,00; 1,00)	(1,00; 1,00; 1,00)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 3 / Table 3

Таблица сравнения направлений развития экономики региона /
Comparison table of the economic development directions of the region

Анализируемые отрасли экономики, <i>j</i>	Сумма оценок таблицы сравнения	Важность отрасли экономики
Промышленность	(9,00; 15,00; 21,00)	(0,22; 0,57; 1,29)
Транспорт	(3,14; 6,20; 10,33)	(0,08; 0,23; 0,64)
Инфраструктура	(2,33; 2,50; 5,25)	(0,06; 0,09; 0,32)
Образование	(1,78; 2,83; 4,00)	(0,04; 0,11; 0,25)
Итого	(16,25; 26,53; 40,58)	—

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 4 / Table 4

Расчет приоритетов проектов развития экономики региона с учетом важности отраслей / Calculating
the priorities of regional economic development projects, taking into account the importance of industries

Номер проекта / Project number	Отрасль	Оценка приоритета проектов	Оценка приоритета с учетом важности отраслей	Дефаззификация приоритета проекта, доли	Приоритет проекта, доли
1	Промышленность	(0,06; 0,15; 0,35)	(0,06; 0,15; 0,35)	0,161	0,066
2		(0,13; 0,40; 0,80)	(0,13; 0,40; 0,80)	0,378	0,154
3		(0,15; 0,39; 0,80)	(0,15; 0,39; 0,80)	0,377	0,154
4		(0,11; 0,28; 0,56)	(0,11; 0,28; 0,56)	0,265	0,108
5		(0,17; 0,19; 0,38)	(0,17; 0,19; 0,38)	0,179	0,073
6	Транспорт / Transport	(0,11; 0,35; 1,04)	(0,11; 0,35; 1,04)	0,209	0,085
7		(0,08; 0,31; 0,89)	(0,08; 0,31; 0,89)	0,180	0,073
8		(0,05; 0,15; 0,40)	(0,05; 0,15; 0,40)	0,096	0,039
9		(0,04; 0,11; 0,40)	(0,04; 0,11; 0,40)	0,077	0,031
10		(0,03; 0,08; 0,25)	(0,03; 0,08; 0,25)	0,049	0,020
11	Инфраструктура	(0,15; 0,49; 1,50)	(0,15; 0,49; 1,50)	0,147	0,060
12		(0,07; 0,14; 0,45)	(0,07; 0,14; 0,45)	0,044	0,018
13		(0,11; 0,37; 1,05)	(0,11; 0,37; 1,05)	0,104	0,042
14	Образование	(0,33; 0,68; 1,40)	(0,33; 0,68; 1,40)	0,126	0,051
15		(0,09; 0,24; 0,55)	(0,09; 0,24; 0,55)	0,048	0,019
16		(0,05; 0,08; 0,20)	(0,05; 0,08; 0,20)	0,017	0,007
Итого				2,457	1,000

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

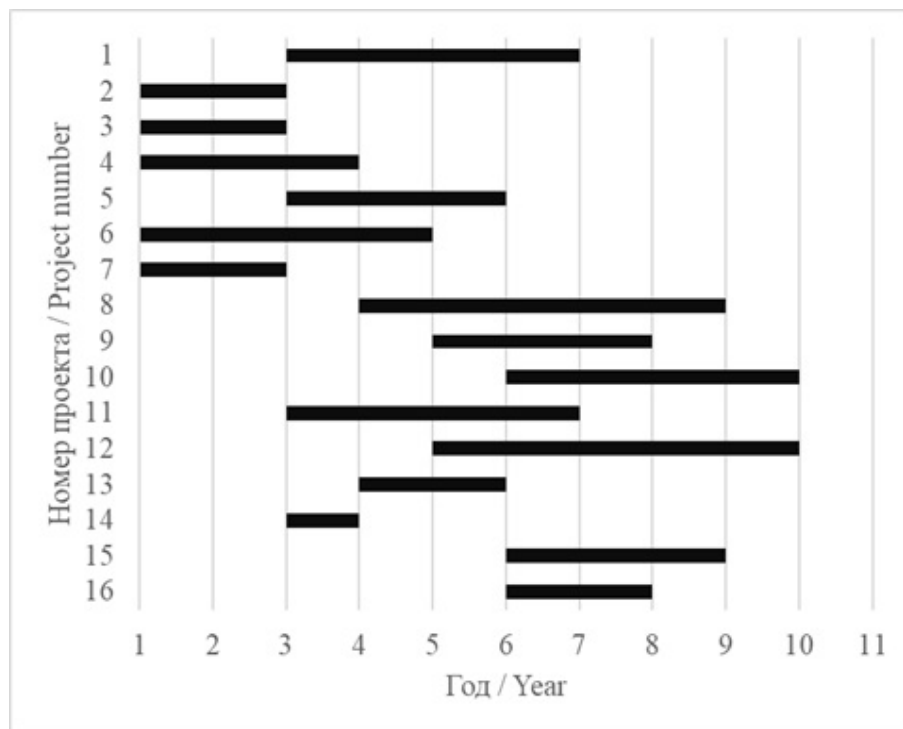

Рис. 2 / Fig. 2. График Ганта плана выполнения программных проектов /
Gantt schedule of the program project execution plan

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

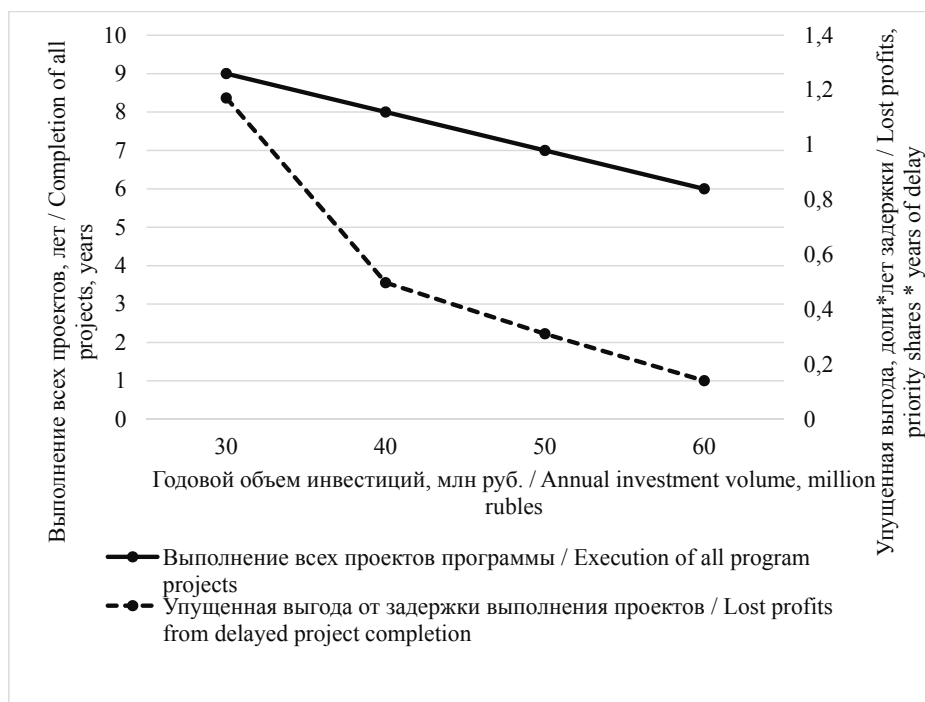

Рис. 3 / Fig. 3. Влияние годового объема инвестирования на срок выполнения программных проектов и упущенную выгоду / The impact of the annual investment volume on the duration of software projects and the loss of benefits

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

с приоритетом 0,066 (см. табл. 4) имеет продолжительность 4 года, а заканчивается в 7-й год, поэтому упущенная выгода от задержки реализации данного проекта составит $0,066 \times (7 - 4) = 0,198$ доли за период задержки; для проектов 2, 3, 4 упущенная выгода равна нулю, поскольку эти проекты выполняются без задержки.

На рис. 3 приведены результаты, характеризующие изменение периода реализации программы развития экономики региона и упущенную выгоду от задержки выполнения проектов с учетом их приоритета при увеличении годового объема инвестиций.

Период реализации программы при увеличении годового объема инвестиций снижается линейно — по одному году на 10 млн руб./год инвестиций. Показатель упущенной выгоды при росте годового объема инвестиций с 30 до 40 млн руб./год сначала резко снижается до 0,497, однако затем темпы снижения упущенной выгоды постепенно слабеют. Полученные результаты позволяют оценить необходимость увеличения инвестирования и выбрать из нескольких вариантов наиболее целесообразный.

ВЫВОДЫ

Рост экономики регионов должен быть сбалансированным, поэтому для каждого региона приоритеты развития отраслей являются индивидуальными и меняются по мере реализации проектов и постановки новых целей и задач развития. Предложенный механизм, включающий вербальную шкалу для экспертов и переход к нечетким оценкам при их обработке для определения приоритетов проектов программы регионального развития, является универсальным и может быть использован на любом — муниципальном, районном, областном, краевом, республиканском — уровне. Разработанная авторами модель, учитывающая приоритетность проектов, соединяет в одно целое механизм обработки экспертных оценок и алгоритм формирования очередности реализации проектов экономического развития региона, основанный на минимизации упущенной выгоды, что дает возможность всем желающим получить адекватное расписание. Многовариантные расчеты при варьировании годового объема инвестирования повышают гибкость и аналитическую глубину принимаемых решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Bortnikov N.S., Lobanov K.V., Volkov A.V. Strategic Metal Deposits of the Arctic Zone. *Geology of Ore Deposits*. 2015;57(6):433-453. DOI: 10.1134/S1075701515060021
2. Новоселова И.Ю., Новоселов А.Л. Методическое обеспечение согласования проектов социально-экономического развития региона и его потенциалов. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;8(4):89-100. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-4-89-100
Novoselova I.Yu., Novoselov A.L. Methodological support for the coordination of projects for the socio-economic development of a region and its potential. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;8(4):89-100. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-4-89-100
3. Гончаренко Л.И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):144-154.
Goncharenko L.I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of national development projects in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):144-154. (In Russ.).
4. Л.И. Гончаренко, А.В. Тихонова, А.С. Адвокатова и др. Налоговые риски государства в современных экономических условиях. Монография. Москва: КноРус; 2022. 219 с.
L.I. Goncharenko, A.V. Tikhonova, A.S. Advokatova, et al. Tax risks of the state in modern economic conditions. Monograph. M.: KnoRus; 2022. 219 p. (In Russ.).
5. Гончаренко Л.И., Гончаренко М.А. Налоговое стимулирование инноваций как инструмент обеспечения технологического суверенитета России. *Инновации и инвестиции*. 2025;10:336-340.
Goncharenko L.I., Goncharenko M.A. Tax incentives for innovation as a tool for ensuring Russia's technological sovereignty. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*. 2025;10:336-340. (In Russ.).
6. Makarov P.Yu., Chub A.A. The Impact of regional economic conditions on place branding results: The survival analysis approach. *Economy of Regions*. 2023;19(3):651-667. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-4
7. Ряховская А.Н. Актуальные проблемы реализации государственной экономической политики на современном этапе: антикризисный аспект. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(1):106-118. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-106-118

- Ryakhovskaya A. N. Urgent problems of the implementation of state economic policy at the present stage: Anti-crisis aspect. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(1):106-118. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-106-118
8. Лосева О. В., Мунерман И. В., Федотова М. А. Модели оценки и классификации региональных инвестиционных проектов, реализуемых в рамках концессионных соглашений. *Экономика региона*. 2024;20(1):276-292. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-19
Loseva O. V., Munerman I. V., Fedotova M. A. Assessment and classification models of regional investment projects implemented through concession agreements. *Ekonomika regiona = Regional Economy*. 2024;20(1):276-292. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-19
9. Стерник С. Г. Комплексное развитие территорий и экономика регионов. *Проблемы прогнозирования*. 2023;2(197):57-75. DOI: 10.47711/0868-6351-197-57-75
Sternik S. G. Integrated urban development and regional economy. *Problemy prognozirovaniya = Problems of forecasting*. 2023;2(197):57-75. (In Russ.). DOI: 10.47711/0868-6351-197-57-75
10. Капустина Н. В., Садыков А. И., Подгорский Я. Роль инвестиций в инфраструктуру в экономическом росте и сбалансированном региональном развитии. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(2):50-63. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-2-50-63
Kapustina N. V., Sadykov A. I., Podhorsky J. The role of infrastructure investment in economic growth and balanced regional development. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(2):50-63. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-2-50-63
11. Косорукова И. В., Лосева О. В., Федотова М. А. Скрининг-оценка региональных инвестиционных проектов для предоставления мер государственной финансовой поддержки. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(2):23-39. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-23-39
Kosorukova I. V., Loseva O. V., Fedotova M. A. Screening-evaluation of regional investment projects for the provision of state financial support measures. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(2):23-39. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-23-39
12. Ali Afshari, Hadi Saeidi, Parisa Hatami. Identifying and ranking financial parameters of banks using fuzzy AHP method. *Journal of Engineering Management and Competitiveness*. 2021;11(1):3-12. DOI: 10.5937/jemc2101003a
13. Фам Ван Ты. Применение нечеткого метода анализа иерархий к методу анализа видов и последствий отказов. *Computational nanotechnology*. 2021;8(2):29-36. DOI: 10.33693/2313-223X-2021-8-2-29-36
Pham Van Tu. Application of the fuzzy analytic hierarchy process to the failure mode and effects analysis. *Computational Nanotechnology*. 2021;8(2):29-36. (In Russ.). DOI: 10.33693/2313-223X-2021-8-2-29-36
14. D. Udaya, K. Vivekanandan A. Fuzzy analytical hierarchy process (FAHP) based software quality assessment model: Maintainability analysis. *International Journal of Intelligent Engineering and Systems*. 2018;11(4):88-96. DOI: 10.22266/ijies2018.0831.09
15. Кривулин Н. К., Абильдаев Т., Горшечникова В. Д. и др. О решении многокритериальных задач принятия решений на основе парных сравнений. *Компьютерные инструменты в образовании*. 2020;2:27-58. DOI: 10.32603/2071-2340-2020-2-27-58
Krivulin N. K., Abildaev T., Gorshechnikova V. D., et al. On solving multicriteria decision making problems based on pairwise comparisons. *Komp'yuternyye instrumenty v obrazovanii = Computer Tools in Education*. 2020;2:27-58. (In Russ.). DOI: 10.32603/2071-2340-2020-2-27-58
16. Пештибай Г. И., Галухин Н. А., Ивахненко А. В. Параметрический метод расчета треугольных весовых коэффициентов в матрице попарных сравнений. *Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России»*. 2023;3:54-62. DOI: 10.61260/2218-13X-2023-3-54-62
Peftibay G. I., Galukhin N. A., Ivakhnenko A. V. Parametrical method for calculation of triangular weight coefficients in matrix of paired comparisons. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal «Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby MCHS Rossii» = Scientific and analytical journal «Vestnik Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia»*. 2023;3:54-62. (In Russ.). DOI: 10.61260/2218-13X-2023-3-54-62

17. Xiangna Li, Bin Ma, Feifei L. Customer satisfaction evaluation method based on fuzzy hierarchy analysis. *Atlantis Highlights in Computer Sciences*. 2023;1:653-659. DOI: 10.2991/978-94-6463-198-2-67
18. Shibo Zhang. Research on financial risk assessment of company based on fuzzy hierarchy analysis method. *Advances in Operation Research and Production Management*. 2025;4(1):49-60. DOI: 10.54254/3029-0880/2025.22393
19. Rouyendegh B.D., Erkan T.E. An integrated fuzzy AHP-TOPSIS methodology for a successful supplier selection system. *J. Intell Fuzzy Syst*. 2022;42(3):2207-21. DOI: 10.3233/JIFS-211356
20. Nayeri S., Torabi S.A., Tavakoli M., Sazvar Z. A multi-objective fuzzy robust stochastic model for designing a sustainable-resilient-responsive supply chain network. *J. Clean Prod*. 2021;311:127691. DOI: 10.1016/j.jclepro.2021.127691
21. Budi Irwansyah, Najirah Umar, Yenny Suzana. Prioritization of Oro Kopi Gayo Company performance measurement indicators using the extent analysis method on fuzzy analytical hierarchy process. *Advances in intelligent systems research*. 2024;14-24. DOI: 10.2991/978-94-6463-445-7-3
22. Strantzali E., Aravossis K. A novel multi-criteria decision-making framework for evaluating sustainable energy technologies under picture fuzzy environment. *Sustain Energy Technol. Assessments*. 2021;47:101472. DOI: 10.1016/j.seta.2021.101472
23. Lauro Osiro, Luiz César Ribeiro Carpinetti, Túlio Fígaro Ulhoa Proposal of a supplier evaluation and ranking method based on fuzzy AHP and fuzzy TOPSIS. *International Journal of Logistics Systems and Management*. 2020;1(1):10-14. DOI: 10.1504/ijlsm.2020.10028940
24. Makan A., Fadili A. Sustainable landfill site selection in a mining-rich region based on GIS and Fuzzy AHP: A case study of Laâyoune City, Morocco. *Sustain Cities Soc*. 2024;109:105848. DOI: 10.1016/j.scs.2024.105848

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT OF THE AUTHORS

Ирина Юрьевна Новоселова — доктор экономических наук, профессор кафедры отраслевых рынков факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Irina Yu. Novoselova — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of the Department of Industry and Markets, Faculty of Economics and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-5054-0676>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
 iunov2010@yandex.ru

Андрей Леонидович Новоселов — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики нефтяной и газовой промышленности, Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, Москва, Российская Федерация

Andrey L. Novoselov — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of the Department of Economics of the Oil and Gas Industry, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU), Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-1495-4836>
 alnov2004@yandex

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
 Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.
 Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
 The article was received 01.12.2025; accepted for publication 29.12.2025
 The authors read and approved the final version of the manuscript.

Региональная экономическая политика: актуальные вопросы формирования и реализации

Н.П. Молчанова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Региональная экономическая политика является ключевым элементом общей экономической политики федерального Российского государства, а также играет активную роль в проведении трансформационных пространственных преобразований. Автором поставлена **задача** выявить эволюцию региональной экономической политики в периоды развития свободных рыночных отношений, перехода к практике государственного (фискального и денежно-кредитного) регулирования, усиления механизмов финансового стимулирования и социальной направленности деятельности органов управления в контексте исполнения стратегических документов и достижения национальных целей развития страны. **Цель** работы – выявление особенностей формирования и реализации региональной экономической политики на различных этапах становления суверенного Российского государства. Выполнен углубленный анализ нормативной правовой базы, регулирующей проведение региональной экономической политики, информационных источников, а также приоритетных документов стратегического планирования. В качестве основных **методов** исследования использовались системный и цивилизационный подходы, историко-системный метод, контент-анализ. В базу исходных для изучения данных вошли нормативно-правовые и иные подзаконные положения и инструкции, плановые и отчетные материалы о разработке и исполнении региональной экономической политики, иные официальные источники. В **результате** исследования раскрыты особенности трансформации региональной политики Российского государства в течение постсоветского периода и подтверждена ее эффективность в историческом контексте. Представлены эволюция терминологии, применяемой в нормативно-правовых и информационных источниках, изменение подходов к рассмотрению региональной экономической политики в первой четверти XXI в.; проанализированы предусмотренные в документах стратегического планирования ключевые тенденции, отражающие пространственное развитие страны в начале 2020-х гг. и в перспективе до 2030 г.; установлены ведущие отрасли, сектора экономики и сферы деятельности, которые будут оказывать существенное влияние на развитие экономического пространства России в предстоящем плановом периоде, а также роль макрорегионов в функционировании национального хозяйства, их влияние на экономический рост и формирование экономики предложения. Вместе с тем выявлены и причины, затрудняющие деятельность экономических субъектов по согласованному проведению региональной экономической политики в субъектах Российской Федерации в период реформационных преобразований: несовершенство законодательной базы и отсутствие методического обеспечения стратегического планирования, недостатки организационной структуры управления и пробелы в подготовке кадров специалистов и др. Сделан **вывод** о необходимости применения термина «совокупный экономический потенциал» при планировании и анализе достижения определенных Президентом РФ национальных целей развития, а также о целесообразности применения дифференцированного подхода при выборе приоритетных направлений реализации региональной экономической политики в административно-территориальных образованиях России. **Результаты** исследования могут быть использованы заинтересованными структурами для совершенствования документов стратегического планирования, разрабатываемых на различных уровнях управления. Направлениями дальнейших исследований могут стать формирование предметного определения содержательных основ государственной политики пространственного развития и детальная разработка методологического инструментария для углубленного анализа проблем и определения тенденций трансформации регионального экономического пространства.

Ключевые слова: региональная политика; экономическое пространство; парадигма экономического развития; совокупный экономический потенциал; национальные цели развития; стратегические документы; региональная наука

Для цитирования: Молчанова Н.П. Региональная экономическая политика: актуальные вопросы формирования и реализации. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(1):125-135. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-125-135

ORIGINAL PAPER

Regional Economic Policy: Actual Issues of Establishment and Implementation

N.P. Molchanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Regional economic policy significantly contributes to the Russian federal state's economic policy, driving spatial reforms. The author *intends to trace* regional economic policy's development through free markets, state regulation, incentive programs, and social priorities in national development. This study's *goal* is to pinpoint the unique traits of forming and executing regional economic policy throughout the different phases of the sovereign Russian state's progress. The author conducted an in-depth analysis of the regulatory framework governing regional economic policy, information sources, and priority strategic planning documents. Systems and civilizational approaches, historical-systemic methods, and content analysis were the main research *methods*. The starting database contained regulations, instructions, plans, reports about regional economic policy, and other official sources. As a *result*, the research showed the evolution of Russia's regional policy after the Soviet era and proved its historical success. The paper outlines terminology changes in rules and data, which affected how people viewed regional economic policy at the start of the 21st century. The author analyzed key trends envisaged in strategic planning documents, reflecting the country's spatial development in the early 2020s and through 2030. The work identifies leading industries, economic sectors and spheres of activity that will have a significant impact on the development of Russia's economic space in the upcoming planning period, as well as the role of macro-regions in the functioning of the national economy, their influence on economic growth and the formation of a supply-side economy. The study also found obstacles to coordinated regional economic policy implementation by Russian Federation entities during the reform period: flaws in laws, inadequate planning methods, management structure issues, and specialist training gaps. The author *concluded* that using the term "aggregate economic potential" when planning and analyzing the achievement of the national development goals the President of the Russian Federation established, and they also determined a differentiated approach was needed when selecting priority areas for implementing regional economic policy in Russia's administrative-territorial entities. Those interested can use the study's *findings* to enhance government strategic plans. Further study might center on establishing the core principles of state spatial development policy and designing a thorough methodological toolkit for a deep analysis of challenges and detecting trends in the evolution of regional economic space.

Keywords: regional policy; economic space; economic development paradigm; total economic potential; national development goals; strategic documents; regional science

For citation: Molchanova N.P. Regional economic policy: Actual issues of establishment and implementation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, taxes & law*. 2026;19(1):125-135. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-125-135

ВВЕДЕНИЕ

Научный базис и практика реализации региональной экономической политики имеют ключевое значение для текущего функционирования и предвидения будущего развития России как многонационального федеративного государства. В официальных документах и информационных источниках сложилось понимание основного содержания и составных частей, из которых складывается научное наполнение данного экономического термина.

В общепризнанном понимании региональная экономическая политика — это «органическая часть общей социально-экономической политики государства, синтезирующая ее региональные аспек-

ты»¹. Представленная формулировка отражает саму суть построения этого определения применительно к федеративному государству, поскольку в нем четко позиционируется место и роль региона² на экономической карте страны. Чем обширнее тер-

¹ Постановление Правительства РФ от 28.04.1995 № 439 «О Программе Правительства Российской Федерации «Реформы и развитие российской экономики в 1995–1997 годах». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8539/61a15f3765ef8ff37231e62d5e0bd584f7e371ae/ (дата обращения: 01.10.2025).

² Регион — термин, используемый для обозначения участка суши или воды, который можно отделить от другого участка по ряду определенных критериев. В России — субъект Федерации.

ритория³ страны, тем более разнообразны и многочисленны входящие в ее состав административно-территориальные образования, тем существеннее различаются природно-климатические и экономико-географические условия отдельных ее частей, на которых сосредоточены городские и сельские поселения, функционирует хозяйственная деятельность, проживает экономически активное население.

Региональная экономическая политика целенаправленно формируется и реализуется государством. В динамике этого процесса объективно проявляется влияние целого ряда факторов, которые не всегда работают согласованно. Более того, в ряде случаев их действие приобретает разнонаправленный характер. В рыночных условиях главенствующая роль принадлежит обеспеченности регионов факторами производства: трудом, капиталом, природными ресурсами. Имеют значение также природно-климатические условия и географическое положение, выгоды от которого стимулируют развитие торговли, внутри- и межрегиональных связей.

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В нормативных документах закреплено определение общей региональной политики, которая, обладая весьма сложной структурой, являясь более общей по своему содержанию и масштабам поставленных задач и, соответственно, включая более широкий состав компонентов, априори направленная «на создание экономических основ целостности российского государства, всех жизненно важных направлений развития российского общества»⁴, имеет более высокий статус по сравнению с региональной экономической политикой.

Постепенно, после того, как в 1990-х гг. в России укоренилось понимание региональной политики как «системы целей и задач органов власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а так-

же механизм их реализации»⁵, пришло осознание того, что она занимает центральное место в составе общегосударственной экономической политики, а ее основной вектор нацелен на устранение несоответствий в параметрах динамики важнейших макроэкономических показателей и пропорций в региональном воспроизводстве.

Исследования показывают: на результаты проводимой государством региональной экономической политики опосредованно влияет динамика процесса регионального воспроизводства, для которого характерна весьма сильная степень инерционности [1]. Именно этим в значительной мере предопределяется сохраняющаяся в течение длительного времени устойчивость народнохозяйственных (отраслевых и территориальных) пропорций и их главенствующая роль в формировании будущих тенденций развития хозяйства регионов и национальной экономики в целом.

Распространение рыночных отношений на все сферы жизнедеятельности общества инициировало обновление научных основ региональной политики. В середине 2000-х гг. целевыми установками государственной региональной политики стали «обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни»⁶.

При этом были выделены следующие ключевые направления:

- 1) стимулирование экономического развития регионов (путём создания новых центров экономического роста на основе конкурентных преимуществ);
- 2) координация государственных инфраструктурных инвестиций и бизнес-стратегий инвестирования (на основе учёта региональных приоритетов развития, демографических и других ресурсных ограничений);

⁵ Основные положения региональной политики в Российской Федерации. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 03.06.1996 № 803. Президент России. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/9452> (дата обращения: 12.10.2025).

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (в последней редакции) / КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=308069&dst=100007#GJDiM0VknhQoNx9C1> (дата обращения: 12.10.2025).

³ Территория — часть поверхности суши с определенными границами.

⁴ Постановление Правительства РФ от 28.04.1995 № 439 «О Программе Правительства Российской Федерации «Реформы и развитие российской экономики в 1995–1997 годах» / КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8539/61a15f3765ef8ff37231e62d5e0bd584f7e371ae/ (дата обращения: 10.10.2025).

3) сокращение региональной дифференциации в уровне и качестве жизни населения с помощью проведения эффективной финансовой политики и сбалансированной социальной политики.

Одно из наиболее полных, разносторонне обоснованных представлений о региональной политике и ее структурных частях дано в коллективном труде российских учёных под названием «Доктрина регионального развития Российской Федерации: макет-проект» [2], в которой сформирована концепция этой политики, определено ее место в системе единой экономической политики Российского государства и содержится программа государственно-управленческих действий и решений в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Вместе с тем содержащийся в данном труде «авторский» перечень структурных элементов региональной политики весьма спорен, поскольку охватывает чрезвычайно широкий круг показателей и характеристик (статистических, социологических и др.).

Во второй половине 2010-х гг. в условиях многократно возрастающего внимания к соблюдению принципов социально ориентированного развития в деятельности хозяйствующих субъектов появились новые аспекты, которые инициировали разностороннее взаимодействие научного сообщества и органов власти при подготовке рекомендаций по совершенствованию теоретических подходов и технологий реализации региональной экономической политики. Среди самых дискутируемых вопросов были следующие:

- особенности размещения населения на территории страны, удобства которого можно оценить агломерационным эффектом;
- уровень дифференциации обеспеченности жителей административно-территориальных образований инфраструктурой, развитие которой проявляется в экономии времени и повышении результатов труда работающих;
- развитие человеческого капитала, состояние которого характеризуется уровнем образования, отношением к здоровью, наличием мотиваций к труду, адаптивностью к новшествам и инновациям;
- деятельность общественных институтов, которые способствуют улучшению предпринимательского и инвестиционного климата, повышению мобильности населения и др.

В изменившихся макроэкономических условиях государственная политика регионального разви-

тия стала олицетворением «системы приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»⁷.

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КООРДИНАТАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ

В региональной экономической политике проявляется направленность на возможно более полное и комплексное использование благоприятных факторов регионального и местного характера и, одновременно, стремление к максимальному сглаживанию разного рода сдерживающих факторов (например, территориального местоположения, особенностей природно-климатических условий и т.п.). Посредством такого подхода постулируется стремление к достижению генеральной цели развития страны в комплексе с реализацией ключевых задач государственной экономической политики.

В конце 2000-х гг. в научный экономический оборот наряду с традиционно применяемым термином «территория» вошел термин «пространство»⁸, который имеет четко установленные географические границы и производное от него словосочетание «пространственное развитие».

Нормативно-правовое закрепление словосочетания «пространственное развитие» представлено в Стратегии 2020–2024 гг. как «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития»⁹. Такая трактовка этого жизненно важного для региональных исследований терми-

⁷ Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» / Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/ (дата обращения: 08.10.2025).

⁸ Пространство — философское понятие, используемое (непосредственно или в словосочетаниях) в различных разделах знаний.

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 13.02. 2019 № 207-р. «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 08.10.2025).

на призвана инициировать рост интереса ученых к принципиальному вопросу «о сути и соотношении естественности и регулируемости пространственно обусловленных процессов и явлений» [3, с. 6].

Экономическое пространство есть «совокупность объединенных общей территорией различных видов экономической деятельности по использованию ресурсов в целях расширенного воспроизводства общественного продукта и капитала, включая и его особую — человеческую — компоненту» [4, с. 37–38]. Вследствие динамично происходящих геополитических изменений приоритетной сферой для федеративного государства становится выявление специфики регионов на экономическом пространстве страны в целях максимального учета их интересов. Это особенно важно для решения задачи по снижению дифференциации социально-экономического положения субъектов Федерации в направлении стимулирования различных видов предпринимательской деятельности, выравнивания уровня и качества жизни населения.

До начала 2020-х гг. устойчивое движение административно-территориальных образований в данном направлении сдерживалось отсутствием согласованной стратегии пространственного развития страны и несовершенством применяемого методологического аппарата. Так, неупорядоченность процедур составления местных и общегосударственных прогнозов приводила к завышению потребностей во внешних ресурсах, что существенно влияло на достоверность этих документов. О необходимости улучшения качества разрабатываемых региональных прогнозов свидетельствуют результаты исследований ученых Сибирского отделения РАН¹⁰.

Изменения в подходах к предвидению перспектив социально-экономического развития России произошли во второй половине 2010-х гг., когда началась разработка Стратегии 2020–2024¹¹. В период реализации этого чрезвычайно важного для развития национальной экономики документа в научном сообществе развернулась дискуссия о заявленных в нём подходах к пространственному

стратегированию¹², были выявлены её достоинства и недостатки, учтенные при формировании Стратегии 2025–2030¹³.

Главная цель региональной экономической политики на предстоящий плановый период носит комплексный характер и предполагает стабилизацию деятельности производственных отраслей и сферы услуг с ориентацией на внутренний спрос, поддержание устойчивых темпов экономического роста на субнациональном уровне, с акцентированием внимания на макрорегионах (федеральных округах). Для реализации данной цели требуется концентрация средств на основных направлениях региональной экономической политики и приложение усилий для ее осуществления со стороны органов управления, бизнес-сообщества, общественных организаций и граждан России.

Для успешного решения стоящих перед российским обществом масштабных социально-экономических задач, которые позиционируются руководством страны в качестве национальных целей развития¹⁴, приоритетного внимания заслуживают вопросы совершенствования теоретико-методологического базиса региональной науки. Так, по мнению специалистов, региональная экономическая политика должна содержать четко обозначенные цели и задачи для «обеспечения взаимосвязи региональных приоритетов страны с разрабатываемыми на уровне субъектов концепциями, долгосрочными стратегиями и среднесрочными программами социально-экономического развития» [5, с. 31].

Следует согласиться также с мнением проф. В.М. Бухвальда о том, что «пространственный срез национального целеполагания должен не только определять специфику реализации этих целей для различных групп субъектов Федерации, но и, что

¹² Стратегирование — процесс разработки и реализации стратегии — все более осознаётся как специфическая профессиональная деятельность, требующая собственной теории и методологии.

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 08.10.2025).

¹⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <https://www.kremlin.ru/acts/news/73986> (дата обращения: 14.10.2025).

¹⁰ Оптимизация территориальных систем. Суспицын С.А., ред. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН; 2010. 632 с.

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р. «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 08.10.2025).

не менее важно, стимулировать их собственное участие в решении данной стратегической задачи» [6, с. 34]. В масштабах федеративного государства для обеспечения комплексного развития территорий разного ранга требуется применение принципа системности при реализации национальных целей. Важным условием обеспечения устойчивой динамики и слаженного функционирования экономического пространства является включение государственной политики регионального развития в качестве составной части в единый хозяйственный механизм, обеспечивающий ее последовательную реализацию.

СТРУКТУРИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Рост масштабов производства и усложнение структуры региональной экономики стали стимулами для проведения исследований по выявлению взаимосвязей различных таксономических единиц. Участие в этом процессе органов государственной и муниципальной власти способствовало формированию новых контуров территориального управления российскими регионами¹⁵. Научный базис теории экономического районирования послужил основанием для проектирования различных вариантов совершенствования территориальной структуры российского экономического пространства.

Структурирование территории России по федеральным округам создает основания по объединению в их рамках субъектов Российской Федерации для проведения комплексного анализа на уровне макрорегионов. Организация такой аналитической работы имеет чрезвычайно важное значение для обширных по площади территорий, обладающих совершенно уникальными природно-климатическими, экономико-географическими характеристиками, поселенческой структурой населения и при этом имеющих разные целевые установки развития в будущем. Преимущество федеральных округов в том, что в них существует аппарат полномочного представителя Президента России¹⁶, на регулярной основе обрабатывается

и суммируется необходимая статистическая информация. Таким образом, создана ресурсная база для решения ряда политических и организационных вопросов, которая может быть в полной мере использована и для постановки экономических задач пространственного развития макрорегионов (федеральных округов).

Восемь федеральных округов в составе Российской Федерации существенно различаются по размеру территории, численности населения, отраслевой структуре хозяйства, объему ВРП, а также уровню производства важнейших товаров и услуг. Одно из направлений совершенствования структуры экономического пространства видится в определенном разукрупнении чрезмерно больших по территориям федеральных округов и формировании административных образований (макрорегионов), объединяющей основой которых стали бы общие целевые установки и ориентиры перспективного развития. В этом направлении кое-что уже сделано: разработаны рекомендации о делении экономического пространства России на 12 макрорегионов и представлены результаты анализа их макроэкономических показателей¹⁷. Однако предложения о нормативном закреплении макрорегиона в качестве основной таксономической единицы находятся в процессе обсуждения научным и экспертным сообществами, а для принятия соответствующих решений требуются дальнейшие исследования и экономические обоснования.

Применение новых методологических конструкций при рассмотрении особенностей функционирования российских территорий ставит во главу угла проблемы совершенствования регионального и муниципального управления, открывает новые возможности для выравнивания социально-экономического положения населения на территориях федеральных округов и экономическом пространстве страны в целом. При таком подходе создаются основы для обеспечения националь-

№ 849 (ред. от 04.02.2021) «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23329/ (дата обращения: 06.10.2025).

¹⁷ Приложение № 2 к Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 13.02. 2019 № 207-р. «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 08.10.2025).

¹⁵ Обновленная сетка экономического районирования России включает три основных звена (таксономические единицы): федеральные округа (высшее звено); субъекты РФ (среднее звено); муниципальные образования (низшее звено).

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000

ного суверенитета¹⁸, укрепления позиций страны на международной арене, придания стабильности процессу повышения уровня и качества жизни всех граждан России, вне зависимости от места их проживания.

Региональная экономическая политика не является застывшей: она подвержена активным внешним воздействиям по мере преобразования общественных отношений, развития системы управления, укрепления совокупного экономического потенциала. На динамизм ее ключевых векторов оказывают влияние внутри- и межрегиональные хозяйственные связи, международные экономические, финансовые и внешнеторговые отношения.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Экономическое пространство России характеризуется неоднородностью, которая обусловлена определенными различиями в условиях функционирования его составных элементов. Согласно экспертному мнению, пространственно ориентированные цели и средства их достижения должны находиться в сопряжении с государственной политикой регионального развития, которая в настоящее время «нуждается в серьезной актуализации» [6, с. 33].

Исходя из особенностей феномена российского пространства с его безграничными просторами, неравномерностью заселения и фрагментарностью хозяйственного освоения, структурированностью по природно-экономическим и этнокультурным характеристикам [7, с. 6] остро встает вопрос о необходимости приведения в соответствие организационных и экономических механизмов, применяемых на различных уровнях управления, которые были бы приемлемы для согласованной реализации целей и задач региональной экономической политики в масштабах всей страны с учетом экономико-географических и социально-культурных особенностей её отдельных территорий.

В современном глобальном мироустройстве происходит фрагментация экономического пространства. В этих условиях «любого рода террито-

рия (с ее ресурсно-хозяйственным потенциалом, системой расселения, производственной и социальной инфраструктурой и др.) неизменно становится вождельной целью, значимым ресурсом, равно как и ареной разворачивающегося геополитического противостояния, следствием порожденных им структурных метаморфоз» [7, с. 6].

Ключевым же фактором в данной ситуации является наличие у той или иной территории *совокупного экономического потенциала*, под которым, некоторые специалисты подразумевают, например, «ресурсы страны, которые при полном использовании позволяют произвести максимальный объём ВВП»¹⁹, хотя существует немало и других его определений, что вполне объяснимо: это понятие весьма сложное по своему содержанию и включает «природно-ресурсную, трудовую, производственную, научно-техническую и научно-технологическую, информационно-управленческую, финансовую составляющие»²⁰.

Есть мнение, что для целей регионального исследования целесообразнее применять более сложную по своей структуре и более широкую категорию, охватывающую разные аспекты деятельности определенной территории: страны, макрорегиона, региона — так называемый *пространственный потенциал*, который «характеризуется степенью хозяйственной и поселенческой освоенности и обжитости территории людьми, фактическим и необходимым уровнем объединенности (целостности) территории, создаваемыми хозяйственными, социальными, экономическими и иными общественными связями и инфраструктурной основой этих связей, а также социально-культурными, административно-управленческими возможностями геополитического и геоэкономического положения страны и ее ролью в происходящих глобализационных процессах» [8, с. 56]. Многие специалисты считают: обладание *пространственным потенциалом* является необходимым условием для функционирования национального хозяйства страны и имеет определяющее значение при разработке региональной экономической политики.

¹⁸ Для достижения национального суверенитета ключевыми задачами являются достижение технологического лидерства, устойчивое развитие территорий, минимизация социально-экономических диспропорций, формирование общих ценностей для всех граждан на экономическом пространстве страны.

¹⁹ Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/text/5044866_ (дата обращения: 02.10.2025).

²⁰ С.Г. Тяглов и др. Национальная экономика. Система потенциалов: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления. М. ЮНИТИ-ДАНА; 2017: 367.

Например, Т.В. Ускова с соавторами обращают внимание на необходимость «повышения эффективности использования внутренних (эндогенных) факторов развития, к которым относится огромный *пространственный потенциал*, в настоящее время используемый, однако, недостаточно полно и эффективно для обеспечения национальной безопасности страны» [9, с. 267].

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Провозглашённая Президентом России В.В. Путиным новая экономическая парадигма предполагает внедрение модели перехода к экономике предложения, которая основывается на формировании осознанного спроса, качественного роста экономики, долгосрочного инвестирования, концентрации ресурсов на применении капиталоемких технологических инноваций²¹. Развитие информационно-коммуникационных технологий и интернета инициировало наступление эры цифровизации. Благодаря технологическим новшествам возникли цифровые платформы, которые функционируют как интерфейс между различными группами пользователей, облегчают им обмен ценностями. В результате активной экономической деятельности в рамках цифровой экономики формируется ее ядро: «платформенная экономика» [10].

Нацеленность на собственные платформенные решения в сотрудничестве с дружественными странами-партнерами оказывает стимулирующее воздействие на динамику процесса перехода к VI технологическому укладу, способствует созданию проектов транснациональных логистических маршрутов и международных торгово-транспортных коридоров. Предполагается, что в реализации планов по международному сотрудничеству и формированию инфраструктурных мощностей для участия в глобальных торгово-экономических процессах роль российских регионов будет только возрастать.

Последовательное и целенаправленное осуществление региональной экономической политики приводит к получению мультипликативных

эффектов по различным направлениям её реализации. В фокусе внимания находятся системные меры, способствующие решению проблем в сфере демографии. Необходимо преодолеть начавшуюся в 1980-х гг. и продолжающуюся в первой четверти XXI в. депопуляцию населения страны.

Правительством Российской Федерации разработан и применяется комплекс мероприятий, направленных на повышение рождаемости и, одновременно, учитывающих специфику поселенческой структуры и экономический потенциал каждой административно-территориальной единицы. Наряду с нацеленностью на демографический результат предпринимаемые действия предназначены для стимулирования экономической активности территорий через повышение инфраструктурной связанности.

Рост внимания к развитию человеческого капитала можно проследить на примере сферы образования, новый этап реформирования которой начинается в 2026 г.²² Ключевые роли принадлежат формированию творческого подхода в студенческой среде к овладению знаниями, привитию предпринимательских навыков и разработке стартап-проектов, поиску инновационных решений, имеющих значение для развития региональных экономик. Приоритетное значение в эпоху искусственного интеллекта отводится поиску эффективных решений в сфере трудовой деятельности. В центре внимания вопрос о том, как будут изменяться потребности в квалифицированных кадрах по отраслям и территориям, в образовании, здравоохранении, науке и культуре.

В Стратегии 2020–2025²³ получили разностороннее обоснование перспективы развития российских территорий в контексте понимания императивности отечественного подхода к регулированию пространственного развития. В ходе её реализации сформировались и нашли отражение в научных дискуссиях вопросы своевременности углубления

²² Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 14.03.2025 № 49-СФ «О стратегических направлениях развития образования в Российской Федерации в условиях современных вызовов». URL: <https://base.garant.ru/411668229/> (дата обращения: 02.10.2025).

²³ Распоряжение Правительства РФ от 13.02. 2019 № 207-р. «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://static.government.ru/media/files/UVAIqUt08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 08.10.2025).

²¹ Выступление Путина на ПМЭФ в этом году стало рекордно продолжительным. РИА НОВОСТИ. 16.06. 2023. URL: <https://ria.ru/20230616/pmef-1878760606.html> (дата обращения: 02.10.2025).

методологических основ пространственного стратегического планирования. В этой связи отметим проф. В.Н. Лексина и проф. А.Н. Швецова, которые на протяжении совместной творческой деятельности отстаивают «концептуально-методологическую традицию *системного анализа и регулирования территориальных (пространственных) процессов и явлений*» [3, с. 7].

Особенностью российского экономического пространства является наличие большого количества малых и средних городов и сельских населенных пунктов, в отношении которых требуется проводить сбалансированную региональную политику, базирующуюся на методологии системного анализа и долгосрочного прогнозирования. Подходы к решению данной научной задачи были заложены еще при разработке Стратегии 2020–2024 и получили дальнейшее обоснование и развитие в Стратегии 2025–2030²⁴. Весьма неординарным решением стало формирование перечня «опорных населенных пунктов и прилегающих территорий», на основе которого планируется создание инфраструктуры и предоставление социальных гарантий для перехода к устойчивой системе расселения²⁵.

Еще одно важное направление региональной экономической политики — организация работы по снижению безработицы и повышению уровня занятости. В последние два года достигнут безусловный успех — показатель безработицы находится на очень низком уровне: в ноябре 2025 г. (по данным Росстата на 26.12.2025) он остался на отметке 2,2%²⁶. В августе же 2025 г. был установлен исторический минимум в 2,1% (за весь период наблюдений показателя с 1991 г.), что создает известное напряжение на рынке труда.

Одновременно возникают новые, ранее не проявлявшиеся на практике проблемы, в том числе по работе с искусственным интеллектом. В 2024 г.

в России насчитывалось около 1 млн IT-специалистов, причем их число увеличилось на 13% по сравнению с 2023 г. Вместе с тем дефицит IT-специалистов существует, и особенно остро он ощущается в промышленности²⁷. Так, по экспертным оценкам к 2027 г. прогнозируется нехватка 1,8 млн IT-специалистов. В приоритетную задачу превращается необходимость переобучения работников согласно занимаемой должности, требуется развитие и совершенствование системы повышения квалификации кадров, востребованных для развития экономики предложения. Для активизации деятельности малого бизнеса предпринимаются меры по развитию разных форм занятости, в том числе индивидуального предпринимательства и самозанятости.

Сформулированные Президентом РФ национальные цели органично увязываются с приоритетами функционирования экономики страны, ориентированными на долгосрочную перспективу. Круг вопросов пространственного развития в концентрированном виде представлен в официальных документах. Многообразие тематики региональных проблем отражается в работах различных исследователей. Например, на основе анализа современных тенденций пространственного развития Северо-Запада России, выполненного с использованием центр-периферийного и каркасного подходов, сделан вывод об «усиливающемся характере центростремительного вектора развития и периферизации как на макро-, так и внутрирегиональном уровне» [9, с. 267]. Авторами обосновывается необходимость «создания условий, способствующих развитию пространственного каркаса макрорегиона за счет раскрытия потенциала различного рода мест (городов и агломераций различного уровня иерархии, сельской, промышленной периферии)» [9, с. 267]. Однако для целей практической реализации рекомендаций различных ученых требуется систематизация и тщательное обоснование каждого из концептуальных положений, представленных в научных публикациях.

ВЫВОДЫ

Для Российской Федерации, включающей в свой состав 89 субъектов, различающихся по площади

²⁴ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 N 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 08.10.2025).

²⁵ Целью Национального проекта «Инфраструктура для жизни» является обеспечение граждан инфраструктурой (жилищной, транспортной, социальной, коммунальной) нового качества» URL: <https://government.ru/rugovclassifier/918/about/> (дата обращения: 18.10.2025).

²⁶ Уровень безработицы в России. Investing: com. 26.12.2025. URL: <https://ru.investing.com/economic-calendar/russian-unemployment-rate-556> (дата обращения: 26.12.2025).

²⁷ Дефицит IT-специалистов и ИИ-кадров тормозит цифровизацию индустрии в России. Ведомости. 03.06.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2025/06/03/1114488> (дата обращения: 16.10.2025).

занимаемой территории, численности проживающего населения, экономико-географическим и природно-климатическим особенностям, приоритетной задачей является проведение сбалансированной региональной экономической политики. Необходим всесторонний учет имеющегося экономического потенциала каждого из регионов и организация хозяйственной деятельности таким образом, чтобы обеспечивалось достижение максимального общественного результата. Только при соблюдении названных условий может быть достигнуто сбалансированное функционирование и развитие всего национального хозяйства страны и каждого из субъектов Российской Федерации.

Прерогативой региональной науки является рассмотрение на базе системного подхода сложившихся взаимосвязей, их детальный анализ, выявление ключевых тенденций и предпосылок (как внутренних, так и внешних), построение на этой основе прогнозных трендов пространственного развития территорий разного ранга: макрорегионов (федеральных округов), субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и изучение возможностей для продуктивного использования их экономических потенциалов с наибольшим социально-экономическим эффектом.

Участие государства в формировании и реализации региональной экономической политики обусловлено комплексом факторов, в числе которых видное место отводится принятию административных и экономических мер. Регулирование пространственного развития осуществляется с помощью различных инструментов: от антикризисной поддержки и налогового регулирования до комплекса мер инфраструктурных и социально-экономических преобразований и существенно дополняет либо замещает эндогенные факторы саморазвития и самоорганизации территорий.

Однако, несмотря на устоявшееся в информационном пространстве понимание термина «региональная экономическая политика», нельзя игнорировать дискуссионное мнение проф. В.Н. Лексина и проф. А.Н. Швецова об «отсутствии общепринятого, четкого и правозакрепленного понимания смысла и содержания государственной политики пространственного развития, её целей и задач, а также её предметно-объектного поля» [3, с. 20], которое, в принципе, можно рассматривать как актуальную научную задачу, для решения которой необходима активизация региональных исследований с акцентом на углубленный анализ и детальное рассмотрение проблем пространственного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Основы теории регионального воспроизводства. М.: Экономика; 1998. 192 с.
Marshalova A.S., Novoselov A.S. Fundamentals of the theory of regional reproduction. M.: Economics; 1998. 192 p. (In Russ.).
2. Доктрина регионального развития Российской Федерации: макет-проект. Монография. Сулакшин С.С. и др. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М.: Научный эксперт. 2009. 256 с.
Doctrine of regional development of the Russian Federation: mock-up project. Monograph. Sulakhshin S.S. et al. Center for problem analysis and public administration design. M.: Scientific expert; 2009. 256 p. (In Russ.).
3. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Естественное и регуляторно-императивное в пространственном развитии России. *Федерализм*. 2024;29(2):5-31. DOI: 10.21686/2073-1051-2024-2-5-31
Leksin V.N. Shvetsov A.N. Natural and regulative-imperative in the spatial development of Russia. *Federalizm = Federalism*. 2024;29(2):5-31. (In Russ.). DOI: 10.21686/2073-1051-2024-2-5-31
4. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Экономическое пространство как потенциал устойчивого развития. *Экономическая Теория. Анализ. Практика*. 2024(1):34-52. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-1-34-52
Ivanov O.B., Bukhvald E.M. Economic space as a potential for sustainable development. *Ekonomicheskaya Teoriya. Analiz. Praktika = Economic Theory. Analysis. Practice*. 2024(1):34-52. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071-6435-2024-1-34-52
5. Строев В.В., Свистунов В.М., Сидоренко С.В. Региональная экономическая политика, цели, оценка результатов (на примере Краснодарского края). *E-Management*. 2024;7(3):31-39.
Stroev V.V., Svistunov V.M., Sidorenko S.V. Regional economic policy, goals, results assessment (the Krasnodar region case). *E-Management*. 2024;7(3):31-39. (In Russ.). DOI: 10.26425/2658-3445-2024-7-3-31-39

6. Бухвальд Е.М. Экономическое пространство как поле реализации национальных целей России. *Федерализм*. 2024;29(2):32-47. DOI: 10.21686/2073-1051-2024-2-32-47
Bukhvald E.M. Economic space as a field for the realization of national goals of Russia. *Federalizm = Federalism*. 2024;29(2):5-31. (In Russ.). DOI: 10.21686/2073-1051-2024-2-32-47
7. Дружинин А.Г. Геополитические ориентиры стратегии пространственного развития России. *Федерализм*. 2024;29(4):5-22. DOI: 10.21686/2073-1051-2024-4-5-22
Druzhinin A.G. Geopolitical guidelines of Russia's spatial development strategy. *Federalizm = Federalism*. 2024;29(4):5-22. (In Russ.). DOI: 10.21686/2073-1051-2024-4-5-22
8. Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. О стратегии использования пространственного потенциала России. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2013;(2):55-70.
Kuznetsova T.E., Nikiforov L.V. The space potential strategic policy of Russia. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Issues of public and municipal management*. 2013;(2):55-70. (In Russ.).
9. Ускова Т.В., Кожевников С.А., Патракова С.С. Тенденции пространственного развития регионов Северо-Запада России в XXI веке. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024;17(5):266-293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15
Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. Trends in the spatial development of regions in the Northwest of Russia in the 21st century. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Issues Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(5):266-293. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15
10. Жевняк О.В. Цифровая платформа как технико-технологический феномен и его правовое значение. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2024;(4-66):541-561. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-66-541-561.
Zhevnyak O.V. Digital platform as a technical-technological phenomenon and its legal significance. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2024;(4-66):541-561. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2024-66-541-561.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Наталья Петровна Молчанова — доктор экономических наук, профессор факультета глобальных процессов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
Natalya P. Molchanova — Dr. Sci. (Econ.), Prof. of the Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-3019-0672>
2520641a@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 27.10.2025; принята к публикации 22.12.2026.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received 27.10.2025; accepted for publication 22.12.2026.
The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-136-153

УДК 336.22(045)

JEL H53, I38, O57

Парадокс снижения абсолютной бедности при росте доходного неравенства в российских регионах: оценка эффективности финансово-инвестиционных моделей социального обеспечения

М.Л. Дорофеев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — финансово-инвестиционная модель государственного и негосударственного социального обеспечения (ФИМСО) субъектов Российской Федерации и её эффективность в условиях макроэкономической нестабильности 2022–2025 гг. **Цель** работы — выявление системных ограничений действующих региональных ФИМСО, обусловленных методологией измерения абсолютной границы бедности, структурой перераспределения бюджетных ресурсов и высокой степенью региональной дифференциации социально-экономических условий. **Актуальность** исследования определяется ростом социально-экономического неравенства в России в 2022–2025 гг. на фоне формального сокращения уровня абсолютной бедности, что свидетельствует о методологических и институциональных недостатках российской системы социальной защиты. В условиях сырьевой зависимости экономики, высокой концентрации доходов и выраженной межрегиональной неоднородности совершенствование ФИМСО становится приоритетной задачей государственной финансовой политики, направленной как на преодоление бедности и обеспечение социальной справедливости, так и на сохранение стимулов для устойчивого экономического роста. Эмпирическую основу исследования составили официальные статистические данные за 2022–2023 гг., предоставленные Росстатом и Единой государственной информационной системой социального обеспечения. Для выявления взаимосвязей между показателями бедности, неравенства и объёмов социальных расходов применён **метод** корреляционно-регрессионного анализа. Основное внимание уделено оценке линейной и нелинейной зависимостей между доходным индексом Джини и уровнем бедности (абсолютной и относительной), а также между подушевыми расходами на социальную защиту и макроэкономическими характеристиками регионов. В **результате** установлено, что в анализируемый период снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума сопровождалось ростом доходного неравенства. Показано, что в условиях высокой инфляции и быстрого роста номинальных доходов в отдельных регионах значительная часть населения с доходами, незначительно превышающими прожиточный минимум, оказывается вне зоны охвата социальной поддержки, что формирует феномен «скрытой бедности», особенно ярко выраженный в таких субъектах, как Москва. Предложена усовершенствованная методика оценки эффективности ФИМСО, основанная на коэффициентном анализе реальных подушевых расходов на социальную политику в расчёте на 1% бедного населения, нормированных на величину регионального прожиточного минимума. На основании полученных **результатов** сделан **вывод** о системной неэффективности действующей ФИМСО в части сдерживания роста социально-экономического неравенства и обеспечения социальной устойчивости в периоды макроэкономических шоков. В целях повышения устойчивости и адресности социальной политики обоснована необходимость перехода к концепции относительной границы бедности как основы для перестройки ФИМСО.

Ключевые слова: финансово-инвестиционная модель социального обеспечения (ФИМСО); абсолютная бедность; относительная бедность; доходное неравенство; индекс Джини; эффективность социальных расходов; региональное неравенство

Для цитирования: Дорофеев М.Л. Парадокс снижения абсолютной бедности при росте доходного неравенства в российских регионах: оценка эффективности финансово-инвестиционных моделей социального обеспечения. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(1):136–153. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-136-153

ORIGINAL PAPER

The Paradox of Decreasing Absolute Poverty Despite Growing Income Inequality in Russian Regions: An Evaluation of the Efficiency of Financial-Investment Models for Social Security

M.L. Dorofeev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The paper's **subject** is the financial-investment model of state and non-state social security (FIMSS) in the constituent entities of the Russian Federation and its efficiency in macroeconomic instability in 2022–2025. The research **aims** to identify systemic limitations of the current regional FIMSSs caused by the methodology for measuring the absolute poverty line, the structure of budgetary resource redistribution, and high regional differentiation of socio-economic conditions. The study's **significance** hinges on the socio-economic inequality growth in Russia from 2022 to 2025, which, despite a stated drop in absolute poverty, reveals issues in the Russian social protection system. Given the economy's reliance on raw materials, the concentration of high incomes, and significant interregional differences, improving the FIMSS is now a key goal of state financial policy, which intends to eliminate poverty and promote social justice, along with fostering sustainable economic growth. The empirical basis of the study was official statistical data for 2022–2023, provided by Rosstat and the Unified State Information System of Social Security. **Methods** of correlation and regression analysis were the author's tools for identifying links between poverty indicators, inequality, and social spending. The paper focuses on evaluating the Gini income coefficient and poverty rates (both absolute and relative) relate, both linearly and non-linearly. It also examines per capita social protection spending and the macroeconomic characteristics of the regions. The study revealed that as the proportion of the population with incomes below the subsistence level decreased, income inequality grew. Under specific conditions of high inflation and fast nominal income growth, many people with incomes above the subsistence level are excluded from social support, **resulting** in "hidden poverty," which is especially clear in places like Moscow. The author suggests a better approach to evaluating FIMSS's efficiency by analyzing the ratio of actual per capita social policy spending for every 1% of the impoverished, adjusted by the regional subsistence minimum. The **results** lead to the **conclusion** that the current FIMSS fails systemically to curb socioeconomic inequality growth and ensure social stability in times of macroeconomic shocks. Restructuring the FIMSS should be based on a relative poverty line to increase social policy's sustainability and targeting.

Keywords: financial-investment model of social security (FIMSS); absolute poverty; relative poverty; income inequality; Gini coefficient; efficiency of social expenditures; regional inequality

For citation: Dorofeev M.L. The paradox of decreasing absolute poverty despite growing income inequality in Russian regions: An evaluation of the efficiency of financial-investment models for social security. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):136-153. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-136-153

ВВЕДЕНИЕ

Современная российская система социального обеспечения функционирует в условиях усиления макроэкономической нестабильности и структурных преобразований, что актуализирует задачу оценки эффективности финансово-инвестиционных моделей социального обеспечения (ФИМСО) субъектов Российской Федерации. В период 2022–2025 гг. на фоне формального сокращения уровня абсолютной бедности, измеряемого как доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, наблюдается устойчивый рост социально-экономического

неравенства. Данное противоречие свидетельствует о наличии методологических и институциональных недостатков в конструкции отечественной системы социальной защиты, которая демонстрирует ограниченную способность к обеспечению социальной справедливости и устойчивости в условиях внешних шоков.

Проблема бедности остаётся одной из центральных задач социальной политики как в России, так и в глобальном масштабе. Социальная защита, как совокупность институтов, программ и трансфертов, призвана не только

смягчать экономические риски, но и активно способствовать выходу домохозяйств из состояния нищеты. Эффективность этих инструментов, однако, определяется множеством условий: качеством таргетирования, дизайном программ, институциональной инфраструктурой, а также объемом и структурой государственных ресурсов, выделяемых на социальную поддержку. В современной научной литературе представлено значительное количество эмпирических исследований и мета-анализов, позволяющих оценить, какие меры действительно снижают бедность, а где сохраняются системные ограничения.

Целью настоящего исследования является выявление системных ограничений действующих региональных ФИМСО, обусловленных методологией измерения абсолютной бедности, структурой перераспределения бюджетных ресурсов и высокой степенью региональной дифференциации социально-экономических условий.

Для достижения поставленной цели предполагается проведение эмпирического анализа динамики абсолютной и относительной бедности в субъектах Российской Федерации, разработка усовершенствованной коэффициентной методики оценки эффективности социальных расходов, а также классификация факторов эффективности ФИМСО, включая финансовую устойчивость, охват населения, адекватность выплат и устойчивость к внешним шокам.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В российских регионах наблюдается значительная неоднородность в реализации мер социальной поддержки. Гришина и Цацура на основе панельного регрессионного анализа данных Росстата и ЕМИСС за 2013–2020 гг. показывают, что более адресные и целенаправленные трансферты действительно способствуют снижению бедности, однако их эффективность ограничена слабыми механизмами идентификации малоимущих и недостаточной дифференциацией мер социальной поддержки [1]. Эти выводы подтверждаются экспертными оценками НИУ ВШЭ, согласно которым лишь незначительная доля бюджетных расходов на социальную защиту достигает наиболее нуждающихся групп населения, а адресная помощь сохраняет маргиналь-

ный характер в структуре социальных расходов бюджетной системы России¹.

Специфика пространственного распределения ресурсов в рамках бюджетного федерализма и надлежащее применение инструментария государственного финансового регулирования социальной сферы должны сокращать уровень региональной дифференциации доходов [2–4]. Особое место в российской системе социальной защиты в последние годы занимает социальный контракт — форма адресной помощи, предполагающая взаимные обязательства между получателем и государством. Орлова, анализируя опыт 21 субъекта Российской Федерации, отмечает, что социальный контракт может выступать стимулом для повышения трудовой активности и достижения самообеспеченности, однако его охват и результативность пока остаются ограниченными [5]. Егорова в своём социологическом исследовании выявляет риски институционализации этого инструмента, среди которых выделены: дублирование программ, слабая систематизация критериев нуждаемости на региональном уровне и потенциальные злоупотребления со стороны бенефициаров [6;7].

Анализ парадокса снижения абсолютной бедности при одновременном росте доходного неравенства в российских регионах требует обращения к теоретическим и эмпирическим исследованиям, посвященным анализу финансового механизма социального обеспечения, региональной дифференциации и факторам неравенства [8;9]. Прямые факторы неравенства, такие как бюджетные и налоговые механизмы, при определенных условиях не позволяют преодолевать парадокс снижения бедности при росте доходного неравенства. Модель прогрессивного налогообложения в России в настоящее время проходит масштабную трансформацию, но может оставаться по-прежнему недостаточно адекватной для сдерживания роста доходного и тем более имущественного неравенства [10].

Налоговые преференции и диверсификация налоговой системы могут играть ключевую роль в пространственном выравнивании и реализации национальных проектов развития, что косвенно влияет на структуру социальных расходов реги-

¹ Повышение эффективности и результативности социальной защиты за счет развития программ адресной поддержки нуждающихся. Овчарова Л. Н., ред. М.: Независимый институт социальной политики; 2016. 150 с.

онов России [11]. Аналогично, диверсификация налоговой системы рассматривается как фактор успешной реализации национальных проектов, включая социальные, через расширение фискальной базы и повышение устойчивости бюджетов субъектов РФ [12]. Эти подходы подчёркивают необходимость интеграции налоговой политики в механизмы перераспределения ресурсов для снижения регионального неравенства и поддержки эффективности ФИМСО.

В условиях цифровизации социальной инфраструктуры возникает дополнительный дисбаланс, проявляющийся в том, что повышение среднего уровня финансовой инклюзии сопровождается усилением доходного неравенства в регионах с низкой цифровой грамотностью [13;14].

Таким образом, инструменты социальной защиты, в особенности денежные трансферты и социальный контракт, обладают значительным потенциалом для снижения бедности и улучшения социально-экономических исходов. Однако их результативность сильно зависит от институционального контекста, качества таргетирования и эффективности системы проверки нуждаемости, дизайна программ и устойчивости финансирования в периоды экономических шоков.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирическую основу исследования составили официальные статистические данные за 2022–2023 гг., предоставленные Росстатом и Единой государственной информационной системой социального обеспечения.

Для выявления взаимосвязей между показателями бедности, неравенства и объёмов социальных расходов применён метод корреляционно-регрессионного анализа. Основное внимание уделено оценке линейной и нелинейной зависимостей между доходным индексом Джини и уровнем бедности (абсолютной и относительной), а также между подушевыми расходами на социальную защиту и макроэкономическими характеристиками регионов.

В рамках методологического развития оценки эффективности финансовых моделей социального обеспечения предложена модифицированная методика коэффициентного анализа, соответствующая принципам БК РФ.

Коэффициент эффективности ФИМСО рассматривается как соотношение не агрегированных,

а подушевых бюджетных расходов на социальную политику и доли населения с доходами ниже границы бедности. Подушевые расходы на финансирование ФИМСО в реальном выражении соотносятся с региональным уровнем бедности в процентах от общей численности населения. В результате формируется показатель реальных подушевых расходов на 1% бедного населения — K1:

$$K1 = \frac{РПР_Ф_ФИМСО}{ДБН}, \quad (1)$$

где РПР_Ф_ФИМСО — реальные подушевые расходы на финансирование ФИМСО, рублей; ДБН — доля бедного населения в % от общей численности населения (абсолютная граница бедности).

Эффективность ФИМСО предлагается оценивать как предельный показатель, т.е. как эффект от сокращения уровня абсолютной бедности, достигнутый за счет прироста реальных подушевых расходов. Таким образом, эффективность ФИМСО определяется величиной требуемых дополнительных расходов для сокращения уровня абсолютной бедности на 1%.

Для обеспечения сопоставимости между регионами данный показатель нормируется на величину регионального прожиточного минимума, в результате чего получается «цена» сокращения уровня бедности на 1%, выраженная в региональных прожиточных минимумах — K2:

$$\left\{ \begin{array}{l} K2 = \frac{\Delta РПР_Ф_ФИМСО}{\Delta ДБН \cdot РПМ}, \\ \Delta РПР_Ф_ФИМСО \geq 0 \\ \Delta ДБН \geq 0 \end{array} \right. \quad (2)$$

где

$\Delta РПР_Ф_ФИМСО$ — абсолютное изменение (прирост) реальных подушевых расходов на финансирование ФИМСО, рублей (если величина $\Delta РПР_Ф_ФИМСО$ отрицательная, при условии сокращения уровня бедности, то следует оценить избыточность расходов на финансирование бедности в предыдущем периоде и исходить из предпосылки высокой базы финансирования ФИМСО для заданного уровня бедности, либо влияния экзогенных факторов на показатель бедности);

$\Delta ДБН$ — абсолютное изменение (сокращение) доли бедного населения в % от общей численности

населения в текущем периоде по сравнению с предыдущим, процентных пунктов, рассчитанное как разница между уровнем бедности в предыдущем году и уровнем бедности в текущем году (если уровень бедности увеличился, то изменение расходов на финансирование ФИМСО следует признать неэффективными);

РПМ — величина регионального прожиточного минимума в текущем периоде, рублей.

Поскольку $\Delta \text{РПР_Ф_ФИМСО}$ и $\Delta \text{ДБН}$ могут принимать как положительные, так и отрицательные значения, интерпретировать результаты расчета K_2 следует с учетом изменения каждого фактора, отсеивая возможные логически некорректные результаты.

Например, значительный рост уровня бедности (отрицательное значение $\Delta \text{ДБН}$) при незначительном сокращении расходов на финансирование ФИМСО (отрицательное значение $\Delta \text{РПР_Ф_ФИМСО}$) приведет к тому, что K_2 будет низким, а изменение финансирования ФИМСО следует признать эффективным, что было бы некорректным выводом. Поэтому для формулы 2 даны два соответствующих ограничения.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ УРОВНЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕДНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Анализ эффективности региональных финансово-инвестиционных моделей социального обеспечения в контексте сокращения бедности и социально-экономического неравенства требует комплексного сопоставления динамики целевых показателей с объемами финансовых ресурсов, направляемых на реализацию социальной политики. Статистические данные за 2022–2023 гг. демонстрируют, что в большинстве субъектов Российской Федерации наблюдается одновременное сокращение уровня абсолютной бедности и рост доходного неравенства, что свидетельствует о системных методологических проблемах в конструкции отечественной ФИМСО (табл. 1).

Эмпирический анализ выявил противоречивую взаимосвязь между официальным показателем бедности, определяемым по абсолютной границе (прожиточному минимуму), и уровнем доходного неравенства. Согласно данным Росстата, в субъектах РФ с более высоким уровнем доходного не-

равенства по индексу Джини фиксируется более низкий уровень абсолютной бедности (рис. 1).

Уравнение регрессии демонстрирует, что показатели абсолютной бедности обладают слабой объясняющей способностью в отношении вариации уровня доходного неравенства. Полученные данные указывают на системную аномалию, при которой сокращение уровня бедности может сопровождаться ростом доходного неравенства в регионах России.

Сравнительный анализ уровня относительной бедности выявляет значительный разрыв между Российской Федерацией и странами ОЭСР (табл. 2). Расчетный показатель бедности по абсолютной границе, используемый Росстатом, отражает скорее границу крайней нищеты, нежели долю населения с низкими доходами, которая должна быть основной мишенью социальной защиты. Переориентация политики на преодоление относительной бедности будет способствовать и сокращению уровня социально-экономического неравенства через канал бюджетных расходов.

Для дополнительной верификации этого вывода был рассчитан показатель адекватности регионального прожиточного минимума — коэффициент соотношения среднедушевых доходов и прожиточного минимума (табл. 3). Наивысшие значения данного коэффициента наблюдаются в субъектах РФ с наибольшим уровнем доходов и наименьшим уровнем официальной бедности. Полученные данные свидетельствуют о методологической неадекватности абсолютной границы бедности в высокодоходных регионах и наличии феномена скрытой бедности, сконцентрированной среди населения с доходами, незначительно превышающими установленный порог.

Яркой иллюстрацией проблемы является ситуация в Москве, где доля бедного населения по абсолютной методике в 2023 г. составила 4,4%, в то время как по показателю относительной бедности — 19,1%. Таким образом, формальное сокращение уровня бедности в условиях быстрого роста номинальных доходов и инфляции следует интерпретировать не как позитивный результат социально-экономической политики, а как следствие методологического дефекта, приводящего к снижению реального уровня социальной защиты.

Значительная часть населения, чьи доходы незначительно превышают абсолютную границу бедности, не получает адресную социальную помощь

Таблица 1 / Table 1

Динамика показателей бедности, социально-экономического неравенства и объёмов финансирования мер социальной защиты из всех видов источников за период 2022–2023 гг. / Dynamics of poverty indicators, socio-economic inequality, and funding volumes for social support measures from all sources in 2022–2023

№	Наименование субъекта РФ	Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) по субъектам Российской Федерации			Ранг субъекта РФ по уровню доходного Джини		Уровень бедности в процентах от общей численности населения			Ранг субъекта РФ по уровню бедности		Альтернативная бедность: % населения с денежными доходами ниже границы 50% медианного среднедушевого дохода			Ранг субъекта РФ по уровню бедности		Общий объем обязательств по финансированию мер социальной защиты, (в реальных ценах 2023, тыс руб./чел.)		
		2022	2023	SL	2022	2023	2022	2023	SL	2022	2023	2022	2023	SL	2022	2023	2022	2023	SL
		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1	Республика Крым	0,326	0,332	—	4	1	14,2	13,8	—	70	70	12,0	12,4	—	4	1	227,5	295,6	—
2	город Севастополь	0,324	0,333	—	2	2	9,3	8,9	—	22	25	11,8	12,5	—	2	2	102,5	109,3	—
3	Карачаево-Черкесская Республика	0,324	0,335	—	2	3	21,5	20,6	—	82	82	11,8	12,7	—	3	3	154,5	162,7	—
4	Республика Ингушетия	0,34	0,34	—	11	4	26,8	27,7	—	84	84	13,1	13,0	—	12	5	42,2	91,3	—
5	Владимирская область	0,335	0,343	—	7	5	9,8	9,3	—	27	29	12,7	13,3	—	8	6	100,4	106,8	—
6	Еврейская автономная область	0,329	0,343	—	5	5	18,3	17	—	79	78	12,2	13,3	—	6	8	99,6	110,4	—
7	Республика Калмыкия	0,315	0,343	—	1	5	20,6	17,8	—	81	81	11,1	13,3	—	1	7	100,0	103,7	—
8	Республика Хакасия	0,333	0,345	—	6	8	16,9	15,8	—	76	76	12,5	13,5	—	7	9	36,6	93,2	—
9	Ставропольский край	0,342	0,346	—	12	9	11,2	11	—	50	52	13,3	13,5	—	13	10	116,6	121,6	—
10	Калужская область	0,338	0,347	—	9	10	7,5	7,1	—	14	13	12,9	13,6	—	10	11	93,8	105,1	—
11	Тверская область	0,335	0,349	—	7	11	9,3	8,6	—	22	21	12,7	13,7	—	9	12	12,7	14,1	—
12	Волгоградская область	0,346	0,352	—	16	12	9,4	9,1	—	24	28	13,6	14,0	—	20	13	26,4	19,0	—
13	Удмуртская Республика	0,339	0,352	—	10	12	9,4	8,7	—	24	22	13,0	14,0	—	11	14	98,8	104,5	—
14	Ленинградская область	0,345	0,353	—	15	14	7	6,4	—	10	8	13,4	14,0	—	16	15	100,9	107,5	—
15	Калининградская область	0,343	0,354	—	13	15	10,8	10,2	—	43	43	13,3	14,2	—	14	17	102,6	110,7	—
16	Республика Марий Эл	0,346	0,354	—	16	15	15,4	14,3	—	73	74	13,5	14,2	—	17	16	77,6	87,3	—
17	Кировская область	0,351	0,355	—	27	17	10,6	10,4	—	38	47	13,9	14,2	—	28	18	87,1	90,1	—
18	Новгородская область	0,344	0,356	—	14	18	11,6	10,8	—	52	51	13,4	14,3	—	15	19	71,2	95,4	—
19	Мурманская область	0,346	0,358	—	16	19	7	6,5	—	10	9	13,5	14,4	—	18	21	206,3	154,8	—
20	Ульяновская область	0,348	0,358	—	21	19	12,4	11,7	—	60	59	13,7	14,4	—	22	20	84,7	95,8	—
21	Астраханская область	0,352	0,359	—	28	21	12,5	12	—	61	61	14,0	14,5	—	29	22	97,1	106,2	—
22	Вологодская область	0,346	0,359	—	16	21	10,5	9,7	—	37	36	13,5	14,5	—	19	23	116,2	121,3	—
23	Челябинская область	0,349	0,36	—	23	23	10,6	10	—	38	41	13,8	14,6	—	26	24	138,0	147,5	—
24	Костромская область	0,347	0,361	—	20	24	9,5	8,7	—	26	22	13,6	14,6	—	21	25	38,0	90,6	—
25	Томская область	0,356	0,361	—	33	24	11,6	11,1	—	52	54	14,3	14,7	—	35	26	109,5	118,3	—
26	Тульская область	0,349	0,362	—	23	26	9,1	8,4	—	20	20	13,8	14,7	—	24	27	69,5	113,1	—
27	Республика Карелия	0,35	0,364	—	26	27	11,1	10,2	—	48	43	13,9	14,9	—	27	28	105,2	109,7	—
28	Ивановская область	0,355	0,365	—	30	28	10,2	9,5	—	31	31	14,2	15,0	—	32	30	112,1	312,7	—
29	Кемеровская область	0,349	0,365	—	23	28	10,8	9,8	—	43	37	13,8	14,9	—	24	29	114,4	122,8	—
30	Тамбовская область	0,356	0,366	—	33	30	10,3	9,8	—	34	37	14,3	15,1	—	34	33	130,7	143,2	—
31	Хабаровский край	0,361	0,366	—	38	30	9,8	9	—	27	26	14,7	15,1	—	39	32	87,4	193,4	—
32	Чувашская Республика - Чувашия	0,348	0,366	—	21	30	13,9	12	—	66	61	13,7	15,0	—	23	31	168,9	208,1	—
33	Республика Мордовия	0,357	0,367	—	35	33	14,1	13,2	—	69	67	14,3	15,1	—	36	35	95,2	100,9	—
34	Рязанская область	0,362	0,367	—	39	33	10,9	10,5	—	45	48	14,7	15,1	—	40	34	40,4	109,9	—
35	Пензенская область	0,355	0,368	—	30	35	10,7	9,9	—	42	40	14,2	15,2	—	33	37	93,2	99,9	—
36	Республика Северная Осетия	0,355	0,368	—	30	35	12,3	11,4	—	57	58	14,2	15,1	—	31	36	43,2	101,8	—
37	Курганская область	0,354	0,369	—	29	37	15,5	13,8	—	74	70	14,1	15,3	—	30	39	104,2	106,8	—
38	Саратовская область	0,363	0,369	—	40	37	12,9	12,3	—	63	64	14,8	15,3	—	41	38	73,5	114,0	—
39	Курская область	0,364	0,37	—	43	39	7,7	7,4	—	16	15	14,9	15,3	—	44	40	95,2	97,6	—
40	Брянская область	0,368	0,371	—	47	40	11,4	11,2	—	51	56	15,2	15,4	—	50	42	101,5	106,9	—

Окончание таблицы 1 / Table 1 (continued)

№	Наименование субъекта РФ	Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) по субъектам Российской Федерации			Ранг субъекта РФ по уровню доходного Джини		Уровень бедности в процентах от общей численности населения			Ранг субъекта РФ по уровню бедности		Альтернативная бедность: % населения с денежными доходами ниже границы 50% медианного среднедушевого дохода			Ранг субъекта РФ по уровню бедности		Общий объем обязательств по финансированию мер социальной защиты, (в реальных ценах 2023, тыс руб./чел.)		
		2022	2023	SL	2022	2023	2022	2023	SL	2022	2023	2022	2023	SL	2022	2023	2022	2023	SL
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
41	Псковская область	0,358	0,371	—	36	40	13,1	12,1	—	64	63	14,5	15,4	—	37	41	98,5	106,1	—
42	Московская область	0,36	0,372	—	37	42	6	5,5	—	5	5	14,6	15,4	—	38	43	93,7	101,1	—
43	Забайкальский край	0,366	0,373	—	45	43	15,8	15,4	—	75	75	15,1	15,5	—	47	44	73,6	76,1	—
44	Иркутская область	0,364	0,374	—	43	44	13,9	13,2	—	66	67	14,9	15,6	—	45	46	48,1	104,3	—
45	Республика Бурятия	0,368	0,374	—	47	44	17,7	17,3	—	77	79	15,2	15,6	—	49	45	112,8	134,6	—
46	Самарская область	0,369	0,376	—	50	46	10,6	10,2	—	38	43	15,2	15,8	—	51	47	118,9	119,8	—
47	Ярославская область	0,363	0,376	—	40	46	8,1	7,4	—	17	15	14,8	15,8	—	43	48	78,7	90,1	—
48	Оренбургская область	0,368	0,377	—	47	48	11,6	11	—	52	52	15,2	15,8	—	48	49	91,2	103,4	—
49	Алтайский край	0,371	0,378	—	52	49	13,8	13,3	—	65	69	15,4	15,9	—	53	50	90,6	95,4	—
50	Белгородская область	0,37	0,379	—	51	50	6	5,6	—	5	6	15,3	16,0	—	52	53	164,9	172,7	—
51	Липецкая область	0,372	0,379	—	53	50	7	6,7	—	10	11	15,5	15,9	—	55	52	149,2	162,8	—
52	Приморский край	0,376	0,379	—	58	50	10,3	10	—	34	41	15,8	15,9	—	59	51	93,6	98,3	—
53	Республика Алтай	0,363	0,38	—	40	53	18	16,2	—	78	77	14,8	16,0	—	42	54	89,5	97,2	—
54	Кабардино-Балкарская Республика	0,373	0,382	—	56	54	14,8	14,2	—	71	73	15,5	16,1	—	57	55	88,8	95,3	—
55	Республика Башкортостан	0,377	0,384	—	59	55	10	9,5	—	29	31	15,8	16,3	—	60	56	90,4	94,8	—
56	Омская область	0,378	0,386	—	60	56	11,1	10,6	—	48	49	15,9	16,5	—	61	57	51,0	101,1	—
57	Архангельская область	0,381	0,387	—	63	57	10	9	—	29	26	16,1	16,5	—	64	59	81,9	116,1	—
58	Республика Дагестан	0,387	0,387	—	67	57	12,7	12,8	—	62	66	16,5	16,5	—	69	58	97,7	102,5	—
59	Орловская область	0,366	0,388	—	45	59	10,9	9,5	—	45	31	15,0	16,6	—	46	61	84,8	141,1	—
60	Республика Коми	0,382	0,388	—	64	59	11,7	11,2	—	55	56	16,2	16,6	—	65	62	41,6	91,6	—
61	Республика Тыва	0,372	0,388	—	53	59	25,9	23,5	—	83	83	15,4	16,6	—	54	60	40,8	102,2	—
62	Республика Татарстан	0,378	0,39	—	60	62	5	4,6	—	3	3	15,9	16,7	—	62	63	94,6	101,4	—
63	Камчатский край	0,387	0,391	—	67	63	10,9	10,2	—	45	43	16,5	16,8	—	68	64	102,3	102,9	—
64	Пермский край	0,379	0,391	—	62	63	10,6	9,8	—	38	37	16,0	16,8	—	63	66	76,1	143,6	—
65	Чеченская Республика	0,374	0,391	—	57	63	19,1	17,4	—	80	80	15,6	16,8	—	58	64	102,1	109,1	—
66	Новосибирская область	0,383	0,392	—	65	66	10,2	9,4	—	31	30	16,3	16,9	—	66	67	73,1	101,1	—
67	Смоленская область	0,372	0,393	—	53	67	12,3	10,7	—	57	50	15,5	17,0	—	56	68	79,4	86,8	—
68	Воронежская область	0,39	0,396	—	70	68	6,9	6,7	—	9	11	16,8	17,1	—	71	69	94,4	99,5	—
69	Красноярский край	0,383	0,398	—	65	69	14	12,7	—	68	65	16,3	17,3	—	67	70	95,1	100,5	—
70	Ростовская область	0,389	0,398	—	69	69	10,2	9,6	—	31	35	16,7	17,3	—	70	70	99,8	107,6	—
71	Нижегородская область	0,393	0,401	—	71	71	7,5	7,2	—	14	14	16,9	17,5	—	72	72	109,7	115,9	—
72	Амурская область	0,401	0,403	—	75	72	11,9	11,8	—	56	60	17,5	17,6	—	77	73	108,8	124,8	—
73	Город Санкт-Петербург	0,401	0,407	—	75	74	4,6	4,4	—	1	1	17,5	17,9	—	76	75	38,8	103,1	—
74	Свердловская область	0,398	0,407	—	73	74	8,1	7,6	—	17	17	17,3	17,9	—	75	76	103,8	107,4	—
75	Магаданская область	0,409	0,412	—	80	76	6,7	6,5	—	8	9	18,0	18,2	—	81	78	61,3	134,4	—
76	Республика Адыгея	0,397	0,412	—	72	76	12,3	11,1	—	57	54	17,2	18,2	—	73	77	45,7	105,8	—
77	Краснодарский край	0,406	0,414	—	77	78	9,2	8,7	—	21	22	17,8	18,3	—	78	80	57,1	130,5	—
78	Сахалинская область	0,408	0,414	—	79	78	6,3	6	—	7	7	17,9	18,3	—	80	79	94,8	107,8	—
79	Республики Саха (Якутия)	0,406	0,417	—	77	80	15,2	14	—	72	72	17,8	18,5	—	79	81	167,7	196,4	—
80	Город Москва	0,416	0,426	—	81	81	4,8	4,4	—	2	1	18,5	19,1	—	82	82	40,6	112,9	—
81	Тюменская область	0,431	0,442	—	82	82	10,3	9,5	—	34	31	19,4	20,1	—	83	84	39,2	43,5	—
82	Чукотский автономный округ	0,438	0,442	—	83	82	5,2	4,6	—	4	3	19,9	20,1	—	84	83	70,4	67,1	—
83	Российская Федерация	0,398	0,405	—	73	73	9	8,3	—	19	19	17,3	17,8	—	74	74	111,8	115,1	—

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the author based on the research materials.

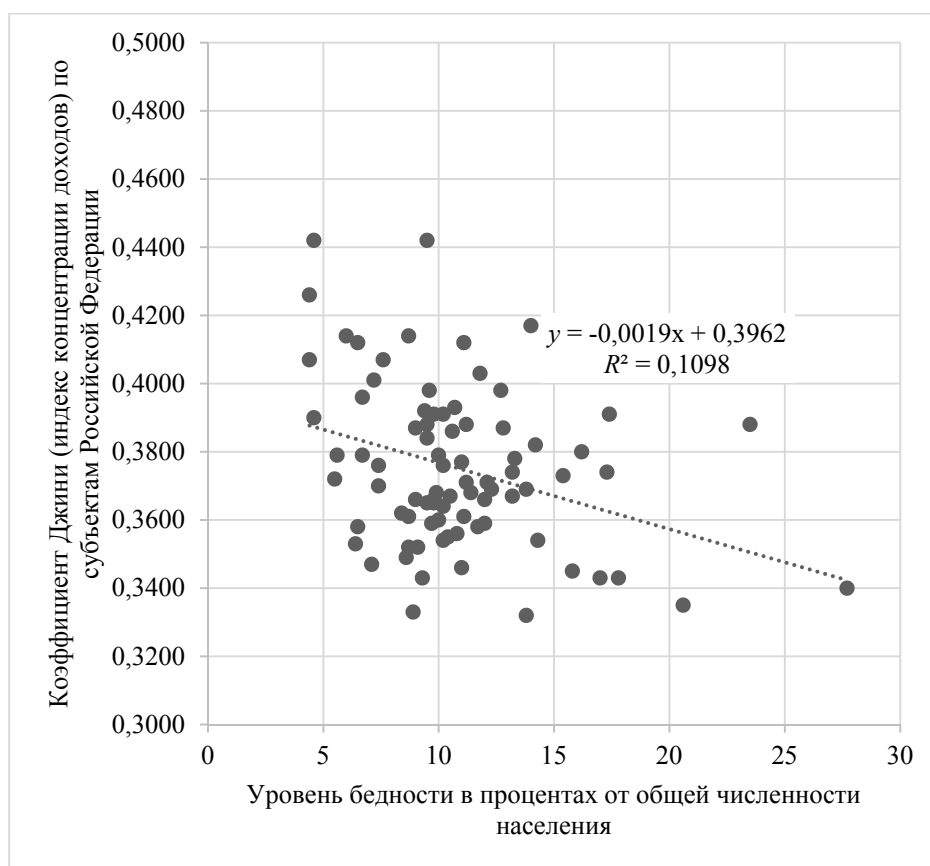

Рис. 1 / Fig. 1. Зависимость доходного неравенства по индексу Джини от абсолютного уровня бедности в субъектах России, 2023 г. / Dependence of income inequality by the Gini index on the absolute poverty level in the subjects of Russia, 2023

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the author based on the research materials.

в рамках действующей ФИМСО. Это формирует институциональную ловушку бедности, провоцируя иждивенческие настроения и снижая эффективность инструментов социальной адаптации. По данным Счетной палаты РФ, эффективность социального контракта не превышает 25%. Сложившаяся ситуация, отрицательно влияющая на коэффициент замещения утраченного заработка, негативно сказывается и на устойчивости пенсионной системы.

Действующая конфигурация ФИМСО не способствует преодолению внутрирегионального доходного неравенства, будучи ориентированной на выравнивание минимальных доходов в целом по стране. Политика межбюджетного выравнивания приводит к тому, что низкодоходные граждане в богатых регионах получают относительно меньший объем поддержки по сравнению с аналогичными группами в депрессивных регионах.

В таких субъектах, как Москва и Санкт-Петербург, с заниженной абсолютной границей бедности, значительная доля граждан с доходами выше прожиточного минимума не проходит проверку нуждемости, несмотря на высокую стоимость жизни.

Действующая прогрессивная шкала налогообложения доходов физических лиц приводит к тому, что более высокому уровню доходного неравенства в регионе соответствуют большие объемы поступлений НДФЛ по повышенной ставке в федеральный бюджет (рис. 2). Это создает системный парадокс, когда финансовые ресурсы, мобилизуемые с граждан высокодоходного региона, включая тех, кто находится в зоне скрытой бедности, перераспределяются в пользу других территорий.

Анализ нагрузки на бюджетную систему от финансирования ФИМСО в расчете на душу населения показывает, что в среднем по России объемы

поступлений от НДФЛ и страховых взносов на обязательное социальное страхование и обязательств по социальной защите примерно равны. Однако на региональном уровне наблюдается значительная вариация. Примерно в 77% субъектов РФ подушевая нагрузка по финансированию социального обеспечения превышает объем подушевых поступлений.

Нагрузка на региональные бюджеты от социальных обязательств усугубляется текущей конфигурацией налоговых инструментов. В частности, налоговые механизмы влияния на развитие рынка финансовых услуг могут способствовать росту доходной базы регионов, но в условиях высокой концентрации финансовых потоков в федеральном центре их эффект на локальные ФИМСО ограничен [15]. Кроме того, проблемы фиксации расчётов и уклонения от налогообложения в розничной торговле снижают потенциальные поступления в бюджеты субъектов, что напрямую сказывается на финансировании мер социальной защиты и усиливает региональную дифференциацию [16;17].

Анализ также выявил, что большему объему обязательств по социальной поддержке на душу населения соответствует меньшая доля финансирования из федерального бюджета (рис. 3). Это свидетельствует о том, что регионы с развитой экономикой и высокими доходами в большей степени самостоятельно финансируют социальные обязательства.

Снижение эффективности российской ФИМСО в 2022–2024 гг. обусловлено комплексом макроэкономических шоков. Изменение приоритетов бюджетных расходов, выразившееся в их перераспределении в пользу оборонного сектора, привело к относительному сокращению финансирования социальной сферы. Мощный фискальный импульс 2022–2024 гг., структурные изменения на рынке труда, рост денежной массы и интеграция новых территорий с более высокой демографической нагрузкой создали комплекс вызовов для системы социального обеспечения (рис. 4).

На момент проведения исследования наблюдается выраженное снижение эффективности российской ФИМСО по широкому спектру показателей. Сравнительный анализ показывает, что ряд стран НАТО, столкнувшись с необходимостью перераспределения бюджетных расходов, также вынуждены реформировать свои системы соци-

Таблица 2 / Table 2

Уровень бедности населения по показателю 50% медианы среднедушевого дохода в некоторых странах ОЭСР, а также России, за период 2019–2021 гг. / Poverty rate of the population based on the 50% of median per capita income indicator in some OECD countries, as well as Russia, for the period 2019–2021

№	Страна	2019	2020	2021
1	Чешская Республика	5,6	5,3	6,4
2	Финляндия	6,4	5,7	6,7
3	Словения	7,4	7,0	7,7
4	Канада	8,1	7,3	7,8
5	Франция	н/д	7,7	8,5
6	Ирландия	8,1	7,7	9,7
7	Нидерланды	8,0	8,2	8,5
8	Норвегия	8,4	8,4	7,9
9	Чили	11,5	8,6	10,5
10	Венгрия	9,2	8,7	6,7
11	Швеция	9,1	8,8	9,2
12	Польша	9,4	9,1	8,8
13	Словацкая Республика	7,8	9,4	7,9
14	Бельгия	10,0	9,6	9,8
15	Люксембург	10,5	9,8	9,6
16	Великобритания	12,4	11,2	11,7
17	Германия	10,9	11,6	н/д
18	Португалия	10,6	12,8	9,9
19	Греция	11,5	13,0	11,7
20	Италия	13,6	13,5	12,8
21	Литва	15,4	14,1	13,6
22	Корея	16,3	15,3	15,1
23	Испания	14,7	15,4	14,4
24	Эстония	14,9	15,8	16,5
25	Соединенные Штаты Америки	18,0	16,4	15,1
26	Латвия	16,2	16,9	16,0
27	Израиль	17,3	16,9	н/д
28	Российская Федерация	18,2	17,8	18,0
29	Коста-Рика	19,9	20,5	20,3
30	Минимум	5,6	5,3	6,4
31	Медиана	10,8	9,8	9,8
32	Среднее	11,8	11,5	11,1
33	Максимум	19,9	20,5	20,3

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the author based on the research materials.

Таблица 3 / Table 3

Расчетные значения «адекватности» и уровня дифференциации показателя регионального прожиточного минимума в России / Calculated values of "adequacy" and the level of differentiation of the regional subsistence minimum indicator in Russia

№	Субъект	Денежные доходы в расчете на душу населения, тыс. руб. в месяц		Региональный прожиточный минимум, тыс. руб.		Денежные доходы в расчете на душу населения, рублей в месяц в реальных ценах 2023 / ПМ			Ранг субъекта РФ по столбцам 6 и 7	
		2022	2023	2022	2023	2022	2023	SL	2022	2023
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Алтайский край	32,9	36,4	11,8	12,8	2,78	2,85	■	54	55
2	Амурская область	49,8	54,1	15,4	17,0	3,23	3,17	■	20	29
3	Архангельская область	52,1	59,0	19,8	21,7	2,62	2,71	■	63	65
4	Астраханская область	33,1	36,6	12,9	13,9	2,57	2,62	■	65	66
5	Белгородская область	41,9	47,3	11,2	12,1	3,75	3,91	■	9	8
6	Брянская область	37,4	40,9	12,5	13,6	2,99	3,02	■	34	42
7	Владимирская область	34,7	38,6	12,9	13,9	2,69	2,77	■	57	59
8	Волгоградская область	32,7	35,6	11,4	12,4	2,86	2,88	■	45	53
9	Вологодская область	37,2	42,7	13,4	14,5	2,77	2,94	■	55	49
10	Воронежская область	41,2	45,1	11,3	12,4	3,64	3,65	■	13	14
11	Город Санкт-Петербург	65,4	72,0	13,8	15,1	4,73	4,77	■	2	2
12	Еврейская автономная область	37,8	43,5	17,9	19,4	2,11	2,24	■	78	78
13	Забайкальский край	38,6	42,8	15,5	16,8	2,48	2,54	■	68	71
14	Ивановская область	36,5	41,1	12,2	13,4	2,99	3,07	■	35	36
15	Иркутская область	37,5	42,5	14,1	15,2	2,66	2,79	■	61	58
16	Кабардино-Балкарская Республика	34,8	38,9	14,2	15,4	2,44	2,53	■	69	72
17	Калининградская область	38,3	43,5	13,7	14,8	2,80	2,94	■	52	50
18	Калужская область	39,4	44,6	12,8	13,8	3,09	3,23	■	29	24
19	Камчатский край	77,5	87,1	24,1	26,4	3,22	3,30	■	21	21
20	Карачаево-Черкесская Республика	23,0	25,6	12,1	13,2	1,91	1,94	■	80	81
21	Кемеровская область	34,0	39,4	12,1	13,1	2,81	3,01	■	51	44
22	Кировская область	35,2	38,3	11,8	12,8	2,97	2,99	■	37	45
23	Костромская область	37,3	43,7	12,3	13,3	3,04	3,29	■	33	22
24	Краснодарский край	48,7	54,6	12,8	13,8	3,82	3,96	■	8	7
25	Красноярский край	43,2	50,4	14,7	16,0	2,93	3,16	■	40	32
26	Курганская область	29,8	34,8	12,5	13,5	2,39	2,58	■	73	69
27	Курская область	39,4	43,7	11,6	12,5	3,41	3,50	■	15	15
28	Ленинградская область	40,8	46,0	13,4	14,8	3,04	3,11	■	32	34
29	Липецкая область	41,2	45,5	11,0	11,9	3,73	3,81	■	10	9
30	Магаданская область	102,0	111,2	23,1	25,0	4,41	4,44	■	4	4
31	Московская область	55,7	64,9	15,5	17,3	3,60	3,75	■	14	12
32	Мурманская область	65,7	75,8	21,2	23,5	3,09	3,23	■	28	25
33	Нижегородская область	45,6	50,6	12,5	13,5	3,65	3,74	■	12	13
34	Новгородская область	34,2	38,9	13,0	14,1	2,63	2,76	■	62	61
35	Новосибирская область	44,4	49,9	13,4	14,7	3,31	3,39	■	17	19
36	Омская область	36,9	40,8	11,9	13,2	3,11	3,09	■	27	35
37	Оренбургская область	33,0	36,8	11,6	12,5	2,85	2,94	■	47	51
38	Орловская область	35,9	43,7	12,4	13,4	2,91	3,27	■	41	23
39	Пензенская область	32,1	36,4	11,2	12,1	2,87	3,02	■	43	43
40	Пермский край	39,8	45,6	12,2	13,2	3,25	3,45	■	19	18

Окончание таблицы 3 / Table 3 (continued)

№	Субъект	Денежные доходы в расчете на душу населения, тыс. руб. в месяц		Региональный прожиточный минимум, тыс. руб.		Денежные доходы в расчете на душу населения, рублей в месяц в реальных ценах 2023 / ПИМ			Ранг субъекта РФ по столбцам 6 и 7	
		2022	2023	2022	2023	2022	2023	SL	2022	2023
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
41	Приморский край	49,9	54,5	15,8	17,1	3,16	3,19	■	23	27
42	Псковская область	35,0	39,9	13,2	14,2	2,66	2,80	■	60	56
43	Республика Адыгея	36,6	42,7	11,4	12,4	3,21	3,45	■	22	17
44	Республика Алтай	29,6	34,8	12,5	13,5	2,37	2,58	■	74	68
45	Республика Башкортостан	36,5	40,0	11,6	12,7	3,15	3,16	■	24	30
46	Республика Бурятия	35,2	38,4	14,5	15,7	2,43	2,45	■	71	75
47	Республика Дагестан	37,6	39,7	12,1	13,1	3,11	3,03	■	26	40
48	Республика Ингушетия	23,0	24,4	12,5	13,5	1,85	1,81	■	81	82
49	Республика Калмыкия	23,8	28,6	12,4	13,7	1,92	2,10	■	79	79
50	Республика Карелия	46,0	53,1	15,9	17,9	2,90	2,97	■	42	47
51	Республика Коми	50,8	56,2	16,1	17,5	3,15	3,22	■	25	26
52	Республика Крым	29,8	32,9	12,9	13,9	2,31	2,36	■	76	77
53	Республика Марий Эл	27,3	31,0	11,7	12,7	2,33	2,45	■	75	74
54	Республика Мордовия	27,4	30,6	11,3	12,2	2,43	2,51	■	70	73
55	Республика Северная Осетия — Алания	30,8	35,3	12,0	12,9	2,57	2,73	■	64	64
56	Республика Татарстан	45,9	52,5	11,3	12,2	4,07	4,30	■	6	6
57	Республика Тыва	24,5	28,9	13,4	14,5	1,82	1,99	■	82	80
58	Республика Хакасия	31,1	35,0	13,6	14,7	2,29	2,39	■	77	76
59	Республики Саха (Якутия)	59,0	69,0	20,1	21,7	2,94	3,18	■	39	28
60	Ростовская область	41,4	46,8	12,5	13,5	3,31	3,47	■	16	16
61	Рязанская область	36,4	39,9	11,8	12,8	3,08	3,12	■	30	33
62	Самарская область	38,4	42,7	12,5	13,5	3,08	3,16	■	31	31
63	Саратовская область	30,3	33,3	11,2	12,1	2,71	2,76	■	56	60
64	Сахалинская область	79,3	87,9	18,1	19,6	4,39	4,50	■	5	3
65	Свердловская область	47,1	53,4	12,9	14,1	3,66	3,79	■	11	10
66	Смоленская область	35,7	42,7	12,8	13,9	2,80	3,06	■	53	38
67	Ставропольский край	30,1	32,9	12,0	12,9	2,52	2,55	■	67	70
68	Тамбовская область	34,8	39,2	11,7	12,8	2,98	3,07	■	36	37
69	Тверская область	36,3	41,3	12,8	13,9	2,84	2,96	■	48	48
70	Томская область	38,0	41,6	13,4	14,5	2,84	2,88	■	49	54
71	Тульская область	37,1	42,4	13,0	14,2	2,85	2,98	■	46	46
72	Тюменская область	62,2	69,3	15,6	18,3	3,98	3,79	■	7	11
73	Удмуртская Республика	33,8	38,9	11,8	12,8	2,86	3,04	■	44	39
74	Ульяновская область	31,7	35,8	11,8	12,8	2,68	2,80	■	59	57
75	Хабаровский край	52,7	58,1	17,7	19,2	2,97	3,03	■	38	41
76	Челябинская область	35,3	39,7	12,5	13,7	2,83	2,89	■	50	52
77	Чеченская Республика	30,8	35,9	12,8	13,8	2,41	2,60	■	72	67
78	Чувашская Республика (Чувашия)	28,7	34,1	11,3	12,4	2,54	2,76	■	66	62
79	Чукотский автономный округ	138,2	157,0	30,3	35,9	4,56	4,37	■	3	5
80	Ярославская область	40,7	46,7	12,5	13,8	3,26	3,38	■	18	20
81	Город Москва	102,0	117,1	19,6	21,7	5,19	5,39	■	1	1
82	Город Севастополь	35,7	40,0	13,3	14,5	2,69	2,75	■	58	63
83	Российская Федерация	47,4	53,6	13,3	14,4	3,57	3,73	■		
84	Минимум	23,0	24,4	11,0	11,9	1,82	1,81	■	—	
85	Медиана	37,2	42,4	12,8	13,8	2,90	3,02	■		
86	Среднее	42,1	47,5	13,8	15,1	3,00	3,10	■		
87	Максимум	138,2	157,0	30,3	35,9	5,19	5,39	■		
88	Максимум / Минимум	6,00	6,43	2,75	3,01	2,85	2,98	■		

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the author based on the research materials.

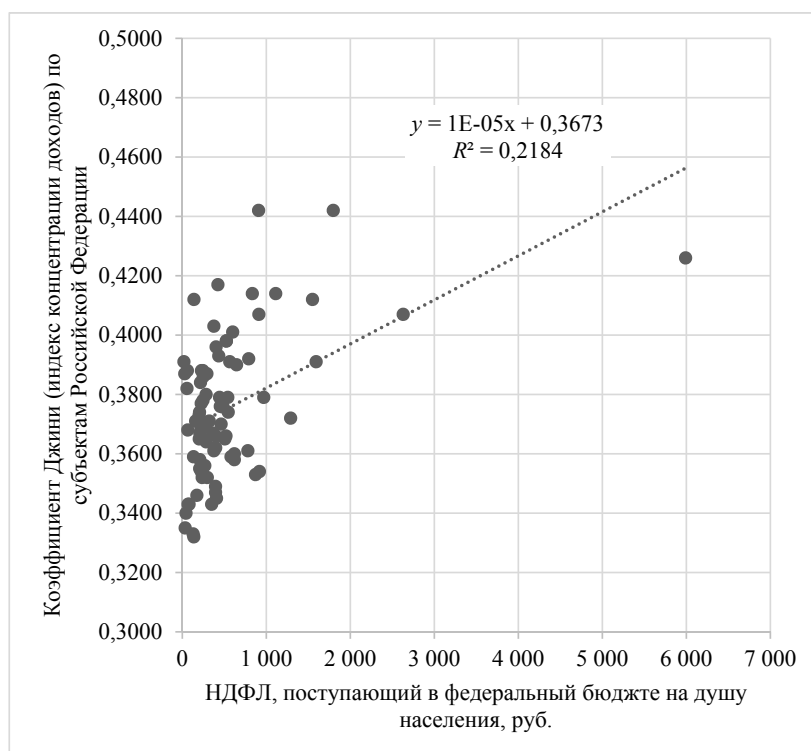

Рис. 2 / Fig. 2. Зависимость доходного коэффициента Джини от уровня поступлений в федеральный бюджет в расчете на душу населения региона, 2023 г. / Dependence of the Gini income coefficient on the level of federal budget revenues per capita of the region, 2023

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the author based on the research materials.

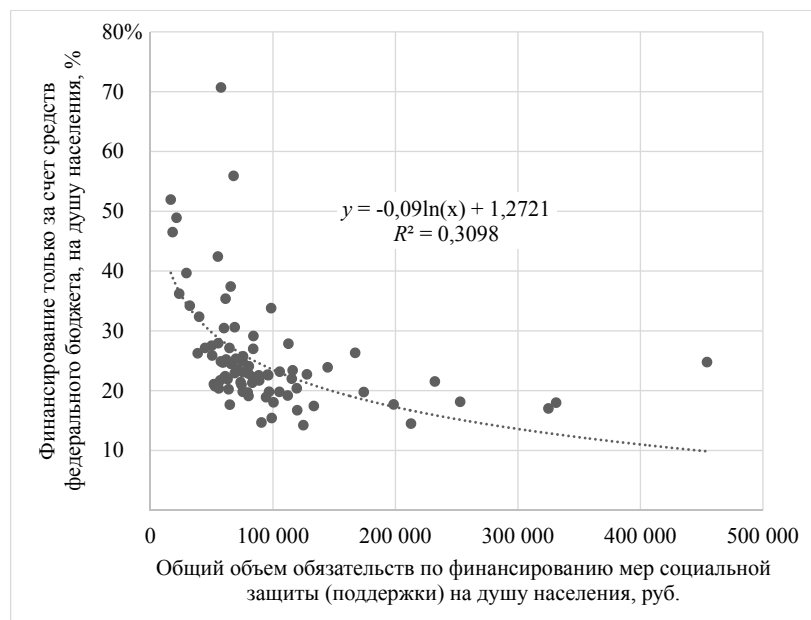

Рис. 3 / Fig. 3. Доля финансирования регионального ФИМСО из средств федерального бюджета в зависимости от общего объема финансирования мер социальной поддержки / Share of financing of the regional FIMSO from the federal budget depending on the total volume of financing of social support measures

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled the author based on the research materials.

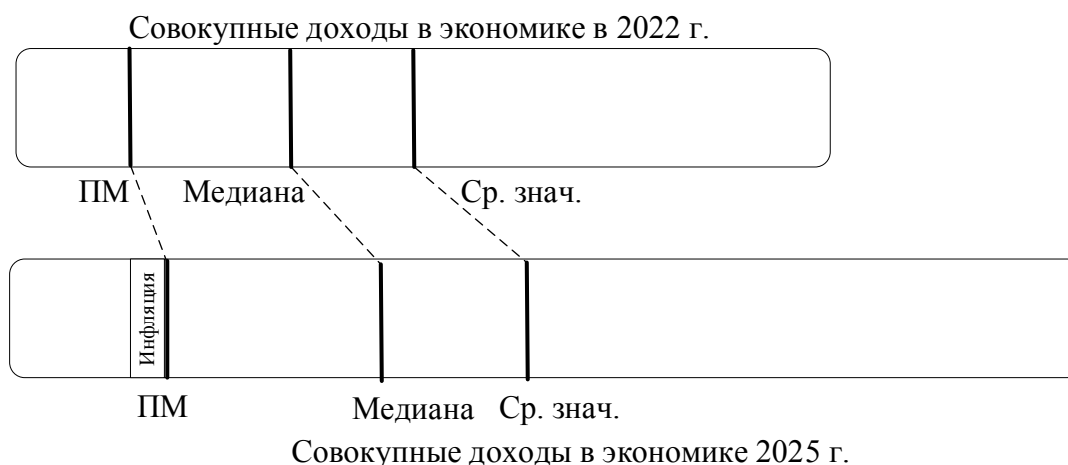

Рис. 4 / Fig. 4. Иллюстрация принципа автоматической стабилизации российской ФИМСО к макроэкономическим шокам: изменение ПМ, медианы и среднедушевого дохода / Illustration of the principle of automatic stabilization of the Russian FIMSO to macroeconomic shocks: changes in the subsistence minimum, median, and per capita income

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the based on the research materials.

альной поддержки в сторону большей адресности. Основным риском для российской ФИМСО является дальнейшая эскалация геополитической напряженности, способная привести к консервации выявленных негативных тенденций.

КОЭФФИЦИЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИМСО НА ОСНОВЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Расчет коэффициентов эффективности региональных ФИМСО по формулам 1 и 2 за 2022–2023 гг. представлен в табл. 4. Согласно расчетам, наиболее эффективными являются регионы России, которые тратят наименьший объем финансовых ресурсов на сокращение уровня бедности на 1%. Анализ описательной статистики показывает, что эффективность ФИМСО в значительной части субъектов РФ ниже среднероссийского уровня.

Установлено, что ориентация системы на абсолютную границу бедности искажает оценку нуждаемости в условиях макроэкономических шоков. Полученные результаты обуславливают необходимость совершенствования методологии измерения бедности и корректировки механизмов индексации социальной поддержки. В условиях макроэкономической нестабильности ФИМСО в её текущем виде не позволяет эффективно сдерживать рост социально-экономического неравенства.

Более комплексная оценка и мониторинг эффективности ФИМСО возможны при наличии соответствующих данных. В настоящее время возможно только обозначить желаемые контуры раскрытия информации для разработки соответствующей методологии и проведения расчетов.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование выявило системное противоречие в функционировании региональных финансово-инвестиционных моделей государственного и негосударственного социального обеспечения (ФИМСО) Российской Федерации в период 2022–2023 гг. Формальное снижение уровня абсолютной бедности сопровождается устойчивым ростом доходного неравенства, измеряемого индексом Джини. Эмпирический анализ на основе данных Росстата и ЕГИССО подтверждает, что существующая методология определения бедности на основе абсолютной границы может не отражать реального масштаба социально-экономической уязвимости населения, особенно в регионах России с высоким уровнем номинальных доходов и инфляции. В этих условиях значительная доля домохозяйств, имеющих доходы незначительно выше прожиточного минимума, остаётся вне зоны охвата адресной социальной поддержки, что формирует феномен «скрытой бедности».

Таблица 4 / Table 4

Результаты оценки эффективности региональных ФИМСО / Results of evaluating the effectiveness of regional FIMSO

№	Наименование субъекта РФ	K1 по бедности на основании потребления на 1% бедного населения		K1 по бедности на основании 50% медианы среднедушевого дохода, на 1% бедного населения		Прирост общего объема обязательств по финансированию мер социальной защиты (поддержки), в реальных ценах 2023	Прирост объемов реального подушевого финансирования, %	Прирост уровня бедности по ПМ, пп	K2 (Эффективность ФИМСО или цена снижения уровня бедности на 1%)		K2 в региональных ПМ		Прирост коэффициента Джини	Прирост коэффициента Фондов	Прирост уровня бедности по 50% медианы среднедушевого дохода, пп
		тыс. руб.	ранг	тыс. руб.	ранг	тыс. руб./ чел.	%	пп	тыс. руб.	ранг	руб/руб	ранг	ед	ед	пп
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	Саратовская область	2,711	14	2,183	8	0,65	0,6%	-0,6	1,08	1	0,09	1	0,006	0,60	0,50
2	Республика Калмыкия	1,609	4	2,147	6	4,76	5,2%	-2,8	1,70	2	0,12	2	0,028	1,70	2,24
3	Республика Бурятия	2,220	9	2,467	21	0,92	0,8%	-0,4	2,30	4	0,15	3	0,006	0,50	0,40
4	Республика Адыгея	3,845	33	2,346	15	2,50	3,4%	-1,2	2,09	3	0,17	4	0,015	1,60	1,01
5	Пензенская область	3,680	29	2,401	17	2,40	2,5%	-0,8	3,00	5	0,25	5	0,013	0,90	0,93
6	Республика Хакасия	2,215	8	2,599	28	4,79	4,9%	-1,1	4,36	7	0,30	6	0,012	0,80	0,96
7	Калининградская область	4,269	44	3,073	63	2,98	3,4%	-0,6	4,96	10	0,34	8	0,011	0,80	0,85
8	Оренбургская область	3,341	26	2,319	13	2,56	2,5%	-0,6	4,27	6	0,34	9	0,009	0,80	0,69
9	Архангельская область	6,552	67	3,567	73	8,25	5,3%	-1	8,25	22	0,38	10	0,006	0,60	0,42
10	Республика Северная Осетия - Алания	3,094	22	2,329	14	4,45	4,9%	-0,9	4,94	9	0,38	11	0,013	1,00	0,96
11	Ульяновская область	3,058	21	2,484	23	3,64	3,5%	-0,7	5,20	11	0,41	12	0,01	0,60	0,72
12	Красноярский край	3,967	36	2,917	52	8,80	8,0%	-1,3	6,77	13	0,42	13	0,015	1,40	1,01
13	Вологодская область	4,403	46	2,936	53	5,06	4,3%	-0,8	6,32	12	0,44	14	0,013	1,00	1,00
14	Город Санкт-Петербург	16,372	80	4,029	76	1,40	11,0%	-0,2	7,00	17	0,46	15	0,006	0,70	0,42
15	Республика Карелия	5,203	58	3,560	72	7,80	4,7%	-0,9	8,66	24	0,48	16	0,014	1,10	1,03
16	Город Москва	26,614	82	6,128	82	4,38	11,2%	-0,4	10,96	29	0,50	17	0,01	1,10	0,61
17	Исковская область	3,297	25	2,595	27	7,36	7,9%	-1	7,36	19	0,52	18	0,013	1,00	0,91
18	Пермский край	4,657	51	2,716	39	5,48	5,4%	-0,8	6,85	15	0,52	19	0,012	1,10	0,81
19	Владимирская область	4,156	41	2,906	51	3,71	3,7%	-0,5	7,41	20	0,53	20	0,008	0,50	0,62
20	Республика Марий Эл	2,169	7	2,189	9	7,64	8,5%	-1,1	6,95	16	0,55	21	0,008	0,60	0,64
21	Тверская область	4,799	52	3,003	60	5,37	5,6%	-0,7	7,68	21	0,55	22	0,014	0,90	1,06
22	Чувашская Республика - Чувашия	2,844	18	2,270	10	13,00	13,7%	-1,9	6,84	14	0,55	23	0,018	1,30	1,35
23	Новосибирская область	5,312	59	2,957	54	6,67	7,1%	-0,8	8,33	23	0,57	24	0,009	0,90	0,63
24	Республика Мордовия	2,322	10	2,028	4	6,45	7,3%	-0,9	7,16	18	0,59	25	0,01	0,80	0,76
25	Тульская область	5,045	57	2,882	49	6,21	5,7%	-0,7	8,87	25	0,62	26	0,013	0,80	0,91
26	Кемеровская область	4,021	40	2,640	32	9,10	9,4%	-1	9,10	26	0,70	27	0,016	1,10	1,14
27	Ивановская область	4,327	45	2,742	43	6,59	6,5%	-0,7	9,42	27	0,70	28	0,01	0,80	0,78
28	Иркутская область	3,218	24	2,718	40	8,09	7,9%	-0,7	11,56	30	0,76	29	0,01	0,90	0,75
29	Тамбовская область	4,003	39	2,604	29	5,03	5,3%	-0,5	10,06	28	0,79	30	0,01	0,80	0,78
30	Забайкальский край	2,776	17	2,756	44	5,66	5,7%	-0,4	14,16	35	0,84	31	0,007	0,50	0,45
31	Республика Крым	2,382	11	2,645	34	4,71	5,0%	-0,4	11,78	31	0,84	32	0,006	0,30	0,47
32	Костромская область	5,019	56	2,981	58	9,51	6,9%	-0,8	11,89	32	0,90	33	0,014	1,00	1,07
33	Карачаево-Черкесская Республика	1,244	3	2,021	3	11,11	13,1%	-0,9	12,34	33	0,93	34	0,011	0,60	0,83
34	Республика Тыва	1,231	2	1,746	1	34,19	41,7%	-2,4	14,25	36	0,98	35	0,016	1,40	1,13
35	Свердловская область	7,028	71	2,986	59	7,03	6,9%	-0,5	14,06	34	1,00	36	0,009	1,00	0,61
36	Кабардино-Балкарская Республика	2,743	16	2,412	18	9,69	12,5%	-0,6	16,14	39	1,05	37	0,009	0,80	0,64
37	Томская область	3,748	31	2,833	46	7,78	7,8%	-0,5	15,57	38	1,08	38	0,005	0,40	0,39
38	Тюменская область	7,299	73	3,444	71	16,02	14,7%	-0,8	20,03	44	1,09	39	0,011	1,70	0,72
39	Курская область	5,908	61	2,854	48	4,47	4,2%	-0,3	14,90	37	1,19	40	0,006	0,50	0,46
40	Самарская область	4,186	42	2,710	37	6,73	7,1%	-0,4	16,83	41	1,25	41	0,007	0,60	0,53
41	Смоленская область	3,994	38	2,518	25	27,94	38,2%	-1,6	17,46	42	1,25	42	0,021	1,90	1,50
42	Чукотский автономный округ	34,128	83	7,819	83	28,72	17,1%	-0,6	47,87	56	1,33	43	0,004	0,40	0,21
43	Белгородская область	8,439	74	2,957	55	6,47	6,4%	-0,4	16,17	40	1,34	44	0,009	0,80	0,65
44	Нижегородская область	7,028	70	2,897	50	5,64	5,9%	-0,3	18,81	43	1,39	45	0,008	0,80	0,53
45	Приморский край	5,449	60	3,419	70	7,63	7,7%	-0,3	25,42	45	1,49	46	0,003	0,20	0,19
46	Республика Коми	5,014	55	3,388	69	13,56	9,1%	-0,5	27,12	48	1,55	47	0,006	0,50	0,42
47	Курганская область	2,523	12	2,278	11	43,60	62,8%	-1,7	25,65	47	1,90	48	0,015	1,20	1,15
48	Кировская область	3,680	30	2,694	36	5,09	4,4%	-0,2	25,43	46	1,99	49	0,004	0,20	0,31
49	Республики Саха (Якутия)	4,931	54	3,725	74	56,28	66,4%	-1,2	46,90	55	2,16	50	0,011	1,20	0,69
50	Орловская область	4,603	50	2,639	31	40,49	55,1%	-1,4	28,92	50	2,16	51	0,022	1,80	1,56
51	Республика Алтай	2,149	6	2,170	7	56,21	116,9%	-1,8	31,23	51	2,31	52	0,017	1,50	1,26
52	Липецкая область	6,785	69	2,851	47	8,38	7,3%	-0,3	27,94	49	2,34	53	0,007	0,50	0,48
53	Магаданская область	17,101	81	6,100	81	12,44	9,5%	-0,2	62,19	60	2,49	54	0,003	0,30	0,18
54	Ставропольский край	2,994	19	2,432	19	7,40	9,3%	-0,2	37,02	52	2,86	55	0,004	0,20	0,28

Окончание таблицы 4 / Table 4 (continued)

№	Наименование субъекта РФ	K1 по бедности на основании потребности на 1% бедного населения		K1 по бедности на основании 50% медианы среднедушевого дохода, на 1% бедного населения		Прирост общего объема обязательств по финансированию мер социальной защиты (поддержки), в реальных ценах 2023	Прирост объемов реального подушевого финансирования, %	Прирост уровня бедности по ПМ, пп	K2 (Эффективность ФИМСО или цена снижения уровня бедности на 1%)		K2 в региональных ПМ		Прирост коэффициента Джини	Прирост коэффициента Фондов	Прирост уровня бедности по 50% медианы среднедушевого дохода, пп
		тыс. руб.	ранг	тыс. руб.	ранг				тыс. руб.	ранг	руб /руб	ранг			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
54	Ставропольский край	2,994	19	2,432	19	7,40	9,3%	-0,2	37,02	52	2,86	55	0,004	0,20	0,28
55	Чеченская Республика	2,064	5	2,142	5	73,39	128,5%	-1,7	43,17	53	3,13	56	0,017	1,50	1,15
56	Мурманская область	11,659	77	5,246	80	39,24	23,2%	-0,5	78,48	62	3,34	57	0,012	0,90	0,91
57	Республика Башкортостан	4,213	43	2,449	20	21,80	19,3%	-0,5	43,60	54	3,45	58	0,007	0,60	0,55
58	Брянская область	3,654	28	2,654	35	10,87	10,9%	-0,2	54,33	57	4,01	59	0,003	0,20	0,24
59	Амурская область	4,581	49	3,069	62	6,84	6,7%	-0,1	68,36	61	4,01	60	0,002	0,20	0,12
60	Калужская область	6,277	62	3,277	67	24,25	34,1%	-0,4	60,63	59	4,39	61	0,009	0,60	0,68
61	Воронежская область	6,729	68	2,635	30	11,27	12,0%	-0,2	56,33	58	4,56	62	0,006	0,50	0,36
62	Хабаровский край	6,455	65	3,859	75	73,12	119,3%	-0,8	91,40	65	4,77	63	0,005	0,40	0,37
63	Ростовская область	4,879	53	2,712	38	50,01	120,4%	-0,6	83,36	63	6,17	64	0,009	0,80	0,59
64	Новгородская область	3,602	27	2,729	42	69,59	172,5%	-0,8	86,99	64	6,18	65	0,012	0,80	0,88
65	Астраханская область	3,049	20	2,518	24	49,02	116,0%	-0,5	98,03	67	7,03	66	0,007	0,50	0,53
66	Удмуртская Республика	4,476	47	2,777	45	64,33	165,8%	-0,7	91,90	66	7,18	67	0,013	0,90	1,00
67	Челябинская область	3,970	37	2,727	41	60,08	131,5%	-0,6	100,13	68	7,29	68	0,011	0,70	0,76
68	Ярославская область	6,309	64	2,958	56	72,31	178,3%	-0,7	103,30	69	7,49	69	0,013	1,00	0,96
69	Краснодарский край	6,279	63	2,978	57	52,56	138,2%	-0,5	105,12	70	7,62	70	0,008	0,90	0,52
70	Омская область	3,849	34	2,476	22	58,57	135,5%	-0,5	117,14	71	8,88	71	0,008	0,70	0,59
71	Республика Татарстан	11,418	76	3,139	64	50,13	98,3%	-0,4	125,32	72	10,26	72	0,012	1,10	0,84
72	Алтайский край	2,739	15	2,294	12	68,14	30,0%	-0,5	136,27	73	10,65	73	0,007	0,60	0,47
73	Сахалинская область	14,650	79	4,799	78	67,51	88,7%	-0,3	225,04	77	11,51	74	0,006	0,60	0,38
74	Рязанская область	3,800	32	2,642	33	61,40	150,5%	-0,4	153,51	74	12,00	75	0,005	0,40	0,38
75	Московская область	11,795	78	4,201	77	106,01	121,3%	-0,5	212,01	76	12,27	76	0,012	0,90	0,85
76	Волгоградская область	3,909	35	2,538	26	56,61	154,6%	-0,3	188,69	75	15,26	77	0,006	0,40	0,45
77	Ленинградская область	7,186	72	3,278	68	200,54	178,8%	-0,6	334,23	78	22,57	78	0,008	0,60	0,60
78	Еврейская автономная область	2,558	13	3,258	66	-7,37	-27,9%	-1,3	Сократили финансирование, при этом уровень бедности			0,014	1,00	1,14	
79	Камчатский край	8,535	75	5,191	79	-51,50	-25,0%	-0,7	Сократили финансирование, при этом уровень бедности			0,004	0,30	0,26	
80	Республика Дагестан	3,100	23	2,401	16	11,37	14,4%	0,1	Рост финансирования и рост бедности (тут вопросы к			неэффективно		-0,01	
81	Республика Ингушетия	0,881	1	1,871	2	12,19	13,4%	0,9	Рост финансирования и рост бедности (тут вопросы к			неэффективно		-0,02	
82	Город Севастополь	4,491	48	3,194	65	-3,28	-4,7%	-0,4	Сократили финансирование, при этом уровень бедности			0,009	0,50	0,69	
83	Российская Федерация	6,455	66	3,017	61	3,27	2,9%	-0,7	4,67	8	0,32	7	0,007	0,80	0,50
84	Минимум	0,881		1,746		-51,501	-0,279	-2,800	1,083		0,090		0,002	0,200	-0,015
85	Медиана	4,186		2,729		8,246	0,085	-0,600	16,154		1,142		0,009	0,800	0,651
86	Сред, знач	5,533		2,988		22,952	0,364	-0,707	44,250		3,016		0,010	0,807	0,703
87	Максимум	34,128		7,819		200,536	1,788	0,900	334,227		22,574		0,028	1,900	2,243

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the author based on the research materials.

Примечание / Note: Данные отсортированы по столбцу 12 по степени убывания эффективности. Ранг, равный 1, соответствует наиболее высокой предельной эффективности ФИМСО в части сокращения уровня бедности. Данные о доходном неравенстве представлены справочно. Согласно предлагаемой методике, российская модель ФИМСО на 100% неэффективна в части сокращения уровня доходного неравенства, потому что, как было описано ранее, при росте реальных объемов подушевого финансирования уровень доходного неравенства в анализируемый период увеличился. То же самое можно сказать и про влияние региональных ФИМСО на динамику бедности, если рассчитывать ее через 50% медианы среднедушевого дохода / The data is sorted by column 12 in descending order of effectiveness. A rank of 1 corresponds to the highest marginal effectiveness of FIMSO in terms of poverty reduction. Data on income inequality is provided for reference. According to the proposed methodology, the Russian FIMSS model is 100% ineffective in reducing income inequality because, as described earlier, with the growth in real per capita funding, the level of income inequality increased during the period under review. The same can be said about the impact of regional FIMSS on poverty dynamics, if calculated using 50% of the median per capita income.

Сравнительный анализ с международной практикой, в частности с методологией ОЭСР и Евростата, демонстрирует, что использование относительной границы бедности (50% медианного среднедушевого дохода) обеспечивает более адекватную оценку масштабов неравенства и эффективности перераспределительных механизмов. В Российской Федерации уровень относительной бедности в 2021–2023 гг. превышал средние значения по странам ОЭСР, что свидетельствует о недостаточной прогрессивности действующей системы социальных трансфертов.

Разработанная методика коэффициентной оценки эффективности ФИМСО, основанная на нормировании реальных подушевых расходов на социальную политику на 1% бедного населения и корректировке на величину регионального прожиточного минимума, позволяет выявить не только межрегиональную дифференциацию в эффективности использования бюджетных средств, но и структурные недостатки в дизайне программ социальной поддержки. Установлено, что действующая ФИМСО демонстрирует низкую экономическую и административную эффективность, недостаточный охват уязвимых групп и неадекватность размеров выплат, что подтверждается

низким уровнем снижения бедности при значительных бюджетных затратах.

На основании полученных результатов сделан вывод о необходимости институциональной трансформации российской системы социального обеспечения. В частности, обоснован переход от абсолютного к относительному измерению бедности в качестве методологической основы для формирования и оценки эффективности ФИМСО. Такой подход позволит обеспечить более точное таргетирование социальной помощи, повысить надёжность перераспределительных механизмов и усилить устойчивость системы социальной защиты к макроэкономическим шокам.

Переход к относительной границе бедности и повышению адресности ФИМСО должен сопровождаться корректировкой налоговой политики в направлении большей диверсификации и региональной ориентации, что позволит усилить фискальную поддержку социальных расходов без ущерба для стимулов экономического роста. Это соответствует идеям о роли налоговых преференций в пространственном развитии и преодолении неравенства через финансовые механизмы национальных проектов России.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Влияние системы социальной поддержки на уровень бедности в регионах. *Уровень жизни населения регионов России*. 2022;18(3):368–377. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.3.8
Grishina E.E., Tsatsura E.A. The impact of the social support system on the poverty level in the regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(3):368–377. (In Russ.). DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.3.8
2. Строев П.В. Влияние размещения экономических ресурсов на особенности пространственной организации России. *Экономика региона*. 2023;19(4):949–963. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-2
Stroev P.V. The impact of the allocation of economic resources on the features of the spatial organization of Russia. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2023;19(4):949–963. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-2
3. Харченко К.В. Рейтинг умных территорий: методологические основы и ключевые показатели. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):79–90. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-79-90

- Kharchenko K.V. Smart territories ranking: Methodological foundations and key indicators. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):79-90. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-79-90
4. Криничанский К.В., Юревич М.А., Фаткин А.В. Связь финансов и роста в России: работает ли канал малого и среднего предпринимательства? *Вопросы экономики*. 2023;(6):76-93. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-6-76-93
Krinichansky K.V., Yurevich M.A., Fatkin A.V. The finance and growth nexus in Russia: Does the SMEs channel matter? *Voprosy Ekonomiki (Issues of Economics)*. 2023;(6):76-93. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-6-76-93
 5. Орлова И.С. Социальный контракт как инструмент государственной политики по снижению уровня бедности. *Управленческое консультирование*. 2022;(1):139-146.
Orlova I.S. The social contract as an instrument of state policy to reduce poverty. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*. 2022;(1):139-146. (In Russ.).
 6. Егорова С.В. Социальный контракт как тренд трансформации государственной социальной поддержки малоимущих граждан: тенденции и риски. *Семиотические исследования*. 2023;3(3):67-76. DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-67-76
Egorova S.V. The social contract as a trend of transforming the low-income state social support: Trends and risks. *Semioticheskie issledovaniya = Semiotic Studies*. 2023;3(3):67-76. (In Russ.). DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-67-76
 7. Бобков В.Н., Джандосова Ф.С., Бучкова Я.Ю. Эффективность государственной социальной помощи на основании социального контракта. *Уровень жизни населения регионов России*. 2015;(3):75-108. DOI: 10.12737/13553
Bobkov V.N., Dzhandosova F.S., Buchkova Ya. Yu. The efficiency of the state welfare aid based on the social contract. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2015;(3):75-108. (In Russ.). DOI: 10.12737/13553
 8. Дорофеев М.Л. Развитие методологии комплексного анализа эффективности государственной финансово-инвестиционной модели социального обеспечения населения на примере региональных финансов России. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(4):54-65. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-54-65
Dorofeev M.L. Development of the Methodology for Comprehensive Analysis of the Efficiency of the State Financial and Investment Model of Population Social Security Using the Example of Russian Regional Finance. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(4):54-65. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-54-65
 9. Шедько Ю.Н., Ильина И.Ю., Квасов И.А. Использование китайского опыта в управлении здравоохранением России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):112-121. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-112-121
Shedko Yu.N., Ilyina I.Yu., Kvasov I.A. Using chinese experience in russian healthcare management. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):112-121. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-112-121
 10. Танасова А.С., Соколова Е.Ю., Шандра И.Г., Чигирева А.В. Налоговый и валютный факторы неравенства (к постановке проблемы). *Вопросы экономики*. 2023;(1):146-159. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-146-159
Tanasova A.S., Sokolova E.Yu., Shandra I.G., Chigireva A.V. Tax and foreign exchange factors of inequality (To posing a problem). *Voprosy Ekonomiki (Issues of Economics)*. 2023;(1):146-159. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-146-159
 11. Гончаренко Л.И. Налоговые преференции в пространственном развитии страны: терминологический аспект исследования. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(4):108-121. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-108-121
Goncharenko L.I. Tax Preferences in the Spatial Development of the Country: Terminological Aspect of the Study. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(4):108-121. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-108-121

12. Гончаренко Л. И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):144-154. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-144-154
Goncharenko L. I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of national development projects in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):144-154. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-144-154
13. Лосева О. В., Мунерман И. В., Федотова М. А. Модели оценки и классификации региональных инвестиционных проектов, реализуемых в рамках концессионных соглашений. *Экономика региона*. 2024;20(1):276-292. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-19
Loseva O. V., Munerman I. V., Fedotova M. A. Assessment and classification models of regional investment projects implemented through concession agreements. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2024;20(1):276-292. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-19
14. Криворучко С. В., Ризванова И. А. Развитие национальной платежной инфраструктуры в условиях цифровизации. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):51-59. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-51-59
Krivoruchko S. V., Rizvanova I. A. The development of the national payment infrastructure in the context of digitalization. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):51-59. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-51-59
15. Гончаренко М. А., Хацько А. Д. Налоговые инструменты влияния на развитие рынка финансовых услуг. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(5):115-128. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-5-115-128
Goncharenko M. A., Khatsko A. D. Tax instruments of influence on the development of the financial services market. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(5):115-128. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-5-115-128
16. Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С., Батарин А. А. Идентификация обязанности фиксации расчетов в системе налоговых правоотношений. *Экономика. Налоги. Право*. 2022;15(2):156-166. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-2-156-166
Goncharenko L. I., Advokatova A. S., Batarin A. A. Identification of the obligation to fix calculations in the system of tax relations. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2022;15(2):156-166. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-2-156-166
17. Батарин А. А., Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С. Уклонение от налогообложения в сфере торговли на розничных рынках: причины и пути преодоления. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(1):119-132. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-119-132
Batarin A. A., Goncharenko L. I., Advokatova A. S. Tax evasion in retail markets: Causes and ways to overcome. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(1):119-132. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-119-132

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Михаил Львович Дорофеев — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общественных финансов финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Mikhail L. Dorofeev — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Public Finance Department, Financial Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-2829-9900>
dorofeevml@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 27.11.2025; принята к публикации 19.01.2026.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 27.11.2025; accepted for publication 19.01.2026.
The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-154-169
УДК 336.221.4(045)
JEL K34, H30

Основные направления налоговой политики на 2026–2028 гг.: новые тренды и меры реализации национальных целей

Л.И. Гончаренко, А.С. Адвокатова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — направления, задачи, меры и инструменты реализации налоговой политики на среднесрочный период 2026–2028 гг. в контексте актуальной политики экономического развития, а также все основные аспекты, связанные с донстройкой экосистемы налогового администрирования. **Актуальность** работы предопределена изменениями внутренних и внешних экономических условий для достижения бюджетной устойчивости на основе роста налоговых доходов в бюджеты бюджетной системы. **Цель:** оценить с практической и научной позиций намеченные Правительством РФ меры по донстройке налоговой системы исходя из структурной трансформации налоговых поступлений, в частности повышения роли НДС как косвенного налога и НДФЛ как основного налога с физических лиц. Авторы отмечают комплексный характер предпринимаемых мер по корректировке налогового законодательства, направленных на обеспечение результативности обеспечения доходами бюджетов бюджетной системы страны при одновременной поддержке налогоплательщиков, чья деятельность направлена на реализацию национальных целей развития России. Установлено, что в налоговой политике на 2026–2028 гг. сохраняется устойчивый тренд на обеспечение роста налоговых поступлений в бюджетную систему страны при приемлемом уровне налоговой нагрузки на бизнес, а также применения налоговых льгот/налоговых вычетов для отдельных социальных групп физических лиц и видов расходов. В **результате** исследования сделан **вывод:** при осуществлении изменений в налоговом законодательстве в части подоходного налогообложения физических лиц и в обеспечении справедливой конкурентной среды путем пресечения схем ухода от налогообложения путем дробления, реструктуризации, банкротства в полной мере учитывается принцип справедливости. Вместе с тем авторы полагают, что изменения в механизме исчисления и уплаты НДС потребуют дополнительного осмысления после завершения переходного периода.

Ключевые слова: налоговая политика; налоговая система; налоговое администрирование; налогообложение организаций; налогообложение физических лиц; субъекты малого предпринимательства; налоговая справедливость; национальные проекты

Для цитирования: Гончаренко Л.И., Адвокатова А.С. Основные направления налоговой политики на 2026–2028 гг.: новые тренды и меры реализации национальных целей. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(1):154-169. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-154-169

ORIGINAL PAPER

Tax Policy' 2026–2028: New Trends and Measures for National Goals Accomplishment

L.I. Goncharenko, A.S. Advokatova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This paper's **subject** covers the strategies, goals, metrics, and tools for enacting tax policy from 2026 to 2028 within the current economic development framework. It also addresses all essential elements involved in refining the tax administration system. The **significance** of this work for budget sustainability, through increased tax revenues, is shaped by shifts in domestic and international economic factors. The study **aims** to examine, from a practical and scientific viewpoint, the Russian Government's strategy for refining the tax system. This involves altering the structure of tax revenues, with an emphasis on the increasing significance of VAT in indirect taxation and personal income tax as the leading tax for

© Гончаренко Л.И., Адвокатова А.С., 2026

individuals. The authors note the comprehensive adjustments to tax legislation that ensure effective revenue generation for the country's budget system and support taxpayers working towards Russia's national development goals. It has been established that the tax policy for 2026–2028 there's an ongoing upward trend in tax revenue for the national budget, alongside a stable tax burden for businesses and tax incentives for particular social segments and expenditures. As the study's **result** is a **conclusion** that fairness in its conclusion on changes to personal income tax legislation and ensures fair competition by preventing tax evasion via fragmentation, restructuring, and bankruptcy. Still, the authors feel that modifications to the VAT system's calculation and payment methods warrant additional review in the post-transition.

Keywords: tax policy; tax system; tax administration; taxation of business; taxation of natural persons; small businesses; tax justice; national projects

For citation: Goncharenko L.I., Advokatova A.S. Tax policy' 2026–2028: New trends and measures for national goals accomplishment. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):154-169. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-154-169

ВВЕДЕНИЕ

Последние два года и наступающий плановый период (2026–2028 гг.) в экономическом развитии России всё в большей мере будут характеризоваться смещением с антикризисной повестки к задачам обеспечения устойчивой и предсказуемой экономической среды. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию были определены национальные цели на ближайший плановый период (до 2030 г.) с конкретизацией в программных и проектных государственных документах с установлением контрольных показателей. Параметры текущих и среднесрочных целей и задач налоговой политики представляются Правительством (Минфином России) в разработке на плановые периоды Основных направлений бюджетно-налоговой и таможенно-тарифной политики (далее — ОНБНТП)¹, применяемый формат которых обусловлен тесной взаимозависимостью бюджетных, налоговых и таможенно-тарифных инструментов, их общей направленностью на решение актуальных задач. Формирование и последующее утверждение показателей проекта Закона о бюджете на 2026 г. и плановый период до 2028 г. предопределили последующие новации в законодательстве о налогах и сборах и прежде всего в положениях статей Налогового кодекса Российской Федерации (далее НК РФ)². Общий

посыл состоит в обеспечении стабильности бюджетной системы на основе повышения эффективности экономики, укреплении финансового обеспечения приоритетных расходов, в том числе безусловного исполнения социальных обязательств государства перед гражданами, обеспечении обороноспособности и безопасности государства, достижении национальных целей развития. Дополнительные доходы бюджета, сформированные в связи с изменением базовых параметров налоговой системы, предназначены для финансирования мероприятий, заложенных в дорожных картах национальных проектов, особенно на достижение социальной справедливости.

Диверсификация налоговой политики в контексте реализации стратегических целей направлена на решение архиважной задачи формирования баланса между тем, что острая необходимость в увеличении бюджетных доходов в современных условиях без повышения налогов скорее не будет достигнута, но, с другой стороны, рост налоговой нагрузки односторонне выступает фактором снижения вложений в инвестиционные проекты, а также социальные корпоративные программы.

Выработанные тренды изменения в налоговой системе России уже нашли отражение в предпринятых государством мерах в 2025 г., в частности, в механизме исчисления отдельных налогов³: увеличена налоговая ставка по налогу на прибыль организа-

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 гг.; Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 гг. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=486923&dst=1000000001&cacheid=6055F754469F013C6D6A9F51C5630DAC&mode=splus&rnd=vUgww#DSqjHhUM8hpkPYG8>

² Законопроект № 1026190–8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Фе-

дерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», опубликован на сайте Госдумы 29 сентября 2025 г. (в последующем был утвержден с некоторыми поправками).

³ Милукова Я. К чему приведут налоговые изменения в России: семь последствий. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/513561-k-cemu-privedut-nalogovye-izmeneniya-v-rossii-sem-posledstvij> (дата обращения: 24.04.2025).

ций — с 20 до 25%; введена прогрессия в подоходном налогообложении физических лиц (пятиступенчатая шкала налоговых ставок от 13 до 22%); установлен НДС для субъектов малого и среднего предпринимательства, состоящих на упрощенной системе налогообложения, при определенных пороговых критериях; внесены корректировки в отраслевое налогообложение. В результате в целом созданы предпосылки для перераспределения фискальной нагрузки для достижения модификации отраслевой структуры исходя из современных требований, включая цифровизацию технологических процессов.

Ключевые цели налоговой политики на 2026 г. и плановый период 2027–2028 гг. сохраняются неизменными и направлены на повышение справедливости налогообложения, усиление стимулирующей функции налоговой системы, а также улучшение качества администрирования с сопутствующим облегчением административной нагрузки для налогоплательщиков и повышением собираемости налогов. Наиболее признанными методами осуществления того или иного сценария налоговой политики выступают: изменение налоговой нагрузки налогоплательщика, замена одних форм или способов налогообложения другими, изменение сферы распространения тех или иных налогов или всей системы налогообложения, внедрение или отмена налоговых преференций, введение дифференцированной системы налоговых ставок [1]. Все перечисленные методы нашли отражение и в ОНБНТП на предстоящий плановый период.

ИЗМЕНЕНИЯ В НДС: ВЫНУЖДЕННАЯ МЕРА ИЛИ ПРИЗНАНИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЗНАЧИМОСТИ КОСВЕННОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ?

Наиболее обсуждаемыми стали изменения, касающиеся НДС: повышение налоговой ставки по НДС на 2 п.п. (до 22%), дальнейшее изменение порядка исчисления и взимания НДС субъектами малого и среднего предпринимательства. В части повышения налоговой ставки следует заметить, что фактически — это отложенная мера с 2025 г., когда проводилась политика «донастройки» налоговой системы. Представители российского бизнеса предложили поэтапное решение проблемы бюджетной сбалансированности, а именно в 2025 г. повысить ставку налога на прибыль организаций (далее — НПО) и ввести принципиальное обязательство по уплате НДС для субъектов малого и среднего предпринимательства.

В 2026 г. реализация ранее намеченного установления более высокой налоговой ставки по НДС на уровне 22% практически не получила негативной оценки, тем более в условиях возрастания величины дефицита бюджета. В результате данной меры ожидается снижение конъюнктурной уязвимости федерального бюджета, в который расчетно поступят дополнительные доходы: в 2026 г. — в размере более 1,187 трлн руб., в 2027 г. — 1,559 трлн руб., в 2028 г. — 1,677 трлн руб.

Следует заметить, что поворот к повышению значения косвенного налогообложения в обеспечении доходной части бюджетов бюджетной системы страны был озвучен министром финансов Силуановым А.Г. еще 26–28 ноября 2019 г. в ходе выступления на Международном форуме Финансового университета «Рост или рецессия: к чему готовиться?». Тогда данный тренд был озвучен как альтернатива введению прогрессивного налогообложения доходов физических лиц и обоснование более высокого уровня вовлечения доходов населения в формирование бюджетных доходов. При этом тенденция на повышение роли косвенных налогов рассматривалась как фактор формирования наиболее стабильного источника доходов с долгосрочными перспективами. Большая роль отводилась (и сейчас эти инструменты используются) АСК НДС-2, маркировке и прослеживаемости движения товаров, повышению эффективности налогового администрирования косвенных налогов [2].

Дискуссионность вопроса о повышении стандартной ставки НДС в России не является принципиально новой. Вместе с тем следует обратить внимание, что предлагаемое повышение ставки НДС на два процентных пункта с точки зрения бизнеса вызывает беспокойство не столько с позиции роста налоговой нагрузки на бизнес (НДС, являясь косвенным налогом, достаточно легко и в существенной степени перекладывается с бизнеса на население), сколько с позиции инфляционного роста⁴. В этой связи можно напомнить, что ожидания значительного инфляционного всплеска были и в 2018 г., когда было принято решение о повышении ставки НДС в 2019 г. с 18 до 20%. Рост инфляции действительно имел место, но он носил кратковременный характер [3]. Проведенное в 2019 г. в Финансовом университете научное

⁴ Налоговая реформа 2.0: что год грядущий бизнесу готовит? URL: <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/nalogovaya-reforma-2-0-chto-god-gryadushchiy-biznesu-gotovit>

исследование показало, что через 9 месяцев после повышения ставки НДС в 2019 г. были восстановлены темпы роста инфляции и индекс потребительской уверенности⁵. Однако именно инфляционный аспект повышения стандартной налоговой ставки НДС стал фактором осторожного сценария снижения Центробанком России ключевой ставки в декабре 2025 г. (лишь на 0,5 процентных пункта)⁶ с последующим решением спустя 3–4 месяца 2026 г. В 2019 г. аналитики Центрального Банка отмечали, что диапазон вклада НДС в инфляцию с учетом всей совокупности факторов достаточно широк и составляет от 0,6 до более 1,5 процентного пункта⁷. Отметим, что при понижении основной ставки НДС в 2004 г. (с 20 до 18%) наблюдалось замедление роста цен.

Было бы ошибкой не учитывать и в целом противоречивый результат инфляционного роста цен, а именно, с одной стороны, он первоначально выступает фактором снижения потребительского спроса и, соответственно, некоторого торможения роста инфляции, а с другой стороны, фактором последующего замедления производственного спроса и, соответственно, падения темпов производства (что также было учтено в контексте обозначенного наличия перегрева экономики в 2024–2025 гг.)⁸. Таким образом, повышение налоговых ставок по оборотным налогам (прежде всего НДС) имеет риск негативного влияния на решение задачи недопущения охлаждения экономики ниже 2,5% ВВП в ходе борьбы с инфляцией и последующего возникновения рисков торможения национального развития и невыполнения национальных проектов.

В контексте социальной ориентации финансовой (включая налоговую) политики повышение стандартной ставки НДС не затронет пониженную ставку НДС в 10% на социально значимые товары (продол-

вольственные и детские товары, лекарства и др.), что в некоторой мере будет способствовать защите от инфляционных последствий малообеспеченных слоев населения. Кроме того, сохранятся пониженные ставки НДС (5 и 7% в зависимости от применения налоговых вычетов) для налогоплательщиков, применяющих УСН⁹.

НДС И МСП: НЕПРИМИРИМЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ИЛИ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЧЕСТНОЙ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ?

В настоящее время в России зарегистрировано почти 7 млн субъектов МСП, которые обеспечивают примерно пятую часть ВВП. Более того, в них занято около 40% всех работающих россиян. По предварительным итогам 2025 г. МСП заплатили более 13 трлн руб. налогов. Учитывая, что налоговые органы проводят выездные проверки примерно одного субъекта малого предпринимательства из 10 тыс., можно утверждать: большая часть МСП работает в легальном предпринимательском поле¹⁰ (рис. 1).

Рост численности, экономического и фискального значения сферы малого и среднего бизнеса достигнут во многом благодаря мерам поддержки со стороны государства, причем не только в виде специальных налоговых режимов, включающих как механизмы исчисления и уплаты налогов, так и организационные вопросы налогового контроля, но и благодаря льготам по уплате обязательных страховых взносов, бюджетной поддержке с помощью грантов, страхования и многого другого. Таким образом, можно говорить о комплексном подходе со стороны государства в отношении развития субъектов малого и среднего предпринимательства, включая создание справедливой конкурентной среды¹¹.

В 2026 г. некоторые инструменты регулирования корректируются. Так, увеличены пороги применения

⁵ Результаты опубликованы в научной монографии «Совершенствование механизма косвенного налогообложения в целях обеспечения финансовой устойчивости при соблюдении баланса интересов бюджета, бизнеса и населения». Под науч. ред. Гончаренко Л.И. Москва: РУСАЙНС; 2020. 176 с.

⁶ Прогноз инфляции на 2026 г. — 6,8%. Соответственно, предполагается, что ключевая ставка медленно будет снижаться примерно до 12–13% годовых.

⁷ Доклад Об оценке влияния повышения основной ставки НДС на инфляцию (с.2). URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/47495/2018_01_nds.pdf

⁸ Эльвира Набиуллина объяснила, почему ключевую ставку нужно снижать без лишней спешки и с оглядкой на инфляцию. URL: https://rg.ru/2025/10/28/vrednye-sovety.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

⁹ Налоговая ставка НДС 5% была выбрана 74% налогоплательщиков УСН; ставка 7% — 3% налогоплательщиков; ставка 20% (22) — 15% налогоплательщиков (Заместитель руководителя ФНС России Д.С. Сатин в рамках X Международного форума Финансового университета. Панельная дискуссия «Будущее налогов»). URL: https://vk.com/video-6319_456241224

¹⁰ Вклад МСП в экономику России превысил 34,5 трлн рублей. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/vklad_msp_v_ekonomiku_rossii_prevysil_345_trln_rubley.html?ysclid=mkvg0b6sys990817297

¹¹ Совещание с членами Правительства. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/79024>; АО «Корпорация «МСП». URL: <https://mcp.pf>

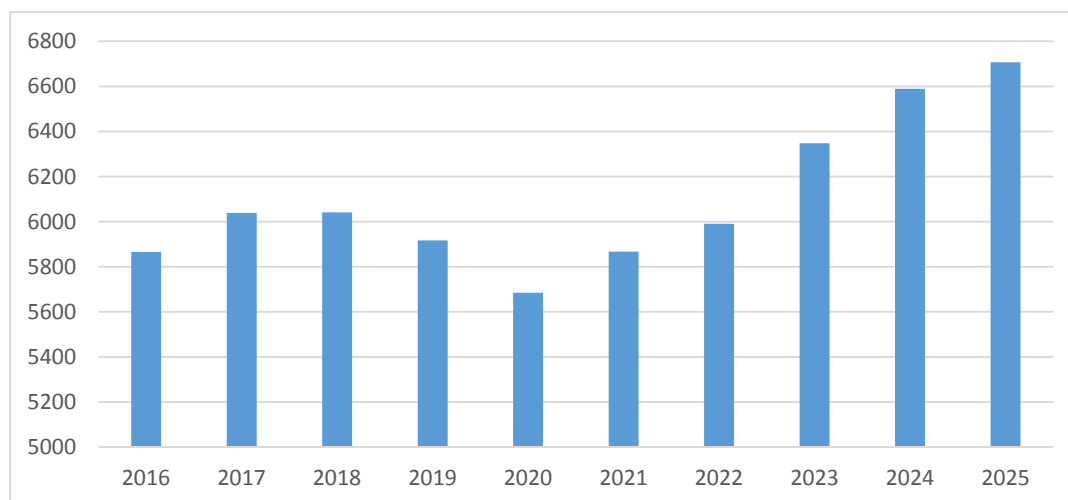

Рис. 1 / Fig. 1. Субъекты МСП, тыс. ед. / Small and medium-sized enterprises, thousand units

Источник / Source: составлено автором по данным ФНС России / compiled by the author based on data from the Federal Tax Service of Russia. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru>

УСН, а именно по доходам до 450 млн руб. и основным средствам до 200 млн руб. Кроме того, продолжают расширяться границы применения АУСН на основе предоставленного субъектам РФ с 1 января 2025 г. права вводить на своей территории этот экспериментальный налоговый режим.

Однако центр внимания представителей малого и среднего предпринимательства при ознакомлении с проектом бюджета и ОНБНТП на 2026 г. был сосредоточен на резком снижении порога годовой выручки с 60 до 10 млн руб. как критерия возникновения обязанности платить НДС в рамках применения специального налогового режима УСН. При первоначальном сценарии снижение порогового значения до 10 млн руб. расчетно в федеральный бюджет должно было принести 200 млрд руб. Но все же основной целью, следует сразу оговориться, была реализация ранее введенных и намеченных уже на 2026 г. мер из комплексного портфеля борьбы с нелегитимными схемами ухода от налогов, в том числе в форме дробления, с целью создания справедливой конкурентной среды и «обеления» экономики. Министр финансов Антон Силуанов при обсуждении законопроекта по бюджету на 2026 г. в Госдуме заявил, что мера по снижению порога для освобождения от НДС «принимается для пресечения незаконных схем минимизации налогов и дробления бизнеса...». Несмотря на то, что, согласно информации ФНС России, принятие указанной меры должно было коснуться не более 15% общего числа налогоплательщиков, применя-

ющих УСН¹², тем не менее прогнозируемые со стороны бизнес-сообщества негативные последствия, в том числе в отношении вполне добропорядочных налогоплательщиков, заставили уже в третьем чтении проекта Закона о бюджете на 2026 г. его скорректировать.

После принятия Закона, вносящего изменения в НК РФ, стало известно, что дискуссия и аргументы вовлеченных сторон в части установления более обоснованного порогового уровня привели к принятию компромиссного варианта, а именно: на 2026 г. пороговое значение было снижено с 60 до 20 млн руб.; на 2027 г. — до 15 млн руб., наконец, в 2028 г. предлагается установить первоначально планируемый размер в 10 млн руб. Такой подход позволит более основательно подготовиться субъектам УСН к выполнению обязанностей по уплате НДС, включая подбор контрагентов, которые не состоят в списке недобросовестных поставщиков/покупателей как доказательство ответственного ведения бизнеса. На январском заседании Правительства Российской Федерации с участием Президента Российской Федерации принято также принципиальное решение о введении переходного периода для адаптации субъектов малого и среднего бизнеса к измененным условиям налогообложения, включая методический подход к определению критериев, исполнение ко-

¹² В материалах ОНБНТП на 2026 г. было высказано предположение, что большую часть добросовестного малого бизнеса изменения по НДС на режиме УСН не коснутся, но все же их доля увеличится с 4 до 15%.

Таблица / Table

Льготы для МСП, которые зависят от деятельности в прошлом году / Benefits for small and medium-sized enterprises that depend on their activities in the previous year

Кто получает	Какую льготу	При каких параметрах деятельности за прошлый год
Предприятия общепита	Освобождение от НДС (п.п. 38 п. 3 ст. 149 НК РФ)	Доходы не превысили 3 млрд руб.; Удельный вес профильных доходов не менее 70%; Среднемесячная зарплата сотрудников не меньше чем в среднем в субъектах РФ.
Обрабатывающие производства	Льготные тарифы страховых взносов 7,6% с превышением 1,5 МРОТ в месяц (п. 13.2 ст. 427 НК РФ)	Удельный вес профильных доходов не менее 70%
Компании на УСН	Освобождение от НДС (п. 1 ст. 145 НК РФ)	Сумма доходов не превысила 20 млн рублей
Компании на ПСН	Применение патентной системы налогообложения (п. 6 ст. 346.45 НК РФ)	

Источник / Source: ТеДо. URL: <https://tedo.ru/> Tedo information. URL: <https://tedo.ru>

торых позволит продолжить или воспользоваться имеющимися льготами (см. таблицу), в частности, по социально-ориентированному бизнесу, например, по деятельности организаций общепита¹⁵.

На момент завершения исследования и подготовки статьи в печать было известно только, что предложено учитывать параметры деятельности не за 2025 г., а за соответствующие кварталы 2026 г. Вместе с тем неизвестно, в отношении каких именно льгот можно будет учитывать параметры за текущий, а не прошлый год. В 2025 г. в дополнение к введению обязанности платить НДС субъектами малого предпринимательства в качестве условной компенсационной меры применялась налоговая амнистия по дроблению бизнеса, суть которой заключалась в том, что налогоплательщики, добровольно отказавшиеся от схем дробления бизнеса, освобождаются от налоговых санкций за уклонение от уплаты налогов за период 2022–2024 гг.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ СТРАХОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ВЗНОСЫ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ НАЛОГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

При оценке налоговой нагрузки на налогоплательщиков, в том числе и субъектов МСП, часто обраща-

ют внимание на уровень обязательных страховых взносов в государственные внебюджетные фонды. В настоящее время величина тарифов корректируется по нескольким направлениям. Прежде всего принято решение об отказе от фронтального применения льгот и частичном возврате к ранее действовавшим стандартным тарифам по обязательным социальным взносам в размере 30% для лиц, включенных в реестр малого и среднего предпринимательства. Тем самым завершился период действия льготного тарифа, который был введен как временная антиковидная мера и фрагментарно был продлен на 2025 г. для упомянутой категории налогоплательщиков с суммы оплаты труда, превышающей 1,5 МРОТ.

Вторым направлением стало усиление отраслевого целеполагания страховых взносов. Так, на 2026 г. тенденция отраслевой ориентации применения льгот по страховым взносам выразилась в сужении области их распространения. Тарифы страховых взносов снижены с 15 до 7,6% только для субъектов МСП, относящихся к приоритетным видам деятельности и отраслям в обрабатывающих секторах, а также по выплатам в пользу физлиц свыше 1,5 МРОТ. Для организаций, осуществляющих деятельность в сфере радиоэлектронной промышленности, производства электронной компонентной базы (электронных модулей), электронной (радиоэлектронной) продукции расширен перечень видов доходов, учитываемых с целью применения единого пониженного тарифа

¹⁵ Совещание с членами Правительства. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/79024>

страховых взносов (удельный вес профильных доходов должен быть не менее 70%).

Стоит также напомнить, что с целью борьбы с «фирмами-однодневками» введена обязанность исчислять страховые взносы с выплат руководителям организаций исходя из величины МРОТ в случае осуществления им выплат ниже данной величины.

С позиции отраслевого аспекта налогового регулирования заслуживают внимания и результаты налогового маневра в ИТ-сфере (снижение тарифов обязательных страховых взносов и ставки по налогу на прибыль организаций), предложенного как реакция на повышение роли цифровизации во всех сферах деятельности в условиях санкций. Правы оказались те, кто предполагал невысокую эффективность маневра в первоначальном варианте. Прежде всего имели место жесткие условия предоставления налоговых льгот, что существенно сузило круг организаций, способных воспользоваться предоставляемыми преференциями. Кроме того, налоговый манёвр подразумевал сужение сферы применения освобождения от НДС для компаний, осуществляющих реализацию исключительных прав на программы для электронных вычислительных машин и базы данных, была отменена возможность ускоренной амортизации электронно-вычислительной техники при её приобретении ИТ-компаниями. Тем не менее произошли существенные позитивные изменения на рынке услуг ИТ-сферы, что позволило принять решение о дальнейшем ограничении налоговых льгот для организаций ИТ-сферы с 01.01.2026 г. Ранее установленный для них льготный тариф страховых взносов повышен с 7,6 до 15% (при сохранении текущей льготной ставки сверх предельной базы).

Наконец, обязательные социальные страховые взносы вовлечены в решение вопросов пространственного развития страны. Установлены льготы по уплате страховых взносов на территории новых субъектов РФ: единый пониженный тариф — 7,6% для участников СЭЗ, а для участников Технополиса «ЭРА» — в размере 15% в отношении части выплат в пользу физических лиц, превышающей в течение месяца величину полуторакратного МРОТ. Важные позитивные последствия ожидаются от предоставления возможности инвесторам, получившим статус резидента ТОР в ДФО или резидента СПВ до 1 января 2023 г., переноса льготного периода уплаты пониженных страховых взносов на более поздний срок (например, после завершения инвестиционной стадии проекта).

В совокупности с другими мерами по изменению тарифов по страховым взносам в социальные фонды создаются условия укрепления доходной базы систем пенсионного, социального и медицинского страхования, а также для регулирования отраслевого рынка труда.

МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАЛОГОВЫМИ ПРЕФЕРЕНЦИЯМИ

Заявленная в 2025 г. донастройка налоговой системы продолжится и в ближайшие годы в части корректировки ранее внесенных изменений, обусловленных актуальными ранее обстоятельствами, в частности, поддержкой физических и юридических лиц в связи с Covid-19, введением санкций и т.п. [4]. Так, отменяется освобождение от НДС исключительных прав на программы для ЭВМ и базы данных, включенных в единый реестр российских программ для ЭВМ и баз данных или единый реестр результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального или двойного назначения, прав на использование таких программ и баз данных (включая обновления к ним и дополнительные функциональные возможности). Указанная льгота предназначалась для повышения конкурентоспособности российского программного обеспечения. Однако в связи с тем, что сегодня весь рынок РФ фактически заняли отечественные компании, актуальность именно такой формы государственной поддержки не в полной мере соответствует текущим вызовам.

Наиболее разнообразны по назначению и формам налоговые преференции по налогу на прибыль организаций, связанные с расходами, учитываемыми при определении налоговой базы. Со стороны бюджетного планирования это налоговые расходы или неполученные доходы, что предопределяет остроту вопроса об их эффективности и целесообразности. Объемы недополученных доходов различны по годам и федеральным округам России, что обусловлено множеством факторов, среди которых — уровень применения налоговых инструментов в управлении экономической деятельностью субъектами РФ (рис. 2).

В последние годы временные параметры введения налоговых преференций как условие повышения результативности неоднократно являлись предметом научных исследований. Однако до настоящего времени окончательного решения данный вопрос не получил, вместе с тем опыт постепенно накапливается. Основным механизмом является

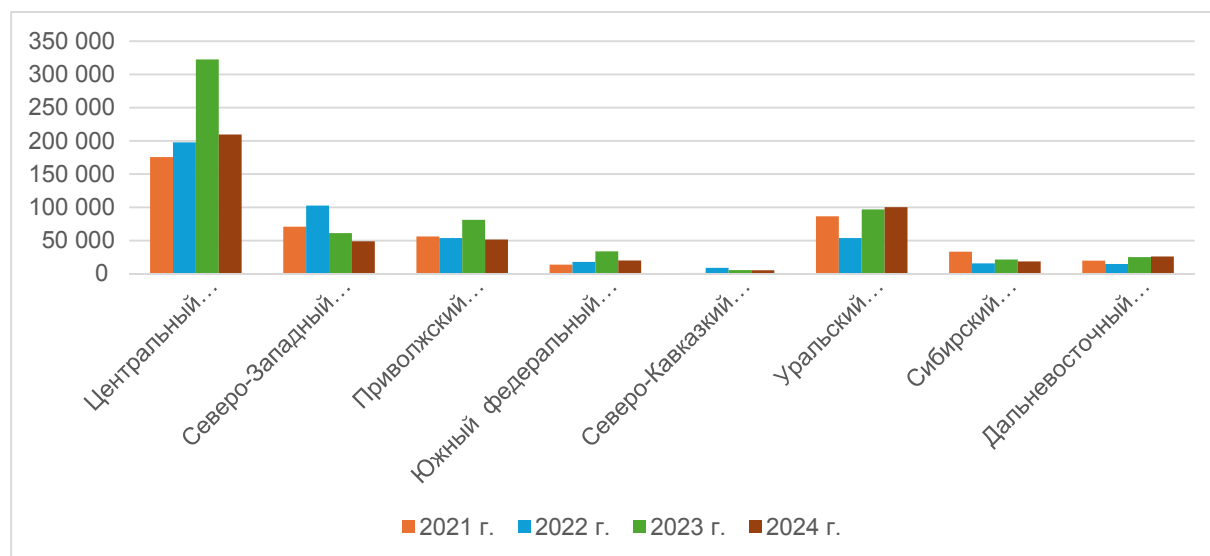

Рис. 2 / Fig. 2. Сумма налога на прибыль организаций, не поступившая в бюджет, млн руб. / Amount of corporate income tax not collected by the budget, million rubles

Источник / Source: составлено авторами по данным ФНС России / compiled by the authors based on data from the Federal Tax Service of Russia. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru>

отмена ранее установленных налоговых льгот/преференций, но уже с элементом частичного отказа (в том числе в упомянутых выше случаях) в формате корректировки. Появляются примеры установления периода действия, включая возможность его продления. Так, например, льготы по НДС для туристических объектов продлены до 2030 г. В то же время нагрузка на бюджетную систему заставляет идти и на продление ограничений ранее принятых преференций в виде расходов, формирующих налоговую базу по налогу на прибыль организаций. Так, с целью минимизации выпадающих доходов бюджетов бюджетной системы РФ продлеваются 50%-е ограничения на зачет убытков, полученных в предыдущих налоговых периодах, до 2030 г. Данная мера была заявлена в ОНБНТП на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг. в целях обеспечения синхронизации срока её действия с временным перераспределением одного процентного пункта налога на прибыль организаций между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов РФ.

Наконец, еще одним, радикально отличающимся от предыдущих, вариантом механизма действия временных рамок применения налоговых преференций является установление границ проводимого эксперимента, что в настоящее время видим на примере двух налоговых режимов — налога на профессиональный доход и автоматизированной упрощенной системы налогообложения для малого бизнеса (АУСН). Так, по-прежнему не будут платить НДС те, кто работает на

АУСН, поскольку данный режим находится в формате эксперимента.

В 2028 г. будет прекращён экспериментальный характер налогового режима для самозанятых, центральным звеном которого является налог на профессиональный доход физических лиц, зарегистрировавшихся на соответствующей платформе ФНС России (рис. 3).

За время функционирования специальный налоговый режим для самозанятых пополнился новыми инструментами, в том числе не носящими непосредственно налоговый характер. Так, с 01.01.2026 г. самозанятые получили право на заключение Договора социального страхования через соответствующий внебюджетный государственный фонд для получения пособия по временной нетрудоспособности вследствие болезни. При сумме договора 35 тыс. руб. страховые взносы составят 1344 руб. в месяц; при 50 тыс. руб. — 1920 руб. Нововведение до окончания эксперимента позволит в совокупности с другими позитивными для налогоплательщиков изменениями, а также анализом иных мер подвести итоги эксперимента и в отработанном варианте включить новый налог в раздел НК РФ. В целом налоговый режим для самозанятых уже в настоящее время оценивается как направленный на поддержку начала предпринимательской деятельности с возможностью профессионального роста, самореализации, а в государственном масштабе он рассматривается как инструмент повышения конкурентоспособности экономики региона, города [5].

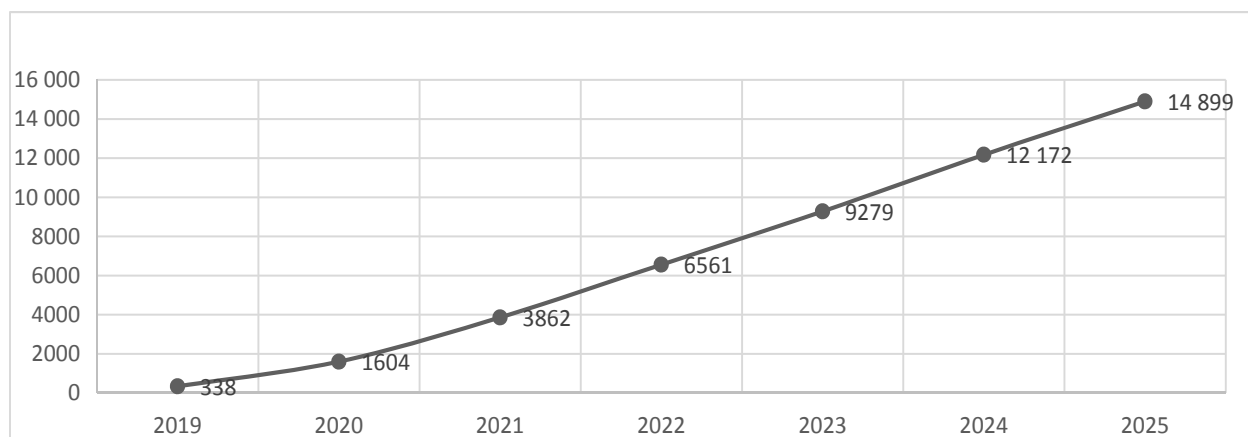

Рис. 3 / Fig. 3. Количество самозанятых, тыс. ед. / Number of self-employed people, thousand units

Источник / Source: составлено автором по данным ФНС России / compiled by the author based on data from the Federal Tax Service of Russia. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru>

В контексте рассмотрения вопроса об ограничении применения налоговых преференций обратим внимание также на тот факт, что в налоговом законодательстве имеет место и относительно новый вид налоговой преференции, а именно стабилизационная оговорка, например, при применении налогоплательщиками АУСН, участниками соглашения о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) и др.

Предметом СЗПК¹⁴ являются правовые и экономические отношения, составляющие содержание «стабилизационной оговорки» и возникающие в связи с неприменением в отношении организации, реализующей проект, актов/решений органов государственной власти и местного самоуправления, ухудшающих условия ведения предпринимательской/иной деятельности по реализации инвестиционного проекта, если их сравнивать с условиями, определенными на момент заключения СЗПК. В случае нарушения стабилизационной оговорки со стороны публично-правового образования у ОРП может возникать реальный ущерб, возмещение которого она вправе требовать [6].

СЗПК как комплексный инструмент способствует повышению управления рисками в отдельных отраслях, в том числе обеспечивается смягчение влияния периода охлаждения экономики как условия снижения инфляционного давления на чувствительные сферы экономики [7].

¹⁴ Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации». СПС КонсультантПлюс — поддержка крупных частных инвесторов при реализации им новых инвестиционных проектов путем заключения соглашения о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК).

Однако до настоящего времени нет четко регламентированного правила отмены его применения. В результате возникают правовые коллизии. Например, исходя из политических решений вводятся ограничения на использование налоговых преференций организациями, имеющими статус иностранного агента, и организациями, в которых указанные организации владеют прямо или косвенно долей участия в уставном капитале в размере 10% и более. Таким образом применяется первая разновидность механизма отмены ранее предоставленных преференций. Однако ст. 5 Налогового кодекса, а также Федеральным законом «О внесении изменений в статью 5 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» (проект № 936458–8), принятым Государственной Думой 7 октября 2025 г. для налогоплательщиков — участников специальных инвестиционных контрактов (СПИК), резидентов территорий опережающего развития (ТОР), резидентов свободного порта Владивосток, резидентов особых экономических зон и резидентов ОЭЗ в Калининградской области предусмотрены стабилизационные оговорки, обеспечивающие неизменность налоговых условий в части увеличения и (или) отмены пониженных налоговых ставок по налогу на прибыль организаций. В результате вопрос: какой из вариантов имеет преимущественное право исполнения — на данный момент остается открытым.

ДОНАСТРОЙКА СИСТЕМЫ ПОДОХОДНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

При оценке текущей экономической конъюнктуры интерес как с фискальной позиции, так и с социаль-

ной составляющей подоходного налогообложения имеет донастройка НДФЛ, в том числе в отношении финансовых инструментов в широком понимании. Вступившая в действие прогрессивная шкала налоговых ставок НДФЛ, несмотря на звучавшие предложения, не претерпела изменений на 2026 г. Повышение налоговых ставок вследствие применения прогрессивной шкалы затронуло 3% налогоплательщиков НДФЛ.

Вместе с тем внесены и некоторые уточнения. Наиболее заметным новшеством в налоговом законодательстве в 2025 г., проявившемся в части НДФЛ, стало сокращение налоговой нагрузки для семей с детьми, имеющих низкий доход, в форме введения «кешбэка» для семей с двумя и более детьми, доход которых не превышает величину 1,5 прожиточного минимума. Непосредственная его реализация будет впервые осуществлена в 2026 г. по итогам подсчета доходов и налога, сложившихся в 2025 г. Тогда, вероятно, последуют выводы и, возможно, корректировка данного механизма. Вместе с тем недавно внесено уточнение: в части предоставления стандартного налогового вычета на детей учитываться будут только доходы, относящиеся к основной налоговой базе, в том числе при ее исчислении налоговым органом. Вследствие повышения в 2026 г. уровня прожиточного минимума (в среднем по стране — 18 939 руб.) у налогоплательщиков, имеющих детей, еще увеличатся суммы налоговых вычетов, поскольку с 2025 г. повышен предельный размер доходов, до достижения которого применяются стандартные налоговые вычеты, а также в 2 раза увеличен уровень стандартных налоговых вычетов на второго, третьего и каждого последующего ребенка.

В предыдущем периоде были осуществлены изменения в отношении налогообложения процентов по счетам. С целью привлечения финансовых ресурсов физических лиц на фондовый рынок и, соответственно, в инвестиции продолжается создание новых и совершенствование ранее введенных финансовых инструментов для формирования долгосрочных сбережений граждан:

- в программе долгосрочных сбережений упрощены процедуры заключения договора и сохранения права на господдержку в случае досрочного расторжения договора;
- запущен ИИС третьего типа (ИИС-3) без ограничения по сумме внесенных денежных средств, предполагающий возможность получения налогового вычета по НДФЛ (в пределах 400 тыс. руб. в год);

- от НДФЛ освобожден финансовый результат, полученный по операциям с ценными бумагами и другими финансовыми инструментами при закрытии ИИС-3 (максимальная сумма доходов, освобождаемых от налогообложения — 30 млн руб.).

ИЗМЕНЕНИЯ В НАЛОГОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТРАСЛЕЙ И ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С позиции выполнения налогами как фискальной функции, так и принципа справедливости предложено существенное изменение порядка налогообложения игорного бизнеса с переносом налога из состава региональных налогов в федеральные. Значительно повышены ставки налога на игорный бизнес — как фиксированные ставки на отдельные игровые объекты, так и переход к налогообложению выручки от принятых ставок на уровне 5%.

Произведена модификация налогообложения букмекерских контор. На сумму принятых ими ставок распространен налог на игорный бизнес в размере 5%. Кроме того, для тотализаторов и букмекеров изменен объект налогообложения налогом на прибыль организаций, а именно им стал реальный финансовый результат (полученная прибыль) как от основной игровой деятельности, так и не профильной, что соответствует мировой практике. Налоговая ставка — общая, а именно 25%, в том числе в бюджеты субъектов Российской Федерации — 17%, в федеральный бюджет — 8%. Согласно представленному финансово-экономическому обоснованию¹⁵ поступления от налога на игорный бизнес в федеральный бюджет за счет повышения ставок налога на игорный бизнес составят 74,233 млрд руб. в 2026 г., 101,917 млрд руб. в 2027 г. и 105,933 млрд руб. в 2028 г. При этом в соответствии с пояснительной запиской к законопроекту № 1026189–8 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» в действующей системе налогообложения в бюджеты субъектов Российской Федерации на 2025–2028 гг. указанные поступления составили бы порядка 2,5 млрд руб. в год. При

¹⁵ Заключение Комитета по бюджету и налогам по проекту Федерального закона № 1026190–8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части реализации отдельных положений Основных направлений налоговой политики), внесенному Правительством Российской Федерации (первое чтение).

этом дополнительные поступления в федеральный бюджет от налога на прибыль организаций за счет отмены льготы в виде освобождения от его уплаты для плательщиков налога на игорный бизнес составят 4,219 млрд рублей. Таким образом, потеря бюджетами субъектов Российской Федерации порядка 2,5 млрд руб. в год от налога на игорный бизнес будет компенсирована поступлениями в размере около 9 млрд руб. от налога на прибыль организаций, уплаченного плательщиками налога на игорный бизнес.

Следует обратить внимание и на тот факт, что сумма налога в отношении выигрышей, полученных участниками азартных игр, проводимых в букмекерской конторе и тотализаторе, исчисляется налоговым агентом отдельно по каждой сумме выигрыша вне зависимости от размера выигрыша, что ускорит поступление доходов в бюджетную систему.

Заметим здесь же, что донастройка налоговой системы включает целый ряд мер, отражающих серьезные изменения в организации и сущностном содержании бизнес-процессов, в том числе в связи с глубоким проникновением в них цифровых технологий. Так, в целях исключения неопределенности в вопросе применения НДС при предоставлении российскими налогоплательщиками иностранным лицам майнинговой инфраструктуры для осуществления операций по майнингу цифровой валюты, устанавливается, что НДС подлежит исчислению российским налогоплательщиком при сдаче в аренду майнинговой инфраструктуры, а также при предоставлении в режиме реального времени вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе для осуществления майнинговой деятельности.

С целью имплементации в российское законодательство налоговых правил Pillar 2 для борьбы с размыванием налогооблагаемой базы и переводом прибыли международных компаний в низконалоговые юрисдикции устанавливается порядок уплаты налога на прибыль организаций российскими участниками международных групп компаний в размере, необходимом для достижения минимального уровня налогообложения, не ниже 15% [8]. Вместе с тем сроки подготовки приказов Минфина России «Об утверждении перечня государств (территорий), законодательством которых предусмотрены правила минимального эффективного уровня налогообложения в соответствии с Модельными правилами, разработанными Организацией экономического сотрудничества и развития и устанавливающими глобальный минимальный уро-

вень налогообложения для международных групп компаний» и «Об утверждении перечня государств (территорий), законодательством которого предусмотрены правила экстерриториального налогообложения в соответствии с Модельными правилами, разработанными Организацией экономического сотрудничества и развития и устанавливающими глобальный минимальный уровень налогообложения для международных групп компаний» определены лишь на 19 декабря 2026 г. Также в указанной статье используется термин «промежуточные холдинговые компании», который не определен в законодательстве Российской Федерации.

СТИМУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ СТОИТ НА ОДНОМ ИЗ ПЕРВООЧЕРЕДНЫХ МЕСТ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ [9]

В сценариях налоговой политики всегда присутствовал тренд относительно поддержки инвестиций, при этом использовались все виды инструментов из представленных укрупненных групп: например, снижение налоговых ставок по налогу на прибыль организаций при осуществлении инвестиций в разрезе принадлежности к отдельным высокотехнологическим отраслям. При этом индекс физического объема инвестиций в отрасли информации и связи до 2030 г. с учетом национального проекта должен достигать не менее 55% (без учета — 50%)¹⁶. В части формирования налоговой базы — это и различные варианты амортизационной политики, и обособленные расходы, например, по уплате процентов по инвестиционным кредитам. Широкий перечень налоговых льгот при осуществлении инвестиций, в том числе полное или частичное освобождение прибыли, направляемой на инвестиции, включая резидентов TOP, отдельных территорий.

Вместе с тем в любом случае из-за ограничения бюджетного импульса и высокой ключевой ставки Центробанка предстоит выбор инвестиционных проектов, поддерживаемых государством [10–12], среди них прежде всего те, которые имеют высокий уровень реализации, стратегически значимые инфраструктурные проекты, утвержденные нацио-

¹⁶ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 гг. СПС КонсультантПлюс.

нальные проекты и, прежде всего, проект технологического лидерства. Однако технологический прорыв обеспечивают не только креативные секторы экономики, но и базовые (например, энергетика), которые и отвечают на спрос на креативность и сами становятся более инновационными¹⁷. Таким образом, важным аспектом сценариев налоговой политики в дальнейшем будет являться поддержка не только инвестиций, но и инноваций, осуществляемых скорее самими производственными субъектами хозяйствования, а не бюджетными ассигнованиями государства.

В 2024 и 2025 гг. в налоговом механизме появился новый инструмент развития инвестиционной активности — федеральный инвестиционный налоговый вычет (позволяет налогоплательщику, осуществившему расходы на создание и реконструкцию основных средств или нематериальных активов, уменьшить сумму налога на прибыль на 50% при определенных условиях). Критически оцениваемый вследствие незначительности выделяемых объемов, на которые может рассчитывать налогоплательщик, осуществляющий инвестиционные проекты, механизм вычета, тем не менее продолжает действовать и в 2026 г. с некоторыми корректировками:

- предоставляется возможность его применения любым лицом, входящим в одну группу с налогоплательщиком, осуществившим капитальные вложения, вне зависимости от отрасли, в которой осуществляет деятельность такое лицо;
- сумма налога, подлежащая уплате в федеральный бюджет в текущем налоговом периоде, не может быть уменьшена на величину большую, чем расчетная сумма налога, исчисленная от налоговой базы текущего налогового периода, при условии применения ставки налога в размере 5%.

Не отказалось государство и от такого, больше регионального, инструмента, как инвестиционный налоговый вычет, параметры которого также уточняются с 2026 г.:

- сохраняется право его применения организациями, являющимися субъектами естественной монополии и осуществляющими транспортировку нефти и (или) нефтепродуктов по системе магистральных трубопроводов, и их соответствующими дочерними обществами;

- установлен прямой запрет на применение инвестиционного налогового вычета и федерального инвестиционного вычета к одним и тем же объектам основных средств и нематериальным активам;

- сумма налога, подлежащая уплате в федеральный бюджет в текущем налоговом периоде, не может быть уменьшена на величину большую, чем расчетная сумма налога, исчисленная от налоговой базы текущего налогового периода, при условии применения ставки налога в размере 2% (3% — в 2025–2030 гг.).

Весьма позитивно оценивается исключение из нормативных документов ограничения по сроку действия для региональных инвестиционных проектов и инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль организаций. Ранее действовавшие ограничения (как правило 5 лет) не соответствовали практике длительности реализации инвестиционных проектов. При этом для исключения нерационального применения налоговых преференций и соответствующих потерь налоговых доходов региональных бюджетов решение о продлении предельного срока осуществления инвестиций МХК для целей применения пониженных налоговых ставок по налогу на прибыль организаций субъект РФ может принимать на один год.

ДОНАСТРОЙКА ЭКОСИСТЕМЫ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ [13]

Особое место в ОНБНТП занимают изменения, которые касаются налогового администрирования. Многие из них тесно увязаны с изменениями по отдельным налогам и в элементах налогообложения. Наиболее заметные касаются модификации одного из наиболее инновационных институтов экосистемы налогового администрирования «Налоговый мониторинг» (в том числе отмена обязательности соответствия кандидата для включения в налоговый мониторинг трем установленным критериям — объем выручки, величина активов, размер уплаченных налогов и оставление обязательности соответствия любому из этих трех и др.)¹⁸.

Стоит отметить, что с момента появления налогового мониторинга количество участников режима выросло более чем в 100 раз. На 2026 г. заявлено

¹⁷ Выступление Шохина А. на съезде РСПП (25 марта 2025 года). URL: <https://rutube.ru/video/8a4d0ca08c6e87fab83b3fc8e31176c6/> (дата обращения: 26.03.2025).

¹⁸ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/10/main/Osnovnye_napravleniya.pdf

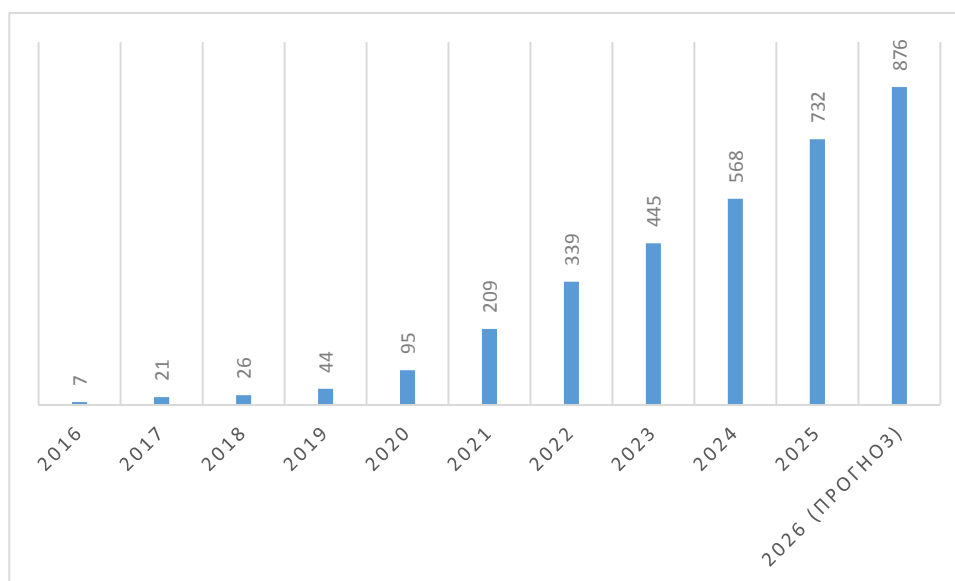

Рис. 4 / Fig. 4. Количество участников налогового мониторинга /
Number of participants in tax monitoring

Источник / Source: составлено автором по данным, представленным заместителем руководителя ФНС России Д.С. Сатиным в рамках X Международного форума Финансового университета. Панельная дискуссия «Будущее налогов» / the state service provider is a representative of the leadership of the Russian Federation. S. Statin in the framework of International Politics. Panel discussion "The Future of Taxes". URL: https://vk.com/video-6319_456241224

участие в налоговом мониторинге 876 компаний¹⁹. Во многом рост числа компаний, перешедших на этот режим, обусловлен неоднократным смягчением критериев вступления. При сохранении текущих темпов к 2027 г. число компаний в мониторинге превысит тысячу. При этом меняется и динамика роста. Если за первые шесть лет — с 2016 по 2022 г. — к режиму присоединились 445 компаний, то за последующие три года добавилась еще 431 организация (рис. 4)!

Большинство новых участников представляют традиционные промышленные отрасли, также есть компании из рекламной сферы, сельского хозяйства, перевозки и ИТ-технологий. Такое разнообразие наглядно демонстрирует универсальность и гибкость этого формата контроля, адаптируемого под специфику различных видов бизнеса.

Научный интерес представляет вопрос: станет ли налоговый мониторинг обязательным для ряда участников налоговых отношений? С одной стороны, институт налогового мониторинга многие годы являлся ярким примером партнерской формы, с другой — стал появляться императивный элемент: каждый участник

СЗПК при любой величине доходов, активов и уплаченных налогов принимает на себя обязательство перейти на налоговый мониторинг в течение трех лет со дня заключения такого соглашения.

Выездная налоговая проверка по-прежнему остается ключевым инструментом углубленного контроля финансово-хозяйственной деятельности за несколько лет. С 2026 г. её временные рамки законодательно расширены. В абзац второго пункта 4-й статьи 89 НК РФ внесены изменения, согласно которым проверка сможет охватывать не только три календарных года, предшествующих году принятия решения о её проведении, но и налоговые периоды текущего года, завершившиеся до даты такого решения (рис. 5).

Стоит отметить, что развитие аналитических инструментов контрольной работы позволяет выявлять максимальные налоговые риски и снижать административное давление на бизнес; так, например охват выездным контролем всех категорий налогоплательщиков составляет 1 налогоплательщик из тысячи (рис. 6).

ВЫВОДЫ

Краткое исследование актуальных трендов основных направлений налоговой политики на среднесрочный плановый период 2026 г. и периода 2027–2028 гг.

¹⁹ На 2026 г. заявлено участие в налоговом мониторинге 876 компаний. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/16572522/

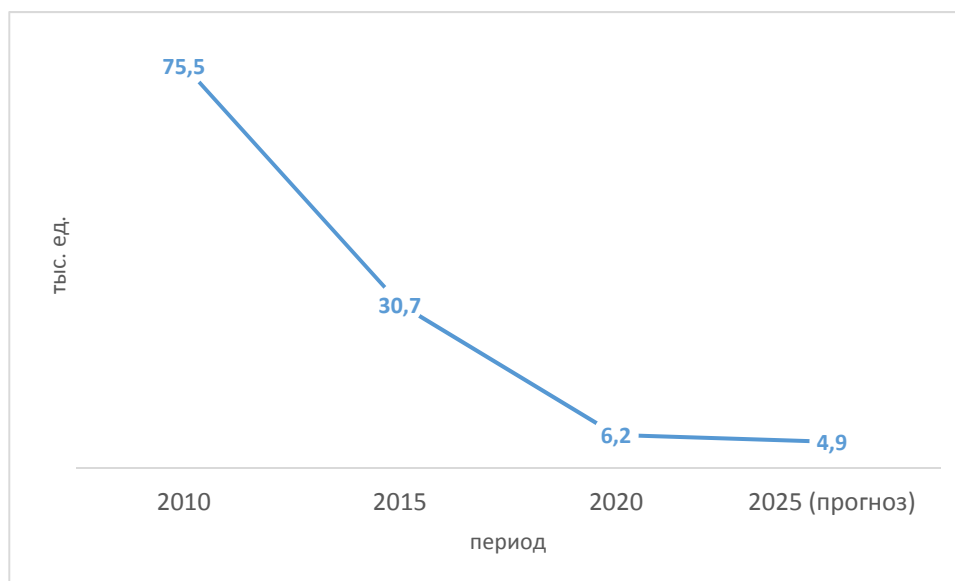

Рис. 5 / Fig. 5. Количество завершённых ВПП / Number of completed on-site tax audits

Источник / Source: составлено автором по данным, представленным заместителем руководителя ФНС России Д.С. Сатиным в рамках X Международного форума Финансового университета. Панельная дискуссия «Будущее налогов» / the state service provider is a representative of the leadership of the Russian Federation. S. Statin in the framework of International Politics. Panel discussion "The Future of Taxes". URL: https://vk.com/video-6319_456241224

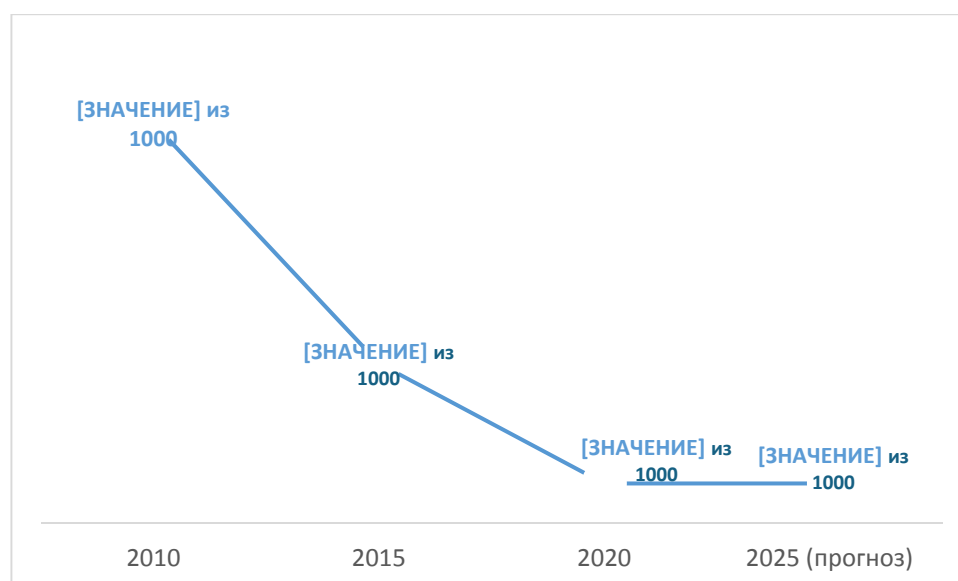

Рис. 6 / Fig. 6. Охват выездным контролем всех категорий налогоплательщиков / Coverage of all categories of taxpayers by on-site inspections

Источник / Source: составлено автором по данным, представленным заместителем руководителя ФНС России Д.С. Сатиным в рамках X Международного форума Финансового университета. Панельная дискуссия «Будущее налогов» / the state service provider is a representative of the leadership of the Russian Federation. S. Statin in the framework of International Politics. Panel discussion "The Future of Taxes". URL: https://vk.com/video-6319_456241224

показало их комплексную взаимосвязь с бюджетной и таможенно-тарифной политикой, а в совокупности — с разноректорными внутренними и внешними экономическими факторами. Социальная направленность налоговых вычетов по налогу на доходы

физических лиц в части возврата, уплаченного налогоплательщиками, имеющими двух и более детей, вызывает необходимость оценить предложенный механизм и расширить зафиксированные критерии на базе учета семейного фактора (в частности, нера-

ботающего члена семьи, обеспечивающего ведение домашнего хозяйства).

Для обеспечения тренда к повышению уровня доверия к государству, к предпринимаемым налоговым мерам важно соблюдать заложенные в программных и нормативных документах принципы, в частности, касающиеся экспериментальных режимов. Прежде всего это относится к режиму налогообложения самозанятых, АУСН, специальным налоговым режимам инвестиционного характера.

Наиболее актуальным в контексте доверия остается и вопрос распространения обязанности по уплате НДС на субъектов малого и среднего предпринима-

тельства. Следует дополнительно, поддерживая МСП через переходный период, показать, насколько принимаемый государством шаг действительно направлен на обеспечение справедливой конкурентной среды путем пресечения схем ухода от налогообложения путем дробления, реструктуризации, банкротства.

Таким образом, оценивая налоговые меры, принимаемые государственными органами, есть основания полагать, что имеет место тренд на обеспечение роста налоговых поступлений в бюджеты бюджетной системы страны при приемлемом уровне налоговой нагрузки на бизнес, а также налоговых льгот для отдельных социальных групп физических лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Гончаренко Л.И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):144-154.
Goncharenko L.I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of Russia's national development projects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):144-154. (In Russ.).
2. Адвокатова А.С., Вишневецкая Н.Г., Гончаренко М.А. Оперативный налоговый контроль как элемент администрирования НДС. *Инновационное развитие экономики*. 2019;6(54):159-166.
Advokatova A.S., Vishnevskaya N.G., Goncharenko M.A. Operational tax control as an element of VAT administration. *Innovacionnoe razvitie ekonomiki = Innovative Development of the Economy*. 2019;6(54):159-166. (In Russ.).
3. Эскиндаров О.М., Маняхин Т.В. Маневр ликвидности в финансовой системе России в контексте проблематики инфляции и развития рынка акций. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(5):47-63.
Eskindarov O.M., Manyakhin T.V. Liquidity manoeuvre in the Russian financial system in the context of inflation and stock market development. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(5):47-63. (In Russ.).
4. Гончаренко Л.И. Оценка применения и возможности повышения результативности антисанкционных налоговых решений в поддержку бизнеса. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(3):24-34.
Goncharenko L.I. Assessment of the applicability and potential for improving the effectiveness of tax solutions to combat sanctions in support of business. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(3):24-34. (In Russ.).
5. Гончаренко Л.И., Адвокатова А.С. Налог на профессиональный доход: риски и потенциал. *Экономика. Налоги. Право*. 2020;13(5):131-140.
Goncharenko L.I., Advocates A.S. Tax on professional income: Risks and potential. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(5):131-140. (In Russ.).
6. Гончаренко Л.И. Конструктив преференциальных налоговых режимов как детерминанта привлечения инвестиций в инновационное развитие России. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(3):156-166.
Goncharenko L.I. Constructive preferential tax regimes as a determinant of attracting investments in innovative development of Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):156-166. (In Russ.).
7. Гончаренко М.А., Хацько А.Д. Налоговые инструменты влияния на развитие рынка финансовых услуг. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(5):115-128.
Goncharenko M.A., Khatsko A.D. Tax Instruments for influencing the development of the financial services market. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(5):115-128. (In Russ.).
8. Полежарова Л.В. К вопросу о введении «минимального налога» в России в условиях международной налоговой реформы. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(1):138-146.
Polezharova L.V. On the introduction of a "minimum tax" in Russia in the context of international tax reform. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(1):138-146. (In Russ.).
9. Гончаренко Л.И., Гончаренко М.А. Налоговое стимулирование инноваций как инструмент обеспечения технологического суверенитета России. *Инновации и инвестиции*. 2025;10:336-340.

- Goncharenko L.I., Goncharenko M.A. Tax incentives for innovation as a tool for ensuring Russia's technological sovereignty. *Innovacii i investicii = Innovations and Investments*. 2025;10:336-340. (In Russ.).
10. Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Иванов П.А. Проблемы обеспечения сбалансированного социально-экономического развития регионов в условиях санкций. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(2):166-180. Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Ivanov P.A. Problems of ensuring balanced socio-economic development of regions under sanctions. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(2):166-180. (In Russ.).
 11. Федотова М.А., Погодина Т.В., Карпова С.В. Оценка тенденций и перспектив развития экономики России в условиях санкционного давления. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(1):6-19. Fedotova M.A., Pogodina T.V., Karpova S.V. Assessment of trends and prospects for the development of the Russian economy under sanctions pressure. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(1):6-19. (In Russ.).
 12. Абрамова М.А., Дубова С.Е., Захарова О.В., Зеленева Е.С., Пищик В.Я. Об основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов: мнение экспертов Финансового университета. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(1):6-17. Abramova M.A., Dubova S.E., Zakharova O.V., Zeleneva E.S., Pishchik V. Ya. On the main directions of the unified state monetary policy for 2025 and the period of 2026 and 2027: The opinion of the Financial University experts. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(1):6-17. (In Russ.).
 13. Гончаренко Л.И., Краюшкин К.Д. Эволюция содержательного наполнения сервисной функции налоговых органов. *Управленческие науки*. 2024;14(2):52-53. Goncharenko L.I., Krayushkin K.D. Evolution of the substantive content of the service function of tax authorities. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences*. 2024;14(2):52-53. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Любовь Ивановна Гончаренко — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Lubov I. Goncharenko — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Taxes and Tax Administration, Faculty of Taxes, Auditing and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-9872-3279>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

LGoncharenko@fa.ru

Алена Станиславовна Адвокатова — кандидат экономических наук, магистр юриспруденции, доцент кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Alena S. Advokatova — Cand. Sci. (Econ.), Master of Laws, Assoc. Prof., Department of Taxes and Tax Administration, Faculty of Taxes, Auditing and Business Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-4358-4005>

ASAdvokatova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.01.2026; принята к публикации 05.02.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 29.01.2026; accepted for publication 05.02.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

DOI: DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-170-188
УДК 336.221.4(045)
JEL K34, H30

Интеграция цифровых технологий в систему налогового контроля в контексте обеспечения согласованности с принципами налоговой политики

А. М. Солехзода

Налоговый комитет при Правительстве Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан

АННОТАЦИЯ

Исследование посвящено теоретико-методологическому обоснованию согласования цифровых технологий налогового контроля с принципами налоговой политики в России и Таджикистане. **Актуальность** и **научная новизна** работы определяется ускоренной цифровизацией налогового контроля и необходимостью согласования между технологическими возможностями и концептуальной и нормативно-ценностной логикой налоговой системы. **Объект** исследования — налоговые отношения и практика налогового администрирования в условиях цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации и Республике Таджикистан. **Предмет** — теоретико-методологические основы согласования цифровых технологий налогового контроля, таких как большие данные, искусственный интеллект, распределённые реестры, промышленный интернет вещей и аналитические платформы, с фундаментальными принципами налоговой политики государства. **Цель** — выработка концептуальных контуров теоретико-методологического исследования и механизма согласованности цифровых инструментов и принципов налоговой политики, а также выявление институциональных, правовых, аксиологических и процессных условий, определяющих возможность и пределы интеграции цифровых инструментов контроля в налоговые системы России и Таджикистана. В процессе исследования применялись реферативный и концептологический анализ, обзор и обобщение источников, теоретическое моделирование и другие общенаучные **методы**. Особое внимание уделялось анализу и оценке уровня соответствия использования цифровых инструментов принципам законности, справедливости, нейтральности, прозрачности, предсказуемости, эффективности и фискальной устойчивости. В **результате** исследования сделан **вывод** об имеющихся методологических ограничениях цифровизации налогового контроля. Предложена структурированная система концептов и определены направления теоретико-методологических исследований и выработки понятийно-категориального аппарата. Область применения охватывает разработку стратегических решений в цифровой трансформации налоговых органов, выработку налоговой политики и проектирование цифровых систем налогового контроля.

Ключевые слова: цифровые технологии; налоговый контроль; налоговая политика; принципы налогового контроля; цифровизация; большие данные; искусственный интеллект; институциональная трансформация; принципы налогообложения; цифровое администрирование; концептуальное моделирование

Для цитирования: Солехзода А. М. Интеграция цифровых технологий в систему налогового контроля в контексте обеспечения согласованности с принципами налоговой политики. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(1):170-188. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-170-188

ORIGINAL PAPER

Digital Tech Integration into the Tax Control System While Maintaining Consistency with the Tax Policy Principles

A. M. Solehzoda

Tax Committee under the Government of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

ABSTRACT

This paper provides a theoretical and methodological basis for aligning digital tax control technologies with tax policy principles in Russia and Tajikistan. This study's **value** and **innovation** stem from tax control's digital shift and linking

© Солехзода А. М., 2026

tech to tax system principles. The **object** of the study is tax relations and tax administration practices in the digital transformation of public administration in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The **subject** of the study is the theoretical and methodological foundations for aligning digital tax control technologies, such as big data, AI, distributed ledgers, the Industrial Internet of Things, and analytical platforms, with the fundamental principles of state tax policy. The research **aims** to develop the conceptual contours of the theoretical and methodological study and a mechanism for aligning digital tools and tax policy principles, as well as to identify the institutional, legal, axiological, and process conditions that determine the feasibility and limits of integrating digital control tools into the tax systems of Russia and Tajikistan. The study employed abstract and conceptual analysis, a source review and synthesis, theoretical modeling, and generic scientific **methods**. The author focused on analyzing and assessing digital tools' compliance with legal, neutral, transparent, predictable, efficient, and fiscally sustainable principles. The work's **finding** is a **conclusion**: there are methodological limitations in the digitalization of tax control. The author presented a conceptual system, highlighted research areas, and called for framework development. This study covers boosting strategic digital tax solutions, tax policies, the digital transformation of tax authorities, and digital tax control systems.

Keywords: digital technologies; tax control; tax policy; tax control principles; digitalization; big data; artificial intelligence; institutional transformation; taxation principles; digital administration; conceptual modeling

For citation: Solehzoda A. M. Digital tech integration into the tax control system while maintaining consistency with the tax policy principles. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):170-188. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-170-188

ВВЕДЕНИЕ

Внедрение современных информационных технологий в деятельность экономических субъектов обусловило существенную трансформацию характера их взаимодействий, повысило требования к качеству государственных и сервисных услуг и актуализировало необходимость разработки новых подходов к налоговой цифровизации. В научной литературе данная проблематика приобретает всё более значимое место. Современные исследования показывают, что даже при достигнутом высоком уровне цифровой трансформации социальной и экономической среды ключевой барьер развития заключается в отставании скорости внедрения передовых цифровых решений в деятельность государственных институтов [1–3]. Это обстоятельство формирует разрыв между технологическими возможностями цифровой экономики и фактическими механизмами администрирования, включая налоговый контроль как инструмент обеспечения налоговой политики государства. Научная же литература всё ещё ограничено рассматривает проблему методологической согласованности цифрового контроля с институциональной, правовой и аксиологической природой налоговой политики [4–6]. Основной акцент в большинстве исследований делается на технологическом потенциале цифровизации и её функциональных преимуществах, тогда как вопросы ценностной совместимости цифровых решений, их правовой легитимации, институциональной адаптивности и риск-ориентиро-

ванной логики применения остаются недостаточно раскрытыми [7–10].

Современная налоговая система сталкивается с вызовом: как интегрировать высокотехнологичные инструменты таким образом, чтобы не нарушать фундаментальные принципы налоговой политики и одновременно обеспечивать устойчивость, прозрачность и эффективность налоговых процессов [11;12]. В этой ситуации особую научную значимость приобретает разработка теоретико-методологического аппарата, позволяющего описать согласованность между цифровыми технологиями налогового контроля и ценностными основаниями налоговой политики. Для этого требуется комплексный междисциплинарный подход, объединяющий аксиологический анализ, институциональную теорию, правовую методологию, концепции цифровой эпистемологии данных, поведенческую экономику и дискурсивный анализ. Такой подход создает основу для рассмотрения цифровизации не в образе нейтрального технологического процесса, а в качестве феномена, формирующего новые когнитивные, нормативные и управленческие институты.

Цифровая трансформация налогового администрирования в России привела к существенному росту эффективности фискального контроля. Доля электронной подачи отчетности достигла 99% у юридических и 95% у физических лиц, тогда как в начале 2010-х этот показатель был менее 40% [1]. Средняя длительность камеральных проверок сократилась более чем в два раза, а число выезд-

ных проверок — почти на 60%, при одновременном росте числа выявляемых нарушений благодаря риск-ориентированным моделям. Система АСК НДС-2 анализирует свыше 10 млрд счетов-фактур ежегодно и снижает необоснованное возмещение НДС на десятки миллиардов рублей. Налоговая недоимка сократилась почти на треть, доля добровольной уплаты превышает 99%, а издержки бизнеса на выполнение налоговых обязанностей уменьшились более чем на 20% [13].

Например, в 2023 г. объем налоговых поступлений в бюджет РФ составил 22,5 трлн руб. Такой результат обусловлен улучшением взаимодействия между налогоплательщиками и налоговыми органами, внедрением автоматизированных систем контроля. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»^{*} закрепляет стратегическую установку на формирование цифровой среды государственного управления, в том числе на основе развития платформенных решений и сквозных цифровых технологий, что напрямую касается и налоговой сферы [6;14;15].

Республика Таджикистан демонстрирует схожий стратегический вектор: интеграция цифровых технологий в контуры налогового администрирования и контрольных процедур как необходимое условие повышения фискальной устойчивости и прозрачности налоговых отношений. Институциональная среда цифровизации выстраивается вокруг Национальной стратегии развития до 2030 г. и производных от неё документов — «Концепции цифровой экономики в Республике Таджикистан» и Среднесрочной программы развития цифровой экономики на 2021–2025 гг. Документы предусматривают развитие цифровой инфраструктуры, усиление институционального потенциала и внедрение цифровых решений в деятельность органов государственной власти, включая Налоговый комитет при Правительстве Республики Таджикистан. Международные организации фиксируют, что улучшение собираемости доходов бюджета в стране уже связано, в том числе, с цифровизацией процессов налогового и таможенного администрирования [16;17].

Таким образом, и Россия, и Таджикистан действуют в общем глобальном тренде цифро-

визации инструментария налогового контроля: от расширения массива используемых данных и автоматизации процедур до формирования элементов «налоговой экосистемы» и сервисной модели взаимодействия с налогоплательщиками. Актуально теоретико-методологическое осмысление этих процессов и в парадигме стремительно меняющихся технологических изменений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тенденции имплементации цифровых технологий в методологию налогового контроля как элемента налоговой политики государства в Российской Федерации и Республике Таджикистан

Цифровизация налогового контроля в России и Таджикистане демонстрирует поступательное формирование платформенной модели администрирования, в рамках которой ключевые процессы — регистрация налогоплательщиков, ведение учёта, подача отчётности, расчёт налоговых обязательств и проверка данных — переводятся в цифровую среду. Такое преобразование обеспечивает взаимодействие между налогоплательщиком и государством, а также существенно повышает прозрачность и стандартизированность фискальных операций [18–20].

Одновременно наблюдается расширение спектра цифровых сервисов, включающих личные кабинеты, системы электронного документооборота, налоговые калькуляторы, сервисы проверки рисков и доступ к государственным реестрам. В России этот процесс характеризуется высокой степенью зрелости и глубокой интеграцией сервисов в единую цифровую экосистему. В Таджикистане тенденция выражается в ускоренном наращивании базовой цифровой инфраструктуры, а также в создании условий для дальнейшего перехода к платформенной модели налогового администрирования [21].

Центральным направлением цифровизации становится повышение роли аналитики и больших данных. Налоговые органы обеих стран постепенно переходят к риск-ориентированным и превентивным моделям контроля, в которых анализ транзакций и данных позволяет выявлять потенциальные нарушения до момента их фактического наступления. В результате трансформируется природа государственного контроля — от реагирования к раннему предупреждению.

^{*} Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р и Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234.

Таблица 1 / Table 1

Матрица тенденций цифровизации налогового контроля в Российской Федерации и Республике Таджикистан / Trend matrix of tax control digitalization in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan

Тенденция / The trend	Проявление в России / Manifestation in Russia	Проявление в Таджикистане / Manifestation in Tajikistan	Стратегические последствия для налогового контроля / Strategic implications for tax control
Формирование платформенной модели администрирования	Глубокая интеграция сервисов ФНС, единая цифровая архитектура, развитые личные кабинеты ФЛ и ЮЛ, высокие стандарты автоматизации	Переход от фрагментарных сервисов к созданию базовой платформы налогового администрирования, постепенное объединение сервисов	Повышение устойчивости налогового контроля, снижение транзакционных издержек, унификация интерфейсов взаимодействия
Расширение спектра цифровых сервисов	Широкий набор функциональных модулей: онлайн-регистрация, декларации, рисковые профили, аналитика	Вводятся ключевые сервисы: регистрация бизнеса, проверка ИНН, электронная подача форм, начальный этап риск-сервисов	Формирование цифровой инфраструктуры, повышение доступности налоговой системы, рост уровня цифровой дисциплины
Рост значимости данных и аналитики	Использование Big Data, ИИ, предиктивных моделей, автоматическое выявление рисков, центры обработки данных	Начальный этап внедрения аналитических инструментов, преимущественно ручная аналитика, пилотные проекты цифрового мониторинга	Переход от реактивного контроля к превентивному, усиление аналитической функции государства
Сервисная ориентация налоговых органов	Развитые каналы обратной связи, интеллектуальные помощники, автоматические рекомендации, высокая скорость обслуживания	Создаются базовые консультационные сервисы, совершенствуются справочные системы и онлайн-поддержка	Повышение доверия к налоговым органам, рост добровольного соблюдения налоговой дисциплины
Интеграция государственных реестров	Глубокая межведомственная интеграция (ЕГРЮЛ, ЕГРИП, ФИАС, Росреестр, ПФР), система верификации данных	Начальная стадия объединения реестров, создание единой базы адресов, развитие правовой инфраструктуры данных	Повышение точности и достоверности данных, снижение ошибок отчётности, минимизация рисков мошенничества
Автоматизация юридически значимых процедур	Полностью цифровая регистрация бизнеса, автоматизированная подготовка деклараций, квалифицированная ЭП	Цифровизация ключевых процедур – регистрация, присвоение ИНН, подготовка отчётности – частично автоматизирована	Сокращение бюрократии и сроков проверок, снижение человеческого фактора, повышение контроля
Дифференцированные темпы цифровизации при общем стратегическом векторе	Зрелая цифровая система, переход к интеллектуальным технологиям и платформенному надзору	Рост цифровой инфраструктуры, движение к унифицированной модели, цифровизация ключевых сервисов	Сближение моделей налогообложения, возможность интеграции цифровых платформ в региональных объединениях
Развитие цифрового комплаенса и правовой определённости	Активная адаптация законодательства к цифровизации, введение новых нормативов для алгоритмических решений	Формирование правовой рамки цифрового взаимодействия, усиление регулирования данных и электронной отчётности	Повышение юридической устойчивости цифровых процессов, снижение пространств правовой неопределённости
Углубление международного и регионального взаимодействия	Участие в международных налоговых инициативах, обмен цифровыми данными	Усиление взаимодействия с ЕАЭС, СНГ, развитие механизмов обмена налоговой информацией	Формирование основ единого цифрового налогового пространства в регионе, повышение совместимости систем

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Таблица 2 / Table 2

Обзор цифровых технологий и сервисов в обеспечении налогового контроля: тенденции в Республике Таджикистан и Российской Федерации / Overview of digital technologies and services in tax control: Trends in the Republic of Tajikistan and the Russian Federation

Категория цифрового сервиса / Digital Service Category	Функциональные возможности / Functional features	Роль в системе налогового контроля / Role in the tax control system	Направления дальнейшего развития цифровизации / Directions for further development of digitalization
Личные кабинеты	Предоставляют персонализированный доступ к налоговой информации, позволяют подавать декларации, получать уведомления, управлять расчётами и платежами, вести переписку с налоговыми органами, формировать аналитические отчёты	Способствуют прозрачности деятельности налогоплательщика, обеспечивают документирование всех операций, предоставляют налоговым органам данные в структурированном виде, облегчают контроль исполнения обязательств	Переход к интеллектуальным кабинетам на основе искусственного интеллекта, внедрение биометрической аутентификации, автоматическое формирование рекомендаций, интеграция с банковскими и бухгалтерскими системами
Меры поддержки	Автоматизированное информирование о налоговых льготах, субсидиях и специальных режимах; проверка права на льготу; электронная подача заявлений на её получение	Снижают риск неправильного применения льгот и недобросовестных схем, обеспечивают единообразное применение мер поддержки, облегчают мониторинг эффективности льготной политики	Интеграция с платформой государственных услуг, персонализация мер поддержки, создание единой базы льготных категорий, автоматическое назначение льгот
Регистрация бизнеса	Полностью цифровая подача документов, получение статуса юридического лица или ИП, автоматическая генерация реестровых данных, интеграция с базами адресов, налоговых кодов и видов деятельности	Повышают качество данных о налогоплательщиках, сокращают ошибки при регистрации, обеспечивают раннее включение бизнеса в систему налогового учёта и мониторинга	Введение полностью безбумажной регистрации, автоматическая проверка надёжности, интеграция с банками и социальными фондами, переход к концепции «регистрация за один шаг»
Сведения об ИНН	Предоставляют быстрый доступ к налоговому идентификатору, включают автоматизированные сервисы поиска, восстановления и подтверждения ИНН, сверку данных по различным реестрам	Устраняют дублирование и ошибки учёта, повышают корректность сопоставления данных налогоплательщиков и сделок, способствуют снижению административных споров	Расширение межведомственного обмена идентификаторами, создание единого цифрового профиля налогоплательщика, внедрение системы сквозной идентификации на основе ИИ
Уплата налогов и пошлин	Формирование электронных платёжных документов, автоматическая привязка платежа к обязательству, интеграция с онлайн-банкингом, получение мгновенных подтверждений	Повышают прозрачность денежных потоков, минимизируют просроченные платежи, создают условия для постоянного контроля поступлений в бюджет	Интеграция с цифровыми кошельками, системами мгновенных платежей, расширение автоматических списаний, использование смарт-контрактов
Риски бизнеса	Онлайн-проверка контрагентов, выявление признаков неблагонадёжности, оценка финансовых рисков, сопоставление данных о бизнес-активности	Минимизируют риск вовлечения в незаконные схемы, повышают качество налогового контроля через раннюю идентификацию рискованных операций	Развитие риск-моделей на основе машинного обучения, создание единой базы профилей рисков, интеграция с международными системами комплаенса

Окончание таблицы 2 / Table 2 (continued)

Категория цифрового сервиса / Digital Service Category	Функциональные возможности / Functional features	Роль в системе налогового контроля / Role in the tax control system	Направления дальнейшего развития цифровизации / Directions for further development of digitalization
Сведения из реестров	Доступ к юридическим реестрам (ЕГРЮЛ, ЕГРИП), адресной системе (ФИАС), реестрам лицензий, судебных решений, обеспечивающим комплексный набор данных	Обеспечивают достоверность информации, позволяют проводить многоуровневую проверку данных, усиливают юридическую определённость	Консолидация всех государственных реестров в единую платформу, создание цифровых витрин данных, автоматизированная верификация данных
Налоговые калькуляторы	Автоматический расчёт налогов, моделирование налоговой нагрузки, проверка корректности расчётов в соответствии с действующим законодательством	Повышают точность расчётов, уменьшают количество ошибок, обеспечивают прозрачность расчётных процедур	Внедрение адаптивных моделей, прогнозирование налоговых сценариев, интеграция с бухгалтерскими системами в реальном времени
Налоговый учёт	Автоматизация ведения налогового журнала, электронное формирование отчётности, контроль соответствия операций требованиям налогового законодательства	Повышают качество отчётности, сокращают трудозатраты, обеспечивают оперативный доступ налоговых органов к унифицированным данным	Полная автоматизация учёта через искусственный интеллект, создание единой национальной бухгалтерско-налоговой платформы
Электронный документооборот	Передача деклараций, актов, договоров, электронных квитанций, юридически значимая цифровая подпись, хранение документов	Обеспечивает непрерывность контроля, сокращает издержки и ускоряет процессы проверки	Расширение системы межведомственного ЭДО, переход к единому цифровому архиву, повышение уровня криптографической защиты
Справочная информация	Предоставление нормативных актов, разъяснений, методических рекомендаций, обновлений законодательства	Повышает правовую определённость налогоплательщиков, снижает количество ошибок и обращений	Автоматическая генерация разъяснений на основе ИИ, персонализированные подборки документов
Обратная связь / помощь	Включает чат-ботов, онлайн-консультации, интерактивные сервисы поддержки, отслеживание заявок	Повышает уровень сервиса, способствует добровольному соблюдению налогового законодательства	Оmnikanальная поддержка, внедрение голосовых помощников, интеграция с социальными платформами
Международное налогообложение	Информация по КИК, соглашениям об избежании двойного налогообложения, трансфертному ценообразованию	Усиливает контроль трансграничных операций, повышает соответствие международным требованиям	Автоматизация обмена финансовой информацией, подключение к глобальным системам мониторинга
Программные средства ФНС / НК РТ	Широкий набор инструментов: подготовка документов, проверка файлов, автоматизация деклараций, ведение реестров, проверки форматов	Формируют основу цифровой инфраструктуры администрирования, обеспечивают корректность отчётности	Облачные платформы, ИИ-валидация, интеграция с ERP и банками

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Всё более важной становится сервисная ориентация налоговых органов. Развитие электронных консультаций, справочных сервисов, автоматических подсказок, интерактивной помощи и обратной связи снижает административную нагрузку и повышает добровольность соблюдения налоговых обязательств. Такая эволюция способствует укреплению доверия и формированию новой модели взаимоотношений между государством и налогоплательщиком.

Важным направлением развития является также интеграция государственных реестров и обеспечение высокого качества данных. Доступ налоговых органов к адресным, юридическим, имущественным и иным реестрам обеспечивает целостность информационной картины и позволяет проводить многоуровневый контроль достоверности сведений. Таким образом создаются предпосылки для повышения точности алгоритмических процедур и минимизации ошибок отчётности [19]. Происходит активная автоматизация юридически значимых процедур, включая регистрацию бизнеса, подготовку деклараций, присвоение ИНН, проверку корректности данных и формирование платёжных документов.

Несмотря на различия в темпах цифровизации, обе страны демонстрируют стратегическое единство — движение к созданию современного цифрового налогового пространства. Россия уже формирует высокоуровневую архитектуру глубокой автоматизации, тогда как Таджикистан выстраивает фундамент для перехода к подобным решениям. Однако вектор развития остаётся общим, что создаёт основу для совместимости систем и для укрепления регионального взаимодействия.

Переход от ручных процедур к цифровым формирует новое техническое и правовое основание налогового контроля, в котором значительная часть операций осуществляется автоматически и требует иной концептуальной интерпретации. Важным становится формирование цифрового комплаенса, а также усиление нормативной определённости алгоритмических процедур. Цифровые сервисы начинают выполнять функции первичного контроля, что требует адаптации правовой базы, уточнения принципов обработки данных и формирования единой понятийной рамки.

На этом фоне усиливается значение международного и регионального сотрудничества. Для

России и Таджикистана важным становится выработка совместимых цифровых стандартов, унификация процедур и развитие механизмов обмена данными в рамках региональной интеграции, что требует единства в понимании принципов и феноменов цифрового налогового пространства. В табл. 1 и 2 приведены сформулированные тенденции цифровизации налогового контроля и возможные последствия и риски, связанные с активизацией данного процесса в налоговой политике России и Республики Таджикистан.

Проблематика концептуального обеспечения интеграции цифровых технологий, применяемых в реализации налогового контроля: согласованность с принципами налоговой политики

Современный этап цифровизации социально-экономического пространства обусловил качественные изменения информационных потоков, механизмов государственного управления и моделей функционирования хозяйствующих субъектов. Интеграция цифровых технологий в практику государственного администрирования становится неотъемлемым условием повышения эффективности фискальной системы, развития аналитических инструментов налоговой политики и обеспечения бюджетной устойчивости. Расширение технологического арсенала обостряет проблему методологической согласованности цифровых решений с принципами налоговой политики, поскольку цифровизация контроля неизбежно влияет на структуру налоговых стимулов, характер фискального давления и стандарты взаимодействия между государством и налогоплательщиками.

В целях систематизации подходов в табл. 3 представлены ключевые цифровые технологии современного уклада экономики, анализ их соответствия задачам налоговой политики, потенциал использования в налоговом контроле, а также концептуальные проблемы, проявляющиеся при сопоставлении технологических возможностей и принципов налоговой политики.

Сформулированные проблемы отражают недостаток теоретико-методологического обеспечения реализации цифровых технологий как инструмента налогового контроля в системе налоговой политики:

а) цифровые технологии формируют новое методологическое основание налоговой поли-

тики, выдвигая требования к переосмыслению традиционных принципов справедливости, нейтральности, эффективности и прозрачности. Возникает необходимость системно увязать технологические возможности с нормативной логикой налогового регулирования;

б) значительная часть технологий обладает высоким потенциалом для развития риск-ориентированного налогового управления, однако их использование ограничено отсутствием унифицированных методик интерпретации цифровых данных в правовом поле. Это порождает риск нарушения принципов законности и предсказуемости налоговой политики;

в) технологии искусственного интеллекта и больших данных радикально повышают аналитический потенциал налоговых органов, но создают новые аксиологические вызовы: алгоритмическая справедливость, прозрачность решений, предотвращение дискриминационных эффектов. Здесь наиболее остро проявляется проблема согласованности технологического развития с фундаментальными принципами налоговой системы;

г) инфраструктурные технологии (IIoT, сенсоры, робототехника) позволяют формировать непрерывный цифровой контур налогового контроля, однако нормативно-правовые механизмы признания машинных данных как юридически значимых пока не соответствуют требованиям принципа законности и технологической нейтральности;

д) внедрение распределённых реестров и квантовых технологий сталкивается с выраженным концептуальным барьером: теоретическая, правовая, методическая и нормативно-процедурная система не успевает адаптироваться к архитектуре новых цифровых инструментов. Возникает рассогласованность между технологической неизменяемостью данных и уровнем гибкости налоговой политики;

е) для обеспечения согласованности цифровых технологий с принципами налоговой политики необходима разработка междисциплинарного теоретико-методологического подхода, учитывающего экономические, правовые, институциональные и ценностные параметры налогового администрирования. Такая модель должна устранить разрыв между технологическими инновациями и концептуальными условиями их применения.

Разработка теоретико-методологического пространства исследований проблем согласованности принципов налоговой политики и применения цифровых технологий в реализации налогового контроля

Для целей проведенного исследования были выделены две группы основных допущений в налогообложении в соответствии с:

- базовыми принципами: 1) всеобщность;
- 2) справедливость; 3) определенность;
- производными принципами: 4) стабильность;
- 5) эффективность; 6) необложение факторов производства; 7) однократность; 8) недискриминация; 9) монополия государства на взимание налогов, которые распределяют между налоговой политикой, налоговым процессом и налоговым администрированием.

Переход от ручных процедур к цифровым формирует новое техническое и правовое основание налогового контроля, в котором значительная часть операций осуществляется автоматически и требует иной концептуальной интерпретации. Важным становится формирование цифрового комплаенса, а также усиление нормативной определённости алгоритмических процедур

В согласованности принципов налоговой политики и цифровых технологий налогового контроля следует исходить из развития понятийного аппарата, включая дефиниции «концепт», «нарратив», «дискурс» и «дискурсивное поле». Концепт в настоящем исследовании понимается как теоретико-методологическое ядро, задающее рамки анализа и способы интерпретации исследуемого явления; нарратив — как смысловую конструкцию, формирующую интерпретационные линии внутри концепта; дискурс — как систему высказываний, норм, категорий и объяснитель-

Таблица 3 / Table 3

Проблемы концептуального обеспечения интеграции цифровых технологий, применяемых в реализации налогового контроля: согласованность с принципами налоговой политики / Challenges in the conceptual support for the integration of digital technologies used in tax control: Consistency with the principles of tax policy

Цифровые технологии современного уклада экономики и государственного управления / Digital technologies in the modern economy and public administration	Применимость технологий в рамках налоговой политики государства / Applicability of technologies within the framework of state tax policy	Реализация цифровых технологий как инструмента налогового контроля / Implementation of digital technologies as a tax control tool	Проблемы концептуального обеспечения внедрения технологий в систему налогового контроля (в контексте согласованности с принципами налоговой политики) / Problems of conceptual support for the introduction of technologies into the tax control system (in the context of compliance with the principles of tax policy)
Технологии больших данных	Формирование макросистем информационного обеспечения налоговой политики, баз данных макрофискальных прогнозов; повышение точности налоговой базы; обеспечение риск-ориентированного подхода в реализации налоговой политики	Создание баз данных и профилей налогоплательщиков (технология «налоговый паспорт»); выявление скрытых схем уклонения от налогообложения за счет выявления трендов и закономерностей методами статистического анализа на материалах больших данных; автоматизация процессов информационно-аналитического обеспечения процессов налогового контроля	Несогласованность массивов данных между ведомствами; риск нарушения принципов достоверности налогообложения, прозрачности и предсказуемости налогообложения; отсутствие методологии интерпретации больших данных в целях правоприменения
Нейротехнологии и искусственный интеллект	Оптимизация налоговых режимов; интеграция концептов поведенческой экономики и менеджмента и обеспечение моделирования поведения налогоплательщиков; оценка фискальной эластичности	Автоматизированное выявление аномалий; прогноз уклонения от налогообложения; интеллектуальные системы принятия решений в области налогообложения	Этические и правовые ограничения реализации налоговой политики; непрозрачность алгоритмов реализации налогового контроля, противоречащая принципам законности и открытости; риск нарушения принципа справедливости из-за алгоритмических искажений
Технологии распределённого реестра (Blockchain)	Формирование прозрачной среды транзакций; укрепление доверия к системе налогообложения	Контроль цепочек поставок; фиксация данных по НДС; неизменяемые реестры хозяйственных операций	Отставание правового регулирования; несоответствие технологической модели принципу технологической нейтральности; трудности стандартизации; потенциальный конфликт с принципом гибкости налоговой политики

Окончание таблицы 3 / Table 3 (continued)

Цифровые технологии современного уклада экономики / Digital technologies in the modern economy and public administration	Применимость технологий в рамках налоговой политики государства / Applicability of technologies within the framework of state tax policy	Реализация цифровых технологий как инструмента налогового контроля / Implementation of digital technologies as a tax control tool	Проблемы концептуального обеспечения внедрения технологий в систему налогового контроля (в контексте согласованности с принципами налоговой политики) / Problems of conceptual support for the introduction of technologies into the tax control system (in the context of compliance with the principles of tax policy)
Квантовые технологии	Перспективное обеспечение криптографической устойчивости фискальной инфраструктуры	Защищённые каналы передачи налоговой информации	Технологическая незрелость; неопределён- ность концептуальной рамки; отсутствие соответствия принципам экономической обоснованности и эффективности (высокие издержки внедрения)
Новые производственные технологии (аддитивные, цифровые фабрики)	Формирование новых налоговых баз; корректировка налоговых стимулов промышленного развития	Мониторинг фактических производственных процессов; цифровые близнецы для контроля объёмов	Несформированность понятийных границ объектов налогообложения; методологи- ческий разрыв между технологическими процессами и налоговыми принципами нейтральности и стабильности
Промышленный интернет вещей (IIoT)	Создание непрерывных цифровых контуров налоговой отчётности; снижение теневой деятельности	Контроль перемещения товаров; мониторинг оборудования и сырья	Уязвимость сенсорных данных; отсутствие унифицированных протоколов; риск нару- шения принципа достоверности; сложность интеграции с правовыми нормами о фактах хозяйственной деятельности
Робототехника и сенсорные системы	Автоматизация процедур учёта; снижение издержек налогового администрирования	Фиксация операций в реальном времени; аудит производственных процессов	Недостаточная правовая определённость машинной фиксации фактов; противоречия с принципом законности; вопросы квали- фикации данных как юридически значимых
Технологии беспроводной связи (5G и др.)	Создание высокоскоростной инфраструктуры для налоговой цифровизации	Обеспечение стабильного обмена данными; дистанционный мониторинг объектов	Высокая зависимость от качества инфра- структуры; кибер-риски; несогласован- ность технических условий с принципом надёжности и непрерывности фискальных процессов
Виртуальная и дополненная реальность (VR/AR)	Обучение налоговых специалистов; моделирование последствий налоговых решений	Визуализация хозяйственных процессов; дистанционный аудит	Ограниченная применимость; отсутствие методологического стандарта; слабая кор- реляция с ключевыми принципами нало- говой политики (нейтральность, экономич- ность, устойчивость)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ных моделей, определяющих легитимное пространство научного обсуждения; а дискурсивное поле — как пространство пересечения различных дискурсивных перспектив, в котором моделируются новые смыслы, категории и исследовательские подходы. Разработанная автором концептосфера, позволяющая сформировать направление теоретических исследований, представлена в табл. 4.

Аксиологический концепт согласованности раскрывает проблему соотношения ценностных основ налоговой политики и внедряемых цифровых технологий. В рамках этого подхода цифровизация рассматривается как процесс, который либо укрепляет, либо трансформирует ценностные принципы фискальной системы — справедливость, прозрачность, предсказуемость, нейтральность. Нарратив ценностной совместности выражает идею необходимости взаимного проникновения технологических решений и фундаментальных норм налогообложения, тогда как нарратив легитимности цифрового контроля акцентирует важность нормативного признания алгоритмических процедур. Дискурсивное поле данного подхода формируется вокруг вопросов цифровой справедливости, доверия, легитимизации машинных решений, закладывая основу для углубления теории цифровой аксиологии в сфере государственного управления.

Институциональный концепт согласованности теоретического дискурса и цифровых технологий в налоговой политике фокусируется на способности государственных институтов адаптироваться к ускоренному технологическому развитию. Цифровые технологии требуют интеграции, согласования функций, регуляторной гибкости и устойчивых механизмов межведомственного взаимодействия. Нарративы институциональной интеграции и адаптивности подчёркивают необходимость трансформации структур государственного управления, переосмысления регуляторных процедур и формирования единой цифровой инфраструктуры. Возникающие дискурсивные поля — модернизации институтов, институциональной эластичности, цифровой координации — позволяют выявлять барьеры цифровизации и разрабатывать модели институционального согласования.

Правовой концепт рациональности и технологической нейтральности обращается к вопросу

соответствия цифровых технологий принципам правовой системы. Центральным становится обеспечение законности, предсказуемости, равенства прав субъектов и технологической нейтральности норм налогового регулирования. Нарратив юридической значимости цифровых данных показывает, что внедрение технологий ставит вопрос о признании машинной фиксации фактов в качестве источника правовых последствий. В дискурсивном поле этого концепта формируются направления исследований цифрового правоприменения, интерпретации алгоритмов, нормативной определённости цифровых фактов, что расширяет категориальную базу финансового и налогового права.

Концепт риск-ориентированной цифровой модели налоговой политики выводит исследование в пространство предиктивной аналитики. Цифровые технологии позволяют прогнозировать налоговую базу, выявлять риски уклонения, формировать превентивные модели воздействия. Нарративы фискальной прогнозируемости и снижения неопределённости определяют логику управления налоговыми потоками на основе больших данных и искусственного интеллекта. Дискурсы предиктивного контроля, цифровой фискальной устойчивости и поведенческих моделей налогоплательщиков создают основу для формирования нового теоретического направления — цифровой фискальной аналитики.

Коммуникативно-когнитивный концепт цифрового налогового взаимодействия акцентирует преобразование коммуникаций между государством и налогоплательщиками в условиях технологической трансформации. Здесь важны нарративы прозрачности, доступности, цифровой ответственности, которые раскрывают когнитивную природу взаимодействия субъектов. Соответствующие дискурсы — цифровой коммуникации, открытости данных, когнитивной архитектуры налоговых сервисов — определяют границы формирования новой культуры фискального диалога.

Процессно-структурный концепт согласованности рассматривает цифровой контроль как преобразованную систему процессов и структур. Цифровые технологии обеспечивают непрерывность мониторинга, повышение точности операций и оптимизацию процедур. Нарративы процессной интеграции и функционального соответствия описывают встроенность технологий

в логику налоговой политики. В дискурсивном поле формируются направления исследований цифровой эффективности, архитектуры цифровых платформ, структурной совместимости технологий и регулятивных процессов.

Эпистемологический концепт формулирует фундаментальный вопрос: в какой мере цифровые данные и алгоритмические процедуры могут рассматриваться как достоверный источник информации для налогового контроля. Нарративы достоверности, эпистемологической состоятельности и ограничения искажений позволяют выявить глубинные когнитивные риски цифровизации. Соответствующие дискурсы — критерии истины в цифровом контроле, репрезентативности данных, цифровой когнитивной надёжности — расширяют философско-методологическую базу исследования налогового администрирования.

Наконец, *концепт устойчивости и фискальной безопасности* соединяет цифровизацию с долгосрочной стратегией функционирования налоговой системы. Здесь цифровые технологии рассматриваются как фактор устойчивости, но одновременно — как источник новых угроз и нагрузок. Нарративы цифровой устойчивости, фискальной защищённости и сбалансированности позволяют анализировать соотношение выгод и рисков.

Дискурсивное поле кибер-фискальной защиты и стратегического управления цифровыми рисками формирует основу для разработки новых категорий, связанных с безопасностью цифровых налоговых систем.

В совокупности эти концепты и нарративы образуют целостное теоретическое пространство, в рамках которого возможно развитие терминологически-категориального аппарата, необходимого для исследования согласованности цифровых технологий налогового контроля с принципами налоговой политики. Такое пространство формирует многомерное дискурсивное поле, позволяющее интегрировать аксиологические, правовые, институциональные, процессные и когнитивные подходы к анализу цифровой трансформации фискальной системы. В результате будут выделены и обобщены взаимосвязанные дисциплинарные концепты (информационно-технологические, социальные, когнитивные, этико-культурологические, нормативно-правовые и др.), обладающие потенциалом доминирующего влияния на уровень

развития теории и методов налогового администрирования (табл. 4).

Дискурсивное поле *аксиологического концепта* формируется вокруг проблематики цифровой справедливости и ценностной нейтральности технологий. Здесь ключевым становится анализ того, каким образом цифровые инструменты трансформируют нормы равенства, прозрачности и предсказуемости налоговой политики. В рамках этого направления выделяется дискурс цифровой справедливости, помогающий ответить на вопрос: способствует ли цифровизация устранению асимметрии возможностей налогоплательщиков или, напротив, создаёт риски алгоритмической дискриминации? Цель дискурса легитимации алгоритмических решений — подходы к признанию цифровых методов контроля как социально приемлемых и нормативно обоснованных механизмов государственного управления. Дискурс доверия к цифровому государству акцентирует внимание на восприятии гражданами и бизнесом цифровых механизмов контроля, поскольку эффективность цифровой налоговой среды в значительной мере определяется уровнем институциональной доверительности. Совокупность этих направлений образует ядро аксиологического дискурсивного пространства, где цифровые технологии рассматриваются не столько в функциональном, сколько в ценностно-нормативном измерении.

Институциональный концепт порождает дискурс институциональной модернизации, который раскрывает цифровизацию как фактор трансформации государственных институтов и регуляторных режимов. В данном контексте цифровые платформы воспринимаются не как технические средства, а как инструменты институциональной перестройки, изменяющие логику взаимодействия между ведомствами, в том числе перераспределяющие полномочия и повышающие связанность административной системы. Важным направлением становится дискурс межведомственной цифровой координации, предполагающий анализ механизмов синхронизации данных, стандартизации технологических архитектур и интеграции разрозненных ведомственных систем в единое цифровое пространство. Развитие цифрового государственного управления также сопровождается дискурсом институциональных барьеров, поскольку внедрение

Таблица 4 / Table 4
Теоретико-методологические концепты согласованности принципов налоговой политики и цифровых технологий налогового контроля / Theoretical and methodological concepts of aligning the principles of tax policy with digital technologies in tax control

Теоретико-методологические концепты согласованности / Theoretical and methodological concepts of consistency	Расширенные ключевые нарративы, формируемые в рамках концептов / Expanded key narratives formed within the framework of concepts	Дискурсы и дискурсивное поле дальнейших исследований / Discourses and the discursive field of further research
Аксиологический концепт согласованности	Нарратив ценностной совместимости цифровых технологий и налоговых принципов, описывающий условия, при которых цифровые инструменты не искажают фундаментальные нормы справедливости, нейтральности, предсказуемости и прозрачности. Нарратив институциональной легитимности цифрового контроля, подчёркивающий необходимость соответствия алгоритмических решений нормам правового государства. Нарратив доверия, раскрывающий восприятие гражданами и бизнесом цифровых механизмов как справедливых и не репрессивных	Дискурс цифровой справедливости; дискурс легитимации алгоритмов; дискурс доверия к цифровому государству; дискурс ценностной нейтральности технологий; дискурс аксиологической согласованности
Институциональный концепт цифровой согласованности	Нарратив институциональной интеграции, описывающий потребность соединения цифровых платформ, ведомственных систем и регуляторных процедур в единую архитектуру. Нарратив адаптивности институтов, раскрывающий способность государственной системы реагировать на технологические изменения. Нарратив цифровой совместимости, представляющий как поиск баланса между технологическими возможностями, нормативными предписаниями и организационными механизмами	Дискурс институциональной модернизации; дискурс межведомственной цифровой координации; дискурс институциональных барьеров; дискурс организационной совместимости; дискурс регуляторной эластичности
Концепт правовой рациональности и технологической нейтральности	Нарратив юридической значимости цифровых данных, в рамках которого рассматривается признание цифровых следов и машинной фиксации фактов как правовых оснований. Нарратив технологической нейтральности, описывающий недопустимость уклонения от принципов равенства в результате внедрения технологий. Нарратив правовой предсказуемости, фиксирующий необходимость обеспечить стабильность правоприменения в условиях автоматизации	Дискурс цифрового правоприменения; дискурс юридической интерпретации алгоритмических решений; дискурс нормативной определённости цифровых фактов; дискурс прозрачности алгоритмов; дискурс технологической нейтральности

Окончание таблицы 4 / Table 4 (continued)

Теоретико-методологические концепты / Theoretical and methodological concepts of consistency	Расширенные ключевые нарративы, формируемые в рамках концептов / Expanded key narratives formed within the framework of concepts	Дискурсы и дискурсивное поле дальнейших исследований / Discourses and the discursive field of further research
Концепт риск-ориентированной цифровой модели налоговой политики	Нарратив превентивности, представляющий переход от реактивных административных мер к прогнозированию фискальных рисков на основе больших данных и ИИ. Нарратив фискальной прогнозируемости, формирующий представление о возможности точного моделирования налоговой базы. Нарратив минимизации неопределённости, согласно которому цифровые технологии позволяют снижать масштабы информационных асимметрий между государством и налогоплательщиками	Дискурс предиктивной аналитики; дискурс цифровой фискальной устойчивости; дискурс поведенческого моделирования налогоплательщиков; дискурс риск-ориентированного контроля; дискурс аналитической трансформации налоговой политики
Коммуникативно-когнитивный концепт цифрового налогового взаимодействия	Нарратив цифровой прозрачности, раскрывающий переход к открытому и постоянно доступному информационному обмену. Нарратив когнитивной доступности, анализирующий способность налогоплательщиков интерпретировать и понимать цифровые требования и алгоритмы. Нарратив цифровой ответственности, фиксирующий трансформацию распределения ролей и обязанностей в условиях автоматизации	Дискурс цифровой коммуникации; дискурс когнитивной архитектуры государственных сервисов; дискурс цифровой грамотности налогоплательщиков; дискурс открытости государственных данных; дискурс распределённой ответственности
Процессно-структурный концепт согласованности	Нарратив непрерывности цифрового контроля, подчёркивающий переход к мониторингу в реальном времени. Нарратив процессной оптимизации, описывающий снижение административных издержек и повышение точности. Нарратив функционального соответствия, предполагающий встроенность технологий в целевые установки налоговой политики	Дискурс цифрового мониторинга; дискурс архитектуры налоговых платформ; дискурс цифровой эффективности; дискурс структурной совместимости; дискурс процессной интеграции
Концепт цифровой эпистемологии данных	Нарратив достоверности цифровых данных, определяющий условия признания их релевантными и истинными. Нарратив эпистемологической состоятельности алгоритмов, рассматривающий способность моделей отражать реальную экономическую деятельность. Нарратив ограничения искажений, анализирующий риски ошибок, «шумов», предвзятости и алгоритмических артефактов	Дискурс эпистемологии данных; дискурс критериев цифровой истинности; дискурс верифицируемости цифровых следов; дискурс когнитивных рисков цифровизации; дискурс репрезентативности алгоритмов
Концепт устойчивости и фискальной безопасности цифровой налоговой системы	Нарратив цифровой устойчивости, сосредоточенный на способности цифровой инфраструктуры обеспечивать долгосрочную стабильность налогового управления. Нарратив фискальной защищённости, акцентирующий внимание на угрозах технологическим сбоям, кибератакам и системным рискам. Нарратив сбалансированности, анализирующий соотношение фискальных преимуществ цифровизации и сопутствующих расходов	Дискурс фискальной цифровой безопасности; дискурс стратегического управления цифровыми рисками; дискурс кибер-фискальной защиты; дискурс устойчивости государственных цифровых платформ; дискурс критической цифровой инфраструктуры

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

инноваций сталкивается с сопротивлением устоявшихся структур, нормативной инерцией и организационными ограничениями. В результате формируется дискурсивное поле, исследующее, насколько глубоко цифровизация способна изменить институциональную логику налогового администрирования.

Правовой концепт рациональности и технологической нейтральности формирует свою дискурсивную траекторию, в центре которой — дискурс цифрового правоприменения, призванный найти ответ на ключевой вопрос: могут ли цифровые данные и алгоритмические решения быть признаны юридически значимыми основаниями для налогового контроля и администрирования? Дискурс юридической интерпретации алгоритмов сосредоточен на правовой природе автоматизированных решений, механизмах проверки корректности их работы и установления ответственности за допущенные алгоритмические ошибки. В рамках дискурса нормативной определённости цифровых фактов анализируются подходы к регламентации цифровых следов как юридических доказательств. Дополняет эту рамку дискурс прозрачности алгоритмов, подчёркивающий необходимость доступности логики автоматизированных процедур для целей обеспечения законности, равенства и предсказуемости правоприменения. Таким образом, правовое дискурсивное поле раскрывает пределы и возможности интеграции цифровых механизмов в юридическую ткань налогового регулирования.

Риск-ориентированный концепт образует дискурс предиктивной аналитики, рассматривающий цифровизацию как инструмент прогнозирования налоговых рисков, поведения налогоплательщиков и динамики налоговой базы. Цифровые технологии трактуются как механизм интеллектуализации налоговой политики, позволяющий не реагировать на нарушения постфактум, а формировать превентивные управленческие решения. На этом основании развивается дискурс цифровой фискальной устойчивости, направленный на оценку влияния цифровых моделей на стабильность бюджетного процесса и качество управления доходами. Значимым является и дискурс поведенческого моделирования налогоплательщиков, в рамках которого изучаются поведенческие паттерны, предсказуемость реакции субъектов на изменения налоговых правил

и влияние цифровых интерфейсов на налоговую дисциплину. Формируется новое дискурсивное пространство, где налоговая политика рассматривается как система прогнозного управления, опирающаяся на алгоритмическую обработку больших данных.

Коммуникативно-когнитивный концепт формирует дискурс цифровой коммуникации, описывающий качественное изменение структуры взаимодействия между государством и налогоплательщиками. Цифровые технологии трансформируют каналы коммуникации, делая их более прозрачными, оперативными и доступными, но одновременно предъявляя новые когнитивные требования к налогоплательщикам. В связи с чем важным становится дискурс когнитивной архитектуры государственных сервисов, исследующий, насколько цифровые интерфейсы соответствуют возможностям восприятия и интерпретации информации пользователями. Существенную роль играет дискурс цифровой грамотности, определяющий уровень подготовки субъектов к взаимодействию с автоматизированными системами. Завершающим элементом в исследуемой группе является дискурс распределённой ответственности, отражающий перераспределение обязанностей в условиях автоматизации: часть нагрузки переносится на налогоплательщика, который должен корректно интерпретировать цифровые сигналы и соблюдать алгоритмические требования.

Процессно-структурный концепт задаёт дискурс цифрового мониторинга, в рамках которого цифровые технологии рассматриваются как инструменты непрерывного слежения за хозяйственными операциями в режиме реального времени. Предложенный подход трансформирует традиционные циклы налогового контроля, заменяя периодические проверки постоянным процессно-ориентированным наблюдением. Дополняет эту конструкцию дискурс архитектуры налоговых платформ, изучающий структурную организацию цифровых систем и их способность адаптироваться к растущему объёму данных и функциональным задачам. Дискурс цифровой эффективности анализирует соотношение издержек и результатов цифровизации, оценивая, насколько цифровые механизмы действительно увеличивают точность и снижают административные нагрузки. В совокупности данные направ-

ления раскрывают процессную природу цифровой трансформации налогового контроля.

Цифровая эпистемология данных формирует дискурс, исследующий критерии истины в цифровых налоговых системах. В центре внимания — дискурс эпистемологии цифровых данных, анализирующий основания признания цифровых следов, логов и алгоритмических выводов достоверными. На его основе развивается дискурс критериев цифровой истины, в рамках которого обсуждаются методы проверки, корректности, верифицируемости и репрезентативности данных. Существенным направлением является дискурс когнитивных рисков цифровизации, исследующий угрозы, связанные с ошибками алгоритмов, искажениями данных и недостатками моделей машинного обучения. Это дискурсивное пространство формирует методологическую базу для оценки качества данных и корректности цифрового налогового контроля.

Концепт устойчивости и фискальной безопасности образует дискурс фискальной цифровой безопасности, направленный на исследование способов защиты цифровых налоговых систем от киберугроз, технических сбоев и системных рисков. Дискурс стратегического управления цифровыми рисками анализирует долгосрочные механизмы обеспечения устойчивости цифровой инфраструктуры налогового администрирования. Параллельно развивается дискурс киберфискальной защиты, в котором изучаются модели предотвращения несанкционированного доступа, мошенничества и подмены данных. Важным становится дискурс устойчивости государственных цифровых платформ, направленный на оценку надёжности цифровых экосистем и их способности обеспечивать непрерывность фискальных процессов. Такое дискурсивное поле позволяет формировать системное понимание цифровой безопасности как важнейший дискурс составляющей фискальной устойчивости государства.

ВЫВОДЫ

Цифровая трансформация налогового контроля в Российской Федерации и Республике Таджикистан демонстрирует устойчивый переход к новым моделям фискального администрирования, основанным на применении больших данных, искусственного интеллекта, автоматизированных систем мониторинга и других

технологий цифрового уклада. Эти процессы позволяют значительно повысить аналитическую мощность налоговых органов, обеспечить непрерывность контроля, сократить временные лаги между хозяйственными операциями и их фискальной фиксацией, а также повысить прозрачность и доступность взаимодействия между государством и налогоплательщиками. Вместе с тем цифровизация выявляет ряд теоретико-методологических противоречий, связанных с необходимостью согласования технологической логики обработки данных с принципами налоговой политики, представляющими нормативно-ценностный фундамент налоговой системы. **Проведённый анализ показал, что успешное внедрение цифровых технологий требует не только развития технической инфраструктуры, но и формирования концептуальной рамки, позволяющей интегрировать цифровые инструменты в систему принципов законности, справедливости, нейтральности, прозрачности и предсказуемости.** Разработанные в исследовании теоретико-методологические концепты и соответствующие дискурсивные поля демонстрируют, что цифровизация неизбежно затрагивает аксиологические, институциональные, правовые, процессные и эпистемологические основания налогового контроля. Их согласование является ключевым условием повышения эффективности фискального администрирования и предотвращения рисков, связанных с алгоритмическими искажениями, правовой неопределённостью цифровых данных, снижением доверия к государственным цифровым платформам и нарушением баланса интересов государства и налогоплательщиков.

Результаты исследования создают основу для формирования новых подходов к проектированию цифровых систем налогового контроля, разработке стратегий цифровой трансформации налоговых органов и корректировке налоговой политики в условиях цифровой экономики. Предложенный контур концептов может быть использован для оценки рисков цифровизации, разработки регуляторных решений, формирования требований к цифровым платформам и алгоритмам, а также для научного обоснования программ модернизации фискального администрирования. Тем самым ис-

следование вносит вклад в развитие теории налоговой политики и цифрового государственного управления, определяя направления дальнейших научных поисков.

В дальнейших исследованиях на базе междисциплинарного подхода [22], включающего систему доминирующих концептов (концептосферу), предлагается:

- обосновать актуальные теоретические положения по реализации налогового администрирования в условиях цифровой трансформации социально-экономических и политических отношений (индивидуальный подход для достижения

согласованной позиции, возможный в условиях цифровой трансформации, полноценная индивидуализации, ориентированная на администрируемый субъект);

- уточнить и дополнить систему принципов и функций налогового администрирования;
- развить и актуализировать категориально-понятийный аппарат налогового контроля и администрирования в соответствии с уровнем его реализации в условиях цифровой трансформации и внедрения цифровых технологий, повлекших возникновение новых и многообразных феноменов и категорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Вишневский В. П. Цифровая экономика в условиях четвертой промышленной революции: возможности и ограничения. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2019;35(4):606-627.
Vishnevsky V. P. The digital economy in the context of the Fourth Industrial Revolution: Opportunities and limitations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2019;35(4):606-627. (In Russ.).
2. Джураева Г. А. Трансформация как способ повышения эффективности налоговой системы Республики Таджикистан. *Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет)*. 2025;87(1):84-93.
Juraeva G. A. Digital transformation as a way to increase the efficiency of the tax system in the Republic of Tajikistan. *Vestnik universiteta (Rossijsko-Tadzhikskij (Slavyanskij) universitet) = Bulletin of University (Russian-Tajik (Slavonic) University)*. 2025;87(1):84-93. (In Russ.).
3. Солехзода А. М. Направления модернизации систем налогового администрирования в условиях применения современных информационных технологий. *Вестник НГУЭУ*. 2019;2:155-161.
Solehzoda A. M. Directions of modernization of systems of tax administration in the conditions of application of modern information technologies. *Vestnik NGUEU = Vestnik NSUEM*. 2019;2:155-161. (In Russ.).
4. Вишневский В. П., Гончаренко Л. И., Дементьев В. В., Гурнак А. В. Принципы налогообложения для цифровой экономики. *Terra Economicus*. 2022;20(2):59-71.
Vishnevsky V. P., Goncharenko L. I., Dementyev V. V., Gurnak A. V. The principles of taxation for digital economy. *Terra Economicus*. 2022;20(2):59-71. (In Russ.).
5. Bogachov S. V., Vishnevsky V. P., Gurnak A. V., Nekliudova V. D. Modern tax trends and economic growth in a turbulent world: Insights from developed and developing economies. *Journal of Tax Reform*. 2024;10(1):63-83.
6. Адвокатова А. С. Налоговый контроль в условиях модификации отношений налоговых органов и налогоплательщиков. Монография. Москва: Русайнс; 2020. 190 с.
Advokatova A. S. Tax control in the context of modification of relations between tax authorities and taxpayers. Monograph. M.: Rusajns; 2020. 190 p. (In Russ.).
7. Адвокатова А. С. Развитие моделей налогового контроля как фактора снижения уровня теневых экономических процессов в условиях цифровизации. *Экономика. Право*. 2018;11(5):136-145.
Advokatova A. S. Development of tax control models as a factor reducing the level of shadow economic processes under digitalization conditions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2018;11(5):136-145. (In Russ.).
8. Вифлеемский А. Б. О негативных последствиях цифровизации налоговой системы. *Журнал «Бюджет»*. 2022;6(234):57-59.
Bethlehem A. B. On the negative consequences of the tax system digitalization. *Zhurnal "Byudzhet" = Journal "Budget"*. 2022;6(234):57-59. (In Russ.).

9. Гнеушева Т.Б. Налоговые правоотношения в условиях цифровой трансформации общества. *Современная научная мысль*. 2025;4:191-195.
Gneusheva T.B. Tax relations in the context of digital transformation of society. *Sovremennaya nauchnaya mysl' = Modern scientific thought*. 2025;4:191-195. (In Russ.).
10. Стельмахова Н.В. Цифровизация налоговых отношений: зарубежная практика. Форсайт инновационного развития экономики в условиях цифровизации. Монография. Донецк: ГБУ «Институт экономических исследований»; 2022:120-134.
Stelmakhova N.V. Digitalization of tax relations: Foreign practice. Foresight of innovative development of the economy in the context of digitalization. Monograph. Donetsk: State Budgetary Institution "Institute of Economic Research"; 2022:120-134. (In Russ.).
11. Цифровые технологии налогового администрирования. Монография. Майбуров И.А., Иванов Ю.Б., ред. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2019: 263 с.
Digital technologies in tax administration. Monograph. Mayburov I.A., Ivanov Yu.B., eds. M.: UNITY-DANA; 2019:263 p. (In Russ.).
12. Артамонова М.К. Налоговый контроль в условиях цифровой экономики. Проблемы и перспективы развития современной России: мнения нового поколения. Труды Всероссийской научно-практической конференции. Брянск; 2023:65-66.
Artamonova M.K. Tax control in the digital economy. Problems and development prospects of modern Russia: Opinions of the new generation. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Bryansk; 2023:65-66. (In Russ.).
13. Алексахина С.А., Горшкова А.А., Озерова Н.А., Нохтуева Е.Н. Цифровизация налогового администрирования как инструмент повышения эффективности налоговой политики. *Экономика, предпринимательство и право*. 2024;14(12):7079-7094.
Aleksakhina S.A., Gorshkova A.A., Ozerova N.A., Nokhtueva E.N. Digitalization of tax administration as a tool for increasing the efficiency of tax policy. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2024;14(12):7079-7094. (In Russ.).
14. Кубатиева Л.М., Мамасурова Ф.Х. Информатизация налоговых органов и применение цифровых технологий в сфере налогового администрирования. *Аудиторские ведомости*. 2023;2:149-152.
Kubatueva L.M., Mamasurova F. Kh. Informatization of tax authorities and the use of digital technologies in tax administration. *Auditorskije vedomosti = Audit reports*. 2023;2:149-152. (In Russ.).
15. Гончаренко, Л.И., Богачев С.В. Налоговое администрирование как важный фактор обеспечения улучшения собираемости налогов. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(6):140-151.
Goncharenko L.I., Bogachev S.V. Tax administration as an important factor in improving tax collection. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(6):140-151. (In Russ.).
16. Bass J. Digitalization and Taxation. In: Gupta S., Keen M., Shah A., Verdier G., eds. Digital revolutions in public finance. Washington, DC: International Monetary Fund; 2017:25-56.
17. Махмаризозода Б.М. Такмили андозбандии муассисаҳои таҳсилоти олии касбӣ дар шароити иқтисодӣ рақамӣ. *Паёми Донишгоҳи давлатии тиҷорати Тоҷикистон*. 2025;56(1). (In Tajik.).
18. Гончаренко Л.И., Адвокатова А.С., Батарин А.А. Идентификация обязанности фиксации расчетов в системе налоговых правоотношений. *Экономика. Налоги. Право*. 2022;15(2):156-166.
Goncharenko L.I., Advokatova A.S., and Batarin A.A. Identification of the obligation to fix calculations in the system of tax relations. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 15(2):156-166. (In Russ.).
19. Гончаренко Л.И., Адвокатова А.С., Батарин А.А. Уклонение от налогообложения в сфере торговли на розничных рынках: причины и пути преодоления. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(1):119-132.
Goncharenko L.I., Advokatova A.S., Batarin A.A. Trade tax evasion in retail markets: Causes and ways to overcome. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(1):119-132. (In Russ.).
20. Кремповая Н.Л. Налоговый паспорт как элемент налогового администрирования. Институт финансово-кредитных отношений в условиях рыночных трансформаций. Сборник статей научно-практических семинаров кафедры государственных финансов и банковского дела Института эко-

номики и управления (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского». Вып. 3. Симферополь; 2015:26-28.

Krempovaia N. L. Tax passport as an element of tax administration. Institute of financial and credit relations in the context of market transformations. Collection of articles from scientific and practical seminars of the Department of Public Finance and Banking at the Institute of Economics and Management (Subdivision) of the Vernadskiy Crimean Federal University. Issue 3. Simferopol; 2015:26-28. (In Russ.).

21. Гончаренко Л. И., Краюшкин К. Д. Эволюция содержательного наполнения сервисной функции налоговых органов. *Управленческие науки*. 2024;14(2):51-63.
Goncharenko L. I., Krayushkin K. D. Evolution of the content of the service function of the tax authorities. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences*. 2024;14(2):51-63. (In Russ.).
22. Уклонение от уплаты налогов юридическими лицами. Проблемы и перспективы противодействия. Монография. Майбуров И. А., ред. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2025. 303 с.
Tax evasion by legal entities. Issues and prospects of counteraction. Monograph. Mayburov I. A., ed. M.: UNITY-DANA; 2025. 303 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Аюбджон Маруф Солехзода — кандидат экономических наук, первый заместитель председателя Налогового комитета при Правительстве Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан
Ayubjon M. Solehzoda — Cand. Sci. (Econ.), First Deputy Chairman, Tax Committee under the Government of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan
<https://orcid.org/0009-0008-6767-003X>
ayubjon.solekhzoda@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.11.2025; принята к публикации 15.01.2026.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 25.11.2025; accepted for publication 15.01.2026.
The author read and approved the final version of the manuscript.